ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ «НОВОЙ НАУКИ»

Сборник статей
по итогам
Международной научно-практической конференции
14 мая 2026 г.

Стерлитамак, Российская Федерация
Агентство международных исследований
Agency of international research
2026

УДК 00(082) + 001.18 + 001.89
ББК 94.3 + 72.4: 72.5
Т 338

Т 338 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ «НОВОЙ НАУКИ»: Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции (Казань, 14 мая 2026 г.). - Стерлитамак: АМИ, 2026. - 398 с.

ISBN 978-5-908102-54-4

Сборник статей подготовлен на основе докладов Международной научно-практической конференции «ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ «НОВОЙ НАУКИ»», состоявшейся 14 мая 2026 г. в г. Казань.

Научное издание предназначено для докторов и кандидатов наук различных специальностей, преподавателей вузов, докторантов, аспирантов, магистрантов, практикующих специалистов, студентов учебных заведений, а также всех, проявляющих интерес к рассматриваемой проблематике с целью использования в научной работе, педагогической и учебной деятельности.

Авторы статей несут полную ответственность за содержание статей, за соблюдение законов об интеллектуальной собственности и за сам факт их публикации. Редакция и издательство не несут ответственности перед авторами и / или третьими лицами и / или организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Полнотекстовая электронная версия сборника размещена в свободном доступе на сайте https: // ami.im

Издание постатейно размещёно в научной электронной библиотеке elibrary.ru по договору № 1152 - 04 / 2015К от 2 апреля 2015 г.

ISBN 978-5-908102-54-4
УДК 00(082) + 001.18 + 001.89
ББК 94.3 + 72.4: 72.5

© ООО «АМИ», 2026
© Коллектив авторов, 2026

Ответственный редактор:

Сукиасян Асатур Альбертович, к.э.н.

В состав редакционной коллегии и организационного комитета входят:

Абдуллин Тимур Зуфарович, к.т.н.
Абидова Гулмира Шухратовна, д.т.н.
Авазов Сардоржон Эркин угли, д.с. - х.н.
Агафонов Юрий Алексеевич, д.м.н.
Алейникова Елена Владимировна, д.гос.упр.
Алиев Закир Гусейн оглы, д.фил.агр.н.
Андрейчев Алексей Владимирович, к.б.н.
Бабаян Анжела Владиславовна, д.пед.н.
Баишева Зиля Вагизовна, д.фил.н.
Байгузина Люза Закиевна, к.э.н.
Булатова Айсылу Ильдаровна, к.соц.н.
Бурак Леонид Чеславович, к.т.н., PhD
Ванесян Ашот Саркисович, д.м.н.
Васильев Федор Петрович, д.ю.н., член РАЮН
Вельчинская Елена Васильевна, д.фарм.н.
Виневская Анна Вячеславовна, к.пед.н.
Габрусь Андрей Александрович, к.э.н.
Галимова Гузалия Абкадировна, к.э.н.
Гетманская Елена Валентиновна, д.пед.н.
Гимранова Гузель Хамидулловна, к.э.н.
Григорьев Михаил Федосеевич, д.с. - х.н.
Грузинская Екатерина Игоревна, к.ю.н.
Гулиев Игбал Адилевич, к.э.н.
Датий Алексей Васильевич, д.м.н.
Долгов Дмитрий Иванович, к.э.н.
Дусматов Абдурахим Дусматович, к. т. н.
Ежкова Нина Сергеевна, д.пед.н.,
Екшикеев Тагер Кадырович, к.э.н.
Епхиева Марина Константиновна, к.пед.н.
Ефременко Евгений Сергеевич, к.м.н.
Закиров Мунавир Закиевич, к.т.н.
Зарипов Хусан Баходирович, PhD.
Иванова Нионила Ивановна, д.с. - х.н.
Калужина Светлана Анатольевна, д.х.н.
Канарейкин Александр Иванович, к.т.н.
Касимова Дилара Фаритовна, к.э.н.
Киракосян Сусана Арсеновна, к.ю.н.
Киркимбаева Жумагуль Слямбековна, д.вет.н.
Кленина Елена Анатольевна, к.филос.н.
Клещина Марина Геннадьевна, к.э.н.,
Козлов Юрий Павлович, д.б.н.,
Кондрашихин Андрей Борисович, д.э.н.
Конопацкова Ольга Михайловна, д.м.н.
Куликова Татьяна Ивановна, к.псих.н.
Курбанаева Лилия Хамматовна, к.э.н.
Курманова Лилия Рашидовна, д.э.н.
Ларионов Максим Викторович, д.б.н.
Малышкина Елена Владимировна, к.и. н.
Маркова Надежда Григорьевна, д.пед.н.
Мещерякова Алла Брониславовна, к.э.н.
Мухамадеева Зинфира Фанисовна, к.соц.н.
Мухамедова Гулчехра Рихсибаевна, к.пед.н.
Набиев Тухтамурод Сахобович, д.т.н.
Нурдавлятова Эльвира Фанизовна, к.э.н.
Песков Аркадий Евгеньевич, к.полит.н.
Половеня Сергей Иванович, к.т.н.
Пономарева Лариса Николаевна, к.э.н.
Почивалов Александр Владимирович, д.м.н.
Прошин Иван Александрович, д.т.н.
Равшанов Махмуд, д.филол. н.
Саттарова Рано Кадыровна, к.биол.н.,
Сафина Зиля Забировна, к.э.н.
Симонович Надежда Николаевна, к.псих. н.
Симонович Николай Евгеньевич, д.псих. н.
Сирик Марина Сергеевна, к.ю.н.
Смирнов Павел Геннадьевич, к.пед.н.
Старцев Андрей Васильевич, д.т.н.
Танаева Замфира Рафисовна, д.пед.н.
Терзиев Венелин Кръстев, д.э.н., член РАЕ
Трифонова Елена Николаевна, к.э.н.
Умаров Бехзод Тургунпулатович, д.т.н.
Хайров Расим Золимхон углы, к.пед.н.
Хамзаев Иномжон Хамзаевич, к. т. н.
Хасанов Сайдинаби Сайдивалиевич, д.с. - х.н.
Чернышев Андрей Валентинович, д.э.н.
Чиладзе Георгий Бидзинович, д.э.н., д.ю.н.
Шилкина Елена Леонидовна, д.соц.н.
Шкирмонтов Александр Прокопьевич, д.т.н.
Шляхов Станислав Михайлович, д.физ. - мат.н.
Шошин Сергей Владимирович, к.ю.н.
Юсупов Рахимьян Галимьянович, д.и. н.
Яковишина Татьяна Федоровна, д.т.н.
Янгиров Азат Вазирович, д.э.н.
Яруллин Рауль Рафаэллович, д.э.н., член РАЕ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАУКИ

GEOGRAPHICAL SCIENCES

Хомутов К. А.
магистрант направления «Картография и геоинформатика»,
Казанский (Приволжский) Федеральный Университет,
г. Казань, Россия
Научный руководитель: Пудовик Е. М.
кандидат географических наук, доцент
заведующий кафедрой географии и картографии
Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Россия

АТЛАСНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЕБ - КАРТОГРАФИРОВАНИЯ И ПРОСТРАНСТВЕННОГО АНАЛИЗА

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена необходимостью создания муниципальных геоинформационных ресурсов. Целью работы является разработка атласной информационной системы Благовещенского района Республики Башкортостан. В исследовании использованы методы геоинформационного картографирования и веб - публикации пространственных данных. В результате создана интерактивная атласная система, предназначенная для пространственного анализа территории. Полученные результаты могут применяться в муниципальном управлении и образовательной деятельности.

Ключевые слова

ГИС, атласная информационная система, веб - картография, муниципальное управление, пространственный анализ, QGIS, Leaflet.

Введение

Развитие геоинформационных технологий способствует активному внедрению цифровых картографических систем в сферу территориального управления и пространственного анализа. Одним из наиболее перспективных направлений является создание атласных информационных систем (АИС), объединяющих картографические материалы, базы данных и инструменты веб - визуализации.

На муниципальном уровне подобные системы позволяют анализировать природные, демографические и инфраструктурные особенности территории, а также обеспечивать открытый доступ к пространственным данным.

Целью исследования является разработка атласной информационной системы Благовещенского района Республики Башкортостан и оценка возможностей её применения для пространственного анализа.

Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: – сбор и обработка пространственных данных; – создание тематических карт; – публикация

интерактивных веб - карт; – анализ практического применения разработанной системы.

Материалы и методы исследования

Основой исследования послужили пространственные и статистические данные о территории Благовещенского района Республики Башкортостан. В качестве картографической основы использовались данные OpenStreetMap, а также статистические материалы Росстата и муниципальных информационных ресурсов.

Разработка атласной информационной системы осуществлялась в среде QGIS. Пространственные данные были приведены к единой системе координат EPSG:4326 (WGS 84).

Создание АИС включало: – сбор и обработку пространственных данных; – формирование тематических карт; – экспорт карт в веб - формат с использованием плагина QGIS2Web; – публикацию интерактивных карт средствами GitHub Pages.

Для веб - визуализации применялись библиотеки Leaflet и OpenLayers.

Результаты исследования

Формирование структуры атласной информационной системы

В результате исследования была разработана атласная информационная система Благовещенского района Республики Башкортостан, включающая несколько тематических блоков: – общегеографический; – природный; – демографический; – инфраструктурный; – социально - экономический.

Организация информации по тематическим разделам обеспечивает удобную навигацию и проведение пространственного анализа территории (рис. 1).

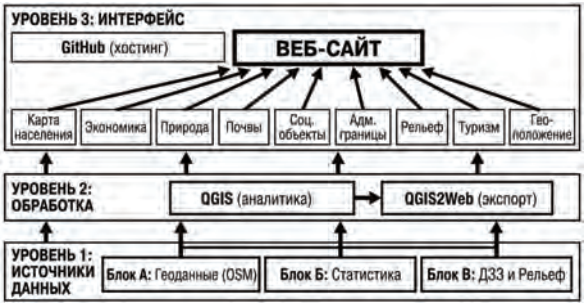

Рисунок 1 – Структура созданной атласной информационной системы

Тематическое картографирование территории

В ходе работы были созданы тематические карты, отражающие особенности территории Благовещенского района.

К основным картографическим материалам относятся: – карта населённых пунктов; – карта транспортной инфраструктуры; – физическая карта района; – карты демографических показателей; – карты социальной инфраструктуры.

Для публикации тематических карт использовалась библиотека Leaflet (рис. 2), обеспечивающая интерактивное отображение пространственных данных.

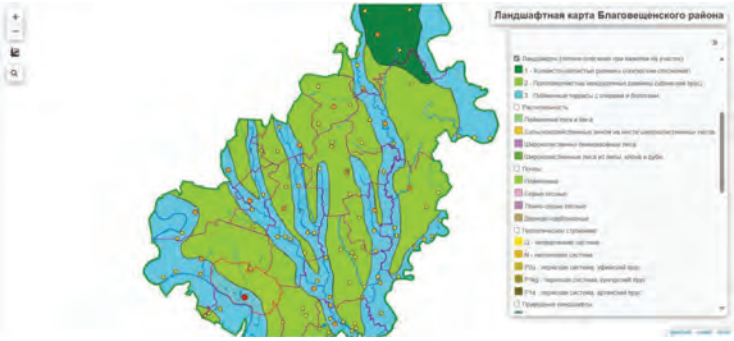

Рисунок 2 - Пример тематической веб - карты в составе АИС

Публикация и практическое применение АИС

Созданная атласная информационная система опубликована в сети Интернет в формате интерактивного веб - ресурса.

Функциональные возможности системы включают: – управление тематическими слоями; – изменение масштаба отображения; – просмотр атрибутивной информации; – навигацию по территории.

Разработанная АИС может использоваться в образовательной деятельности, муниципальном управлении и территориальном планировании.

Заключение

В ходе исследования была разработана атласная информационная система Благовещенского района Республики Башкортостан, включающая интерактивные тематические веб - карты и пространственную базу данных.

Использование QGIS, QGIS2Web и Leaflet позволило создать доступный картографический ресурс, предназначенный для пространственного анализа и визуализации территориальной информации.

Разработанная система может применяться в сфере муниципального управления, образовательной деятельности и территориального планирования. Перспективы дальнейшего развития связаны с расширением тематического содержания и автоматизацией обновления данных.

Список использованной литературы:

1. Берлянт А.М. Геоинформационное картографирование. М.: Астрея, 1997. 64 с.

2. Голицын Г.А. Геоинформационные системы и технологии: учебное пособие. М.: КноРус, 2021. 192 с.

3. Дашпилов Ц.Б. Геоинформационное картографирование транспорта в атласной информационной системе Байкальского региона // Геодезия и картография. 2010. № 4. С. 89–94.

4. Капралов Е.Г., Кошкарев А.В., Тикунов В.С. Геоинформатика: учебник для вузов. М.: Академия, 2010. 512 с.

5. Лепихина О.Ю., Мартынов В.Н., Федотов А.В. Геоинформационные системы и технологии: учебное пособие. Пермь: ПГНИУ, 2017. 145 с.

6. Ормелинг Ф. Атласные информационные системы и картография // Геодезия и картография. 2003. № 4. С. 23–29.

7. Симакова А.С. Атласная информационная система как средство хранения различных открытых баз данных для повышения эффективности процессов землеустройства // Молодой ученый. 2022. № 15. С. 10–13.

8. Хурни Л. Мультимедийная атласная информационная система // Encyclopedia of GIS. New York: Springer, 2008. С. 760–765.

9. Яблоков В.М. Атласные информационные системы для устойчивого развития территорий. М.: Географический факультет МГУ, 2013. 120 с.

10. QGIS Geographic Information System. Open Source Geospatial Foundation Project. URL: https: // qgis.org (дата обращения: 09.05.2026).

11. Leaflet — JavaScript Library for Interactive Maps. URL: https: // leafletjs.com (дата обращения: 09.05.2026).

12. OpenStreetMap. URL: https: // www.openstreetmap.org (дата обращения: 09.05.2026).

© Хомутов К.А., 2026

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ

PHYSICS AND MATHEMATICS

Ахмадуллина Э.И.
бакалавр 3 курса КФУ,
г. Казань, РФ
Научный руководитель: Попов А.А,
Доктор физ. - мат. наук, доцент, КФУ
г. Казань, РФ

ГЕОДЕЗИЧЕСКИЕ НА ТОРЕ

Аннотация
В работе решена задача об отыскании геодезических линий на торе
Ключевые слова
Ключевые слова: геодезические линии, первая квадратичная форма, двумерный тор.

Akhmadullina E.I.
3rd - year Bachelor's student of KFU,
Kazan, Russia
Scientific supervisor: Popov A.A.,
Dr. Sci. (Phys. - Math.), Associate Professor, KFU,
Kazan, Russia

GEODESIC ON A TORUS

Annotation
This paper solves the problem of finding geodesic lines on a torus
Keywords
Keywords: geodesic lines, first fundamental form, two - dimensional torus.

Геодезические линии в искривленном пространстве описываются уравнениями (см., напр., гл. VIII.4 [1]):

$$\frac{d^2x^i}{ds^2} + \Gamma^i_{jk}\frac{dx^j}{ds}\frac{dx^k}{ds} = 0, \#(1)$$

Будем использовать следующие координаты на торе:

$$x^1 = (a + b\cos(\psi))\cos(\varphi),$$
$$x^2 = (a + b\cos(\psi))\sin(\varphi), \#(2)$$
$$x^3 = b\sin(\psi)),$$

где x^1, x^2, x^3 – это декартовы координаты трехмерного евклидового пространаства, а $\varphi \in [0,2\pi), \psi \in (-\pi, \pi]$ это координаты на торе. Первая квадратичная форма такого пространства имеет вид:

$$ds^2 = (a + bcos(\psi))^2 d\varphi^2 + b^2 d\psi^2 \#(3)$$

В указанных координатах уравнения геодезических линий имеют вид:

$$\frac{d^2\varphi(s)}{ds^2} - \frac{2b\sin(\psi)}{a+b\cos\psi}\frac{d\psi(s)}{ds}\frac{d\varphi(s)}{ds} = 0\,,\#(4)$$

$$\frac{d^2\psi(s)}{ds^2} + \frac{(a+b\cos(\psi))\sin(\psi)}{b}\left(\frac{d\varphi(s)}{ds}\right)^2 = 0\,.\#(5)$$

Одно из уравнений может быть легко проинтегрировано, после чего оно приобретает вид:

$$\frac{d\varphi}{ds} = \frac{L}{(a+b\cos\psi)^2}\,,\#(6)$$

где L это первый интеграл. После подстановки этого уравнения в [5], второе уравнение приобретает вид:

$$\frac{d^2\psi(s)}{ds^2} + \frac{L^2\sin(\psi(s))}{b(a+b\cos(\psi(s)))^3} = 0\,.\#(7)$$

К системе уравнений может быть добавлено соотношение нормировки (см. гл. VIII [1]):

$$1 = g_{i\,j}\frac{dx^i}{ds}\frac{dx^j}{ds} = b^2\left(\frac{d\psi}{ds}\right)^2 + (a+b\cos(\psi))^2\left(\frac{d\varphi}{ds}\right)^2\,.\#(8)$$

После подстановки [6] это уравнение приобретает вид:

$$b^2\left(\frac{d\psi}{ds}\right)^2 + \frac{L^2}{(a+b\cos\psi)^2} = 1\,.$$

Дальнейшее решение разбивается на два случая, где

$$\frac{L^2}{(a+b\cos\psi)^2} > 1$$

1. Геодезические совершают колебания между двумя параллелями $\psi = \psi_1$ и $\psi = \psi_2$, не охватывая внутреннюю область тора.

$$\frac{L^2}{(a+b\cos\psi)^2} \le 1$$

2. Геодезические свободно изменяют координату ψ на всём диапазоне $[-\pi, \pi]$, равномерно наматываясь на тор и охватывая его отверстие.

Таким образом, поведение геодезической линии на торе качественно зависит от значения константы L, которая определяет, будет ли движение ограниченным или свободным по меридиану.

Список использованной литературы:

1. Махальцев М.А., Фомин В.Е. Задачи и упражнения по курсу дифференциальной геометрии и топологии. Ч. 2: метод. пособие. Казань: Изд - во КГУ, 2008. 56 с.

2. Мищенко А.С., Фоменко А.Т. Курс дифференциальной геометрии и топологии. М.: Изд - во МГУ, 1980. 440 с.

3. Норден А.П. Краткий курс дифференциальной геометрии. М.: ГИФМЛ, 1958. 244 с.

4. Рашевский П.К. Курс дифференциальной геометрии. М.: ГИТТЛ, 1956.

© Ахмадуллина Э.И., Попов А.А., 2026

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

MEDICAL SCIENCES

Иванов О. В., соискатель кафедры анатомии человека,
Красноярский государственный медицинский университет
им. проф. В.Ф. Войно - Ясенецкого Минздрава России, г. Красноярск.
Медведева Н. Н., д.м.н., профессор кафедры анатомии человека,
Красноярский государственный медицинский университет
им. проф. В.Ф. Войно - Ясенецкого Минздрава России, г. Красноярск.

ОСОБЕННОСТИ СТРОЕНИЯ ЗАТЫЛОЧНЫХ КОСТЕЙ У МУЖЧИН

Актуальность

Анатомические особенности затылочной кости важны при планировании хирургического доступа к задней черепной ямке.

Цель

Изучить особенности строения и минеральной плотности затылочных костей у мужчин в зависимости от формы черепа.

Материалы и методы

Выполнен КТ - анализ затылочной кости у 80 мужчин I периода зрелого возраста.

Результаты

У долихокранов толщина затылочной кости составила 5,91 [5,10; 6,29] мм, что сопоставимо с показателями у мезокранов (5,71 [4,74; 6,44] мм) и брахикранов (5,53 [4,70; 6,54] мм.), статистически значимых различий нет (p=0,946). Наружная пластинка затылочной кости в 1,2–1,7 раза толще внутренней и на 126 - 312 HU плотнее.

Форма черепа не влияет на толщину затылочной кости. Наружная кортикальная пластинка характеризуется большей плотностью по сравнению с внутренней при любой форме черепа (p=0,001). У долихокранов плотность наружной пластинки наибольшая и составляет 1553 [1349;1670] HU, у брахикранов наименьшая

Выводы

1. Общая толщина затылочной кости, толщина внутренней пластинки и плотность обеих её пластинок не зависят от формы черепа (p=0,001).
2. Наружная пластинка затылочной кости толще и плотнее внутренней независимо от формы черепа (p=0,001).
3. Наружная пластинка затылочной кости у долихокранов толще, чем у брахикранов (p1 - 3=0,046).

Ключевые слова

Затылочная кость, форма черепа, морфометрия.

Актуальность

Реконструктивная хирургия дефектов черепа остается актуальной проблемой в связи с высоким уровнем травматизма в городских условиях. Черепно - мозговая травма в ряде случаев требует хирургического лечения и сопровождаются формированием костных дефектов, требующих реконструктивной краниопластики

для защиты головного мозга и устранения косметического дефекта [1, с.45]. Дефекты затылочной кости, по нашим данным, встречаются как правило в сочетании с дефектами теменной и височной костей. Из 76 случаев дефектов костей свода черепа, только в 5 случаях была вовлечена чешуя затылочной кости. А.А. Заварзин с соавторами выявил, что наибольший риск переломов затылочной кости при падении имеют долихокраны. В этой группе наблюдались переломы у 70 % обследуемых [2, с.131]. Эти наблюдения подчеркивают важность исследований особенностей строения костей черепа с учетом его формы.

Цель исследования: изучить особенности строения и минеральной плотности затылочной кости у мужчин в зависимости от формы черепа.

Материалы и методы

Проведен анализ компьютерных томограмм 80 мужчин первого периода зрелого возраста (22–35 лет), обращавшихся за медицинской помощью в КГБУЗ «Красноярская межрайонная клиническая больница скорой медицинской помощи имени Н.С. Карповича» и не имеющих патологии костей черепа. Обследуемые были разделены на группы в зависимости от формы черепа: долихокраны, мезокраны и брахикраны. Анализ томограмм и краниометрия проведены в программе для просмотра изображений DICOM Radiant Viewer. Оценивались краниометрические параметры (общая толщина кости, толщина наружной и внутренней пластинок в мм) и денситометрические характеристики (в единицах Хаунсфилда, HU). Статистическая обработка проводилась методами непараметрической статистики с использованием критериев Краскела - Уоллиса, Манна - Уитни и Вилкоксона. Данные представлены в виде медианы и интерквартильного размаха Me [Q1; Q3].

Результаты исследования

Анализ краниометрических характеристик затылочной кости, показал, что у долихокранов медиана толщины затылочной кости составила 5,91 [5,10; 6,29] мм, что сопоставимо с показателями у мезокранов (5,71 [4,74; 6,44] мм) и брахикранов (5,53 [4,70; 6,54] мм.). Таким образом, общая толщина затылочной кости в областях измерения остается относительно стабильной для всех форм черепа (p=0,946).

Толщина наружной и внутренней пластинок варьирует, вместе с этим статистически значимых различий между формами черепа выявлено не было. Для долихокранной формы медиана толщины наружной пластинки составила 2,28 [1,56; 2,42] мм, тогда как у мезокранных черепов – 1,81 [1,43; 2,25] мм, а у брахикранных – 1,51 [1,42; 2,04] мм. (p=0,095). Аналогичная картина наблюдается и для внутренней пластинки: медиана толщины при долихокранной форме черепа составила 1,34 [1,12; 1,53] мм, при мезокранной – 1,28[1,06; 1,69] мм, при брахикранной – 1,24 [1,06; 1,48] мм (p=0,872), что указывает на близкие величины при всех вариантах формы черепа.

При оценке рентгеновской плотности пластинок затылочной кости также не было обнаружено статистически значимых различий между исследуемыми

группами. Плотность наружной пластинки при долихокранной форме черепа составила 1553 HU [1349; 1670], при мезокранной – 1486 HU [1390; 1775], при брахикранной – 1474 HU [1386; 1703] (p=0,672). Для внутренней пластинки значения медианы плотности находились на уровне 1241 [1153; 1545] HU у долихокранных, 1360 [1176; 1557] HU у мезокранных и 1227 [995; 1448] HU у брахикранных форм черепа (p=0,502). Прослеживается тенденция к уменьшению толщины наружной пластинки в направлении от долихокранов к брахикранам. Парное сравнение долихокранов с брахикранами оказалось статистически значимым (p1 - 3=0,046). Сравнения долихокранов с мезокранами (p=0,093) и мезокранов с брахикранами (p=0,663) различий не выявили. Толщина внутренней пластинки очень близка во всех группах, межгрупповые различия отсутствуют (p=0,872; все парные сравнения p> 0,05).

Во всех трёх группах независимо от формы черепа наружная пластинка затылочной кости статистически значимо толще и плотнее внутренней (p=0,001). Наружная пластинка затылочной кости в 1,2–1,7 раза толще внутренней (наибольшая разница у долихокранов: 2,28 мм против 1,34 мм); наружная пластинка на 126–312 HU плотнее внутренней (Таблица № 1).

Таблица 1 – Краниометрическая характеристика затылочной кости

Измеряемый параметр		Форма черепа			Критерий Краскела Уоллиса, p
		Долихокранная	Мезокранная	Брахикранная	
Толщина затылочной кости, Me[Q1;Q3] мм	-	5,91 [5,1;6,29]	5,71 [4,74;6,44	5,53 [4,7;6,54]	0,946
Толщина наружной пластинки, Me[Q1;Q3] мм	1	2,28 [1,56;2,42	1,81 [1,43;2,25]	1,51 [1,42;2,04]	0,095
Толщина внутренней пластинки, Me[Q1;Q3] мм	2	1,34 [1,12;1,53]	1,28 [1,06;1,69]	1,24 [1,06;1,48]	0,872
Плотность наружной пластинки, Me[Q1;Q3] HU	3	1553 [1349;1670]	1486 [1390;1775]	1474 [1386;1703]	0,672
Плотность внутренней пластинки, Me[Q1;Q3] HU	4	1241 [1153;1545]	1360 [1176;1557]	1227 [995;1448]	0,502

Критерий Вилкоксона, p	-	p_{1-2}=0,001 p_{3-4}=0,001	p_{1-2}=0,001 p_{3-4}=0,001	p_{1-2}=0,001 p_{3-4}=0,001	-

Источник: разработано автором.

Плотность наружной пластинки затылочной кости статистически значимо больше, чем внутренней при любой форме черепа (p=0,001). У долихокранов плотность наружной пластинки наибольшая, у брахикранов наименьшая. Выявлена устойчивая закономерность: **наружная кортикальная пластинка отличается от внутренней как по толщине, так и по плотности**, независимо от формы черепа. Затылочная кость демонстрирует наиболее выраженную структурно - функциональную асимметрию среди всех костей свода черепа. Это обусловлено принципиально различными нагрузками на её слои: наружная пластинка испытывает мощную тягу со стороны затылочной мускулатуры, апоневротического шлема, а также участвует в защите от внешних воздействий — отсюда её утолщение и максимальная минерализация; внутренняя пластинка контактирует с мозжечком, затылочными долями мозга, синусами твёрдой мозговой оболочки и подвергается лишь умеренной гидродинамической нагрузке — этим объясняются её меньшая толщина и плотность.

Таким образом, общая толщина затылочной кости, толщина внутренней пластинки и плотность обеих пластинок не зависят от формы черепа (p по критерию Краскела–Уоллиса >0,05). Эти параметры являются устойчивыми морфологическими характеристиками затылочной кости, отражающими её универсальную опорно - защитную функцию. Толщина наружной пластинки: у долихокранов статистически значимо больше, чем у брахикранов (p1 - 3=0,046). Это объясняется большей биомеханической нагрузкой на задний полюс черепа со стороны затылочной мускулатуры при удлинённой форме черепа. Для затылочной кости характерна выраженная и универсальная асимметрия между наружной и внутренней пластинками, выявленная по критерию Вилкоксона (p=0,001) во всех группах. Наружная пластинка достоверно толще и плотнее внутренней независимо от формы черепа. Эта асимметрия является морфологической чертой затылочной кости и отражает фундаментальное различие функциональных нагрузок на её наружную и внутреннюю поверхности. Плотность наружной пластинки затылочной кости стабильно высока (1513 [1388;1709] HU) во всех группах — это самые высокие денситометрические показатели среди всех костей свода черепа (для сравнения: лобная — 1409 [1257;1701] HU, теменная — 1372 [1252,5;1463,5] HU).[2, с.91] Наружная пластинка затылочной кости несёт максимальную механическую нагрузку, как место прикрепления мышц шеи и спины (трапециевидной, ременной, глубоких мышц шеи) а также участвует в защите задней черепной ямки. Высокая минерализация является её универсальной структурной характеристикой и не зависит от формы черепа.

Обсуждение

А.А. Заварзин с соавторами считает, что затылочная кость черепа долихокраниальной формы более подвержена повреждению при воздействии травматического агента большой площади, ключевым показателем при этом является увеличение сфенобазилярного угла. В нашем исследовании мы выяснили, что затылочная кость долихокранов толще и пластинки имеют большую плотность, это не является основным фактором, указывающим на меньшую вероятность переломов [3, с.131]. Согласно данным W. Guo с соавторами, денситометрические характеристики кортикальных пластинок существенно варьируют в зависимости от локализации, возраста и пола [4, с.15541]. В исследовании А.А. Заварзина и соавторов не было деления пациентов по половому и возрастному признаку, это усредняет выводы и делает их частично применимыми к нашей группе обследуемых [3, с.131].

В ряде исследований авторами было показано редкое изолированное повреждение внутренней пластики затылочной кости, однако разделение обследуемых по форме черепа и полу не проводилось [5, с.599; 6, с.67]. T. Morita и соавторы указали на важность исследования толщины костей черепа перед операцией, требующей использования фиксирующих винтов, для подбора их длины [7, с.254]. В исследовании Л.А. Мантулиной и соавторов определены линейные и угловые особенности строения чешуи затылочной кости у женщин 2 периода зрелого возраста. По данным авторов затылочная кость имеет хорошо выраженный изгиб в области опистокраниона и уплощенную верхнюю частью чешуи, имеющую широкое и округлое затылочное отверстие [8, с.159].

В отличие от большинства опубликованных работ, посвященных возрастным, половым или топографическим особенностям костей черепа, настоящее исследование ориентировано на выявление взаимосвязи между формой черепа и морфометрическими характеристиками затылочной кости в первом периоде зрелого возраста мужчин.

Выводы

1. Общая толщина затылочной кости, толщина внутренней пластинки и плотность обеих её пластинок не зависят от формы черепа (p=0,001).

2. Наружная пластинка затылочной кости достоверно толще и плотнее внутренней независимо от формы черепа (p=0,001).

3. Наружная пластинка затылочной кости у долихокранов статистически значимо толще, чем у брахикранов (p1 - 3=0,046).

Список литературы

1.Современные принципы хирургии тяжелой черепно - мозговой травмы / В.В. Крылов [и др.] // Журнал им. Н.В. Склифосовского «Неотложная медицинская помощь». 2013. №4. С.39 - 47.

2.Иванов, О. В. Анатомо - типологические особенности строения костей свода черепа мужчин / О. В. Иванов, Е. В. Семичев, Н. Н. Медведева // Медицинская

наука и образование Урала. – 2023. – Т. 24, № 3(115). – С. 89 - 94. – DOI 10.36361 / 18148999 _ 2023 _ 24 _ 3 _ 89. – EDN SSPBXW.

3.Структура переломов костей черепа в зависимости от формы черепа пациента / А. А. Заварзин, Н. А. Насонова, Д. А. Соколов [и др.] // Морфологические школы сегодня: Материалы Всероссийской научно - практической конференции с международным участием, Москва, 20 мая 2022 года. – Воронеж: Издательско - полиграфический центр "Научная книга", 2022. – С. 131 - 133. – EDN DWKFMX.

4.A comprehensive analysis of human cranial morphology: multiscale characterization and statistical analysis / W. Guo [et al.] // Journal of Materials Science. 2024. Vol. 59. P. 15234–15251. DOI: 10.1007 / s10853 - 024 - 10108 - 6. URL: https: // doi.org / 10.1007 / s10853 - 024 - 10108 - 6

5.Miyake S., Yamamura K., Abe H. A case of depressed skull fracture involving only the inner table // No Shinkei Geka. — 2016. — Vol. 44, № 7. — P. 599–603.

6.Eom K. S. A Case of Depressed Skull Fracture of the Inner Table Alone // Korean Journal of Neurotrauma. — 2021. — Vol. 17, № 1. — P. 67–69. — DOI: 10.13004 / kjnt.2021.17.e11.

7.Mapping occipital bone thickness using computed tomography for safe screw placement / T. Morita, T. Takebayashi, H. Takashima, M. Yoshimoto, K. Ida, K. Tanimoto, H. Ohnishi, H. Fujiwara, M. Nagae, T. Yamashita // Journal of Neurosurgery: Spine. — 2015. — Vol. 23, № 2. — P. 254–258. — DOI: 10.3171 / 2014.11.SPINE14624.

8.Морфометрические данные затылочной кости / Л. А. Мантулина, М. А. Затолокина, В. В. Харченко, Д. В. Хвостовой // Одонтологические морфологические чтения: Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, Воронеж, 19–20 декабря 2019 года. – Воронеж: ООО "Издательство "Научная книга", 2019. – С. 159 - 163. – EDN CDARFL

© Иванов О.В, Медведева Н.Н., 2026.

Мелехова В.Ю.
соискатель Первый МГМУ им. И.М. Сеченова,
г. Москва, РФ
Дорофеев А.Е.
доцент Первый МГМУ им. И.М. Сеченова,
г. Москва, РФ

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ НУЖДАЕМОСТИ В КОМПЛЕКСНОЙ ЗУБОЧЕЛЮСТНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ СРЕДИ ПАЦИЕНТОВ СТОМАТОЛОГИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ

Аннотация

Проведён ретроспективный анализ обращаемости в стоматологическую клинику (2022–2025 гг.). Доля пациентов, нуждающихся в комплексной реабилитации

зубочелюстной системы (участие ≥2 специалистов), составила 98,8 % (от 98,3 % до 99,5 % по годам). Среди 100 пациентов структура нуждаемости: стоматология терапевтическая – 97 %, стоматология хирургическая – 83 %, стоматология ортопедическая – 70 %, дентальная имплантация – 52 %, ортодонтия – 49 %. Результаты обосновывают мультидисциплинарный подход и пересмотр организационных протоколов.

Ключевые слова

Комплексная стоматологическая реабилитация, нуждаемость, ретроспективный анализ, мультидисциплинарный подход, терапевтическая стоматология, хирургическая стоматология, ортопедическая стоматология.

Melekhova V.Yu.
graduate student of Sechenov University,
Moscow, Russia
Dorofeev A.E.
associate professor of Sechenov University
Moscow, Russia

RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE NEED FOR COMPREHENSIVE DENTAL REHABILITATION AMONG PATIENTS OF A DENTAL CLINIC

Annotation

A retrospective analysis of patient visits to a dental clinic (2022–2025) was conducted. The proportion of patients requiring comprehensive dental rehabilitation (involvement of ≥2 specialists) was 98.8 % (ranging from 98.3 % to 99.5 % per year). Among 100 patients, the structure of needs was as follows: therapeutic dentistry – 97 %, surgical dentistry – 83 %, orthopedic dentistry – 70 %, dental implantation – 52 %, orthodontics – 49 %. The results justify a multidisciplinary approach and a revision of organizational protocols.

Keywords

Comprehensive dental rehabilitation, need assessment, retrospective analysis, multidisciplinary approach, therapeutic dentistry, surgical dentistry, orthopedic dentistry.

Введение. Стоматологические заболевания остаются одной из наиболее распространенных патологий в мире. По данным Всемирной организации здравоохранения, около 3,5 млрд человек страдают от различных заболеваний полости рта, при этом кариес постоянных зубов диагностирован примерно у 2 млрд человек, а кариес временных зубов – у 514 млн детей. Наиболее частыми оральными патологиями являются кариес, заболевания пародонта и потеря зубов; тяжелые формы пародонтита поражают около 19 % взрослого населения мира (более 1 млрд случаев), а в возрасте 60 лет и старше полное отсутствие зубов регистрируется у 23 % людей. В Российской Федерации эпидемиологическая

ситуация остается не менее напряженной: распространенность кариеса у взрослого населения в возрасте 35 - 44 лет достигает 98 - 99 % при интенсивности 14,35 пораженных зубов, а частота пародонтита составляет 75 - 80 %. Ежегодно около 70 % россиян в возрасте 20 - 50 лет имеют частичное или полное отсутствие зубов, причем у лиц старше 65 лет в среднем отсутствует более 18 зубов, а 14 % населения являются полностью беззубыми [1, 4].

При столь высокой распространенности стоматологической патологии все большее внимание уделяется не отдельным лечебным манипуляциям, а комплексной реабилитации пациентов. Комплексная стоматологическая реабилитация предполагает одновременное или поэтапное участие нескольких специалистов (врача - стоматолога терапевта, хирурга, ортопеда, ортодонта, пародонтолога) и направлена на полное восстановление анатомической целостности, функции и эстетики зубочелюстной системы. Современные исследования показывают, что потребность в таком комплексном подходе возникает более чем у 50 % обратившихся, причем даже среди лиц молодого возраста (20 - 29 лет) ортопедическая помощь требуется в 55,3 %, ортодонтическая – более чем в 30 % случаев. Многие авторы подчеркивают, что доля пациентов с изолированными стоматологическими проблемами (одиночный кариес, удаление одного зуба без протезирования) в специализированных клиниках невелика, тогда как пациенты с множественными дефектами зубных рядов, вторичными деформациями и сопутствующей патологией пародонта составляют основную когорту обращающихся [2, 6].

Несмотря на очевидную актуальность проблемы и большое число работ, посвященных отдельным аспектам стоматологической заболеваемости, до настоящего времени остаются недостаточно изученными реальная доля пациентов, нуждающихся именно в комплексной (междисциплинарной) зубочелюстной реабилитации, и ее динамика на протяжении нескольких лет. Многие эпидемиологические исследования фокусируются на распространенности кариеса или пародонтита, но не оценивают интегральный показатель – долю лиц, которым требуется лечение у двух и более специалистов. В то же время без такой оценки невозможно научно обосновать штатное расписание стационаров и клиник, разработать эффективные протоколы мультидисциплинарного взаимодействия и спланировать объемы необходимого финансирования. Особый интерес представляет анализ динамики нуждаемости в течение нескольких лет, позволяющий выявить устойчивые тренды и факторы, влияющие на структуру обращаемости [3, 5].

Цель исследования: провести ретроспективный анализ количества и доли пациентов, нуждающихся в комплексной зубочелюстной реабилитации, среди обратившихся в специализированную стоматологическую клинику за период 2022–2025 гг.

Материалы и методы исследования. Проведено ретроспективное исследование на базе стоматологической клиники ООО «Делфи Клиник» за период 2022 - 2025

гг. Анализировались данные всех обратившихся пациентов (n=202, 345, 311, 214 по годам). Критерий нуждаемости в комплексной реабилитации – необходимость вмешательства двух и более специалистов (врач - стоматолог терапевт, хирург, ортопед, ортодонт, имплантолог, пародонтолог). Дополнительно на 100 пациентах, прошедших консультирование по модифицированному протоколу, оценена структура нуждаемости по видам помощи. Использована описательная статистика, доверительные интервалы (95 % ДИ).

Результаты. Доля пациентов, нуждающихся в комплексной реабилитации зубочелюстной системы, составила в 2022 г. – 99,0 % (200 / 202), в 2023 г. – 98,3 % (339 / 345), в 2024 г. – 98,4 % (306 / 311), в 2025 г. – 99,5 % (213 / 214). Средний показатель за 4 года – 98,8 %. Среди 100 пациентов структура нуждаемости: в комплексной реабилитации зубочелюстной системы – 92 %, в стоматологическом терапевтическом лечении – 97 %, стоматологическом хирургическом – 83 %, стоматологическом ортопедическом – 70 %, дентальной имплантации – 52 %, ортодонтическом – 49 %.

Заключение. Пациенты с комплексной зубочелюстной патологией составляют подавляющее большинство (≈99 %) обращающихся в специализированную стоматологическую клинику. Наиболее востребованы терапевтическая, хирургическая и ортопедическая стоматологическая помощь. Полученные данные обосновывают необходимость мультидисциплинарного подхода, разработки стандартизированных протоколов и пересмотра экономической модели ведения таких пациентов.

Список использованной литературы:

1. Лемберг И. А. Изучение потребности в комплексной стоматологической помощи среди городского населения / И. А. Лемберг // Кремлёвская медицина. Клинический вестник. – 2023. – № 4. – С. 32–37.

2. Курьянов А. К. Ортопедическая стоматология / А. К. Курьянов, Л. Н. Бабенко. – М.: Медицина, 1988. – 256 с.

3. Анализ объемов стоматологической ортопедической помощи пациентам в системе платных медицинских услуг / [авт. колл.] // Стоматология. – 2024. – Т. 103, № 2. – С. 180–184.

4. Каусова Г. К. Современное состояние медицинской реабилитации лицам пожилого возраста в ортопедической стоматологии (обзор литературы) / Г. К. Каусова, Н. А. Камиева, К. Д. Алтынбеков // Вестник Казахского национального медицинского университета. – 2018. – № 2. – С. 126–131.

5. Иванов С. Ю. Показатели доступности и качества стоматологической медицинской помощи в Российской Федерации / С. Ю. Иванов, В. И. Гунько, С. В. Сирак [и др.] // Стоматология. – 2023. – Т. 102, № 1. – С. 70–75.

6. О состоянии санитарно - эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2023 году: Государственный доклад. – М.: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2024. – 320 с.

© Мелехова В.Ю., Дорофеев А.Е., 2026

Тихонова К. Д.
Студентка 2 курса АНО ВО «НМИ», г. Невинномысск
Матвиенко Э. Р.
Старший преподаватель кафедры естественно - научных дисциплин АНО ВО «НМИ», г. Невинномысск
Жуков А. С.
Ассистент кафедры клинических дисциплин АНО ВО «НМИ», г. Невинномысск

РАСТИТЕЛЬНАЯ ТЕРАПИЯ СТОМАТОЛОГИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ В ПОЛОСТИ РТА

Аннотация

В статье рассматриваются особенности химического состава и фармакологических свойств представителей семейства Яснотковые (Lamiaceae), в частности шалфея (Salvia) и чабреца (Thymus), применяемых в стоматологической практике. Проведен анализ биологически активных веществ данных растений и механизмов их терапевтического действия. Установлено, что благодаря богатому содержанию эфирных масел, флавоноидов, дубильных веществ и органических кислот, шалфей и чабрец обладают выраженными противовоспалительными, антисептическими, обезболивающими и ранозаживляющими свойствами, что обусловливает их широкое применение в стоматологии. Рассмотрены возможности комбинированного использования этих растений для повышения эффективности лечения и профилактики заболеваний полости рта.

Ключевые слова

Фитотерапия, стоматология, Яснотковые, шалфей, чабрец, эфирные масла, противовоспалительное действие, антисептические свойства.

Tikhonova K. D.
2nd year student of ANO VO «NMI», Nevinnomyssk
Matvienko E. R.
Senior lecturer of the Department of Natural Sciences ANO VO «NMI», Nevinnomyssk
Zhukov A. S.
Assistant of the Department of Clinical Sciences ANO VO «NMI», Nevinnomyssk

HERBAL THERAPY FOR DENTAL DISEASES IN THE ORAL CAVITY

Abstract

The article examines the features of the chemical composition and pharmacological properties of representatives of the Lamiaceae family, particularly sage (Salvia) and thyme (Thymus), used in dental practice. The analysis of biologically active substances of

these plants and mechanisms of their therapeutic action has been carried out. It has been established that due to the rich content of essential oils, flavonoids, tannins, and organic acids, sage and thyme have pronounced anti - inflammatory, antiseptic, analgesic, and wound - healing properties, which determines their widespread use in dentistry. The possibilities of combined use of these plants to increase the effectiveness of treatment and prevention of oral diseases are considered.

Keywords

Phytotherapy, dentistry, Lamiaceae, sage, thyme, essential oils, anti - inflammatory effect, antiseptic properties.

Фитотерапия в стоматологии представляет собой использование лекарственных растений и их экстрактов для профилактики и лечения заболеваний полости рта. Этот подход основывается на многовековом опыте народной медицины и подтверждается современными научными исследованиями [5]. В последние годы наблюдается возрастающий интерес к использованию натуральных средств для профилактики и лечения заболеваний полости рта. Это связано с увеличением случаев антибиотикорезистентности, стремлением к минимизации побочных эффектов и поиском безопасных альтернатив синтетическим препаратам [6].

Особое место среди лекарственных растений занимают представители семейства Яснотковые (Lamiaceae), в частности, шалфей (Salvia) и чабрец (Thymus), которые благодаря богатому химическому составу обладают широким спектром фармакологических свойств [2, 4]. Актуальность изучения этих растений обусловлена их эффективностью в лечении и профилактике стоматологических заболеваний, а также относительной безопасностью применения.

Семейство Яснотковые включает около 7000 видов растений, распространенных по всему миру. Представители этого семейства характеризуются квадратными в сечении стеблями, супротивным расположением листьев, двугубыми цветками и наличием эфирных масел, придающих растениям характерный аромат [4]. Многие растения семейства Яснотковые широко используются в медицине благодаря содержанию биологически активных веществ, оказывающих разностороннее воздействие на организм человека.

Шалфей (Salvia) - - один из наиболее изученных представителей семейства Яснотковые. В медицинской практике чаще всего используется шалфей лекарственный (Salvia officinalis) [2]. Химический состав шалфея отличается разнообразием биологически активных веществ. Эфирные масла (1 - 2,5 %) включают туйон (α - и β - формы), цинеол (1,8 - цинеол), камфору, борнеол, пинен [4]. Флавоноиды представлены кверцетином, лютеолином, апигенином, рутином. Дубильные вещества составляют 4 - 8 % от массы растения. Среди органических кислот выделяются розмариновая кислота, урсоловая кислота, олеаноловая кислота. Также в составе шалфея присутствуют тритерпеноиды и дитерпеноиды, витамины (А, группы В, С, РР, К) и минеральные вещества (кальций, магний, цинк, селен) [3].

Благодаря богатому химическому составу шалфей обладает рядом фармакологических свойств, которые определяют его применение в стоматологии [6]. Противовоспалительное действие шалфея обусловлено наличием флавоноидов, розмариновой кислоты и других компонентов, которые ингибируют синтез простагландинов и лейкотриенов, уменьшая воспалительную реакцию в тканях [3]. Антисептические свойства эфирных масел шалфея, особенно туйона и цинеола, проявляют выраженную антимикробную активность в отношении широкого спектра патогенных микроорганизмов, включая Streptococcus mutans, Porphyromonas gingivalis и Candida albicans [4, 6]. Обезболивающее действие связано с наличием камфоры и других терпеноидов, которые блокируют передачу болевых импульсов [8]. Вяжущее действие дубильных веществ шалфея способствует уплотнению поверхностного слоя слизистых оболочек, уменьшая их проницаемость и чувствительность [6]. Ранозаживляющее действие комплекса биологически активных веществ стимулирует процессы регенерации тканей, ускоряя заживление [5].

В стоматологической практике шалфей используется в различных формах. Настои и отвары (1:10) применяются для полосканий при воспалительных заболеваниях полости рта [1]. Спиртовые настойки (1:5) используются для обработки слизистой оболочки при стоматитах и гингивитах. Эфирное масло шалфея входит в состав зубных паст, ополаскивателей и стоматологических гелей [7]. Экстракты шалфея включаются в комплексные препараты для лечения заболеваний пародонта [1, 6].

Показаниями к применению шалфея в стоматологии являются гингивит, стоматит, пародонтит, афтозные язвы, герпетические поражения слизистой оболочки полости рта, галитоз (неприятный запах изо рта) [7]. Особенно эффективен шалфей при лечении воспалительных процессов в полости рта благодаря комплексному воздействию на патогенетические механизмы воспаления [6].

Чабрец (Thymus) - еще один ценный представитель семейства Яснотковые. В медицинской практике наиболее часто используется тимьян ползучий (Thymus serpyllum) и тимьян обыкновенный (Thymus vulgaris) [2, 4]. Химический состав чабреца включает эфирные масла (1,0 - 2,5 %), содержащие тимол и карвакрол, обладающие выраженными антисептическими свойствами [4]. Флавоноиды чабреца представлены апигенином и лутеолином, имеющими антиоксидантные и противовоспалительные эффекты. Таннины обладают вяжущими свойствами и способствуют заживлению тканей. Сапонины имеют муколитические свойства и могут помочь при заболеваниях дыхательных путей [3].

Фармакологические свойства чабреца делают его ценным средством в стоматологической практике [6]. Антибактериальное действие обеспечивается активными компонентами, такими как тимол и карвакрол, которые обладают сильными антибактериальными свойствами против многих патогенных микроорганизмов [3, 4]. Противовоспалительное действие чабреца обусловлено

наличием флавоноидов и других активных соединений, помогающих снижать воспаление в тканях полости рта [6]. Обезболивающее действие связано со способностью чабреца снижать воспаление и расслаблять мышцы [8]. Спазмолитическое действие позволяет расслаблять гладкую мускулатуру, что может быть полезно при некоторых состояниях, сопровождающихся спазмами [3].

В стоматологической практике чабрец применяется в виде настоев (1:10) для полосканий при воспалительных заболеваниях полости рта, отваров (1:5) для обработки слизистой оболочки при стоматитах и гингивитах [1], а также в составе зубных паст, ополаскивателей и стоматологических гелей [7]. Показаниями к применению чабреца в стоматологии являются воспалительные заболевания десен (гингивит, пародонтит), стоматит, герпетические поражения слизистой оболочки полости рта, галитоз [6, 7].

Сравнительный анализ шалфея и чабреца показывает, что оба растения имеют как сходства, так и различия в химическом составе и фармакологических свойствах [2, 4]. Сходства заключаются в наличии эфирных масел с антисептическими свойствами, флавоноидов с антиоксидантными свойствами, таннинов с вяжущими свойствами и противовоспалительных компонентов [4]. Различия проявляются в основных компонентах эфирного масла: шалфей содержит туйон, камфору, цинеол и борнеол, а чабрец - - тимол и карвакрол [2, 3]. Шалфей содержит больше дубильных веществ, что делает его более эффективным для лечения воспалительных процессов в полости рта [6]. Спектр применения шалфея чаще связан с лечением заболеваний дыхательных путей и как средство для улучшения памяти и концентрации, в то время как чабрец чаще применяется для лечения заболеваний желудочно - кишечного тракта и как антисептик для полости рта [3, 5].

Комбинированное использование шалфея и чабреца в стоматологической практике позволяет усилить терапевтический эффект за счет синергизма действия различных биологически активных веществ [6]. Например, сочетание противовоспалительных свойств шалфея с выраженным антимикробным действием чабреца обеспечивает более эффективное лечение воспалительных заболеваний пародонта [7]. Такой комплексный подход особенно ценен при лечении хронических заболеваний полости рта, требующих длительной терапии [6, 7].

Для профилактики и лечения заболеваний полости рта рекомендуется использовать настои и отвары шалфея и чабреца для полосканий, а также включать эти растения в состав зубных паст, ополаскивателей и гелей [1, 7]. Важно отметить, что применение фитопрепаратов должно осуществляться под контролем стоматолога и с учетом индивидуальных особенностей пациента [7].

Таким образом, шалфей и чабрец представляют собой ценные лекарственные растения с богатым химическим составом и разнообразными фармакологическими свойствами, что обусловливает их широкое применение в стоматологической практике для профилактики и лечения заболеваний полости рта [2, 4, 6]. Их использование в составе комплексной терапии позволяет повысить эффективность

лечения, снизить риск побочных эффектов и улучшить качество жизни пациентов [5, 6, 7].

Список используемой литературы:

1. Гаврилов А.С. Фармацевтическая технология. Изготовление лекарственных препаратов. - - М.: ГЭОТАР - Медиа, 2020. - - 760 с.

2. Куркин В.А. Фармакогнозия: учебник для фармацевтических вузов. - - Самара: Офорт, 2019. - - 1278 с.

3. Машковский М.Д. Лекарственные средства. - - М.: Новая волна, 2019. - - 1216 с.

4. Самылина И.А., Яковлев Г.П. Фармакогнозия: учебник. - - М.: ГЭОТАР - Медиа, 2018. - - 976 с.

5. Тюмасева З.И., Орехова И.Л. Целительные силы природы и здоровье человека. - - Челябинск: Взгляд, 2020. - - 216 с.

6. Барнаулов О.Д. Фитотерапия в стоматологии. - - СПб.: Элби - СПб, 2018. - - 384 с.

7. Николаев А.И., Цепов Л.М. Практическая терапевтическая стоматология. - - М.: МЕДпресс - информ, 2019. - - 928 с.

8. Петрикас А.Ж., Захарова Е.Л., Ольховская Е.Б. Обезболивание в эндодонтии. - - М.: МЕДпресс - информ, 2018. - - 212 с.

© Тихонова К. Д., Матвиенко Э. Р., Жуков А. С., 2026

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PEDAGOGICAL SCIENCES

Акулова Е.В.
тьютор МБДОУ д / с №82
г. Белгород, РФ

ПРИМЕНЕНИЕ ВИЗУАЛЬНЫХ РАСПИСАНИЙ В РАБОТЕ С ДЕТЬМИ С РАССТРОЙСТВОМ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

Аннотация

Визуальное расписание – это эффективный инструмент, помогающий детям с РАС лучше ориентироваться во времени и пространстве, снижая уровень стресса и улучшая адаптацию к повседневной жизни. Данная статья рассматривает применение визуальных расписаний, их типы, преимущества, создание и эффективные стратегии использования.

Ключевые слова

Визуальное расписание, аутизм, коммуникация, развитие ребенка, коррекционное воздействие.

Дети с расстройством аутистического спектра часто обладают уникальными способами обработки информации. Они могут испытывать трудности с абстрактным мышлением, планированием и пониманием временных рамок. Это приводит к трудностям с переходами между активностями, соблюдением режима дня и предвидением будущих событий. Непредсказуемость может вызвать у них сенсорную перегрузку, тревогу и, как следствие, нежелательное поведение. Визуальное расписание помогает преодолеть эти трудности, обеспечивая предсказуемость и контроль над ситуацией.

Существует множество вариантов визуальных расписаний, которые могут быть адаптированы под индивидуальные потребности ребенка:

- **Последовательные картинки:** Это самый простой тип, представляющий собой ряд картинок, изображающих последовательность событий в течение дня или конкретной деятельности. Картинки могут быть напечатаны, вырезаны из журналов или созданы самим ребенком.
- **Расписание с использованием реальных предметов:** Вместо картинок используются миниатюрные копии реальных предметов, которые будут использоваться в течение дня (например, расческа, зубная щетка, игрушка). Этот тип особенно полезен для детей, которые лучше реагируют на конкретные объекты.
- **Расписание на основе символов:** Используются символы, которые представляют определенные действия или объекты. Это может быть упрощенный вариант, особенно полезный для детей младшего возраста или с ограниченными коммуникативными навыками.
- **Электронные расписания:** Существуют приложения и программы для создания и отображения интерактивных расписаний на планшетах или

смартфонах. Они могут включать в себя звуковые сигналы, таймеры и другие интерактивные элементы.

- **Расписание с таймером:** Добавление таймера к визуальному расписанию помогает ребенку понять, сколько времени осталось до следующей активности. Это особенно полезно для подготовки к переходам.
- **Расписание с использованием календаря:** Более сложное расписание, отображающее события на более длительный период (день, неделя, месяц). Позволяет планировать более сложные события и увеличивает предсказуемость на более длительные периоды времени.

Создание эффективного визуального расписания требует индивидуального подхода:

- Тип расписания должен соответствовать возрасту, когнитивным возможностям и предпочтениям ребенка.
- Картинки должны быть четкими, простыми и легко узнаваемыми ребенком.
- Слишком большое количество пунктов может перегрузить ребенка.
- Расписание должно быть хорошо видно и доступно для ребенка в течение дня.
- Расписание должно отражать текущие планы и изменения в режиме дня.
- Важно привлечь ребенка к процессу создания и использования расписания.

Визуальные расписания являются мощным инструментом, помогающим детям с РАС адаптироваться к повседневной жизни, снижая уровень стресса и тревоги. Правильный подбор типа расписания, его создание и применение требуют индивидуального подхода и постоянного мониторинга эффективности. Сотрудничество с родителями и специалистами поможет обеспечить наилучшие результаты и улучшить качество жизни ребенка с РАС. Необходимо помнить, что визуальное расписание - это инструмент, который помогает, но не решает все проблемы, связанные с РАС. Комплексный подход, включающий в себя другие терапевтические методы, является наиболее эффективным.

© Акулова Е.В. 2026

Алиева А.И.
к.и.н., доцент каф.правовых дисциплин
и методики преподавания
ДГПУ им.Р.Гамзатова, г.Махачкала

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА УРОКАХ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема формирования основ экологической культуры учащихся в процессе преподавания учебного

предмета «Обществознание». Автор анализирует потенциал курса обществознания для экологического просвещения, опираясь на требования Федеральных государственных образовательных стандартов.

В работе раскрываются содержательные линии курса, наиболее благоприятные для интеграции экологической тематики: «Человек и природа», «Экономика», «Право» и «Политика».

Ключевые слова: экологическая культура, обществознание, устойчивое развитие, экологическое сознание, педагогические технологии, правовая грамотность, социальная ответственность, ФГОС.

В условиях XXI века человечество столкнулось с беспрецедентным вызовом — глобальным экологическим кризисом. Изменение климата, истощение природных ресурсов, загрязнение биосферы и утрата биоразнообразия перестали быть проблемами далекого будущего, превратившись в повседневную реальность. В этом контексте система образования берет на себя миссию не только передачи знаний, но и формирования нового типа сознания — экологического.

Школа становится тем институтом, где закладываются основы мировоззрения будущего гражданина. Среди школьных дисциплин особое место занимает обществознание. Этот интегративный курс, изучающий жизнь общества во всех ее проявлениях, обладает уникальным потенциалом для формирования экологической культуры, так как рассматривает человека не изолированно, а в системе сложных социальных, экономических и правовых связей с окружающим миром.

Экологическая культура — это сложное интегративное образование, включающее в себя систему знаний о природе, понимание закономерностей ее развития, осознание ценности окружающей среды, а также готовность и способность действовать в соответствии с экологическими нормами. На уроках обществознания акцент смещается с биологических аспектов (которые изучаются на биологии) на социально - гуманитарные. Здесь экология рассматривается через призму этики, права, экономики и политики. [4, с.35]

Согласно Федеральным государственным образовательным стандартам (ФГОС), одним из личностных результатов обучения является сформированность экологического сознания. Это означает, что выпускник школы должен не просто знать о существовании Красной книги, но и понимать экономические последствия нерационального природопользования, знать свои права и обязанности в сфере охраны окружающей среды, а также уметь оценивать действия государства и корпораций с точки зрения экологической безопасности. [2, с.7 - 9]

Курс обществознания структурирован по блокам, каждый из которых предоставляет возможности для «экологизации» содержания.

В разделе «Человек и природа» (часто изучаемый в 6–7 классах) закладывается философский фундамент. Учащиеся обсуждают проблему взаимодействия общества и природы, антропоцентризм и биоцентризм. Здесь важно сформировать понимание того, что человек является частью природы, а не ее безраздельным

хозяином. Дискуссии о пределах роста и ответственности поколений помогают сформировать ценностное отношение к миру.

Блок «Экономика» (8–9 классы) позволяет раскрыть тему рационального природопользования. Ученики анализируют понятие «устойчивое развитие», изучают механизмы «зеленой» экономики, проблемы внешних эффектов (экстерналий), когда издержки производства перекладываются на общество в виде загрязнения. Обсуждение вопросов налогообложения, субсидий для эко - предприятий и стоимости возобновляемой энергии делает экономику прикладной и социально значимой.

В разделе «Право» (9–11 классы) изучается законодательная база. Учащиеся знакомятся с Конституцией РФ, гарантирующей право на благоприятную окружающую среду, а также с Федеральными законами «Об охране окружающей среды», Земельным и Водным кодексами. Разбор реальных судебных кейсов, связанных с экологическими правонарушениями, повышает правовую грамотность и показывает неотвратимость наказания за вред природе.

Блок «Политика» (10–11 классы) выводит обсуждение на глобальный уровень. Здесь рассматриваются международные соглашения (Парижское соглашение, Киотский протокол), роль ООН и экологических организаций (Гринпис, WWF). Школьники учатся понимать, что экологические проблемы не знают государственных границ и требуют политического сотрудничества.

Эффективность формирования экологической культуры зависит не столько от содержания, сколько от методов преподавания. Традиционный лекционный формат часто не позволяет достичь личностного принятия ценностей. Поэтому учителям обществознания рекомендуется использовать активные и интерактивные технологии. [1, с.82 - 84]

Проектная деятельность является одним из наиболее действенных инструментов. Социальные проекты, такие как организация раздельного сбора отходов в школе, аудит энергопотребления в классе или создание эко - тропы, позволяют перевести знания в действие. Учащиеся учатся планировать, работать в команде и видеть реальный результат своих усилий.

Перспективным направлением является межпредметная интеграция. Совместные уроки обществознания, биологии и географии позволяют рассмотреть проблему комплексно. Также важно взаимодействие с социумом: встречи с экологами, юристами, представителями администраций заповедников делают обучение живым и актуальным. Формирование основ экологической культуры на уроках обществознания — это не просто дань моде или требование стандартов, это насущная необходимость для выживания цивилизации. Обществознание, будучи предметом о человеке и обществе, несет ответственность за воспитание гражданина, который осознает свою роль в глобальных процессах 3, с.106 - 114].

Задача педагога заключается в том, чтобы трансформировать абстрактные знания в твердые убеждения. Только тогда, когда экологическая культура станет частью менталитета молодого поколения, мы сможем надеяться на переход к

модели устойчивого развития. Урок обществознания в этом процессе выступает важнейшим звеном, связывающим теорию с практикой, а права — с обязанностями, формируя сознательного и ответственного жителя планеты Земля.

Список использованной литературы:

1. Ахмедова М.С. Некоторые аспекты формирования экологической культуры учащихся // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Уфа, март 2013 г.). — С. 82 - 84.
2. Васильченко А.И. Формирование экологической культуры обучающихся в условиях реализации требований ФГОС ООО и Концепции общего экологического образования в интересах устойчивого развития // СибСкрипт. 2013. №4 (56). – С.7 - 9.
3. Коростелёва А.А. Реализация экологических идей в курсе «Обществознание» (модуль «Духовно - нравственная культура») // Проблемы современного образования. 2015. №1. – С.106 - 114.
4. Развитие экологической культуры через интеграцию естественнонаучных дисциплин. Коллективная монография // Под общей редакцией к.б.н. Л.В. Губановой – М.: Мир науки, 2023.

© Алиева А.И., 2026

Данильченко А.И.
студентка 4 курса ГБОУ ВО СГПИ,
г. Ставрополь, РФ

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИРТУАЛЬНЫХ ЭКСКУРСИЙ И ОБУЧАЮЩИХ ПРИЛОЖЕНИЙ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ: ОПЫТНО - ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Аннотация

В статье рассматривается проблема снижения познавательного интереса у младших школьников при изучении предмета «Окружающий мир» в условиях традиционного обучения. Автор обосновывает эффективность внедрения виртуальных экскурсий и образовательных мобильных приложений как дидактического средства активизации познавательной деятельности. Представлены результаты педагогического эксперимента, демонстрирующие положительную динамику уровней познавательного интереса, мотивации и качества знаний.

Ключевые слова

Виртуальная экскурсия, обучающие приложения, младшие школьники, познавательный интерес, цифровые образовательные технологии.

Познавательный интерес в младшем школьном возрасте рассматривается как важнейший фактор успешности обучения, обеспечивающий внутреннюю мотивацию, стремление к самостоятельному поиску знаний и устойчивое внимание к изучаемому материалу [1, 3, 5]. Однако на практике нередко наблюдается его недостаточная сформированность, что проявляется в пассивности обучающихся, формальном выполнении заданий и низкой инициативности.

В качестве одного из эффективных средств решения данной проблемы рассматривается внедрение виртуальных экскурсий и обучающих приложений в образовательный процесс начальной школы. Использование виртуальных экскурсий позволяет познакомить обучающихся с природными объектами и явлениями, недоступными для непосредственного наблюдения. Это способствует формированию наглядных представлений, вызывает эмоциональную реакцию и усиливает мотивацию к обучению [2, 4]. Обучающие приложения обеспечивают интерактивность, возможность самостоятельного исследования и получения обратной связи.

В рамках выпускной квалификационной работы было проведено исследование, направленное на оценку влияния данных средств на развитие познавательной активности обучающихся начальной школы. Экспериментальная работа включала два ключевых этапа: констатирующий и контрольный, что позволило выявить динамику исследуемого показателя. В исследовании использовался комплекс диагностических методик: методика «Познавательная активность младшего школьника» (А.А. Горчинской), методика «Дерево желаний» (В.С. Юркевич) и «Методика с конвертами» по Г. И. Щукиной. В процессе диагностики исследовались критерии: наличие ответов познавательного характера, самостоятельность, инициативность, сложность выбираемых заданий, наличие познавательной мотивации. Обобщенные результаты констатирующего эксперимента с использованием данных методик позволили выделить три уровня сформированности познавательного интереса: высокий уровень — у 20 % учащихся; средний уровень — у 50 % учащихся; низкий уровень — у 30 % учащихся.

Полученные данные послужили основой для разработки программы внеурочной деятельности по окружающем миру «Познаем мир» с использованием виртуальных экскурсий и обучающих приложений. Цель программы: создание условий для развития познавательного интереса к окружающему миру через использование виртуальных экскурсий и обучающих приложений, формирование навыков исследовательской деятельности и целостного восприятия природы и общества. Представленная программа имеет чётко выстроенную структуру и соответствует требованиям начального общего образования. Общий объём составляет 34 часа, материал распределен по трём тематическим разделам: «Человек и общество», «Человек и природа», «Правила безопасной жизнедеятельности».

Для реализации данной программы была разработана система методической поддержки обучающихся при работе с виртуальными экскурсиями и обучающими

приложениями. На подготовительном этапе работы учитель осуществляет подбор цифровых ресурсов в соответствии с целями урока, определяет место виртуальной экскурсии в структуре занятия (мотивация, изучение нового материала, закрепление), разрабатывает задания (вопросы, проблемные ситуации, аналитические задания) и обеспечивает техническую готовность. Организационно - деятельностный этап предполагает активное включение учащихся в работу. Учитель направляет деятельность детей, организует обсуждение, стимулирует самостоятельную и исследовательскую активность. Рефлексивно - оценочный этап направлен на анализ полученных результатов: учащиеся формулируют выводы, выполняют творческие задания, представляют результаты работы.

Так, при изучении темы «Культура родного края. Родной край, его культурные достопримечательности» учащимся была предложена виртуальная экскурсия по историческим и культурным объектам Ставропольского края (Ставропольский государственный историко - культурный и природно - ландшафтный музей - заповедник имени Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве, https: // stavmuseum.ru / about / virtual /). Дети «посетили» основные тематические разделы музея: зал природы, археологии, этнографии и истории. В каждом из залов дети рассмотрели уникальные экспонаты, сопровождаемые текстовыми и визуальными пояснениями. Перед просмотром ученикам были заданы вопросы: «Почему важно сохранять культурное наследие?», «Какие объекты можно назвать символами родного края?». Во время экскурсии школьники зафиксировали наиболее интересные факты, а после экскурсии составили мини - рассказ о понравившихся экспонатах.

При изучении темы «Путешествие по Москве» были организованы виртуальные экскурсии по известным достопримечательностям столицы: Большой театр (https: // www.russia360.travel / things - to - do / msk / Museums _ gall / bolshoy - teatr /), Московский государственный университет (https: // www.russia360.travel / companies / msk / education / mgu - imeni - lomonosova /), Московский цирк (https: // www.greatcircus.ru / #!pages / virtualtour), Театр кукол имени С.В. Образцова. Работа строилась по принципу «виртуального путешествия»: учащиеся получали маршрутный лист, в котором были обозначены «остановки». На каждой «остановке» дети знакомились с объектом, отвечали на вопросы и выполняли задания. Например, после просмотра виртуального тура по Большому театру учащимся предлагалось определить, чем он отличается от других театров и почему его считают символом культуры России. При изучении Московского государственного университета внимание акцентировалось на значении образования и науки. Виртуальное посещение цирка сопровождалось обсуждением особенностей циркового искусства, а экскурсия в Театр кукол имени С.В. Образцова вызвала живой эмоциональный отклик и интерес к театральной деятельности.

Использование виртуальных экскурсий сопровождалось использованием разных методических приемов: работа в парах и группах, составление вопросов, игровые

задания, элементы исследовательской деятельности. В конце урока учащиеся делились впечатлениями, оценивали свою работу, формулировали новые вопросы.

Результаты формирующего этапа показали положительную динамику развития познавательного интереса. Увеличилось количество учащихся с высоким уровнем познавательной активности, что проявилось в стремлении задавать вопросы, проявлении исследовательской инициативы, участии в обсуждениях, выполнении дополнительных заданий. Сократилось число детей с низким уровнем, наблюдалось повышение вовлеченности и самостоятельности. Таким образом, систематическое использование виртуальных экскурсий на уроках окружающего мира способствует созданию развивающей образовательной среды, повышает наглядность обучения и стимулирует познавательную активность младших школьников. Полученные результаты подтверждают эффективность данного подхода и позволяют рекомендовать его для широкого применения в практике начального образования.

Список использованной литературы:

1. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. 400 с.
2. Ещенко Т. С. Специфика использования виртуальных экскурсий в образовательном процессе школы / Т. С. Ещенко // Научное мнение. 2025. № 10.
3. Маркова А.К. Психология труда учителя: Кн. для учителя / А. К. Маркова. М.: Просвещение, 1993. 190 с.
4. Новикова Е. В. Виртуальная экскурсия как современная форма обучения / Е. В. Новикова // Образование и наука в России: состояние и перспективы. 2019. № 1. С. 112 - 115.
5. Развитие творческой активности школьников / А. М. Матюшкин, И. С. Аверина, Г. Д. Чистякова и др.; под ред. А. М. Матюшкина; НИИ общ. и пед. психологии АПН СССР. М.: Педагогика, 1991. 155 с.
6. Щукина Г.И. Проблема познавательного интереса в педагогике. М.: Педагогика, 1971. 352 с.

© Данильченко А. И., 2026.

Жданов З.Е.
магистрант 2 курса ОмГПУ,
г. Омск, РФ

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО ПРЕДМЕТУ «ИНФОРМАТИКА» В ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЕ КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННО - ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ

Аннотация: В статье представлены результаты исследования организации самостоятельной работы по информатике в информационной образовательной среде. Экспериментально проверена методика, интегрирующая облачный сервис

Яндекс.Диск и платформу LearningApps.org. Доказано, что такая организация самостоятельной работы способствует развитию информационно - познавательной активности обучающихся.

Ключевые слова: самостоятельная работа, информационно - познавательная активность, информационная образовательная среда, Яндекс.Диск, LearningApps.org, рефлексия.

В условиях цифровой трансформации образования самостоятельная работа обучающихся становится основным механизмом формирования способности к непрерывному самообразованию [1; 4]. При изучении информатики это приобретает особую значимость, поскольку предметная область сама предоставляет уникальные возможности для работы с информацией. Однако традиционные подходы к организации самостоятельной работы – выполнение заданий по образцу, фронтальная проверка, отсутствие системной рефлексии – не позволяют в полной мере реализовать потенциал современной информационной среды и не способствуют целенаправленному развитию информационно - познавательной активности [3].

Под информационно - познавательной активностью в данном исследовании понимается интегральное качество личности, проявляющееся в самостоятельном поиске, критическом осмыслении и творческом применении информации для решения учебно - познавательных задач. В структуре этого качества выделяются три компонента: мотивационно - ценностный, когнитивно - деятельностный и рефлексивно - оценочный [2]. Современная информационная образовательная среда создаёт принципиально новые возможности для организации самостоятельной работы: доступность ресурсов, индивидуальная траектория обучения, оперативная обратная связь, условия для проектной и исследовательской деятельности [4].

В рамках исследования разработана методика, базирующаяся на комплексном использовании платформ Яндекс.Диск и LearningApps.org. Яндекс.Диск выступает пространством для хранения и систематизации учебных материалов, обеспечивает совместное редактирование документов и позволяет преподавателю наблюдать за процессом выполнения работы. LearningApps.org используется для создания интерактивных упражнений – викторин, заданий на сопоставление, интерактивных пазлов, – обеспечивающих мгновенную обратную связь и самоконтроль. Методика выстраивает замкнутый цикл: изучение теории на Яндекс.Диске, выполнение практического задания, самопроверка на LearningApps.org, письменная рефлексия в совместном документе.

Опытно - экспериментальная работа проводилась со студентами первого курса при изучении тем «Поколения ЭВМ» и «Устройство ПК». Контрольная группа занималась по традиционной лекционно - семинарской схеме, экспериментальная – с использованием разработанной методики. Итоговая практическая работа требовала не воспроизведения, а переноса усвоенных алгоритмов на новую ситуацию. Студенты экспериментальной группы справились с заданием на более

высоком уровне: их работы отличались полнотой, обоснованностью выбора и соблюдением условий. Качественный анализ рефлексивных документов показал, что в экспериментальной группе существенно выше доля ответов, содержащих аргументированное обоснование решений, анализ ошибок и оценку собственных стратегий, что свидетельствует о развитии рефлексивного компонента информационно - познавательной активности. Анкетирование зафиксировало рост мотивационного компонента: студенты отмечали практическую значимость материала и интерес к самостоятельному принятию решений.

Таким образом, организация самостоятельной работы по информатике в информационной среде на основе интеграции Яндекс.Диска и LearningApps.org является эффективным условием развития информационно - познавательной активности. Методика способствует формированию метапредметных умений: самостоятельного планирования, критического анализа информации, принятия решений и рефлексии. Она может быть использована учителями информатики, не требует специального оборудования и адаптируется под различные темы курса.

Библиографический список

1. Андреева Н.В., Титова С.В. Самостоятельная работа в цифровой среде // Педагогика и просвещение. – 2023. – № 2. – С. 45–52.

2. Захарова И.Г. Информационные технологии в образовании. – М.: Академия, 2022. – 192 с.

3. Кораблева А.А. Модель организации самостоятельной работы по информатике // Информатика и образование. – 2024. – № 1. – С. 23–30.

4. Роберт И.В. Цифровая трансформация образования: проблемы и перспективы. – М.: Бином, 2023. – 208 с.

© Жданов З.Е., 2026

Исмаилова У.А.,
старший научный сотрудник сектора
дошкольного образования ГБУ РД «ДНИИП им.А.А.Тахо - Годи»,
г.Махачкала

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СПОСОБ ВОСПИТАНИЯ ЛЮБВИ К РОДНОМУ КРАЮ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)

Аннотация. В современном дошкольном образовании особое место занимает проектная деятельность. В статье раскрываются вопросы использования метода проектов в воспитании любви к малой родине. В качестве примера представлен опыт работы ДОО г. Дербента Республики Дагестан.

Ключевые слова: проектная деятельность, регион, родной край, природные объекты.

Ismailova U.A.

PROJECT ACTIVITY AS A WAY OF FOSTERING LOVE FOR THE NATIVE LAND (FROM THE EXPERIENCE OF WORK)

Abstract. In modern preschool education, project activity occupies a special place. The article reveals the issues of using the project method in fostering love for the native land. As an example, the experience of work of the DOO of Derbent in the Republic of Dagestan is presented.

Keywords: project activity, region, native land, natural objects.

Воспитание любви с Родине начинается с любви к родному краю, к малой родине. Важным в реализации данных задач является использования современных технологий в организации образовательной деятельности. Проектная деятельность является эффективным методом ознакомления дошкольников с родным краем [1].

В федеральной образовательной программе дошкольного образования в воспитании любви к родному краю представлены следующие задачи: формирование чувства гордости за родной край; приобщение к обычаям и традициям родного края; формирование уважительного отношения к культуре других народов [2].

В дошкольных образовательных организациях Республики Дагестан накоплен положительный опыт использования метода проектов, который позволяет формировать у детей представления об исторических, культурных, природных, особенностях региона. В этом им помогают региональные парциальные программы [3].

Дошкольная образовательная организация «Орленок» находится в одном из старейших городов не только Дагестана, но и России. Это город Дербент. Курбанова Дженнет Уружбековна, воспитатель данного детского сада подготовила проект «Мой Рукель».

В основу проекта вошло многолетнее накопление теоретического и практического материала, апробированного в работе с детьми 4 – 7 лет по ознакомлению дошкольников с разными территориями республики, в частности с аулом – Рукель.

Представляем фрагмент проекта. Моя малая Родина - это село Рукель Дербентского района. Это замечательный край, так как здесь есть высокие и величественные горы, чистые зелёные поля, которому бы мог позавидовать каждый приезжающий сюда, родники, чистый и свежий воздух в любое время года.

Каждое село имеет своё лицо, свою красоту. Прекрасная история селении Рукель. Оно находится недалеко от древнего города Дербент. История возникновения села Рукель уходит в глубь веков.

Моё родное село расположено на склоне горы Джалган, в 28 км к югу от города Дербент. О происхождении названия села имеются две версии. По одной из них, Рукель - это искаженная форма тюрского "Улькер" ("созвездие Плеяд"). Жители низменности по ночам могли наблюдать это созвездие прямо над горой Джалган,

на которой сегодня расположено село. По другой версии, название села, происходит от табасаранского "рукар" - "Кусты".

Жители моего села очень гостеприимные, доброжелательные и вежливые люди. Как мужчины, так и женщины в моём селе очень трудолюбивый народ. Женщины ткут ковры, идут на родник, чтоб стирать одежду и за водой. Овощеводство занимает главное место среди сельских культур. Колхоз поставляет помидоры, кабачки, виноград в Дербентский консервный завод. Близ села имеются месторождения пильного камня.

В центре села стоит памятник погибшим в Великой Отечественной войне. На памятной плите высечены имена всех ушедших на фронт. И каждый год 9 мая, в День Победы, мы жители села, педагоги, дети, учащиеся школы, проводим митинги и демонстрации, возлагаем цветы и читаем стихи в честь Великой Победы.

Всю свою жизнь я буду гордиться моими родными и любимыми местами. Народ, который проживает в этих краях, должен заботиться и беречь свой маленький край. Я рада, что моя малая родина - это тихое, дружное, яркое село Рукель. Воспитывая у дошкольников любовь к родному краю мы, педагоги ДОО закладываем фундамент формирования у детей чувств патриотизма к великой нашей Родине – Россия.

Литература

1. Хабарова Т.В. Педагогические технологии в дошкольном образовании. – СПб.: ООО Издательство «Детство - Пресс», 2012. – 80 с.

2. Приказ Министерства просвещения РФ от 25 ноября 2022 г. № 1028 "Об утверждении федеральной образовательной программы дошкольного образования.http: // publication.pravo.gov.ru / Document / View / 00012022122.

3. «Познаём наш край родной» / Автор - составитель Гришина А.В. – Махачкала: ООО «Изд - во НИИ педагогики», 2016.

© Исмаилова У.А.2026

Костьянов А.В.
преподаватель кафедры изобразительного искусства и дизайна
ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет»,
г. Ялта, РФ

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА: ПОТЕНЦИАЛ И РИСКИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ИНФОРМАЦИОННОМУ ОБЩЕСТВУ

Аннотация

В статье исследуются особенности внедрения дистанционных образовательных технологий в подготовку будущих учителей изобразительного искусства в контексте перехода российского общества к информационной постиндустриальной

фазе развития. Анализируются ключевые преимущества цифрового формата, такие как расширение возможностей для творческого самореализации за счёт использования графических редакторов (Photoshop, Krita, Procreate), геймификации учебного процесса и доступа к глобальным цифровым ресурсам (виртуальные музеи, энциклопедии), что способствует формированию необходимых профессиональных и цифровых компетенций.

Вместе с тем автор выделяет ряд рисков, негативно влияющих на качество подготовки: трудности в развитии практических навыков работы с материальными объектами, проблемы объективности оценки творческих работ в цифровом формате, снижение мотивации и чувства профессиональной общности из - за дефицита живого общения, а также риски для физического и психологического здоровья студентов.

В качестве решения предлагается комплексный подход к организации дистанционного обучения, включающий разработку адаптивных учебных планов, создание единых критериев оценивания, обеспечение методической поддержки и внедрение гибридных форм педагогической практики. Сделан вывод о том, что дистанционное обучение обладает значительным потенциалом для трансформации художественного образования при условии грамотной минимизации сопутствующих рисков.

Ключевые слова

Дистанционное обучение, педагогическое образование, учителя изобразительного искусства, цифровые компетенции, художественное образование, информационные технологии.

Переход российского общества в информационную постиндустриальную фазу развития характеризуется существенными социальными сдвигами, которые не могут не сказаться на ценностях, смыслах и целях педагогического образования. Педагог оказывается в центре этих процессов, а его подготовка и обеспечение условий для непрерывного совершенствования становятся важными компонентами социальной и экономической политики государства [1].

Решающими факторами, влияющими на внедрение дистанционных технологий в процесс профессиональной подготовки будущих учителей изобразительного искусства выступают новые вызовы, с которыми сталкивается современное высшее образование.

Дистанционное образование осуществляется на основе использования мобильных и интернет - технологий, которые значительно расширяют возможности получения образования в процессе налаживания взаимодействия всех участников образовательного процесса вне зависимости от их местонахождения.

Развитие Интернета позволяет использовать значительное количество цифровых платформ для проведения в онлайн режиме конференций, лекций, консультаций и, что особенно важно, мастер - классов по различным направлениям изобразительного искусства для освоения обучающимися новых

техник и использования различных материалов. Этому же способствуют и цифровые графические редакторы, такие как: Photoshop, Krita, Procreate, GIMP и др. Они позволяют будущим учителям изобразительного искусства осваивать современные технологии, работая с различными цветами, текстурами и формами, открывают возможности для творческой самореализации при создании цифровых эскизов, коллажей и других творческих продуктов.

Цифровые технологии способствуют повышению мотивации будущих учителей изобразительного искусства к обучению и развитию путем использования введения в учебный процесс игровых элементов. Геймификация позволяет не только интересно и увлекательно организовать различные художественные марафоны или квесты с выполнением заданий по теме, но и расширить представления будущих учителей изобразительного искусства об использовании современных технологий в осуществлении своей будущей профессиональной деятельности [4].

Еще одним важным направлением дистанционного образования будущих учителей изобразительного искусства являются визуальные технологии, такие как электронные энциклопедии, словари, виртуальные музеи и галереи, использование которых значительно расширяет возможности изучения мировых шедевров в высоком разрешении, биографии и творчества знаменитых художников, позволяет более детально освоить различные художественные стили [2].

Информационно - комуникационные технологии включают большое количество современных образовательных платформ и программ, которые способствуют освоению будущими учителями изобразительного искусства навыков компьютерной графики и видеомонтажа, а также позволяют создавать цифровые учебные материалы, которые впоследствии будут применять будущие учителя изобразительного искусства в профессиональной деятельности.

Каждый художник имеет свои индивидуальные, уникальные способности, свое видение и мнение. Проявление творчества также у всех происходит по - разному. Именно поэтому подготовка будущих учителей изобразительного искусства требует индивидуального подхода в процессе всего периода обучения. Дистанционное обучение в полной мере может обеспечить гибкость и индивидуализацию образовательного процесса, который заключается в широком выборе используемых методов, понятного и удобного контента, а также выбора самостоятельной работы в удобное для студента время.

Еще одним помощником для будущих учителей изобразительного искусства выступает искусственный интеллект, который позволяет сгенерировать изображение на основе текстового описания, помогает анализировать различные изображения и композиции, подыскивает варианты для улучшения цветовых и фоновых решений, ускоряет поиск теоретического материала.

Различные платформы, направленные на управление обучением способствуют мониторингу развития студентов при помощи анализа ответов на вопросы,

проведения тестирования, выполнения творческих заданий, что позволяет систематизировать и корректировать образовательный процесс [1].

Одним из самых важных функций дистанционного образования является формирование у будущих учителей изобразительного искусства профессиональных и цифровых компетенций для успешного решения профессиональных задач. Современный учитель изобразительного искусства должен уметь работать с цифровыми инструментами для создания и обработки изображений, использовать онлайн - платформы для организации обучения, создавать интерактивные образовательные контенты, вести цифровые портфолио и фиксировать творческие достижения учащихся, а также работать в условиях современной цифровой среды и применять на практике различные методы и технологии, комбинируя традиционные и инновационные подходы к организации образовательного процесса [6].

Однако, несмотря на значительное преимущество дистанционного обучения, существует ряд определенных рисков, которые могут негативно влиять на уровень профессиональной подготовки будущих учителей изобразительного искусства.

Так, при осуществлении дистанционного образования будущих учителей изобразительного искусства могут возникнуть трудности в развитии практических навыков. Это связано с тем, что обучение изобразительному искусству базируется на формировании навыков работы с различными материалами (масло, акварель, глина, пастель) и инструментами (карандаш, кисти и т. д.), а также требует вмешательства педагога для коррекции положения кисти или карандаша, силы нажима, манеры нанесения штриха и т. д. Наряду с этим, могут возникнуть проблемы с доступам к предметам и материалам при освоении объемных рисунков или трехмерных проекций. Это может привести к рискам снижения пространственного восприятия при работе только с экрана монитора, в связи с отсутствием возможности ощущения пространства и светотени, а также способности производить полноценный анализ объемных фигур или композиций.

Еще одной проблемой может стать объективность оценивания творческих работ будущих учителей изобразительного искусства, связанной с искажением цветовых оттенков выполненных работ в цифровом формате, сложность с оценкой качества объемных изделий, если они сфотографированы с одного ракурса или качества съемки или освещения. Все это может негативно повлиять на оценку, что может стать причиной снижения мотивации к обучению.

Также студенты могут столкнуться с проблемами качественного технического обеспечения, такого как отсутствие необходимого для выполнения определенных заданий лицензионного программного обеспечения; слабый сигнал интернета, а соответственно и помехи при прослушивании лекционного материала; устаревшее оборудование, которое не позволяет

Следующая трудность, которая может возникнуть при осуществлении дистанционного обучения будущих учителей изобразительного искусства — это снижение мотивации к обучению, связанное с организацией времени на обучение

(наличие отвлекающих факторов), чувство изолированности и отсутствие соперничества, которое возникает в процессе коллективного взаимодействия. Все это может повлечь за собой несвоевременность в выполнении заданий и пробелы в знаниях.

Подготовка будущего учителя изобразительного искусства предполагает его профессиональное становление, взаимодействие с коллегами, участие в коллективной творческой деятельности. Дистанционный формат обучения ограничивает студентов в живой коммуникации и вызывает трудности при создании коллективных творческих проектов, не позволяет в полной мере участвовать в профессиональных сообществах и мероприятиях, препятствует наблюдению за работой опытных педагогов с целью перенимания опыта и анализа практических ситуаций. Все это может негативно повлиять на готовность к работе в педагогическом коллективе, а также ограничивает профессиональный кругозор.

Сложности с профессиональным становлением при подготовке будущих учителей изобразительного искусства в дистанционном формате также могут возникнуть из - за отсутствия практики работы с детьми в реальных условиях, недостаточности вовлечения в учебный процесс и понимания специфики педагогической деятельности, что может негативно повлиять на адаптацию выпускников при трудоустройстве [5].

Стоит отметить, что при организации дистанционного обучения необходимо учитывать нагрузки, связанные с сохранением здоровья студентов. Так как неконтролируемое нахождение перед экраном монитора, выполнение большого количества заданий по всем изучаемым дисциплинам, затраты времени на составление презентаций, фото - отчетов и т. п., может вызывать усталость глаз, снижение концентрации и ухудшение самочувствия [3]. Кроме того, существует риск появления хронической усталости, раздражительности, бессонницы, что, в свою очередь, отражается на эффективности восприятия материала, выполнения творческих заданий и снижение мотивации к обучению.

Для минимизации вышеуказанных рисков необходимо заранее разработать и организовать процесс обучения с учетом их негативного влияния. Для этого необходимо разработать комплексный подход к организации дистанционного обучения, который будет включать:

- конкретную структуру обучения и единые для всех требования к освоению образовательной программы;
- адаптивные учебные планы, учитывающие особенности дистанционного обучения;
- обеспечение учебного процесса квалифицированными кадрами, владеющими цифровыми компьютерными технологиями на высоком уровне;
- четкие критерии оценивания творческих работ студентов с указанием требований к фото - и видеосъемке, содержанию и качеству презентаций и творческих проектов;

- возможность участия студентов в долгосрочных творческих проектах, включающих традиционные и цифровые методы [2];

- бесплатное аналоговое программное обеспечение для выполнения основных и дополнительных творческих заданий;

- доступ студентов к электронным библиотечным базам, профессиональным выставкам и галереям;

- обратную связь с возможностью индивидуальных консультаций;

- онлайн - пространства для совместной работы и обсуждений;

- проведение онлайн - выставок творческих работ студентов;

- комбинированный подход в процессе практической педагогической подготовки, чередование наблюдений за проведением уроков и коротких очных стажировок в школах под руководством наставника;

- работу по сохранению физического и психического здоровья студентов.

Таким образом, опыт дистанционного обучения будущих учителей изобразительного искусства свидетельствует о его потенциале как инструмента трансформации системы художественного образования. Несмотря на наличие специфических рисков, связанных с ограничением непосредственного взаимодействия и сложностями освоения практических навыков, данный формат открывает перспективы для внедрения инновационных педагогических технологий при условии обеспечения методической поддержки, разработки специализированных дидактических материалов и организации регулярной обратной связи между участниками образовательного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А. А. Педагогические аспекты дистанционного обучения в высшей школе: монография. — М.: Издательство МЭСИ, 2020. — 184 с.

2. Бабаева Т. В., Гудилина С. И. Информационные технологии в художественном образовании: новые возможности и перспективы // Педагогика искусства. — 2021. — № 2. — С. 45–52.

3. Дистанционные образовательные технологии: проектирование и реализация учебных курсов / под общ. ред. М. Б. Лебедевой. — СПб.: БХВ - Петербург, 2021. — 352 с.

4. Карпова Л. В. Цифровые технологии в художественном образовании: опыт и перспективы // Искусство и образование. — 2022. — № 3 (137). — С. 78–85.

5. Концепция развития непрерывного образования взрослых в Российской Федерации до 2030 года. — М., 2023. — 48 с.

6. Лаптев В. В., Шлыкова О. В. Цифровая культура: компетенции, обучение, технологии. — СПб.: Петрополис, 2022. — 240 с.

© Костьянов А.В. 2026 г.

Мамеева Э. М.
старший научный сотрудник
сектора дошкольного образования
ГБУ РД «ДНИИП им. А.А. Тахо - Годи»

ТЕАТР КАК СРЕДСТВО ЭМОЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Аннотация. В статье дается анализ эмоционального развития детей дошкольного возраста путем театрализованной деятельности. Для успешного эмоционального развития старших дошкольников и предотвращения развития у них эмоциональных нарушений важно организовывать специальную работу по развитию их эмоциональной сферы.

Ключевые слова: дошкольники, стандарт, образовательные программы, театрализованная деятельность, эмоциональное развитие.

Mameeva E. M.

Abstract. This article analyzes the emotional development of preschool - aged children through theatrical activities. To successfully promote the emotional development of older preschoolers and prevent the development of emotional disorders, it is important to organize specialized work to develop their emotional sphere.

Key words: preschoolers, standard, educational programs, theatrical activities, emotional development.

Согласно ФГОС ДО одним из приоритетных направлений в образовательной области «Социально - коммуникативное развитие» является развитие социального и эмоционального интеллекта, эмоциональной отзывчивости, сопереживания, формирование уважительного отношения и чувства принадлежности к своей семье.

Эмоциональная сфера человека является одним из главных факторов успешности личности в различных сферах деятельности, которая помогает человеку приспосабливаться к меняющимся условиям жизни и дает возможность подходить творчески в трудовой и досуговой деятельности. Эмоции сопровождают все проявления активности человека и являются одним из механизмов регуляции психической деятельности и поведения, направленных на удовлетворение потребностей [1].

Отечественный психолог В.В. Зеньковский писал: «Психическая организация детства исключительно прекрасна, и этой красотой и грацией своей детство обязано той непосредственности, корень которой лежит в преимущественном развитии эмоциональной сферы» [2].

Одним из средств развития эмоциональной отзывчивости у детей дошкольного возраста является театрализованная деятельность, потому что театр дает знания

детям об окружающем мире, учит отличать добро и зло, вызывает сочувствие и желание помочь, помогает найти ответы на интересующие вопросы. Театрализованные занятия, развивая эмоциональную сферу ребенка, побуждают его сочувствовать персонажам, сопереживать разыгрываемые им ситуации. «В процессе этого сопереживания, – как отмечал психолог и педагог, академик Б.М. Теплов, – создаются определенные отношения и моральные оценки, имеющие несравненно большую принудительную силу, чем оценки, просто сообщаемые и усваиваемые» [3].

В.С. Мухина утверждает, что «эмоциональное благополучие способствует нормальному развитию личности ребенка, выработке у него положительных качеств, доброжелательного отношения к другим людям» [4].

Театрализованная деятельность в дошкольной образовательной организации должна включаться организационно во все занятия, в совместную деятельность детей и взрослых, а также отдельно в самостоятельной деятельности детей. Театрализованная деятельность может быть органично включена в работу различных студий и кружков могут вноситься в содержание праздников и развлечений. Совместная театрализованная деятельность выполняет ряд функций: познавательную, воспитательную и развивающую. Совместная театрализованная деятельность может включать как инсценировки сказок, драматизации, так и ролевые диалоги по иллюстрациям, самостоятельные импровизации на темы, взятые из жизни. Необходимо, чтобы воспитатель не только выразительно читал или рассказывал что - либо, но и был готов к любому «превращению», то есть владел основами актёрского мастерства. Именно это ведёт к повышению его творческого потенциала и помогает совершенствовать театрализованную деятельность детей.

Создавая условия для эмоционального развития детей в театрализованной деятельности, педагог должен поощрять исполнительское творчество и поддерживать инициативу ребенка, развивать способность свободно и раскрепощенно держаться при выступлении.

Исполняя роль, ребенок может не только передавать устно и просто показывать эмоции героя, но также и переживать за поступки своего любимого персонажа - героя. Это влияет на развитие эстетических переживаний, дают возможность ребенку испытать восторг такими моментами в жизни, которые он до этих пор не замечал, и изображать их с помощью движений, жестов, мимики и других средств выразительности. Значительную роль играет положительный эмоциональный фон, который присутствует на каждом театрализованном занятии, а также общая коллективная деятельность. Большое внимание необходимо уделять созданию благоприятной развивающей предметно - пространственной среды в группе, способствующей всестороннему развитию воспитанников, обеспечивающей эмоциональное благополучие и психологический комфорт каждому ребенку.

Важно создать необходимые педагогические условия развития эмоциональной сферы дошкольников в театрализованной деятельности в трех направлениях:

1. Работа с дошкольниками: формирование понимания эмоциональных состояний людей; развитие умения передавать эмоциональное состояние в речи; развитие умения контролировать свои эмоции; повышение уровня знаний и представлений об эмоциональной сфере человека.

2. Создание развивающей предметно - пространственной среды для развития эмоциональной сферы дошкольников.

3. Работа с родителями.

Воспитательные возможности театрализованной деятельности широки. Участвуя в ней, дети знакомятся с окружающим миром во всем его многообразии через образы, краски, звуки и, умело поставленные вопросы заставляют их думать, анализировать, делать выводы и обобщения. Театрализованная деятельность позволяет формировать опыт социальных навыков поведения благодаря тому, что каждое литературное произведение или сказка для детей дошкольного возраста всегда имеют нравственную направленность (дружба, доброта, честность, смелость и др.).

Таким образом, системное использование театрализованной деятельности в жизни дошкольника является эффективным средством формирования эмоционального развития детей.

Литература

1. А.Н. Леонтьев. Потребности, мотивы и эмоции. А.Н. Леонтьев. Психология эмоций. Тексты. – М.: МГУ, 1984. –162 с.

2. Возрастная и педагогическая психология: Хрестоматия: Учеб пособие для студ. сред. пед. учеб. заведений. Сост. И.В. Дубровина, А.М. Прихожан, В.В. Зацепин. – М.: Издательский центр «Академия», 1999. – 320 с.

3. М.Д. Маханева. Театрализованные занятия в детском саду: Пособие для работников дошкольных учреждений. – М.: ТЦ Сфера, 2001. – 128 с.

4. В.С. Мухина. Детская психология: Учеб. для студентов пед. Институтов. Под ред. Л.А. Венгера. – М.: Просвещение, 1985. – 272 с.

(©) Мамеева Э.М., 2026 г.

Попутников С.С.
Аспирант
ФГБОУ ВО «Уральский государственный лесотехнический университет»
Екатеринбург, Россия
Научный руководитель: Вербицкая Н.О.
доктор педагогических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»
Екатеринбург, Россия

НЕЙРООРИЕНТИРОВАННЫЕ КОНТРОЛЬНО - ИЗМЕРИТЕЛЬНЫЕ МЕТОДЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Аннотация

В статье рассматривается сущность и особенности нейроориентированных контрольно - измерительных методов в системе профессионального образования.

Раскрывается их отличие от традиционных подходов к оценке образовательных результатов, акцентируется внимание на учёте когнитивных и нейрофизиологических особенностей обучающихся. Описываются основные характеристики нейроориентированных методов, включая процессуальную направленность, адаптивность, персонализацию и интеграцию с цифровыми технологиями. Анализируется их значение для оценки сформированности профессиональных компетенций, а также преимущества и ограничения внедрения. Делается вывод о перспективности развития нейроориентированных методов в условиях цифровизации образования и их потенциале для повышения эффективности образовательного процесса.

Ключевые слова

Нейроориентированные методы, контрольно - измерительные материалы, профессиональное образование, когнитивные процессы, оценка результатов обучения, персонализация обучения, цифровые технологии, педагогическая диагностика, нейропедагогика, образовательная аналитика.

Poputnikov S. S.
Postgraduate student
Ural State Forest Engineering University
Yekaterinburg, Russia
Scientific supervisor: Natalia O.V.
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
Ural State University of Economics
Yekaterinburg, Russia

NEURO - ORIENTED ASSESSMENT METHODS IN VOCATIONAL EDUCATION

Abstract

The article examines the essence and specific features of neuro - oriented assessment methods in the system of vocational education. It reveals their differences from traditional approaches to evaluating learning outcomes, with a particular emphasis on accounting for the cognitive and neurophysiological characteristics of learners. The main characteristics of neuro - oriented methods are described, including process - oriented assessment, adaptability, personalization, and integration with digital technologies. The paper analyzes their significance for assessing the development of professional competencies, as well as the advantages and limitations of their implementation. It concludes that neuro - oriented methods have strong potential for development in the context of the digitalization of education and can contribute to improving the overall effectiveness of the educational process.

Keywords

Neuro - oriented methods, assessment and measurement materials, vocational education, cognitive processes, learning outcomes assessment, personalized learning, digital technologies, pedagogical diagnostics, neuropedagogy, educational analytics.

Нейроориентированные контрольно - измерительные методы, абсолютно новое направление в педагогической науке, основанное на учёте когнитивных и нейрофизиологических особенностей обучающихся в процессе оценки образовательных результатов. Прежде всего, их формирование обусловлено необходимостью преодоления ограничений традиционных, тестологических и цифровых методов контроля, которые преимущественно фиксируют результат обучения, не отражая глубинные механизмы усвоения знаний.

В широком смысле нейроориентированные методы можно определить как систему оценки образовательных результатов, которая учитывает большую часть когнитивных процессов человека, берёт в расчёт особенности работы памяти, уровень устойчивость внимания, динмику усвоения знаний, берёт в расчёт когнитивную нагрузку и индивидуальные стратегии мышления. И в отличие от традиционных методов, нейроориентированные методы направлены на анализ процесса обучения, выявление глубины понимания и диагностику когнитивных затруднений. Что меняет привычное понимание контроля и делает его не только процедурой фиксации результата и становится инструментом анализа когнитивной деятельности обучающегося.

Нейроориентированные контрольно - измерительные методы базируются на когнитивной психологии в части обработки информации, нейронауках в части биологического функционирования мозга, педагогической диагностике в ключе поведенческого аспекта и цифровых технологиях анализа данных для объективной оценки. Основные характеристики нейроориентированных методов:

1 Процессуальная направленность. Подразумевает под собой оценку не только результата, но и хода выполнения задания.

2 Когнитивная чувствительность. Определяет учёт особенностей мышления, памяти и внимания.

3 Адаптивность. Корректировка заданий в зависимости от уровня обучающегося.

4 Персонализация. Подразумевает под собой учёт индивидуальных образовательных траекторий.

5 Интеграция с цифровыми технологиями. Заключает в себе использование аналитики данных и интеллектуальных систем.

В системе профессионального образования нейроориентированные методы имеют особую значимость, так как позволяют оценивать уровень сформированности профессиональных компетенций, способность к решению практических задач, адаптацию к профессиональной деятельности, а также индивидуальные стратегии выполнения задач. К примеру, при выполнении профессионального кейса оценивается не только результат, но логика решения, последовательность действий, уровень когнитивной нагрузки.

Нейроориентированные контрольно - измерительные методы обладают рядом преимуществ перед традиционными подходами, за счёт более глубокой диагностики обучения, большей объективности в оценивании, возможности учёта

индивидуальных потребностей и возможности персонализации обучения, что в итоге ведёт к повышению эффективности образовательного процесса. Но в то же время, существует ряд ограниченийний и проблем внедрения, среди которых:

1 высокая технологическая сложность;
2 необходимость специальной подготовки преподавателей;
3 ограниченность инструментов прямой нейродиагностики;
4 этические вопросы использования данных.

Все эти трудности, дают почву для дальнейших научных исследований и разработки методических решений. Что в настоящее время, может быть, с лёгкостью реализовано, так как развитие нейроориентированных контрольно - измерительных методов связано с интеграцией нейронаук и цифровых технологий, развитием искусственного интеллекта, созданием интеллектуальных систем оценки, расширением возможностей персонализации обучения. Что мы можем наблюдать в данный момент практически повсеместно. В будущем, мы надеемся, что данные системы позволят анализировать когнитивное состояние обучающегося, адаптировать обучение в реальном времени и повышать эффективность профессиональной подготовки в целом.

Список источников

1 Сорочинский М. А. Нейропедагогика: возможности и ограничения исследования электронного обучения методами нейротехнологий // Управление образованием: теория и практика. – 2023. – Т. 13. – №. 12–1. – С. 98–105.

2 Костромина С. Н., Гнедых Д. С. Нейронаука в системе профессионального образования // Профессиональное образование и рынок труда. – 2021. – №. 4 (47). – С. 8–29.

3 Храмова М. В., Храмов А. Е., Федоров А. А. Современные тренды развития нейронаучных исследований в образовании // Вопросы образования. – 2023. – №. 4. – С. 275–316.

4 Казаченок В. В. Применение нейронных сетей в обучении // Информатика и образование. – 2020. – №. 2. – С. 41–47.

5 Зеер Э. Ф., Сыченко Ю. А., Журавлева Е. В. Нейротехнологии в профессиональном образовании: рефлексия их возможностей // Педагогическое образование в России. – 2021. – №. 3. – С. 8–15.

6 Лыжин А. И., Феоктистов А. В., Шаров А. А. Тренды применения нейротехнологий в образовании // Инновации в профессиональном и профессионально - педагогическом образовании. – 2022. – С. 201–204.

7 Костенко И. В. Применение нейросетей в педагогической практике // Проблемы современного педагогического образования. – 2025. – №. 87–2. – С. 255–257.

© Попутников С.С. 2026г.

Шабанова Д. Э.
Студент СДО - Л - 22
Научный руководитель: Моцовкина Е.В., канд. пед. наук, ст. преподаватель кафедры специального (дефектологического) образования, ГБОУВО РК «Крымский инженерно - педагогический университет имени ФевзиЯкубова»

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ КОРРЕКЦИИ НАРУШЕНИЙ ЧТЕНИЯ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация:В статье рассматривается проблема коррекции нарушений чтения у обучающихся младшего школьного возраста с позиции интеграци современных технологий в коррекционно - педагогический процесс. Актуальным является необходимость применения инновационных средств обучения. Раскрываются принципы отбора и применения технологических средств с учетом структуры дефекта и возрастных особенностей младших школьников. Обосновывается эффективность технологического подхода для повышения мотивации обучающихся и достижения метапредметных результатов.

Abstract:The article discusses the problem of correcting reading disorders in primary school students from the perspective of integrating modern technologies into the correctional and pedagogical process.The article reveals the principles of selecting and using technological tools, taking into account the structure of the defect and the age - related characteristics of primary school students. The effectiveness of the technological approach in increasing students' motivation and achieving metasubject results is substantiated.

Ключевые слова:нарушения чтения, дислексия, младшие школьники, современные технологии, информационно - коммуникационные технологии, коррекционная педагогика, интерактивное обучение, цифровые образовательные ресурсы.

Keywords:reading disorders, dyslexia, primary school children, modern technologies, information and communication technologies, correctional pedagogy, interactive learning, digital educational resources.

Цель статьи

Целью данной статьи является теоретическое обоснование и практическая характеристика возможностей использования современных технологий (цифровых, интерактивных, аппаратных) как эффективного средства коррекции нарушений чтения у младших школьников.

В условиях цифровой трансформации образования особое значение приобретает интеграция современных технологий в коррекционно - педагогический процесс. Психолого - педагогические исследования (Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, А.Н. Леонтьев) подтверждают, что эффективность обучения во многом зависит от

соответствия средств обучения ведущим каналам восприятия информации и характеру познавательной деятельности ребенка.

Современные технологии предоставляют уникальные возможности для коррекции нарушений чтения:

1. Мультимодальность воздействия: одновременное использование зрительного, слухового и кинестетического каналов восприятия, что особенно важно для детей с дислексией, у которых часто нарушено межанализаторное взаимодействие.

2. Интерактивность: возможность активного взаимодействия с учебным материалом, мгновенная обратная связь, что способствует формированию регулятивных универсальных учебных действий.

3. Индивидуализация: адаптация темпа, сложности и формы подачи материала под конкретные особенности ребенка.

4. Игровая форма: большинство технологических решений имеют игровой формат, что повышает мотивацию и снижает тревожность.

Классификация современных технологий для коррекции нарушений чтения

В зависимости от решаемых коррекционных задач и используемых средств современные технологии могут быть классифицированы следующим образом:

1. Информационно - коммуникационные технологии (ИКТ)

Компьютерные программы и тренажеры:

· Логопедические программы: «Игры для Тигры», «Дельфа - 142», «Логомер 2» — содержат модули для коррекции фонематического восприятия, звуко - буквенного анализа, слоговой структуры слова.

· Тренажеры чтения: «Читайка», «Скорочтение для детей», «Учимся читать по слогам» — направлены на автоматизацию навыка слогового и целостного чтения.

· Интерактивные онлайн - платформы: «Яндекс.Учебник», «Учи.ру», «ЛогикЛайк» — содержат адаптированные тексты и интерактивные задания на понимание прочитанного.

Возможности:

· Автоматизация звуко - буквенных связей

· Развитие фонематического слуха через слуховые диктанты

· Формирование навыка слогового чтения с анимационной поддержкой

· Мгновенная диагностика и фиксация ошибок

2. Мобильные приложения (цифровые инструменты на планшетах и смартфонах)

Примеры приложений:

· «Грамотей» — интерактивные диктанты и упражнения по русскому языку, развивающие языковое чутье.

· «Логопед.ру» — приложение с артикуляционной гимнастикой и играми на развитие фонематического восприятия.

· «Азбука в стихах» — интерактивный букварь с анимацией и звуковым сопровождением.

· «Развитие речи. Логопед» — игры на дифференциацию звуков, составление слов и предложений.

Возможности:

· Доступность в любое время (возможность домашних занятий)

· Сенсорное взаимодействие (тактильный контакт с экраном)

· Элементы геймификации (баллы, уровни, награды)

3. Интерактивное оборудование

Интерактивные доски и панели:

· Использование при работе с текстом: выделение букв, слогов, слов разными цветами; перемещение элементов; создание схем и моделей.

· Игровые задания: «Найди ошибку», «Собери слово», «Составь предложение» с возможностью коллективного выполнения.

4. Технологии биологической обратной связи (БОС)

Аппаратно - программные комплексы БОС:

· БОС - Лого: направлен на коррекцию речевого дыхания, артикуляции, ритмической организации речи.

· БОС - здоровье: использование для снятия мышечного и эмоционального напряжения перед занятиями по чтению.

Возможности:

· Формирование диафрагмального дыхания (основа плавного чтения)

· Развитие ритмической организации речи (профилактика «чтения по буквам»)

· Снижение уровня тревожности, нормализация психоэмоционального состояния

Интеграция современных технологий в процесс коррекции нарушений чтения должна осуществляться на основе следующих принципов:

1. Принцип целесообразности: технология выбирается исходя из структуры дефекта и конкретных коррекционных задач, а не из стремления к внешней «современности».

2. Принцип дозированности: время работы с экранными устройствами строго регламентировано (не более 15 - 20 минут на занятии) в соответствии с санитарно - эпидемиологическими требованиями (СанПиН).

3. Принцип доступности: интерфейс и содержание должны соответствовать возрастным особенностям и уровню развития ребенка.

4. Принцип адаптивности: возможность настройки уровня сложности, темпа подачи материала под индивидуальные особенности обучающегося.

6. Принцип безопасности: использование технологий, прошедших психолого - педагогическую экспертизу и не оказывающих негативного влияния на здоровье.

Заключение

Современные технологии открывают новые перспективы для коррекции нарушений чтения у младших школьников. Интеграция информационно - коммуникационных технологий, мобильных приложений, интерактивного оборудования, систем биологической обратной связи и технологий дополненной реальности в коррекционно - педагогический процесс позволяет реализовать ключевые требования ФГОС НОО: индивидуализацию обучения, системно - деятельностный подход, формирование универсальных учебных действий.

Использование современных технологий не заменяет, но существенно дополняет традиционные методы логопедической работы. Технологические средства

обеспечивают мультимодальность воздействия, высокую мотивацию обучающихся, возможность объективного мониторинга прогресса и создания ситуации успеха для каждого ребенка. Однако их применение требует соблюдения принципов целесообразности, дозированности и интеграции с другими методами коррекции.

Дальнейшее развитие данного направления связано с созданием и апробацией специализированных программных продуктов, прошедших психолого - педагогическую экспертизу, а также с повышением цифровой компетентности педагогов - логопедов и учителей начальных классов. Только при этих условиях современные технологии смогут в полной мере реализовать свой потенциал как эффективного средства коррекции нарушений чтения у младших школьников**.**

Список использованной литературы

1. Иншакова, О.Б. Развитие навыков чтения у младших школьников: диагностика и коррекция [Текст] / О.Б. Иншакова. — М.: В. Секачев, 2014. — 112 с.

2. Корнев, А.Н. Нарушения чтения и письма у детей [Текст] / А.Н. Корнев. — СПб.: Речь, 2003. — 330 с.

3. Лизунова, Л.Р. Компьютерные технологии в логопедической работе [Текст] / Л.Р. Лизунова // Логопед. — 2015. — № 3. — С. 32–38.

4. Прищепова, И.В. Логопедическая работа по коррекции нарушений чтения у младших школьников с использованием компьютерных технологий [Текст] / И.В. Прищепова, Е.В. Шереметьева // Специальное образование. — 2018. — № 4. — С. 78–89.

5. Фомичева, Л.В. Использование информационно - коммуникационных технологий в логопедической работе с младшими школьниками [Текст] / Л.В. Фомичева, Е.А. Петрова // Наука и школа. — 2020. — № 2. — С. 112–118.

6. Шереметьева, Е.В. Профилактика и коррекция дислексии у младших школьников с использованием мультимедийных технологий [Текст] / Е.В. Шереметьева // Логопедия сегодня. — 2019. — № 1. — С. 24–30.

© Шабанова.Д.Э,2026

Шайхутдинова М.В.
Воспитатель МБДОУ
«Детский сад № 59 «Золушка»,
г. Норильск, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ ОСНОВ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ У ДОШКОЛЬНИКОВ ПОСРЕДСТВОМ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация

В статье раскрывается опыт работы по формированию первоначальных основ экологических знаний у дошкольников посредством проектной деятельности.

Описываются педагогические условия организации проектов в образовательном пространстве детского сада.

Ключевые слова

Проект, экология, дошкольники, воспитание.

Формирование первоначальных основ экологических знаний у детей дошкольного возраста составляет важную задачу для дошкольного образования. Экологическое образование, как отмечают Л. А. Гостева, Ю. Д. Антонова, «уже стало неотъемлемой частью дошкольной педагогики, решается оно на основе формирования экологических представлений, усваиваемых на этапах дошкольного детства» [2, с.102].

Проектная деятельность, по мнению Е. П. Бабичевой, Т. В. Прибытковой, «является высокоэффективным средством формирования основ экологической культуры у старших дошкольников. Она позволяет перевести абстрактные экологические знания в плоскость личного опыта и практических действий [1, с.291].

Формирование первоначальных экологических знаний у дошкольников в рамках проектной деятельности требует соблюдения ряда ключевых условий.

Во-первых, необходимо организовать предметно-развивающую среду с широким набором природных объектов, материалов и дидактических пособий. Такая среда побуждает детей к познавательной активности: даёт возможность наблюдать за природными явлениями, исследовать объекты и ставить простые эксперименты – всё в безопасной и доступной форме.

Во-вторых, экологическое образование следует органично включать в разные виды деятельности дошкольников: игру, труд, художественно-эстетические занятия. Проектная деятельность с её равноправным взаимодействием педагога и ребёнка помогает эффективно осваивать экологические понятия, воспитывать бережное отношение к природе и развивать экологическую культуру.

В-третьих, важно наладить сотрудничество с семьями воспитанников. Родители как первые воспитатели должны участвовать в экологическом просвещении: присоединяться к совместным проектам, экскурсиям и акциям. Это создаёт единое образовательное пространство, в котором ребёнок получает целостное представление о природе и учится ответственно относиться к её охране.

Наконец, успех проектной работы в сфере экологического образования напрямую зависит от профессионализма педагогов. Они должны владеть современными методиками, грамотно организовывать проекты, пробуждать у детей интерес к изучению природы, развивать их познавательные способности и формировать положительное эмоциональное отношение к окружающему миру.

В МБДОУ «Детский сад № 59 «Золушка» с 12 марта по 25 апреля 2026 г. в средней группе был организован проект «Земля - наш общий дом, и мы на ней живём!». Цель проекта: способствовать становлению системы экологических представлений о природе у детей дошкольного возраста и создание условий для формирования у дошкольников элементов экологической культуры.

В рамках проекта мы вместе с детьми:

- посадили лук - батун «Красное перо» и бархатцы («Огненный шар» и мелкоцветущие) в рамках акции «Огород на окне»;

- познакомились с эколятами – Умницей, Шалуном, Тихоней и Ёлочкой – через мультфильм «Про эколят – защитников природы» и тематические презентации;

- участвовали в целевых прогулках по территории ДОУ и работе в уголке природы, посетили «Зимний сад»;

- присоединились к экологическому патрулю «Эколята-дошколята»;

- приняли участие в посвящении в «Эколята» и получили логотипы со сказочными героями ко Всероссийскому Дню экологических знаний (15 апреля);

- посмотрели дома мультфильмы на экологическую тему: серию «Чему учит экология» из «Фиксиков», «Мальчик и Земля», серию «Маленькое, большое море» из «Смешариков», мультфильм «Мусор»;

- провели ряд бесед о природе, её охране и правилах поведения на природе.

Мы провели с детьми цикл бесед: «Берегите лес», «Поможем природе», «Знакомство с Эколятами – юными защитниками природы», «Растения просят помощи», «Правила поведения на природе», «Правила поведения в природе», «Что мы знаем об овощах и фруктах?», «Чистый воздух в городе», «Беседы о труде людей, которые приносят пользу для природы», «Что такое природа? Живая и неживая природа», «Почему воду нужно беречь?», «Знакомство с Лекарственными растениями», «Мы эколята - дошколята», «Растения помогают человеку жить», «Зимний лес и его обитатели», «Звери и птицы зимой», «Что такое «Красная книга» и др.

Мы заметили, что реализация проекта «Земля - наш общий дом, и мы на ней живём!» позволила сформировать у детей среднего дошкольного возраста такие первоначальные знания, как представления о многообразии объектов живой природы, их особенностях, питании, месте обитания, жизненных проявлениях и потребностях.

Чтение художественной литературы: «Лисичка - сестричка и серый волк», «Зимовье зверей», «Зимняя сказка», Е. Чарушин «Воробей», «Лисята», «Медвежата», Э. Успенский «Птицы», А. Яшина «Покормите птиц зимой». В. Степанов «Животные наших лесов». Т. А. Шорыгина «Какие звери в лесу», В. Бианки «Лесной хор» помогло воспитывать эмоционально - положительное отношение ко всем живым существам, желание их беречь и заботиться.

Таким образом, одним из эффективных средств формирования первоначальных основ экологических знаний у дошкольников является применение проектов. Вовлечение детей и родителей в совместные проекты, экскурсии и экологические акции позволит создать единое образовательное пространство.

Список литературы

1.Бабичева, Е. П. Формирование основ экологической культуры у детей старшего дошкольного возраста в процессе проектной деятельности / Е. П. Бабичева, Т. В.

Прибыткова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2025. – № 45 (596). – С. 291 - 293. – URL: https: // moluch.ru / archive / 596 / 129853.

2.Гостева, Л. А. Особенности использования метода проектов в экологическом образовании старших дошкольников / Л. А. Гостева, Ю. Д. Антонова. – Текст: непосредственный // Проблемы и перспективы развития образования: материалы VIII Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2016 г.). – Краснодар: Новация, 2016. – С. 102 - 104. – URL: https: // moluch.ru / conf / ped / archive / 187 / 9534.

© Шайхутдинова М.В., 2026

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Азизова Д.А.
Студентка 5 курса психолого - педагогического факультета
Орский гуманитарно - технологический институт (филиал) ОГУ
г. Орск, Россия
Научный руководитель: **Попрядухина Н.Г.**
к.пс.н., доцент
Орский гуманитарно - технологический институт (филиал) ОГУ
г. Орск, Россия

ВЛИЯНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА ПРОЦЕСС АДАПТАЦИИ К УСЛОВИЯМ ОБУЧЕНИЯ В ШКОЛЕ

Аннотация: в статье рассматривается влияние личностных особенностей младших школьников на процесс адаптации к школе; анализируются такие факторы, как тревожность, самооценка, мотивация к обучению, коммуникативные навыки и способность к саморегуляции; представлены показатели успешной адаптации и факторы, которые могут затруднять этот процесс.

Ключевые слова: адаптация, младшие школьники, личностные особенности, психологическая готовность к школе.

Младший школьный возраст, в соответствии с основными положениями авторской концепции об особенностях развития ребенка Д. Б. Эльконина, в основу которой была положена теория о практической деятельности А. Н. Леонтьева [3, 45] и положения психолога - иисследователя Л. С. Выготского [1, 39] об особенностях структуры психологического возраста и специфики динамики, охватывает период с 7 до 11 лет [5, 38].

Мы считаем, что вышеуказанные основные аспекты периодизации процесса развития ребенка младшего школьного возраста, согласно Д. Е. Эльконину, позволяют нам понимать не только проявлению ими тех или иных мотивов, но и правильно выстраивать наиболее адекватную систему при организации и проведении работы по их воспитанию и обучению; умело прогнозировать и регулировать возникновение и дальнейшее протекание возрастных кризисных явлений [5, 43]. Итак, с точки зрения исследователей в сфере психологии, именно младший школьный возраст, имеющий такие характеризующие особенности, как: личностное развитие; интенсивное развитие памяти и речи; специфичное когнитивное развитие, когда воспитанник данного возраста, по утверждению Ж. Пиаже «находится на стадии конкретных операций», завершает эпоху детства [3, 23].

При этом, развитость у обучающихся младшего школьного возраста личностных особенностей значимо оказывают свое влияние не только на организованный процесс их учебной деятельности, но и их эмоциональное развитие, а также на

процесс социального взаимодействия и последующего формирования у них характера. Все это становится возможным, так как этот возрастной период характеризуется наиболее значимыми происходящими изменениями в ходе его психологического развития, а также с позиции существующей социальной ситуации. В том числе, посредством процесса по организации их ведущей практической деятельности - учебной.

Теоретические основы данного исследования были положены в основу разработки и проведения опытно - экспериментального изучения влияния личностных особенностей младших школьников на процесс адаптации к условиям обучения в школе посредством проведения 3 этапов работы: констатирующего, формирующего, контрольного, было осуществлено на базе 1 класса МОАУ «СОШ» № 24 г. Орска», в эксперименте приняли участие 25 обучающихся в возрасте 7 - 8 лет.

Работа была осуществлена согласно основным рекомендациям «Письма Минпросвещения России от 01.07.2025 № 03 - 1326 «О направлении информации» в период с 15 по сентября 2025 по 01 октября 2025 года – первичная диагностика; промежуточная диагностика - с 01 февраля 2026 по 01 марта 2026 года [4]. Все полученные показатели были внесены нами в протоколы.

Следует указать, что по результатам выполнения обучающимися третьего задания проективной методики «Домики» (автор О. А. Орехова) на констатирующем этапе нами были выделены три основных группы: 1) с выраженным его положительным отношением к процессу обучения в школе - 10 обучающихся, или 40 %; 2) с проявление двойственности его отношения к школе - тоже 10 обучающихся, или 40 %; 3) присутствует проявление явного негативного отношения к школе, организованному учебному процессу у 5 обучающихся, или 20 %.

Показатели оценки по модифицированному варианту анкеты школьной мотивации (автор Н. Г. Лусканова) на констатирующем этапе отражают, что почти 2 / 3 от общего количества обучающихся экспериментального 1 класса, имеют сформированный уровень школьной мотивации. При этом, 5 обучающихся, или 20 % - имеют не только низкий уровень мотивации, но и недостаточный показатель их эмоционального реагирования на различного рода возникающие ситуации из школьной жизни, а также на ход организованного учебного процесса, в том числе, дезадаптационного характера

При проведении исследования по оценке уровня особенностей положения обучающегося 1 класса с учетом его личностной социально - психологической позиции в классном коллективе согласно проективной методике «Мой класс» (автор А. А. Лескова) мы установили, что почти 50 % из числа обучающихся данного класса характеризуются достаточно благополучной их социально - психологической позицией. Все это указывает на их принадлежность к группе «принятый»; учитель для них – довольно значимое лицо в процессе обучения. Общий уровень проявления тревожности у всех исследуемых нами обучающихся 1 класса соответствует возрастным нормам; при этом, только у 16 % находится в

пределах показателей, соответствующих его среднему, или нормативному значению. В итоге, посредством оценки сводных результатов показателей диагностики влияния процесса адаптации на личностные особенности младших школьников, нами были определены особенности сформированности у обучающихся данного классного коллектива уровней их приспособления к школе, в частности, как: 1) сформированный достаточный уровень - у 10 обучающихся, или 40 %; 2) частично сформированный уровень - у 10 обучающихся, или 40 %; 3) недостаточно сформированный уровень, или его дезадаптация, или 20 %.

Данные результаты были положены в основу разработки и проведения работы по оптимизации процесса адаптации к условиям обучения в школе.

Проведение работы по адаптации обучающихся 1 класса к условиям процесса обучения в школе, для подтверждения выдвинутой нами гипотезы, составлена с учетом основных положений, представленных в программе по психологическому сопровождению Е. А. Козыревой. В основе проведения данной работы лежало создание специальных условий для возможного позитивного развития посредством организации процесса по оптимизации их взаимодействия в образовательной среде как самих обучающихся младшего школьного возраста, так и взрослых, в том числе, педагогов и родителей.

Программа по оптимизации обучающихся к условиям процесса обучения в школе, включающая в себя 3 блока – работа психолога с педагогами, обучающимися 1 экспериментального класса и их родителями.

Для выявления эффективности программы провели контрольный этап:

- выявленные показатели вегетативного коэффициента при выполнении обучающимися 1 класса задания 1 проективной методики «Домики» (автор О. А. Орехова) на констатирующем этапе показали выраженный у них уровень их устойчивого эмоционального фона, то есть, того настроения, которое является преобладающим, на контрольном снижение на 4 %. Тем не менее, больше 20 баллов вновь у 3 обучающихся, или 12 % - все это указывает на еще имеющееся наличие высокого уровня всякого рода возникающих проблем, которые проявляются явными неприятными переживаниями и плохим настроением, которые он не может преодолеть самостоятельно.

Показатели оценки по модифицированному варианту анкеты школьной мотивации (автор Н. Г. Лусканова) на констатирующем этапе отражают, что почти 2 / 3 от общего количества обучающихся 1 класса, имели сформированный уровень школьной мотивации. При этом, 5 обучающихся, или 20 % - имели не только низкий уровень мотивации, но и недостаточный показатель их эмоционального реагирования на различного рода возникающие ситуации из школьной жизни, а также на ход организованного учебного процесса, в том числе, дезадаптационного характера. На контрольном этапе на данном уровень проявления выраженного негативного отношения к процессу обучения, школе - школьная дезадаптация показали только 2 человека, или 8 % (снижение на 4 %)

При проведении исследования по оценке уровня особенностей положения обучающегося 1 класса с учетом его личностной социально - психологической позиции в классном коллективе согласно проективной методике «Мой класс» (автор А. А. Лескова) на констатирующем этапе мы установили, что почти 50 % из числа обучающихся данного класса характеризуются достаточно благополучной их

социально - психологической позицией. Все это указывает на их принадлежность к группе «принятый»; учитель для них – довольно значимое лицо в процессе обучения. На контрольном этапе наблюдается повышение по высокому и среднему уровню, и снижение на 4 % по низкому уровню адаптированности обучающихся данного класса.

Итак, общий уровень проявления тревожности у всех исследуемых нами обучающихся 1 класса как на констатирующем, так и контрольнм этапе соответствует возрастным нормам; при этом, только у 16 % находится в пределах показателей, соответствующих его среднему, или нормативному значению. Все это указывает на процесс нормальной адаптации.

Таким образом, проявление и последующее становление личностных особенностей у обучающихся младшего школьного возраста напрямую взаимосвязаны и тем самым оказывают значимое комплексное влияние на процесс их физиологического и психологического развития, а также на ход организации учебной деятельности, в том числе, посредством становления совершенно нового уровня их социального взаимодействия.

Список литературы

1 Выготский, Л. С. Вопросы детской психологии / Л. С. Выготский. – Санкт - Петербург: СОЮЗ, 2007. - 224 с.

2 Леонов, Н. И. Зарубежная социальная психология: хрестоматия / Н. И. Леонов. – Москва: МОДЭК, 2002. – 384 с.

3 Леонтьев, А. Н Становление психологии деятельности / А. Н. Леонтьев. – Москва: Просвещение, 2004. – 439 с.

4 Письмо Минпросвещения России от 01.07.2025 № 03 - 1326 «О направлении информации» (вместе с «Методическими рекомендациями по организации процесса обучения в первом классе в адаптационный период (сентябрь - октябрь)») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https: // www. koob.ru

5 Эльконин, Д. Б. Психическое развитие в детских возрастах / Д. Б. Эльконин. – Москва: Совтские учебники, 2025. – 480 с.

© Азизова Д.А. 2026

Безбородых И.А.
Аспирант кафедры возрастной психологии и педагогики семьи РГПУ им. А. И. Герцена по специальности психофизиология
Санкт - Петербург, Россия

РАБОЧАЯ ПАМЯТЬ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО И МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА (6 - 7 ЛЕТ)

Аннотация

В статье рассматривается развитие рабочей памяти у детей 4–8 лет. Рабочая память понимается как способность ребёнка ненадолго удерживать информацию и сразу использовать её в действии: выполнить инструкцию, пересказать текст,

решить задачу, запомнить правило игры. Показано, что в дошкольном и младшем школьном возрасте рабочая память активно развивается и влияет на обучение, речь, счёт и поведение ребёнка.

Ключевые слова

Рабочая память, когнитивная гибкость, оценка рабочей памяти, рекомендации родителям, дети 4 - 8 лет.

Введение. Рабочая память — это один из важных механизмов умственного развития ребёнка. Она нужна не просто для запоминания, а для выполнения действий «здесь и сейчас». Например, ребёнок слышит просьбу: «Возьми карандаш, открой тетрадь и нарисуй круг» — и должен удержать не только слова, но и порядок действий.

Возраст 4–8 лет особенно важен, потому что ребёнок постепенно переходит от игровой деятельности к учебной. Ему всё чаще нужно слушать инструкцию до конца, удерживать правило, выполнять несколько шагов подряд и контролировать своё поведение. Поэтому слабая рабочая память может проявляться как забывчивость, невнимательность, трудности с пересказом, счётом или выполнением заданий.

Основная часть. Рабочая память включает несколько компонентов. Чаще всего выделяют слухоречевую рабочую память, связанную со словами и устными инструкциями, и зрительно - пространственную, связанную с образами, расположением предметов и схемами. У разных детей эти компоненты могут развиваться неравномерно.

Исследования показывают, что в возрасте от 4 до 7 лет рабочая память постепенно улучшается, но её развитие зависит не только от возраста. Значение имеют образовательная среда, регулярность занятий, речевая практика, режим дня и уровень цифровой нагрузки. Например, в исследовании А.Н. Вераксы и соавторов было показано, что дети, которые дольше посещали детский сад, в среднем показывали более высокие результаты по заданиям на рабочую память [1]. В другом исследовании отмечалось, что избыток экранного времени может быть связан с более слабым развитием слухоречевой рабочей памяти [2].

Рабочая память тесно связана с обучением. Она помогает ребёнку понимать речь взрослого, удерживать смысл рассказа, запоминать условие задачи, считать, сравнивать предметы и соблюдать правила. Англоязычное исследование M. Shvartsman и S. Shaul показало связь рабочей памяти с ранней грамотностью и математическими навыками у детей детского сада и первого класса [4].

В поведении слабая рабочая память часто выглядит как непослушание или невнимательность. Ребёнок может начать выполнять задание, но забыть середину инструкции; может понимать правило, но не удерживать его до конца; может отвлекаться не потому, что «не хочет», а потому что задание перегружает его возможности.

Для оценки рабочей памяти используют специальные задания: повторение предложений, запоминание расположения картинок, выполнение инструкций из нескольких шагов. Однако важно понимать, что одной бытовой жалобы недостаточно для вывода. Нужно смотреть, где именно возникает трудность: в речи, в зрительной памяти, в удержании правил, в пересказе или в поведении. Связь регуляторных функций с развитием связной речи у детей 6 - 8 лет также подчеркивается в исследовании Е. С. Ощепковой и А. Н. Шатской [3].

Практически развивать рабочую память можно через короткие и понятные упражнения. Например:

«Слушай и делай» — взрослый даёт 2–3 коротких действия, ребёнок повторяет их и выполняет по порядку.

«Запомни и собери» — ребёнку показывают несколько предметов или картинок, затем он восстанавливает их порядок.

«Повтори правило» — перед игрой ребёнок сам проговаривает правило и старается его удерживать.

Главный принцип — не перегружать ребёнка. Лучше давать короткие задания, постепенно усложнять их и встраивать в обычную жизнь: уборку, игру, чтение, дорогу, бытовые поручения.

Выводы. Рабочая память у детей 4–8 лет является важной основой обучения и саморегуляции. Она помогает ребёнку слушать, понимать, запоминать порядок действий, пересказывать, считать и соблюдать правила.

Её развитие зависит от возраста, среды, речевой практики и организации деятельности.

Жёсткая правда: если взрослый даёт ребёнку длинные инструкции, торопит его и требует «быть внимательнее», это не развивает рабочую память, а часто только перегружает её. Эффективнее давать короткие задания, просить ребёнка повторять инструкцию, использовать зрительные опоры и постепенно увеличивать сложность.

Таким образом, поддержка рабочей памяти должна быть не отдельным «тренажёром», а частью повседневного общения, игры и обучения.

Список используемой литературы

1. Веракса А. Н., Гаврилова М. Н., Каримова А. И., Солопова О. В., Якушина А. А. Развитие регуляторных функций у дошкольников 4–7 лет: роль продолжительности посещения детского сада // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. Т. 46. № 4. С. 64–87.

2. Гаврилова М. Н., Чичинина Е. А. Динамика развития рабочей памяти у детей в возрасте с 5 до 7 лет в период социальной изоляции: роль экранного времени и количества детей в семье // Вестник Санкт - Петербургского университета. Психология. 2023. Т. 13. № 3. С. 396–410.

3. Ощепкова Е. С., Шатская А. Н. Особенности развития связной речи у детей 6–8 лет в зависимости от уровня развития регуляторных функций // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. Т. 46. № 3. С. 261–284.

4. Shvartsman M., Shaul S. The Role of Working Memory in Early Literacy and Numeracy Skills in Kindergarten and First Grade // Children. 2023. Vol. 10, no. 8. Article 1285.

© Безбородых И.А., 2026

Гарипова Э.Р.
магистрант 2 курса УГНТУ,
г. Уфа, РФ

СВЕТ КАК ТЕОРИЯ ДИАЛОГА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРИРОДА СВЕТОВОГО ДИЗАЙНА ГОРОДА

Аннотация

В статье рассматривается междисциплинарная природа светового дизайна города, которая объединяет архитектуру, светотехнику, психологию, экологию и гуманитарные науки. За основу анализа взяты классические труды Н.И. Щепеткова и Н.М. Гусева с В.Г. Макаревичем, а также современные исследования, которые выявляют эффективное формирование световой среды ночного города в интеграции их методологии на всех этапах проектирования. Особое внимание уделяется психофизиологическим аспектам зрительного восприятия, которые выступают ключевыми связующим звеном между инженерными расчетами и художественным замыслом. В работе обосновывается тезис о том, что световой дизайн представляет собой уникальную модель междисциплинарного взаимодействия, где успех проекта напрямую зависит от способности специалистов говорить на общем языке и совместно решать комплексные задачи.

Ключевые слова

Световой дизайн, междисциплинарность, световая среда города, световой урбанизм, зрительное восприятие, психология восприятия, светотехника, световая среда города, световой урбанизм, архитектурное освещение, методология проектирования.

Garipova E. R.
2nd year master's student at Ufa State Petroleum Technological University,
Ufa, Russia

LIGHT AS A THEORY OF DIALOGUE: THE INTERDISCIPLINARY NATURE OF CITY LIGHT DESIGN

Annotation

The article examines the interdisciplinary nature of urban lighting design, which combines architecture, lighting engineering, psychology, ecology, and the humanities.

The analysis is based on the classical works of N.I. Shchepetkov and N.M. Gusev, as well as modern research that identifies the effective formation of the night city's lighting environment through the integration of their methodologies at all stages of design. Special attention is given to the psychophysiological aspects of visual perception, which serve as a key link between engineering calculations and artistic vision. The paper argues that lighting design is a unique model of interdisciplinary collaboration, where the success of a project depends on the ability of specialists to communicate and solve complex problems together.

Keywords

Light design, interdisciplinarity, urban light environment, light urbanism, visual perception, psychology of perception, lighting engineering, urban light environment, light urbanism, architectural lighting, and design methodology.

Современный город представляет собой арену непрерывного взаимодействия двух принципиально различных, но взаимосвязанных типов света: естественного (солнечного, от небосвода, отражённого) и искусственного (создаваемого человеком источниками освещения). Каждый из них обладает собственной природой, характеристиками и механизмами влияния на архитектурную форму, экосистему и человека. Формирование качественной световой среды невозможно без глубокого понимания того, как свет функционирует в разных научных и практических сферах. Именно поэтому возникает необходимость в комплексной междисциплинарной модели, интегрирующей знания архитектуры, искусства, биологии, физики, химии, психологии и социологии.

Естественный свет в архитектуре, искусстве, биологии, физике и химии

Естественный свет – это свет, получаемый от природных источников (в первую очередь Солнца), который используется как основной инструмент для создания комфортной, функциональной и эмоционально насыщенной среды.

В архитектуре естественный свет выступает фундаментальным инструментом формообразования наряду с объёмом, материалом и конструкцией. Он выполняет четыре ключевые функции. Функциональное освещение обеспечивает достаточный уровень освещённости для деятельности человека в дневное время через ориентацию здания по сторонам света, использование световых колодцев и атриумов. Пространственное моделирование использует свет для выявления объёмов, текстур и создания иллюзии глубины – от резких контрастов кьяроскуро до мягкого рассеянного света. Эмоциональное и психологическое воздействие создаёт определённую атмосферу через драматургию света, ритм проёмов и связь с природой. Наконец, энергоэффективность и экология реализуются через пассивные солнечные стратегии: южное остекление для зимнего обогрева, световые полки для перераспределения света в глубь помещений.

Основные типы естественного света в архитектуре включают: прямой солнечный свет (яркий, контрастный, энергичный), рассеянный свет от небосвода (мягкий, ровный, умиротворяющий) и отражённый свет (направленный, менее интенсивный, создающий ощущение легкости).

В искусстве естественный свет – мощное выразительное и нарративное средство. Художник не контролирует свет, но наблюдает и запечатлевает его бесконечные состояния: утренний прозрачный свет символизирует начало и надежду; полуденный резкий свет обнажает истину и недостатки; вечерний золотистый свет несёт умиротворение и ностальгию; рассеянный свет пасмурного дня создаёт меланхоличное настроение. Техника кьяроскуро (Караваджо, Рембрандт) использует резкие контрасты для создания драмы и таинственности. Импрессионисты (Моне, Ренуар) вышли на пленэр, чтобы запечатлеть мимолётные состояния освещения, превратив свет в самостоятельный «материал» живописи.

В биологии естественный свет выступает ключевым экологическим и физиологическим фактором. Фотосинтез – основа практически всех пищевых цепей на планете. Циркадные ритмы регулируют цикл сон–бодрствование, выработку гормонов (мелатонин, кортизол), метаболизм. Фотопериодизм использует продолжительность светового дня как календарь для цветения растений, миграции птиц, размножения животных. Поведенческая функция включает фототаксис (движение к свету или от него), зрительное восприятие и навигацию. Солнечный свет также обеспечивает синтез витамина D и одновременно требует защиты от УФ - излучения через выработку меланина.

В физике естественный свет – неполяризованное электромагнитное излучение в видимом диапазоне (380–780 нм). Солнце как тепловой источник имеет спектр, близкий к излучению абсолютно чёрного тела с температурой 5500–6000 K. При рассеянии и отражении естественный свет может становиться частично поляризованным – это явление используется насекомыми и птицами для навигации («небесный компас»). Степень поляризации естественного света равна нулю, что отличает его от поляризованного излучения.

В химии естественный свет рассматривается как источник энергии, запускающий фотохимические реакции. Механизм включает поглощение фотона молекулой - хромофором, переход в возбуждённое состояние и последующее превращение. Классические примеры – фотолиз (разложение солей в фотографии), фотосинтез (превращение CO_2 в органику), изомеризация ретиналя в сетчатке глаза (основа зрения). Естественный свет также активирует фотокаталитические процессы, участвующие в самоочищении атмосферы.

Искусственный свет в архитектуре, искусстве, биологии, физике и химии

Искусственный свет – это свет от созданных человеком источников (лампы накаливания, газоразрядные лампы, светодиоды, лазеры), используемый для формирования визуальной, функциональной и эмоциональной среды.

В архитектуре искусственный свет становится «четвёртым измерением» наряду с объёмом, формой и материалом. Он решает задачи функционального освещения (равномерное, акцентное, ориентирующее), архитектурного выявления формы, эмоционального воздействия (игра контрастов, динамические сценарии), навигации и безопасности. Современный подход включает три уровня освещения:

общий (фоновый), акцентный (подсветка ключевых объектов) и рабочий (для конкретных видов деятельности).

В искусстве искусственный свет – проявление человеческой воли. Свеча символизирует бренность жизни, газовый свет и неон – урбанизацию и одиночество. В XX–XXI веках свет становится самостоятельным объектом искусства (Дэн Флавин, Олафур Элиассон).

В биологии искусственный свет – мощный антропогенный фактор. Позитивные аспекты: использование ламп для восполнения недостатка солнечного света, управление фотопериодизмом в сельском хозяйстве. Негативные: нарушение циркадных ритмов (подавление мелатонина синим спектром), световое загрязнение (дезориентация насекомых, птиц, морских черепах), нарушение сезонных ритмов растений.

В физике искусственный свет классифицируется по механизму генерации: тепловые источники (лампы накаливания – непрерывный спектр, низкий КПД), газоразрядные (линейчатый спектр), светодиоды (узкополосный спектр, высокий КПД), лазеры (когерентный, монохроматический, узконаправленный).

В химии искусственный свет открывает возможность точного управления химическими процессами: селективный фотолиз, фотокатализ (разложение загрязнителей на TiO_2), фотохимический синтез лекарств и получение водорода.

Междисциплинарная модель: дисциплины и специалисты

Анализ роли естественного и искусственного света в пяти дисциплинах показывает, что формирование качественной световой среды требует междисциплинарного диалога. В таблице 1 структурирован уровень включённости каждой научной сферы применительно к разным профессиям.

Дисциплина	Аспект	Архитектор	Светодизайнер	Ландшафтный дизайнер	Светотехник	Урбанист	Психофизиолог
Искусство	ЕС	+++	+++	++	+	+	-
	ИС	++	+++	+	++	+	-
Архитектура	ЕС	+++	++	++	-	++	-
	ИС	+++	+++	++	+	++	-
Биология	ЕС	+	++	+++	+	++	+++
	ИС	+	++	++	+++	++	+++
Физика	ЕС	++	++	+	+++	+	+
	ИС	+	+++	+	+++	+	-
Химия	ЕС	-	-	+	++	-	-
	ИС	-	+	-	+++	-	-

Психология	ЕС	-	-	+	++	-	-
	ИС	-	+	-	+++	-	-
Экология	ЕС	+	+	+++	+	++	-
	ИС	+	++	+++	++	+++	+
Социология	ЕС	-	+	+	-	+++	+
	ИС	-	++	+	-	+++	+

Вывод: Архитектор и светодизайнер находятся в центре междисциплинарных связей, но их работа невозможна без вклада светотехников, экологов, биологов, психологов и урбанистов.

Интегральная пятиуровневая модель оценки световой среды города

Современные исследования демонстрируют, что качество освещения не может быть сведено к одному или нескольким изолированным параметрам – будь то горизонтальная освещённость, уровень светового загрязнения или эстетическая выразительность фасадов. Освещение одновременно выступает как физический процесс, инженерная задача, архитектурно - художественное средство, экологический фактор и психологический инструмент. Возникает необходимость в интегральной многоуровневой модели, позволяющей упорядочить существующие подходы и предложить единую систему критериев и методов оценки.

Предлагается рассматривать световую среду города как пятиуровневую систему, где каждый последующий уровень базируется на предыдущих:

Уровень 1. Физико - технический – фундамент системы. Включает базовые параметры: спектр, цветовая температура (К), кривая силы света (КСС), мощность, эффективность (лм / Вт), пульсацию. Обеспечивает надёжную и энергоэффективную работу установок.

Уровень 2. Безопасностно - экологический – обеспечивает безопасность участников движения (отсутствие слепящего действия, светоколористическая конкуренция со светофорами, дискомфортные отражения) и экологическую безопасность (световое загрязнение, циркадные ритмы, навигация насекомых и птиц).

Уровень 3. Функционально - эргономический – отвечает за комфорт и ориентацию человека: достаточную освещённость, равномерность, отсутствие «тёмных провалов», качественное светомоделирование лица.

Уровень 4. Эстетико - образный – формирует целостный художественный образ города: выявление силуэта, ярусности, полихромии, сценарность освещения, единство дневного и ночного облика.

Уровень 5. Психолого - поведенческий – высший, интегративный уровень. Оценивает влияние света на ментальные карты, эмоциональное состояние (тревожность / комфорт), подсознательные реакции и социальное поведение.

Каждый вышележащий уровень не может быть обеспечен без корректной работы нижележащих. Невозможно создать выразительный образ города при технически неисправном освещении или достичь психологического комфорта при нарушении базовых требований безопасности.

Предложенная сводная система не является механической суммой разрозненных методик, а представляет собой иерархически организованный оценочный аппарат. Каждый уровень содержит специфические показатели, приборы и процедуры, а переход от уровня к уровню диктуется самой логикой световой среды: сначала мы обеспечиваем правильную физику, потом – безопасность и экологию, затем – функциональный комфорт, после – эстетику и образ, и только на этой основе можем говорить о полноценном психологическом благополучии и позитивном поведении человека. Такой подход исключает ситуацию, когда эстетически выразительный, но слепящий или цветоконфликтный объект получает положительную оценку – он автоматически отсекается на более низких уровнях.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на эмпирическую верификацию предложенной модели, разработку нормативных баз данных для каждого уровня и создание программных комплексов, позволяющих автоматизировать многоуровневую оценку световой среды города.

Список использованной литературы:

1. Гусев, Н. М. Световая архитектура / Н. М. Гусев, В. Г. Макаревич. — Изд. № AIX - 827. — М.: Стройиздат, 1973. — 248 с.

2. Щепетков, Н. И. Световой дизайн города / Н. И. Щепетков. — М.: Архитектура - С, 2006. — 320 с.

3. БЫСТРЯНЦЕВА, Н. В. КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД В СОЗДАНИИ СВЕТОВОЙ СРЕДЫ ВЕЧЕРНЕГО ГОРОДА : специальность 05.23.20 «Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко - архитектурного наследия »: диссертация на соискание ученой степени кандидата архитектуры / БЫСТРЯНЦЕВА Наталья Владимировна ; МОСКОВСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ Ин - т. — М., 2015. — 152 с.

4. БОКОВА, О. Р. ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОЙ АРХИТЕКТУРНО - СВЕТОВОЙ СРЕДЫ ГОРОДА В АСПЕКТЕ ВИЗУАЛЬНО - ОБРАЗНОГО КОМФОРТА (на примере Челябинска) : специальность 2.1.12 «Архитектура зданий и сооружений. Творческие концепции архитектурной деятельности»: диссертация на соискание ученой степени кандидата архитектуры / БОКОВА Ольга Романовна ; «ЮЖНО - УРАЛЬСКИЙ Гос. Ун - т (НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)»— Челябинск, 2024. — 304 с.

5. МАТОВНИКОВ, Г. С. Принципы формирования световой среды пешеходных улиц города (на примере Москвы) : специальность 5.23.20 «Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко - архитектурного наследия »: диссертация на соискание ученой степени кандидата архитектуры / МАТОВНИКОВ Григорий Сергеевич ; МОСКОВСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ Ин - т. — М., 2017. — 226 с.

6. Павлова М. В. Свет и пространственное восприятие города: учебный курс / М. В. Павлова. – Уфа.: Уфа, 2024. – 62 с.

© Гарипова Э.Р. 2026

Довбня И.Д.
магистрант 2 курса МГТУ им. Г.И. Носова,
г. Магнитогорск, РФ
Научный руководитель: Супрун Н.Г.,
кандидат философских наук, МГТУ им. Г.И. Носова,
г. Магнитогорск, РФ

ОБЗОР ПОДХОДОВ К ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО - ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ПО РАЗВИТИЮ МОТИВАЦИИ ДОСТИЖЕНИЯ В СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОМАНДНЫХ ВИДАХ СПОРТА

Аннотация
Целью статьи является изучение существующего отечественного и зарубежного опыта социально - психологической работы по развитию мотивации достижения в спортивной деятельности, определяющее использование общетеоретических методов теоретического исследования, позволяющих обобщить существующие данные в указанной области. По результатам проведенного исследования выделены ключевые направления в исследуемой области, в наибольшей степени учитывающие специфику командных видов спорта.

Ключевые слова
Спорт, спортивная деятельность, спортивный результат, спортивная мотивация, мотивация достижения

Введение. Высокие требования, предъявляемые на современном этапе общественного развития к формированию личности, определяют необходимость наличия достаточного уровня мотивации, задающей внутреннюю направленность личности и обеспечивающей успешность осуществляемой деятельности, что особенно важно для спорта как специфической сферы деятельности, ориентированной в большей степени, чем другие сферы, на достижение высокого спортивного результата. Определяющее влияние мотивации достижения на успешность спортивной деятельности в свою очередь обуславливает важность ее развития, успешность которого невозможно без целенаправленной социально - психологической работы, проводимой в рамках тренировочной и соревновательной деятельности, что определяет необходимость изучения существующего

отечественного и зарубежного опыта по данному направлению, являющегося целью настоящей статьи.

Реализация данной цели обеспечивается использованием общенаучных методов теоретического исследования, позволяющих обобщить существующие данные в указанной области и обосновать возможности их практического применения в условиях командных видов спорта, и в частности, баскетбола.

Результаты исследования. В настоящее время в области социально - психологической работы по развитию мотивации достижения в спортивной деятельности накоплен определенный опыт, что подтверждает актуальность и практическую значимость данного направления как для психолого - педагогической науки, так и теории и практики спорта.

Анализ исследований [1,2,3,4,5,6,7], освещающих практический опыт социально - психологической работы по развитию мотивации достижения в спортивной деятельности, позволяет выделить ряд научно обоснованных направлений.

Первое направление предполагает обучение спортсменов навыкам самомотивации с использованием методов развития конкурентности, мотивационного психотренинга и индивидуального психолого - педагогического консультирования. Суть первого метода заключается в использовании упражнений с постановкой мотивирующей задачи, направленной на достижение запланированного результата непосредственно в игре. В частности, с может забивание наибольшего количества голов, например, в первом случае при условии меньшего числа нападающих игроков, во втором – напротив, меньшего числа защитников, что позволяет усложнить решение задачи. Второй метод – мотивационный тренинг проводится в группах, где каждый участник представляет себя в актуальной роли для достижения спортивного результата и составляет свой вариант мотивационной программы с целями разного порядка, направленной на подготовку к участию в соревновании, с последующим объединением с программой тренера. Содержательной направленностью индивидуального психолого - педагогического консультирования как метода формирования мотивации достижения успеха является использование педагогических, консультативных и психоаналитических техник, а также методов саморегуляции, ориентированных на преодоление спортсменами имеющихся у них психологических барьеров, затрудняющих их качественную подготовку к предстоящим соревнованиям, эффективному восстановлению и успешному выступлению.

Вторым направлением социально - психологической работы, наиболее актуальным для командных видов спорта, является развитие у спортсменов командных адаптивных копинг - стратегий, групповой мотивации, согласованности, сплоченности, коммуникативных способностей и самоактуализации. Значимость реализации данного направления объясняется существенным влиянием групповой мотивации на успешность спортивного результата, что характерно преимущественно для командных видов спорта, в которых успех команды

становится невозможным без командного стремления к достижению целей, ответственности всех членов группы за результат совместной деятельности и их умения оценивать личный вклад в общий результат. Помимо этого, командные виды спорта также отличаются разнообразием стрессогенных факторов, возникающих вследствие вступления в межличностный контакт членов команды, повышающий риск возникновения конфликтов, в том числе вызванных несогласием с амплуа и ролевой позицией в команде, а также потенциальных сложностей во взаимоотношениях по вертикали и горизонтали. В связи с этим актуальным направлением социально - психологической работы со спортсменами становится деятельность по развитию у них командных адаптивных копинг - стратегий, групповой мотивации, согласованности, сплоченности, коммуникативных способностей и самоактуализации.

Третье направление социально - психологической работы по развитию мотивации достижения в спортивной деятельности заключается в развитии умений спортсменов избирательно ставить цели, выносить их во все более отдаленное будущее и подчинять им направления собственной активности. Содержание данного направления социально - психологической работы предусматривает первоначальное формирование умений произвольно ставить цели в составе взаимодействия и общения с тренером путем их совместной постановки и определения последовательности их достижения в условиях тренировочного и соревновательного процесса, что обеспечивает развитие у спортсменов умений:

– планировать и выполнять взаимно - подчиненные произвольные действия, при которых достижение цели одного действия является условием для достижения цели второго действия и т.д.;

– планировать и выполнять произвольно - преднамеренные действия в соответствии с планом в течение намеченного периода времени в соответствующих предметно - ситуативных условиях.

Последнее предполагает включение волевой регуляции, обеспечивающей преобразование произвольно - преднамеренных действий в волевые, что обуславливает значимость развития воли в процессе спортивной деятельности через создание условий для усвоения спортсменами общественно значимых ценностей и последующего превращения их в устойчивые мотивационные отношения и соответствующие способы целеполагания путем:

– установления связей между индивидуальными, сложившимися мотивационными отношениями (мотивами), целями спортсмена и общественно значимыми ожиданиями;

– предвидения и эмоционального предвосхищения возможных позитивных и негативных результатов и последствий достижения или недостижения поставленных целей в спортивной деятельности для других людей и общества в целом.

Эффективными направлениями социально - психологической работы по развитию мотивации достижения в спортивной деятельности, помимо рассмотренных выше, также являются:

– просвещение спортсменов по проблеме мотивации достижений и ее влияния на достижение высокого спортивного результата;

– проведение систематического мониторинга уровня мотивации у спортсменов с целью оптимизации оказываемого социально - психологического воздействия и регулирования у них мотивационного полюса (мотивации достижения или избегания неудач);

– регулирование становления оптимальной мотивации спортсменов средствами психолого - педагогического воздействия в процессе взаимодействия с тренером при помощи бесед, убеждения, лекций и постановки перспективных целей.

Следует подчеркнуть и эффективность тренинговой работы в развитии мотивации достижения в спортивной деятельности, направленной на формирование у спортсменов синдрома достижения, то есть преобладания у них стремления к успеху над стремлением избегания неудач, и заключающейся в самоанализе ими результатов своей деятельности, выработке оптимальной тактики целеобразования в занятиях спортом и межличностной поддержке со стороны тренера и партнеров по команде. Каждое из выделенных направлений тренинговой работы предусматривает использование конкретных средств и приемов, в частности:

– обучение способам создания проективных рассказов с ярко выраженной темой достижения;

– обучения способам поведения, характерным спортсменам с высоко развитой мотивацией достижения и выраженным в предпочтении реально достижимых целей, ситуаций личной ответственности за успех дела, избегания случайных ситуаций и ситуаций, в которых цель задается другими людьми, а также ситуаций с обратной связью о результатах деятельности;

– конкретных примеров из своей повседневной жизни и жизни людей с высоко развитой мотивацией достижения.

Перечень направлений социально - психологической работы по развитию мотивации достижения в спортивной деятельности дополняется также активизацией спортивной мотивации, заключающейся в саморегуляции спортсменами своей активности (снижения или повышения в соответствии с задачами тренировочного процесса) и предусматривающей использование психологических механизмов «снизу - вверх» и «сверху - вниз». Суть первого механизма состоит в создании в тренировочном процессе тренером и спортивным психологом условий (в частности, восстановительных мероприятий), способствующих ускорению восстановления спортсменов после тренировочных занятий и оптимизации их психического состояния, приводящих к сохранению и активизации спортивной мотивации, второго – предъявлении спортсменам

требуемых норм поведения и идеалов с объяснением смысла и необходимости активизации спортивной мотивации для дальнейшего спортивного совершенствования. Основным методом реализации описываемого направления работы является психорегулирующая тренировка, представляющая собой систему мероприятий, ориентированных на изменение психического состояния спортсменов для успешного выполнения ими деятельности путем ускорения вхождения их в оптимальное состояние и восстановления их работоспособности после тренировок и соревнований.

Заключение. Проведенный анализ существующего опыта социально - психологической работы по развитию мотивации достижения в спортивной деятельности позволяет констатировать важность и значимость вопроса определения ее содержания как для отечественной, так и зарубежной практики. Обобщение имеющегося научного материала позволяет в качестве основных направлений социально - психологической работы по развитию мотивации достижения в спортивной деятельности, наиболее применимых к специфике командных видов спорта, выделить просвещение спортсменов для формирования у них представлений о мотивации достижения, факторах ее развития и ее влияния на спортивный результат, их обучение навыкам самомотивации и саморегуляции, систематическую диагностику актуального уровня их мотивации и ее коррекцию, в том числе путем развития волевой регуляции, самоактуализации, умения избирательной постановки целей, коммуникативных способностей, а также групповой сплоченности и мотивации, что особенно важно для командных видов спорта. К ключевым направлениям, составляющим содержание социально - психологической работы по развитию мотивации достижения в спортивной деятельности, также следует отнести мотивационный тренинг, индивидуальное психолого - педагогическое консультирование и оказание внешнего управляющего воздействия на спортсменов при помощи различных психолого - педагогических методов.

Список использованной литературы:

1. Айед Х. Психолого - педагогические методы формирования мотивации достижений у тунисских футболистов 16 - 17 лет: дис. … канд. пед. наук / Х. Айед. Москва, 2017. 115 с.

2. Бабушкин Г.Д., Бабушкин Е.Г. Формирование спортивной мотивации у занимающихся спортом: учебное пособие. Омск: ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет физической культуры и спорта», 2015. 151 с.

3. Бабушкин Г.Д., Шумилин А.П. Сущность и эффективность тренингов мотивации // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. № 1 (36). С. 23 - 27.

4. Буторин В.В. Формирование мотивации спортивных достижений у спортсменов - троеборцев // Проблемы физкультурного образования:

концептуальные основы и научные инновации: материалы Международного научного конгресса. Симферополь, 2018 С. 160 - 164.

5. Маланов С.В., Маланова А.С. Социокультурные источники мотивационной, волевой и произвольно - преднамеренной организации спортивной деятельности // Мир психологии. 2020. № 1 (101). С. 213 - 224.

6. Серебренникова Н.А. Мотивация достижений студентов вузов спортивного профиля: изучение и направления развития // Научные исследования, разработки и практические внедрения: материалы Международной научно - практической конференции. Ставрополь, 2022. С. 190 - 192.

7. Совмиз З.Р. Личностные и социально - психологические особенности как психологические ресурсы групповой мотивации спортивной команды // Физическая культура и спорт в XXI веке: актуальные проблемы и пути решения: сборник материалов Международной научно - практической конференции. Волгоград, 2022. С. 230 - 233.

© Довбня И.Д., Супрун Н.Г., 2026

Жуматдинова А. Р.
студент Юридического факультета Московского областного филиала
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
Научный руководитель:
Беркович О. Е.
доцент кафедры Гуманитарных дисциплин и иностранных языков
Юридического факультета Московского областного филиала
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»,
кандидат педагогических наук; доцент

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ РОДИТЕЛЬСКОЙ МОДЕЛИ БРАКА НА ВЫБОР ПАРТНЁРА И СТИЛЬ ОТНОШЕНИЙ У ДЕТЕЙ

Аннотация.

В статье рассматривается влияние родительской модели брака на формирование у детей представлений о близости, доверии, распределении ролей и способах разрешения конфликтов. Анализируются механизмы межпоколенческой передачи семейных сценариев: социальное научение, теория привязанности, когнитивные

схемы, семейные правила и модели коммуникации. Описывается, как опыт наблюдения за отношениями родителей влияет на выбор партнёра, уровень толерантности к дисфункциональным паттернам, ожидания от брака и стили поведения в паре. Подчёркивается, что влияние не является фатальным: при наличии рефлексии, психологической грамотности и корректирующего опыта человек способен трансформировать родительские сценарии.

Ключевые слова.

Родительская семья, модель брака, стиль привязанности, семейные сценарии, выбор партнера, коммуникация, конфликты, межпоколенческая передача.

A. R. Zhumatdinova,
student, Faculty of Law, Moscow Regional Branch
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Academic Supervisor: O.E. Berkovich
Associate Professor of the Department of Humanities and Foreign Languages
at the Faculty of Law of the Moscow Regional Branch of the Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
«Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF THE INFLUENCE OF PARENTAL MARRIAGE MODELS ON CHILDREN'S CHOICE OF PARTNERS AND RELATIONSHIPS

Abstract.

The article examines the influence of parental marriage models on children's perceptions of intimacy, trust, role distribution, and conflict resolution. It analyzes the mechanisms of intergenerational transmission of family scripts, including social learning, attachment theory, cognitive schemas, family rules, and communication patterns. The article explores how observing parental relationships affects partner selection, tolerance for dysfunctional patterns, expectations for marriage, and behavioral styles within couples. It is emphasized that influence is not fatal: with the presence of reflection, psychological literacy, and corrective experience, a person is capable of transforming parental scenarios.

Keywords.

Parental family, marriage model, attachment style, family scenarios, partner selection, communication, conflicts, and intergenerational transmission.

Семья - первая социальная система, в которой ребёнок получает опыт близости, эмоциональной поддержки, границ, справедливости и власти. Родители не только удовлетворяют базовые потребности, но и демонстрируют ребёнку «как устроены отношения» - как люди проявляют любовь, как спорят, как мирятся, кто принимает решения, что считается нормой, а что - неприемлемым. Даже если родители

никогда напрямую не обсуждают с ребёнком вопросы брака, их ежедневные взаимодействия становятся своеобразной «учебной программой» по построению отношений.

С точки зрения теории социального научения [7, С.75–150] (А. Бандура), значительная часть поведения усваивается через наблюдение за моделью и последующее воспроизведение. Ребёнок не просто слышит слова о «правильной семье», он видит реальную практику: тон разговора, способы выражения недовольства, методы давления или поддержки, отношение к просьбам, инициативе, границам. Модель подкрепляется, если ребёнок наблюдает, что определённое поведение приводит к успеху: например, к тому, что один из супругов «продавил» решение криком, или что молчание и обида заставили партнёра уступить.

Таким образом, даже дисфункциональные стратегии могут закрепляться как эффективные, если в родительской системе они «работали». В дальнейшем человек может автоматически применять эти же стратегии в собственных отношениях, иногда не осознавая их происхождения.

Теория привязанности [8, С.120–215] (Дж. Боулби, М. Эйнсворт) описывает, как ранний опыт взаимодействия с значимыми взрослыми формирует внутренние рабочие модели: насколько мир безопасен, можно ли доверять, заслуживаю ли я любви, как реагировать на дистанцию и конфликт. Хотя привязанность формируется прежде всего в диаде «ребёнок - заботящийся взрослый», отношения между родителями создают фон: уровень стабильности, предсказуемости, эмоциональной атмосферы. Условно можно выделить несколько тенденций [10, С.35–105], [14, С.100 - 220]: Безопасная привязанность чаще формируется там, где в семье есть эмоциональная отзывчивость, уважение границ, способность обсуждать напряжение и восстанавливать контакт. Тревожная привязанность может укрепляться, если в семье любовь «то есть, то нет», присутствуют угрозы разрыва, нестабильность, эмоциональные качели. Тогда во взрослом возрасте человеку важны постоянные подтверждения, он боится потерять партнёра и может идти на самопожертвование. Избегающая привязанность нередко связана с опытом, где эмоции обесценивались, слабость осуждалась, а близость воспринималась как опасность или навязчивость. В паре такой человек может держать дистанцию, уходить в работу, рационализацию, «не разговаривать о чувствах». Дезорганизованная привязанность возможна при сочетании любви и страха (например, при насилии или непредсказуемости). В отношениях это проявляется противоречивостью: сильная тяга к близости и одновременно панический страх её. Эти стили не приговор, но они задают стартовые настройки: человеку приходится либо «плыть по умолчанию», либо осознанно перенастраивать стратегии.

Когнитивный подход подчёркивает, что ребёнок формирует устойчивые убеждения: «мужчины не выражают чувств», «нельзя просить», «любовь надо заслужить», «конфликт разрушителен», «если меня любят - меня контролируют»,

«чтобы сохранить отношения, нужно терпеть». Эти установки часто не осознаются и воспринимаются как «просто реальность».

Семейные правила бывают явными [9, С.45–80] («в нашей семье не кричат», «развод - позор») и скрытыми («о проблемах молчим», «главное - быть удобным»). Именно скрытые правила особенно сильно влияют на будущие отношения, потому что их сложно заметить и поставить под сомнение.

Семейная система организует роли [12, С.85 - 170] (лидер, «спасатель», «козёл отпущения», «миротворец»), а также границы между подсистемами. [9, С.45–80] Если ребёнок оказывается втянут в супружеский конфликт (например, его делают союзником против второго родителя), формируется опыт «любовь = лояльность одной стороне» и трудности с автономией. Взрослея, человек может повторять знакомую роль: спасать партнёра, подстраиваться, быть «третьим» в отношениях, терпеть треугольники и эмоциональные качели.

Один из самых парадоксальных эффектов: человек может выбирать не «лучшее», а «узнаваемое». Даже если в детстве было больно, психика иногда предпочитает знакомый сценарий [10, С.35–105], потому что он предсказуем. Например: Ребёнок, выросший рядом с холодным, эмоционально недоступным отцом, во взрослом возрасте может тянуться к партнёрам, которые «не дают тепла», потому что именно так выглядит любовь в его внутренней карте. Человек, привыкший к бурным ссорам и примирениям, может воспринимать спокойные отношения как «скучные» или «ненастоящие». Этот механизм не означает сознательного выбора страданий. Скорее это действие автоматических критериев: где телу и психике «понятно», как себя вести.

Наблюдение за браком родителей может вести к двум типам стратегий:

1. Повторение сценария. Человек воспроизводит то, что видел: выбирает похожего партнёра, использует те же способы коммуникации, повторяет роли. Это часто происходит при низкой рефлексии или при убеждении, что «по - другому не бывает».

2. Компенсация (контрсценарий). Человек сознательно решает «я буду иначе» — например, никогда не кричать, не контролировать, не терпеть. Однако компенсаторная стратегия тоже может быть негибкой: страх повторить опыт приводит к жёстким запретам, избеганию конфликта или идеализации отношений. Тогда любая напряжённость воспринимается как сигнал «всё повторяется», и человек может преждевременно разрывать отношения или уходить в эмоциональную дистанцию.

Зрелая позиция обычно лежит между этими полюсами: Способность брать из родительского опыта полезное; Признавать вредное и строить собственные правила.

То, как родители делили ответственность, деньги, быт и право голоса, формирует представление о «норме» партнёрства [11, С.90 - 180]. Если в семье один доминировал, а другой уступал, ребёнок может: искать доминирующего партнёра (как способ снять тревогу выбора) и наоборот, стремиться

контролировать отношения, чтобы не оказаться в слабой позиции. Если же в семье практиковалось партнёрство - обсуждение, договорённости, уважение автономии - ребёнок чаще переносит это как естественный способ совместной жизни.

Образ партнёра складывается из множества деталей: внешности, характера, привычек, отношения к семье. Родительские фигуры становятся первыми «прототипами» [14, С.100 - 220] мужского и женского. Отсюда возможны: выбор партнёра, который эмоционально напоминает одного из родителей; выбор противоположного типа - как попытка избежать боли; или склонность путать интенсивность эмоций с любовью (если в родительской семье эмоции проявлялись через драму).

В семьях, где принято обсуждать чувства и потребности, [11, С.90 - 180] ребёнок учится: формулировать просьбы, выдерживать отказ, обсуждать обиды без разрушения контакта. Там, где проблемы замалчиваются или решаются криком, формируется другой инструментарий: избегание разговоров, пассивная агрессия, эмоциональные взрывы. Во взрослом возрасте это проявляется в типичных сценариях: «Я молчу, пока не станет невыносимо - потом взрываюсь»; «Я говорю намёками - а партнёр "должен сам понять”»; «Я боюсь сложных разговоров, потому что в детстве они заканчивались угрозами и унижением».

Конфликт сам по себе не разрушителен - разрушительны способы его ведения. Если ребёнок видел, что после ссоры родители мирятся, признают ответственность, возвращаются к теплу, он усваивает: напряжение можно пережить, отношения выдерживают. Если же конфликты сопровождались: игнорированием, демонстративным уходом, обесцениванием, насмешкой, физической агрессией, «разводом в каждой ссоре», - во взрослом возрасте повышается вероятность либо такого же поведения, либо панического избегания конфликтов.

Родительская семья задаёт норму [9, С.110–135] того, где заканчивается «мы» и начинается «я». В семьях с размытыми границами личная автономия может восприниматься как предательство. Тогда во взрослом браке один партнёр может требовать тотальной вовлечённости, контроля, отчётности. В семьях с чрезмерной дистанцией, наоборот, близость может восприниматься как опасность, и человек будет обесценивать потребность партнёра в контакте.

То, как родители [13, С.210 - 350] выражали поддержку - словами, прикосновениями, заботой, совместным временем - становится для ребёнка эталоном. Если тепла было мало, взрослый человек может либо постоянно искать подтверждений любви, либо не верить им, либо не уметь их принимать. Иногда формируется «аллергия на нежность», если она в детстве была условной или использовалась как способ манипуляции (например: «я тебя люблю, только если ты удобный»).

Если ребёнок рос в условиях постоянных ссор, он может: Воспринимать конфликт как норму и провоцировать его, чтобы «оживить» отношения; Выбирать партнёров с похожими эмоциональными вспышками; Быть в состоянии

хронической настороженности, ждать нападения и защищаться заранее. Возможна и противоположная реакция: избегание любых напряжений ценой подавления себя. Тогда потребности накапливаются, и отношения всё равно входят в кризис - но уже через холод и отчуждение.

Если родители жили «как соседи» - без теплоты и поддержки, но и без явных конфликтов, - ребёнок может усвоить, что брак - это обязанность, быт и терпение. Тогда во взрослом возрасте: снижается навык эмоциональной близости, появляется трудность говорить о чувствах, партнерство подменяется функциональностью: «главное - чтобы человек был надёжный, а чувства не важны».

Если родитель делился с ребёнком интимными деталями, жаловался на второго взрослого, искал поддержку, ребёнок мог стать «эмоциональным супругом». Во взрослом возрасте это повышает вероятность созависимых отношений: желание спасать, тянуть на себе, выбирать «сломанного» партнёра, которому нужна помощь. Также возможны трудности с сексуальностью и доверием, потому что границы в детстве были нарушены.

Развод сам по себе не гарантирует травмы - многое зависит от того, как взрослые его прожили. Если ребёнку объясняли происходящее по-взрослому, сохраняли уважение, не делали его «оружием», то последствия обычно мягче. Если же развод сопровождался обесцениванием, борьбой за лояльность, манипуляциями, формируется страх потери и недоверие к стабильности отношений. Тогда взрослый человек может: не вступать в близкие связи из - за страха разрыва, держаться за отношения любой ценой, бессознательно проверять партнёра «на прочность» провокациями.

Осознание собственных паттернов снижает их автоматизм. Когда человек начинает различать: «это не «он / она плохой», это моя привычная схема реагирования», появляется выбор. Рефлексия [15, С.140 - 260] включает способность распознавать эмоции, понимать триггеры, отделять прошлый опыт от текущей реальности.

Даже при тяжёлом детстве можно получить опыт здоровой близости - в дружбе, у наставника, в терапии, в зрелых отношениях с партнёром. Этот опыт постепенно «переписывает» внутренние модели: человек убеждается, что конфликт можно обсуждать, что близость не обязательно ведёт к контролю, что просьбы не равны унижению.

Партнёр, способный к диалогу, эмпатии и ответственности, может стать фактором стабилизации. Однако важно не перекладывать на него роль «спасателя». Более устойчивые отношения формируются, когда оба признают вклад в динамику пары и готовы учиться.

Таким образом, родительская модель брака оказывает системное влияние на то, как дети в будущем выбирают партнёра и строят отношения. Через механизмы наблюдения и подкрепления, формирование стиля привязанности, усвоение семейных правил и когнитивных схем ребёнок получает «шаблон» близости: как

выражать любовь, как реагировать на конфликт, где проходят границы и как распределяется власть. В зрелых отношениях этот шаблон может проявляться как прямое повторение родительского сценария или как компенсаторное стремление сделать «всё наоборот», иногда тоже приводящее к негибкости. При этом влияние родительской семьи не является приговором. Рефлексия, корректирующий опыт и развитие психологических навыков дают возможность создавать собственную модель партнёрства - более безопасную, уважительную и устойчивую. Понимание происхождения своих реакций становится не оправданием, а инструментом выбора: какие паттерны оставить в прошлом, а какие ценности и способы взаимодействия сделать основой будущей семьи.

Список использованной литературы:

1. Беркович, О.Е. Психология конфликта: курс лекций / О.Е. Беркович - Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2015. - 82 с.

2. Беркович, О.Е., Гинзбург, Б.Л. Психофизиологические и историко - антропологические основы визуальной диагностики личности // О.Е. Беркович, Б.Л. Гинзбург - Краснодар: Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 8. С. 46 - 48.

3. Беркович, О.Е., Матрёшина, Е.Б., Юридическая психология: учебное пособие // О.Е. Беркович, Е.Б. Матрёшина - Казань: Бук, 2020 г., 130 с.

4. Бутырская, А.В., Шувалова, А.М., Беркович, О.Е. Современные реалии и исторические аспекты становления классификации судебных экспертиз в России // А.В. Бутырская, А.М. Шувалова, О.Е. Беркович - М.: Российский следователь. № 7. 2021. С. 3 - 6.

5. Ершова, Л. В. Трансформация ценностей: поиск ценностного основания как направление воспитания современных юношей и девушек / Л. В. Ершова // Hominum. – 2023. – № 3(11). – С. 48 - 65.

6. Ершова, Л. В. Применение медиации в рамках реализации положений Гаагской конвенции о гражданско - правовых аспектах международного похищения детей 1980 года в России и зарубежных странах / Л. В. Ершова, А. Ю. Карцева // Управление изменениями: Тренды российской экономики, политики и права: Материалы XII Межвузовской научно - практической конференции, Красногорск, 25 апреля 2023 года. – Красногорск: РАНХиГС, Московский областной филиал, 2023. – С. 65 - 67.

7. Бандура А. Теория социального научения / Пер. с англ. — СПб.: Евразия, 2016. — 320 с.

8. Боулби Дж. Привязанность / Пер. с англ. — М.: Гардарика, 2019. — 478 с.

9. Варга А. Я. Системная семейная психотерапия. Краткий лекционный курс. — СПб.: Речь, 2021. — 160 с.

10. Джонсон С. Практика эмоционально-фокусированной супружеской терапии. Создание связей и восстановление любви / Пер. с англ. — М.: Институт консультирования и системных решений, 2020. — 288 с.

11. Сатир В. Как строить себя и свою семью / Пер. с англ. — М.: Эксмо, 2022. — 304 с.

12. Шерман Р., Фредман Н. Структурированные техники семейной и супружеской терапии / Пер. с англ. — М.: Класс, 2018. — 384 с.

13. Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. — СПб.: Питер, 2023. — 672 с.

14. Mikulincer M., Shaver P. R. Attachment in Adulthood: Structure, Dynamics, and Change. — New York: Guilford Press, 2016. — 576 p.

15. Siegel D. J. The Developing Mind: How Relationships and the Brain Interact to Shape Who We Are. — New York: Guilford Press, 2015. — 480 p.

© Жуматдинова А.Р., 2026.

Савина В.А.
Студентка 5 курса факультета социальной педагогики и психологии
Научный руководитель: Паташёва Ю.Л.
ст. преподаватель кафедры психологии,
магистр педагогических наук
ВГУ им. П.М.Машерова
г. Витебск, РБ

СПЕЦИФИКА КОНФЛИКТНОГО ПОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Аннотация

В XX веке вопрос этической и профессиональной культуры специалистов в сфере железнодорожного транспорта приобрёл особую актуальность в связи с тем, что многие руководители и сотрудники часто пренебрегают принципами уважения и честности во взаимоотношениях друг с другом, что обусловливает необходимость разрешения конфликтов [1, с. 45].

Ключевые слова

Конфликтное поведение, железнодорожный транспорт, методика Томаса - Килманна, избегание, конкуренция, сотрудничество, эмоциональная саморегуляция.

Savina V.A.
5th year student of the Faculty of Social Pedagogy and Psychology
Scientific supervisor: Patashova Yu.L.
Senior Lecturer of the Department of Psychology,
Master of Pedagogical Sciences
Vitebsk State University named after P.M. Masherov
Vitebsk, Republic of Belarus

THE SPECIFICS OF THE CONFLICT BEHAVIOR OF SPECIALISTS IN THE FIELD OF RAILWAY TRANSPORT

Annotation

In the 20th century, the issue of the ethical and professional culture of specialists in the railway transport sector has become particularly relevant due to the fact that many

managers and employees often neglect the principles of respect and honesty in their relationships with each other, which necessitates conflict resolution.

Keywords

Conflict behavior, railway transport, Thomas - Kilmann methodology, avoidance, competition, cooperation, emotional self - regulation.

Теоретическая и методологическая основа исследования конфликтного поведения построена на двухфакторной модели конфликтного поведения, разработанной К. Томасом и Р. Келлманом [2, с. 17], которая описывает пять основных стратегий (соперничество, сотрудничество, компромисс, избегание, приспособление), расположенных в двухкоординатной системе: «настойчивость в удовлетворении собственных интересов» и «сотрудничество с учётом интересов другой стороны» [3, с. 29].

Для целей данного исследования в профессиональном контексте железнодорожного транспорта наиболее актуальны три стратегии: деструктивная «избегание и соперничество» и конструктивная «компромисс и сотрудничество». «Приспособление» в условиях строгой регламентации и личной ответственности встречается реже и может быть столь же непродуктивной, как и «избегание».

Первый этап определил выборку исследования, в которую вошли *50 специалистов УП «Витебское отделение Белорусской железной дороги»,* занимающихся линейным железнодорожным транспортом (локомотивные бригады, диспетчерский персонал, работники станций и ремонтных служб, линейные руководители среднего звена). Первоначальные данные выявили тревожную и дисфункциональную структуру предпочтительного поведения.

Таблица 1. Распределение ведущих стилей поведения в конфликтной ситуации

Стиль поведения	Кол - во чел. (ведущий стиль)	Доля от выборки, %	Средний балл	Ранговое место
«Избегание»	16	32 %	7.8	1
«Соперничество»	14	28 %	7.2	2
«Компромисс»	10	20 %	6.6	3
«Сотрудничество»	6	12 %	5.8	4
«Приспособление»	4	8 %	6.6	5

Две деструктивные стратегии «избегание» и «соперничество» – охватывают 60 % специалистов, занимая первые два места в рейтинге, что свидетельствует о

явной поляризации и доминировании негативных, деструктивных или активно деструктивных моделей реагирования на конфликт.

Высокий процент «избегания» – 32 % указывает на преобладание тактики избегания конфронтации и сокрытия проблем, причинами которых могут быть страхи испортить отношения, отсутствие веры в конструктивное решение проблем и крайняя общая усталость, которая не позволяет тратить энергию на конфликт. Процент «соперничества» – 28 % отражает тенденцию к жесткости и напористости в защите своей позиции, что приводит к эскалации напряжённости, ухудшению отношений в долгосрочной перспективе. Конструктивные стратегии «сотрудничества» – 12 % и «компромисса» – 20 %, указывают на недостаток навыков ведения переговоров, активного слушания и поиска интегративных решений, так как среди специалистов УП «Витебское отделение Белорусской железной дороги» преобладало мнение, что конфликт – это ситуация, в которой «победитель проигрывает».

На основании проведённой диагностики была разработана и внедрена *«Программа повышения конфликтологической компетентности специалистов железнодорожного транспорта», цель* которой систематическое развитие навыков конструктивного разрешения профессиональных конфликтов и эмоциональной саморегуляции для снижения операционных рисков и повышения стрессоустойчивости специалистов. *Формат:* 10 - недельная программа, сочетающая очное обучение (1 модуль в неделю), самостоятельную работу и супервизию. Содержание основных модулей: конфликт как фактор риска в профессиональной среде; самоуправление в стрессовых ситуациях; активное слушание и внутренний диалог; поведенческие стратегии: от конкуренции к сотрудничеству; методы сложных переговоров и компромисса; снижение напряжения.

Второй этап с результатами диагностического мониторинга и оценки эффективности программы через 10 недель после начала программы –показывает статистически значимую положительную тенденцию.

Таблица 2. Сравнительная динамика ключевых показателей

Диагностируемый параметр	Уровень, этап 1	Уровень, этап 2	Динамика уровня	Изменение, %
Общая склонность к конфликтам	высокий 85 %	средний 72,5 %	снижение	- 12,5 %
Подшкала «Конфликтность»	высокий 85 %	средний 70 %	снижение	- 15 %

Диагностируемый параметр	Уровень, этап 1	Уровень, этап 2	Динамика уровня	Изменение, %
Подшкала «Гибкость и самоконтроль»	средний 73 %	высокий 87 %	повышение	+14 %
Стиль поведения в конфликте	высокий 90 %	высокий 95 %	повышение в рамках уровня	+5 %
Подшкала «Конструктивное поведение»	высокий 90 %	максимальный 100 %	повышение	+10 %
Подшкала «Проблемные стили»	низкий 35 %	низкий 30 %	снижение в рамках уровня	- 5 %
Подшкала «Факторы стресса»	высокий 80 %	высокий 71 %	без изменения уровня	- 9 %
Подшкала «Поддержка и адаптивность»	высокий 75 %	высокий 79 %	без изменения уровня	+4 %
Стратегии разрешения и профилактики	высокий 92,5 %	высокий 97,5 %	повышение в рамках уровня	+5 %

Ключевым результатом является переход от высокой к умеренной общей тенденции к конфликтности, что достигнуто за счёт структурных изменений: снижения эмоциональной реактивности «конфликт» – 15 % и одновременного развития организационных способностей «стабильность и самоконтроль» – 14 %. Индекс конструктивного поведения достиг своего максимума 100 %, при этом проблемные модели поведения уменьшились, и специалисты стали сознательно отказываться от непродуктивных стратегий в пользу конструктивных. Изменение восприятия рабочей среды осталось высоким – 71 %, их субъективное восприятие как источника конфликта снизилось на 9 %. Повысилось чувство поддержки и адаптивности до 4 %, и сформировался внутренний психологический барьер против внешнего давления. Активность в разрешении внутренних конфликтов

достигла 100 % в виде +7 %, и специалисты продемонстрировали готовность брать на себя ответственность за решение проблем.

Таблица 3. Динамика ведущих стилей поведения в конфликтной ситуации

Стиль поведения	Кол - во чел. этап 1	Кол - во чел. этап 2	Динамика	Доля, этап 2	Изменение ранга
«Избегание»	16	10	- 6	20 %	1 → 3
«Соперничество»	14	7	- 7	14 %	2 → 4
«Компромисс»	10	15	+5	30 %	3 → 1
«Сотрудничество»	6	13	+7	26 %	4 → 2
«Приспособление»	4	5	+1	10 %	5 → 5

До программы последовательность «ИЗБЕГАНИЕ → СОПЕРНИЧЕСТВО → КОМПРОМИСС → СОТРУДНИЧЕСТВО» и после программы «КОМПРОМИСС → СОТРУДНИЧЕСТВО → ИЗБЕГАНИЕ → СОПЕРНИЧЕСТВО.

Следовательно, число приверженцев «избегания» уменьшилось на 6 человек с 32 % до 20 %, а «конкуренции» на 7 человек с 28 % до 14 %, что свидетельствует о преодолении поляризованного и дисфункционального поведения. «Сотрудничество» стало ведущей стратегией для 26 % специалситов по сравнению с 12 %, что указывает на качественный сдвиг в мышлении – конфликт теперь рассматривается как общая ответственность. «Компромисс» стал наиболее распространенной стратегией – 30 %, отражая развитие прагматичного подхода, необходимого в оперативной деятельности. Конструктивные стратегии «компромисс» и «сотрудничество» в совокупности охватывают 56 % специалистов по сравнению с 32 % на первом этапе – занимая доминирующее положение. Деструктивные стратегии оттеснены на периферию, составляя 34 % против 60 %, что подтвердило существование специфического, дисфункционального профиля конфликтного поведения среди специалистов железнодорожного транспорта, обусловленного уникальным сочетанием стрессовой среды, жёсткой организации и оперативной взаимозависимости.

Заключение. Разработанная и внедренная программа «Безопасный путь», основанная на принципах практико - ориентированности, последовательности и интеграции инструментов эмоциональной саморегуляции и конструктивного общения оказалась эффективной, и полученные данные указывают на снижение общего уровня конфликтности, повышение устойчивости и самоконтроля, а также на фундаментальный сдвиг в иерархии поведенческих моделей в сторону

«компромисса» и «сотрудничества». Стоит отметить, что сформировался новый, более адаптивный профиль, характеризующийся снижением эмоциональной реактивности на фоне постоянного внешнего давления – результат демонстрирует, что целенаправленное развитие конфликтных компетенций является не только возможным, но и необходимым компонентом.

Список используемой литературы:

1. Transactions on Transport Sciences, ISSN, e - ISSN 1802 - 9876; Issue year: 2025; Vol: 16; No: SI SCSP conference; Pages: 44 - 48.

2. Prochazka, J., & Tichá, I. (2021). Stress Management Interventions for Frontline Transportation Staff: A Review of Effective Practices. Transactions on Transport Sciences, 14(3), 15 - 22.

3. Novak, M., & Svoboda, J. (2022). Human Factor and Non - Technical Skills in Critical Transport Infrastructure: A Case of Shift Handovers. Transactions on Transport Sciences, 15(2), 27 - 33.

© Савина В.А., 2026

Саликов В. В.
Старший преподаватель, кафедра физвоспитания и спорта,
БГУ, г. Минск РБ.
РИНЦ SPIN - код: 4485 - 3835
Риндевич В. М.
Студентка 3 курса, факультета социокультурных коммуникаций БГУ.

ПРЕДСОРЕВНОВАТЕЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ СТУДЕНТОВ ВОЛЕЙБОЛИСТОВ

Аннотация

В статье рассматривается предсоревновательные психофизические состояния студентов спортсменов, занимающихся волейболом в ВУЗах.

Ключевые слова

Спорт, студенты, волейбол.

Введение: Профессиональные спортсмены и тренеры не раз отмечали, что в спорте в целом и в различных спортивных соревнованиях в частности зачастую побеждают не самые физически подготовленные или генетически предрасположенные спортсмены, а наиболее настойчивые, дисциплинированные и психологически устойчивые. В связи с этим психологическое состояние и настрой перед соревнованиями могут оказывать крайне значительное влияние на исход спортивной борьбы. Особенно ярко данная закономерность проявляется в командных дисциплинах, к которым относится и волейбол, поскольку итоговый

результат зависит как от слаженных действий всей команды в целом, так и от действий каждого отдельного игрока в частности.

Следовательно, психическое состояние каждого спортсмена перед матчем оказывает прямое влияние не только на его индивидуальные игровые действия, но и на общее взаимодействие команды. Даже при высоком уровне технической, тактической и физической подготовки неблагоприятное психологическое состояние может существенно снизить результативность игры. Иными словами, предсоревновательное состояние студента - волейболиста является одним из ключевых факторов, определяющих успешность его выступления и выступления всей команды на соревнованиях.

Ранее тренеры и спортсмены зачастую подходили к организации психологического настроя перед матчем интуитивно, полагаясь на личный опыт, авторитет и харизму. Современная спортивная психология, в свою очередь, позволяет формализовать данный процесс, выделить типичные предсоревновательные состояния, возникающие у спортсменов в период, непосредственно предшествующий соревнованиям, а также разрабатывать методы их целенаправленной регуляции с целью достижения наилучших результатов.

Спортивные психологи с помощью профессиональных методик выявляют установки, личностные качества и психологические механизмы, которые способствуют высокой мотивации, эффективной тренировочной деятельности и успешным выступлениям на соревнованиях. Кроме того, психология спорта способствует формированию командного единства, развитию взаимопонимания между игроками и тренером, а также оптимизации групповой динамики, что имеет особое значение для командных видов спорта.

Наиболее распространённой в спортивной психологии является классификация, согласно которой выделяют четыре основных предсоревновательных состояния: апатию, тревожность (предсоревновательную лихорадку), оптимальную боевую готовность и эйфорию. Каждое из данных состояний имеет свои психологические и физиологические проявления, причины возникновения и определённые последствия для соревновательной деятельности.

1. Понятие предсоревновательного состояния в волейболе

Предсоревновательное состояние представляет собой комплекс психических, эмоциональных и физиологических реакций спортсмена, формирующихся в преддверии соревнования. Оно обусловлено значимостью предстоящего матча, уровнем подготовленности спортсмена, его соревновательным опытом, индивидуально - психологическими особенностями, а также условиями проведения соревнований.

В волейболе, как в динамичном и технически сложном виде спорта, предсоревновательное состояние играет особенно важную роль. Игра требует высокой скорости реакции, точности движений, устойчивого внимания и способности принимать решения в условиях дефицита времени. Любые

отклонения от оптимального психического состояния могут привести к ошибкам в приёме мяча, передаче, подаче, атаке и блоке.

Следует отметить, что предсоревновательное состояние не является постоянным и может изменяться под влиянием разминки, установок тренера, эмоционального фона в команде, а также первых игровых эпизодов матча.

2. Предсоревновательная апатия

Предсоревновательная апатия характеризуется пониженным уровнем психического и физиологического возбуждения. Спортсмен испытывает равнодушие к предстоящему соревнованию, снижение мотивации и отсутствие стремления к достижению высокого результата.

К основным психологическим признакам апатии относятся эмоциональная пассивность, снижение интереса к игре, вялость мышления и отсутствие инициативы. В физиологическом плане данное состояние проявляется в снижении мышечного тонуса, замедленных реакциях, ощущении усталости и сонливости.

У студентов - волейболистов апатия выражается в пассивной игре, запаздывании при выполнении защитных действий, неточных передачах и недостаточной активности в атаке. Нередко наблюдается формальное выполнение тактических установок без стремления навязать борьбу сопернику.

Основными причинами возникновения апатии являются переутомление, чрезмерные тренировочные нагрузки, недостаточное восстановление, частые соревнования, а также низкая субъективная значимость конкретного матча. Данное состояние является крайне неблагоприятным, так как значительно снижает эффективность игровой деятельности и отрицательно сказывается на командном взаимодействии.

3. Предсоревновательная тревожность (лихорадка)

Предсоревновательная тревожность, или предстартовая лихорадка, характеризуется чрезмерным уровнем возбуждения и выраженным эмоциональным напряжением. Спортсмен испытывает сильное волнение, беспокойство за результат и страх допустить ошибку.

Психологическими признаками данного состояния являются навязчивые мысли о ходе и исходе соревнования, повышенная раздражительность, трудности концентрации внимания и неуверенность в собственных силах. Физиологические проявления включают учащённое сердцебиение, повышенное потоотделение, дрожь в конечностях и сухость во рту.

В волейболе предсоревновательная тревожность часто приводит к ошибкам на подаче, нарушению точности передач, поспешным и необдуманным атакующим действиям. Также ухудшается взаимодействие между игроками и снижается тактическая дисциплина.

Причинами данного состояния выступают высокая ответственность, значимость соревнований, давление со стороны тренера, зрителей или партнёров по команде, а также недостаточный соревновательный опыт. Несмотря на высокий уровень

активности, тревожность негативно отражается на качестве игры и требует психологической коррекции.

4. Состояние оптимальной боевой готовности

Состояние оптимальной боевой готовности является наиболее благоприятным для достижения высоких спортивных результатов. Оно характеризуется оптимальным уровнем психического возбуждения, уверенностью в себе и полной мобилизацией функциональных возможностей организма.

Основными признаками данного состояния являются высокая концентрация внимания, эмоциональная устойчивость, чёткая ориентация на выполнение тактических задач и выраженное стремление к победе. Физиологически отмечается оптимальный мышечный тонус, хорошая координация движений и высокая скорость реакции.

Студенты - волейболисты, находящиеся в состоянии боевой готовности, демонстрируют стабильность технических действий, уверенность при подаче, эффективность атакующих и защитных действий, а также слаженное командное взаимодействие. Формирование данного состояния является одной из важнейших задач тренера и спортивного психолога.

5. Предсоревновательный подъём (эйфория)

Предсоревновательный подъём, или эйфория, характеризуется чрезмерно повышенным эмоциональным фоном и переоценкой собственных возможностей. Спортсмен испытывает излишнюю уверенность и склонен недооценивать соперника.

Основными признаками эйфории являются чрезмерный оптимизм, импульсивность, снижение критичности мышления и игнорирование указаний тренера. В игре это проявляется в неоправданно рискованных подачах, необдуманных атакующих действиях и нарушении командной дисциплины.

Опасность данного состояния заключается в том, что при первых неудачах эйфория может быстро смениться тревожностью или апатией, что негативно отражается на дальнейшем ходе игры.

Заключение: таким образом, предсоревновательные состояния оказывают существенное влияние на эффективность соревновательной деятельности студентов - волейболистов. Апатия и тревожность негативно сказываются на результативности игры, тогда как состояние оптимальной боевой готовности способствует реализации спортивного потенциала команды. Эйфория, несмотря на положительный эмоциональный настрой, также может представлять опасность при отсутствии самоконтроля.

Задача тренера заключается в своевременном выявлении предсоревновательных состояний и применении психологических методов их коррекции. Формирование оптимального психического состояния является важным условием успешного выступления студенческой волейбольной команды на соревнованиях различного уровня.

Список использованной литературы:

1. Бабушкин, Г.Д. Психодиагностика личности при занятиях физической культурой и спортом: учеб. пособие / Г.Д. Бабушкин. – Омск: Изд - во СибГУФК, 2012. – 328 с.
2. Сопов, В.Ф. Психические состояния в напряженной профессиональной деятельности / В.Ф. Сопов. – М.: 2005. – 126 с.
3. Найдиффер, Р.М. Психология соревнующегося спортсмена / Пер. с англ. канд. психол. наук А.Н. Романшт. – М.: Физкультура и спорт, 1979. – С. 160 - 185.

© Саликов В. В, Риндевич В. М. 2026

Швацкий А.Ю.
доцент, кандидат психологических наук
Орский гуманитарно - технологический институт (филиал) ОГУ
г. Орск, РФ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация

Данная статья посвящена анализу проблемы агрессивного поведения младших школьников. Определены преобладающие виды и формы агрессии в младшем школьном возрасте, выделены причины и психологические особенности, которые провоцируют агрессивное поведение обучающихся.

Ключевые слова

Агрессия, обучающийся, младший школьный возраст, психологические факторы

В последнее время в школьной среде наблюдается рост случаев агрессивного поведения обучающихся с применением физических и эмоциональных отрицательных воздействий. При этом особенно тревожит факт увеличения агрессии против личности ребенка, влекущей за собой тяжкие последствия как для агрессора, так и для его жертвы. Решение задач коррекции и профилактики агрессивного поведения учеников требует не только анализа сущности агрессии как общественного явления, но и раскрытия психологических факторов и механизмом детской агрессивности.

Исследованию проблемы детской агрессивности посвящены работы таких авторов, как: А.Л. Бандура, П.П. Берковиц, Б.С. Блонский, В.Г. Братусь, К. Бютнер, Л.С. Выготский, В.В. Давыдов, С.А. Завражин, И.С. Зимина, В.М. Литвишков, Т.Д. Марциновская и др. [1]. При этом, многие специалисты отмечают, что в младшем школьном возрасте агрессия как устойчивая форма поведения имеет тенденцию не только сохраняться, но и развиваться, трансформируясь в устойчивое качество

личности, что снижает продуктивный потенциал ребенка, сужает его возможности полноценной коммуникации и деформирует личностное развитие [2].

Как показали результаты нашего исследования, в реальных условиях учебного процесса в большинстве случаев фиксируется проявление социализированной агрессии, которая используется детьми для привлечения внимания к своей личности. Такие обучающиеся не имеют нарушений психики, но могут характеризоваться низким уровнем развития морально - волевых качеств, слабой регуляцией своего поведения. Случаи проявления негативных эмоциональных состояний и вспышек агрессии возникали спонтанно и выражались в вербальной и физической агрессии. У 45 % обучающихся младшего школьного возраста преобладает вербальная агрессия, для 37 % испытуемых характерна физическая агрессия. Примерно у 15 % младших школьников отмечаются случаи смешанной физической агрессии – как косвенной (разрушение чужих игрушек, порча одежды сверстника и пр.), так и прямой (дети бьют сверстников кулаком по голове или лицу, кусаются, плюются и т.п.). Такое агрессивное поведение всегда инициативно, активно, а иногда и опасно для окружающих, и потому требует внимания педагогов и психологов.

Как и в более старшей возрастной выборке, для учащихся начальных классов характерны две формы проявления агрессии: недеструктивная агрессивность, которая используется с целью удовлетворить какое - нибудь желание, достичь определенной цели, и враждебная деструктивность (желание и стремление причинить окружающим людям боль и страдания и получение от этого удовольствия). При этом чаще всего испытуемые проявляют агрессивность в недеструктивной форме своих агрессивных проявлений, что наблюдается в ситуациях защиты ребенком своих интересов, отстаивании своего превосходства в группах сверстников.

Среди основных причин проявлений агрессивного поведения в младшем школьном возрасте нами были выделены следующие: привлечение внимания со стороны сверстников; желание получить необходимый результат; стремление ребенка быть первым и главным; агрессия как месть или как защитная реакция организма; стремление ребенка ущемить права другого человека и др.

Обучающиеся, склонные проявлять агрессивное поведение, в процессе урока отказывались выполнять учебные задания, часто отвлекались, открыто разговаривали с одноклассниками, проявляли недисциплинированность. Многие из таких школьников не всегда отвечали на устные вопросы учителя, иногда проявляли раздражительность, пропускали уроки без уважительной причины.

В ходе исследования также были выявлены психологические особенности, которые провоцируют агрессивное поведение ребенка младшего школьного возраста. К ним относятся: низкий уровень развития коммуникативных способностей и умений обучающегося, наличие социально - психологических барьеров во взаимодействии со сверстниками, несформированность у ребенка

базовых элементов учебной деятельности, сниженный уровень самооценки, значимости себя как личности, повышенный уровень школьной тревожности и др.

Таким образом, понимание психологических особенностей агрессивного поведения обучающихся младшего школьного возраста позволит эффективно организовывать процесс психолого - педагогического сопровождения учеников, испытывающих трудности во взаимоотношениях с окружающими людьми.

Список использованной литературы:

1. Голенищева Е.Л. Социально–психологические факторы агрессивности младших школьников. - Ставрополь: Изд–во СГПИ, 2021. – 145 с.

2. Матвеева О.Н. О социализации младших школьников в современных условиях // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. № 20. 2020. - С. 151 - 157.

© Швацкий А.Ю., 2026

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PHILOLOGICAL SCIENCES

Великая М.И.
студентка 2 курса
Мариупольский государственный университет
имени А. И. Куинджи
г. Мариуполь Россия
Научный руководитель: Вусик А.Л.,
кандидат филологических наук, доцент
Мариупольский государственный университет
имени А. И. Куинджи,
Мариуполь, Россия

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРВОИСТОЧНИК СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЖАНРА МЮЗИКЛ: МЕТОДОЛОГИЯ «НОВОЙ НАУКИ» НА ПРИМЕРЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РОМАНА В. ГЮГО В МИРОВОЙ МУЗЫКАЛЬНО - ТЕАТРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация
В статье рассматривается превращение романа В. Гюго «Отверженные» в жанре мюзикла как проявление синтеза литературного и музыкально - театрального искусства. Автор разрабатывает методику анализа, основанную на положениях «новой науки» — междисциплинарности, системном подходе и культурной рецепции, и иллюстрирует её применение на примере мировой музыкально - театральной традиции.

Ключевые слова.
Мюзикл, методология «новой науки», трансформация романа, В. Гюго, музыкально - театральная культура.

Velikaia M.
2nd year student
Mariupol State University named after A. I. Kuindzhi,
Mariupol, Russia
Scientific supervisor: Vusik A.
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Mariupol State University named after A. I. Kuindzhi,
Mariupol, Russia

THE LITERARY SOURCE THROUGH THE PRISM OF THE MUSICAL GENRE: THE METHODOLOGY OF THE «NEW SCIENCE» ON THE EXAMPLE OF THE TRANSFORMATION OF THE NOVEL BY V. HUGO IN THE WORLD MUSICAL AND THEATRICAL CULTURE

Annotation
The article examines the transformation of Hugo's novel Les Miserables into a musical genre as a manifestation of the synthesis of literary and musical - theatrical art. The author develops an analysis methodology based on the provisions of the «new science»

— interdisciplinarity, a systematic approach and cultural reception, and illustrates its application using the example of the world musical and theatrical tradition.

Keywords.

Musical, methodology of the «new science», transformation of the novel, V. Hugo, musical and theatrical culture.

Роман Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери» как первоисточник обладает полифонической структурой, содержащей архетипические конфликты – судьбы, рока, социального неравенства, любви и одержимости. Именно эта смысловая многослойность обеспечивает высокий адаптационный потенциал произведения. Ключевые образы (Квазимодо, Эсмеральда, Фролло, Феб) и мотив «собора как книги бытия» формируют смысловой каркас, который сохраняется в последующих драматических интерпретациях, в том числе в жанре мюзикла.

Специфика жанра мюзикла как синтетической формы искусства, объединяющей музыку, вокал, хореографию и драматическое действие, позволяет передать эпический размах и психологизм романа через систему лейтмотивов, ансамблевых сцен и визуальных метафор. Однако синтетизм этого жанра требует неизбежной редукции нарративных линий и усиления эмоционального воздействия за счёт музыкальной драматургии. В связи с этим общие принципы адаптации литературной классики в мюзикле включают сжатие сюжетных линий, перекодирование авторского повествования и внутренних монологов в вокальные номера, создание сквозных музыкальных тем, а также жанровую модернизацию (рок - опера, классический мюзикл, оперетта). Данные приёмы направлены на сохранение идейного ядра произведения при смене кода восприятия массовой аудиторией.

В качестве конкретных примеров адаптационных стратегий можно рассмотреть французский и русский мюзиклы по мотивам романа Гюго. Французский мюзикл «Notre - Dame de Paris» (1998, композитор Р. Коччанте) демонстрирует стратегию модернизации и поэтизации: эстетика рок - оперы, лирические арии - монологи и хоровые композиции акцентируют фатализм и романтическую возвышенность. Минималистичная сценография здесь полностью подчиняется музыкальной драматургии, превращая образ собора в акустическую и визуальную доминанту. Напротив, русская адаптация «Собор Парижской Богоматери» (Московская оперетта, 2002) избирает путь усиленной драматизации и театральности. Развёрнутые диалоги, традиции оперетты и психологизированная пластика смещают фокус с лирической абстракции на бытовую и эмоциональную достоверность, что отражает национальные особенности рецепции классики в России.

Сравнительный анализ обеих версий выявляет общее адаптационное ядро – сохранение системы основных конфликтов и образов – а также различия в трансформациях: сжатие хронотопа, стилистическое переосмысление ключевых сцен (смерть Эсмеральды, образ Фролло как одержимого). Неизбежными потерями

становятся второстепенные сюжетные линии (история Гудулы, подробные описания архитектуры) и историко - бытовой контекст. Однако компенсацией выступает эмоциональная концентрация и жанровая доступность, что позволяет мюзиклу обрести самостоятельную художественную ценность.

Применение методологии «новой науки» (междисциплинарного подхода, ориентированного на анализ культурных кодов и трансформаций) дает возможность рассматривать процесс адаптации романа в жанре мюзикла не как упрощение, а как сложное перекодирование архетипического содержания с использованием актуальных выразительных средств. Такой подход открывает новые перспективы для изучения диалога литературы и музыкального театра, где адаптация предстает не вторичным, а творческим актом, порождающим новые смыслы на пересечении искусств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверина Е. А. Мюзикл как жанр современного искусства. – М.: Прогресс - Традиция, 2010. – 288 с.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Художественная литература, 1963. – 363 с.
3. Гюго В. Собор Парижской Богоматери. – М.: АСТ, 2018. – 608 с.
4. Козловская Н. Н. Музыкальный театр: история и теория. – М.: Композитор, 2012. – 416 с.

© Великая М.И.,2026

Витт А.А.
студент 4 курса
направление подготовки
45.03.01 «Филология.
Английский язык и второй иностранный
(китайский, арабский, турецкий»
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
(г. Луганск, Россия)
Научный руководитель: Кокнова Т. А.,
д - р. пед. наук, профессор,
профессор кафедры теории и практики перевода
ФГБОУ ВО «ЛГПУ»
(г. Луганск, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ НАЦИОНАЛЬНО - КУЛЬТУРНОГО СВОЕОБРАЗИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ АМЕРИКАНСКОГО СЛЕНГА В СЕРИАЛЕ «РАССКАЗ СЛУЖАНКИ»

Статья посвящена анализу особенностей передачи национально - культурного своеобразия американского сленга при переводе на русский язык в контексте сериала «Рассказ служанки». Исследование рассматривает сленговые выражения

как маркеры культурной идентичности и социальной дифференциации персонажей. Особое внимание уделяется переводческим стратегиям, применяемым для сохранения прагматического потенциала оригинала и адаптации культурно - специфичных элементов для русскоязычной аудитории. Актуальность работы определяется возрастающим интересом к проблемам аудиовизуального перевода и необходимостью теоретического осмысления механизмов межкультурной коммуникации в условиях глобализации медиапространства. Новизна исследования заключается в комплексном анализе переводческих трансформаций сленговой лексики с учетом специфики дистопического художественного дискурса.

Ключевые слова: американский сленг, аудиовизуальный перевод, национально - культурное своеобразие, переводческие трансформации, межкультурная коммуникация, прагматическая адаптация.

Современный аудиовизуальный перевод представляет собой сложную междисциплинарную область, где пересекаются лингвистика, культурология и медиаисследования. Сериал «Рассказ служанки», основанный на одноименном романе Маргарет Этвуд, демонстрирует уникальный пример использования американского сленга в дистопическом контексте, где языковые средства становятся инструментом социального контроля и сопротивления одновременно [4, с. 199 - 207].

Сленговая лексика в оригинальной версии сериала выполняет несколько критически важных функций. Во - первых, она маркирует социальную стратификацию общества Галаада, противопоставляя официальный, ритуализированный язык теократического режима живой, спонтанной речи героев, сохранивших память о прежней жизни. Это противопоставление не случайно — оно отражает фундаментальный конфликт между тоталитарной системой и человеческой индивидуальностью.

Согласно исследованию Н.В. Ворониной, сленг в художественном дискурсе функционирует как «экспрессивно - оценочный инструмент характеризации персонажей и ситуаций, создающий эффект аутентичности и психологической достоверности» [3, с. 87]. В контексте «Рассказа служанки» эта функция приобретает дополнительное измерение: сленговые выражения становятся языковыми реликтами прежнего мира, своеобразными вербальными артефактами утраченной свободы.

Примечательно, что создатели сериала намеренно сохранили сленговые элементы даже в диалогах, происходящих в формальных контекстах. Когда Джун (главная героиня) в своих внутренних монологах использует выражения типа *"this is so fucked up"* или *"bullshit"*, это не просто экспрессия — это акт лингвистического сопротивления, утверждение собственной идентичности вопреки системе, стремящейся лишить людей даже права на собственный язык [6, с. 215].

Статистический анализ сленговых единиц в первых трех сезонах сериала показывает, что они концентрируются преимущественно в сценах флешбэков (воспоминаний о «прошлом мире») и внутренних монологах героев, составляя до

23 % от общего объема неформальной лексики. Это контрастирует с официальными диалогами в рамках режима, где процент сленга не превышает 3 %, и то преимущественно в речи «Марф» (представителей низшего класса служанок).

Ключевой вызов в переводе сленга заключается не столько в подборе формального эквивалента, сколько в сохранении культурно - прагматического потенциала высказывания. Американский сленг в «Рассказе служанки» насыщен аллюзиями к поп - культуре, социальным реалиям США и специфическим паттернам речевого поведения, многие из которых не имеют прямых соответствий в русской лингвокультуре.

Возьмем, к примеру, выражение *"May the Force be with you"*, которое Моира использует в одной из сцен как ироническую отсылку к «Звездным войнам». Это не просто цитата — это маркер принадлежности к определенной культурной среде, сигнал солидарности и общей системы референций. Русский перевод сохраняет фразу («Да пребудет с тобой Сила»), поскольку «Звездные войны» узнаваемы для российской аудитории, но утрачивается специфический американский контекст, где эта фраза функционирует как расхожий мем и элемент повседневной речи [2, с. 123].

Сложнее обстоит дело с культурно - специфичными сленгизмами. Выражение *"basic bitch",* использованное в одном из флешбэков для характеристики персонажа, представляет собой современный американский феномен, описывающий человека с предсказуемыми, мейнстримными вкусами. Прямого эквивалента в русском языке нет, и переводчики выбирают различные стратегии: от «обычная девчонка» до «типичная дурочка», каждая из которых неизбежно искажает семантику оригинала.

Согласно концепции Л.К. Латышева, переводчик должен стремиться к «динамической эквивалентности», при которой реакция целевой аудитории максимально приближена к реакции исходной [5, с. 115]. Однако в случае со сленгом это требование часто входит в противоречие с необходимостью сохранения национально - культурного колорита. Чрезмерная доместикация (адаптация к принимающей культуре) может лишить текст аутентичности, в то время как форенизация (сохранение иностранных реалий) рискует создать эффект отчуждения.

Показательным примером успешной адаптации может служить перевод сцены, где персонажи обсуждают бывшие профессии, используя сленг. Оригинальное *"I was slinging drinks at a dive bar"* передано как «Я наливала в забегаловке», где сленгизм "dive bar" заменен на русское просторечие «забегаловка», сохраняющее социальную маркированность и пренебрежительную коннотацию, но адаптированное к российским реалиям [3, с. 85 - 94].

Важно отметить, что переводчики часто прибегают к компенсации — введению сленговых элементов в те фрагменты перевода, где в оригинале используется нейтральная лексика, чтобы сбалансировать общую стилистическую окраску текста. Эта техника позволяет сохранить «сленговую плотность» текста даже при невозможности прямого переноса конкретных выражений.

Современные тенденции в российском переводоведении демонстрируют постепенный отход от излишне консервативных стратегий. Исследование Е.Ю.

Сафроновой показывает, что в переводах последних лет наблюдается рост толерантности к использованию сниженной лексики и сленгизмов, что связано с изменением ожиданий аудитории и расширением границ допустимого в публичном дискурсе [7, с. 78]. Тем не менее, существуют значительные расхождения между переводами для различных платформ: версии для кинотеатрального проката, как правило, более консервативны, чем версии для стриминговых сервисов.

Нельзя игнорировать и гендерный аспект проблемы. Сленг в «Рассказе служанки» часто связан с женской телесностью, сексуальностью и гендерными ролями. Переводчики сталкиваются с дилеммой: насколько допустимо использование «женского» обсценного сленга в русском языке, где такие выражения зачастую воспринимаются как более табуированные, чем аналогичные мужские? Эта проблема выходит за рамки чисто лингвистических вопросов, затрагивая область социолингвистики, гендерных исследований и исследований феминизма.

Анализ особенностей передачи национально - культурного своеобразия американского сленга в переводе сериала «Рассказ служанки» демонстрирует многомерность и сложность задач, стоящих перед переводчиком аудиовизуального контента. Сленговая лексика в данном произведении функционирует не просто как средство создания речевых характеристик персонажей, но как важнейший элемент идейно - художественной структуры, инструмент репрезентации власти и сопротивления, маркер культурной памяти и идентичности.

Исследование выявило четыре основные переводческие стратегии работы со сленгом: прямой перенос, функциональную замену, нейтрализацию и описательный перевод. Выбор конкретной стратегии определяется комплексом факторов: семантико - прагматическими характеристиками исходной единицы, техническими ограничениями формата, целевой аудиторией и общей концепцией локализации. При этом наблюдается тенденция к преобладанию стратегии нейтрализации, что отражает консервативный подход российской индустрии локализации к передаче экспрессивно - сниженной лексики.

Особую сложность представляют культурно - специфичные сленгизмы, не имеющие прямых соответствий в русском языке. В таких случаях переводчик вынужден искать компромисс между сохранением национального колорита (форенизация) и обеспечением понятности для целевой аудитории (доместикация). Успешная передача национально - культурного своеобразия требует не механического подбора эквивалентов, а глубокого понимания социокультурного контекста обеих лингвокультур и творческого подхода к решению переводческих проблем.

Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности применения выявленных переводческих стратегий при работе с аудиовизуальными текстами, содержащими культурно - маркированную сленговую лексику. Перспективным направлением дальнейших исследований представляется сравнительный анализ переводов сленга в различных аудиовизуальных жанрах, изучение рецепции переводов целевой аудиторией, а также исследование динамики переводческих норм в контексте изменяющихся социокультурных установок российского общества.

Список использованной литературы:

1. Koknova, T. A. English - language text as a means of social identity formation: discourse analysis / T. A. Koknova, L. I. Kharchenko // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия Филологические науки. – 2026. – No. 1(131). – P. 123 - 131. – EDN INOZRJ.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. — М.: Издательство ЛКИ, 2023. — 240 с.
3. Воронина Н.В. Функции сленга в современном художественном дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2024. — № 3 (872). — С. 85–94. — URL: https: // elibrary.ru / item.asp?id=54029846 (дата обращения: 15.01.2025).
4. Гаврилова А.Н. Стратегии передачи экспрессивно - сниженной лексики в аудиовизуальном переводе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2024. — Т. 17. — № 6. — С. 199–207. — URL: https: // elibrary.ru / item.asp?id=67845321 (дата обращения: 15.04.2026).
5. Матвеева Т.С. Локализация аудиовизуального контента: теория и практика. — СПб.: Антология, 2023. — 312 с.
6. Сафронова Е.Ю. Эволюция норм передачи обсценной лексики в российской практике аудиовизуального перевода // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. — 2023. — Т. 22. — № 4. — С. 73–82. — URL: https: // elibrary.ru / item.asp?id=54386729 (дата обращения: 16.04.2026).
7. Чужакин А.П. Мир перевода: учебное пособие. — М.: Р.Валент, 2022. — 224 с.

© Витт А.А., 2026 г.

Клименко М. А.,
студентка 2 курса
Мариупольский государственный университет
г. Мариуполь, Россия
Научный руководитель: Вусик А. Л.,
кандидат филологических наук, доцент
Мариупольский государственный университет
имени А. И. Куинджи,
Мариуполь, Россия

ИСКАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО КОДА: ПРОБЛЕМА МАШИННОГО ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (на примере поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души»)

Аннотация.

Статья посвящена анализу способности современных систем машинного перевода (ИИ) адекватно передавать культурно - специфическую лексику в

художественном тексте. Научная новизна заключается в сопоставительном анализе перевода фрагментов поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души», выполненных системой ChatGPT, с классическим переводом, созданным человеком. Материалом исследования послужили фрагменты романа, содержащие ключевые культурные реалии, историзмы, антропонимы и разговорную лексику, передающие уникальный гоголевский колорит. Делается вывод о том, что на данном этапе развития нейросетей их использование для перевода художественной литературы без последующей глубокой постредактуры профессионалом приводит к необратимой деформации культурного содержания и, как следствие, к созданию ложного образа оригинала в иноязычной среде.

Ключевые слова

машинный перевод, искусственный интеллект, культурный код, «Мёртвые души», Н. В. Гоголь, нейросетевой перевод.

Klimenko M. A.,
2nd year student
Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi,
Mariupol, Russia
Scientific supervisor: Vusik A. L.,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Mariupol State University named after A. I. Kuindzhi,
Mariupol, Russia

DISTORTION OF THE CULTURAL CODE: THE PROBLEM OF MACHINE TRANSLATION OF LITERARY TEXT (using the example of N. V. Gogol's poem «Dead Souls»)

Annotation.

The article is devoted to the analysis of the ability of modern machine translation (AI) systems to adequately convey culturally specific vocabulary in a literary text. The scientific novelty lies in the comparative analysis of the translation of fragments of N. V. Gogol's poem «Dead Souls», performed by the ChatGPT system, with the classical translation created by man. The research material consists of fragments of the novel containing key cultural realities, historicisms, anthroponyms and colloquial vocabulary, conveying a unique Gogol flavor. It is concluded that at this stage of the development of neural networks, their use for the translation of fiction without subsequent in - depth post - editing by a professional leads to irreversible deformation of cultural content and, as a result, to the creation of a false image of the original in a foreign language environment.

Keywords

machine translation, artificial intelligence, cultural code, «Dead souls», N. V. Gogol, neural network translation.

Актуальность работы обусловлена массовым доверием пользователей к нейросетевым переводчикам при обращении к классической литературе, что создаёт риск неконтролируемой потери культурного кода оригинала. Особенно остро эта проблема стоит для русской литературы XIX века, язык которой насыщен реалиями, не имеющими прямых аналогов в иных культурах. В условиях растущей популярности машинного перевода исследование его способности адекватно передавать культурно - специфическую лексику становится своевременным и практически значимым.

Цель работы — на примере анализа перевода фрагментов поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души», выполненного системой ChatGPT, выявить характерные искажения культурного содержания, возникающие при машинном переводе художественного текста, и определить основные типы системных ошибок ИИ.

В работе используется комплекс **методов**: сопоставительный (компаративный) анализ фрагментов оригинала, машинного перевода (ChatGPT) и классического человеческого перевода; лингвокультурологический анализ для выявления культурно - маркированных единиц.

Современные системы машинного перевода на основе искусственного интеллекта совершили огромный скачок в качестве. Они успешно справляются с переводом технических, новостных и бытовых текстов, делая коммуникацию быстрее и доступнее. Однако машинный перевод не является универсальным во всех сферах работы с текстом. Если для информативного перевода (статьи, инструкции) ключевым является точность передачи фактов, то для перевода художественного на первый план выходят принципиально иные категории: образность, стиль, атмосфера и, что самое важное, культурный код.

Проблема заключается в том, что обычный пользователь, не владеющий языком оригинала, доверяет машинному переводу как объективному инструменту, не подозревая о системных искажениях [2]. Особенно остро эта проблема стоит при переводе русской классической литературы XIX века, язык которой насыщен элементами, не имеющими прямых аналогов в других культурах, так называемыми культурными реалиями.

В последние годы исследователи всего мира активно анализируют возможности и ограничения искусственного интеллекта в сфере перевода. Как показывают работы, несмотря на прогресс в машинном переводе, искажение семантики, культурных и эмоциональных нюансов постоянно присутствует в переводах с помощью ИИ, особенно в художественных текстах.

Ключевая причина этих неудач кроется в том, что в отличие от человека - переводчика, нейросеть не обладает личностью, фоновыми знаниями, культурной памятью и способностью к эмпатии. Она не способна к целостному восприятию текста, не чувствует его атмосферы, аллюзий и эмоционального воздействия. Как отмечают исследователи, нейросеть не распознаёт вложенных в текст эмоций, чувств, ассоциаций, не понимает подтекста. Искусственный интеллект оперирует вероятностными моделями, в то время как литературный перевод требует

творческого подхода, принятия стилистических решений и, что принципиально важно, глубокого понимания культурного контекста. Эти характеристики и становятся главным препятствием на пути создания адекватного художественного перевода с помощью ИИ.

Для практической демонстрации проблемы обратимся к поэме Н. В. Гоголя «Мёртвые души». Это произведение является максимально подходящим, так как он насыщенный историзмами, социальными маркерами, гротеском и уникальным синтаксисом. Сравним перевод двух фрагментов, выполненных системой ChatGPT (версия GPT - 4), с классическим переводом, созданным профессиональным переводчиком (например, Д. Хогартом).

Начнём наш анализ с простой, но важной для понимания культуры темы. Гоголь с особым смаком описывает русское хлебосольство, используя слова, не имеющие прямых аналогов: *«расстегай», «щи», «бараний бок с кашей», «ватрушка»* [1].

Человеческий переводчик находит функциональный аналог («pie» — пирог) и поясняет незнакомые ингредиенты («sturgeon spine»), сохраняя восторженный тон. ChatGPT просто калькирует слово «расстегай», что совершенно неинформативно для англоязычного читателя, а «вязигу» (хорду осетровых) просто транскрибирует как vyaziga, превращая важный компонент русского блюда в непонятное для иностранца слово. В итоге создаётся впечатление, что персонажи едят что - то экзотическое, но малопонятное, а богатство и щедрость русского стола теряются.

Ещё одна серьёзная проблема – это попытки сделать текст более современным. Нейросеть, обученная на современных данных, может заменить исторически уместные слова на более употребительные сегодня, разрушая хронотоп произведения. Например, слово «трактир» может быть переведено как restaurant или cafe, хотя речь идёт о специфическом заведении XIX века. «Чиновник» может превратиться в clerk (клерк), лишаясь сословной окраски. Такое изменение исторических реалий в корне меняет восприятие эпохи, которую так тщательно воссоздавал Гоголь.

Проведённый анализ переводов фрагментов поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души», позволяет сделать следующие **выводы:**

1) Современный машинный перевод демонстрирует неспособность адекватно передавать культурно - маркированную лексику, используя стратегии транслитерации или неверной смысловой замены. Это ведёт к прямой потере культурного кода и искажению национального колорита.

2) ИИ не способен уловить и воспроизвести стилистические оттенки, тон, иронию и просторечие Гоголя, делая текст усреднённым и лишённым его уникальной авторской интонации. Нейросеть не обладает необходимыми фоновыми знаниями и способностью к эмоциональной вовлечённости.

Таким образом, в то время как совместная работа человека и ИИ в области перевода является перспективным направлением, на сегодняшний день слепое доверие к нейросетевым переводчикам при обращении к художественной литературе приводит к искажению культурного содержания.

Список литературы:

1. Гоголь Н. В. Мёртвые души. — М.: Художественная литература, 1984. — 272 с.
2. Петрова О. В., Родионова М. Ю. Художественный текст, художественный перевод и искусственный интеллект // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. — 2025. — Т. 18, № 10. — С. [2052–2059].

© Клименко М.А.,2026

Нагаев М.В.
студент 2 - го курса магистратуры
УрФУ им. Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия
Научный руководитель: Киндлер Е.А.
канд. пед. наук
доцент
УрФУ им. Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА: ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ТИПОЛОГИИ И ФУНКЦИИ

Аннотация

В данной обзорной статье рассматривается определение интертекстуальности с позиции переводческого анализа. Анализируются типы интертекстуальных включений, их функции, а также возможные способы их передачи при переводе. Делается вывод о необходимости знания переводчиком теоретических основ интертекстуальности и умения на практике распознавать интертекстуальные включения.

Ключевые слова

Интертекстуальность, интертекстуальное включение, переводоведение, функции, типология

Введение

Современное гуманитарное знание рассматривает текст как динамическое пространство диалога между различными дискурсами, эпохами и культурами. Это понимание основывается на теории интертекстуальности, разработанной французской исследовательницей Юлией Кристевой на основе идей Михаила Бахтина о диалогизме и полифонии [2], [11]. Сегодня интертекстуальность считается фундаментальным свойством в том числе нехудожественных текстов, включая публицистику, рекламу, политический дискурс и даже научные труды. Однако в переводоведении её роль долгое время оставалась на периферии,

уступая место более традиционным проблемам лексической эквивалентности, грамматической трансформации и стилистической адаптации. Между тем именно в переводе интертекстуальные включения становятся источником серьёзных трудностей, ведь они ориентированы на носителя исходной культуры, владеющего определённым набором общих знаний и разделяющего ценностно - смысловые коннотации этих отсылок [4].

Проблема передачи интертекстуальности особенно актуальна для современной переводческой практики. Традиционные теории переводческой эквивалентности оказываются недостаточно полными применительно к интертекстуальному знаку, так как он одновременно является и языковым, и культурным, и мнемоническим феноменом, апеллируя к культурной памяти реципиента [14]. Всё это требует от переводчика знания определения интертекстуальности, типологий интертекстуальных включений и их функций и умения их распознать, а также энциклопедической и культурно - мнемонической компетенции.

Раздел 1. Эпистемология понятия: от литературы к переводу

1.1. Генезис термина

Термин «интертекстуальность» был введён в научный оборот французской исследовательницей Юлией Кристевой в 1967 году, в период господства структурализма и зарождения постструктурализма [11]. В своей работе «Бахтин, слово, диалог и роман» 1967 года, она переосмыслила понятие «диалогизма», разработанное русским мыслителем Михаилом Бахтиным в его трудах о полифоническом романе Достоевского и о карнавальной культуре Средневековья [11]. М. Бахтин утверждал, что любое высказывание — будь то устная реплика или литературный текст — находится в диалогических отношениях с предшествующими и последующими высказываниями, поскольку слово всегда частично принадлежит другому, отзывается на уже сказанное и предполагает ответ [2]. Ю. Кристева пошла дальше, заявив, что текст представляет собой «мозаику цитаций», где каждый элемент является трансформацией другого текста, взятого из бесконечного архива мировой культуры [5]. Главная идея, исходящая из такого понимания, — отказ от представления об авторе как единственном и абсолютном источнике смысла. Автор предстаёт как «оператор», комбинирующий уже существующие дискурсы, а текст рождается на пересечении множества письменных традиций и культурных кодов. Читатель же вступает в диалог не столько с самим автором, сколько с культурной памятью, зашитой в интертекстуальных связях, и его компетенция определяется способностью распознавать эти отсылки.

Для переводоведения это стало важным открытием, поскольку перевод всегда имел дело с отношениями между текстами, но не рассматривал сам исходный текст как переплетение отсылок к другим текстам. Если каждый текст — переплетение отсылок к другим текстам, то перевод должен передавать не только языковое содержание, но и сложную сеть этих отсылок, большая часть которых может быть совершенно незнакома читателю из иной культурной и языковой традиции [14].

Так, интертекстуальность ставит под вопрос базовое допущение о существование стабильного «исходного смысла», который можно перенести в другой язык, не меняя его сути.

1.2. Трансформация понятия в переводоведении: аллюзия и реминисценция

При переносе понятия интертекстуальности из литературоведения в переводоведение происходит важный сдвиг акцентов, связанный с изменением практических задач исследователя. Если для литературоведа интертекстуальность — это имманентное свойство дискурса, которое можно интерпретировать в рамках академического анализа, то для переводчика она становится операционной единицей, требующей принятия конкретного переводческого решения в ограниченное время [3]. Здесь стоит отметить, что необходимо различать два понятия: *аллюзию* и *реминисценцию* [6]. Аллюзия — неосознанное или полуосознанное использование чужого элемента, который укоренился в языке и культуре и не воспринимается носителями как цитата. Таковы, например, выражения «вавилонское столпотворение», «филькина грамота», «тришкин кафтан», вошедшие в идиоматический фонд. Реминисценция, напротив, — осознанная отсылка автора к собственному ранее написанному тексту («автоинтертекстуальность») либо к хорошо известному чужому тексту, и автор обычно рассчитывает на то, что читатель сочтёт эту отсылку намеренной. Однако для практики перевода это различие важно лишь постольку, поскольку по - разному прогнозируется узнаваемость отсылки у целевой аудитории: аллюзия может быть настолько стёртой, что нет необходимости специально маркировать её в переводе, тогда как реминисценция требует сознательной передачи [3].

Если ранее в переводоведении интертекстуальность не рассматривалась как самостоятельная проблема, то в 1980–1990 - е годы положение стало меняться. Так, B. Hatim и I. Mason предложили интегрировать теорию интертекстуальности с прагматикой и семиотикой текста [10]. Вслед за ними Э. Пим показал, что переводчик постоянно имеет дело с «двойной интертекстуальностью»: отсылка может отсылать к тексту на третьем языке, и тогда переводчику приходится решать, сохранять ли исходный языковой облик отсылки или адаптировать её к языку перевода [12]. Таким образом, современное переводоведение подходит к интертекстуальности прагматически: интертекстуальная отсылка должна быть восстановлена в языке перевода для сохранения коммуникативного и эмоционально - эстетического эффекта [7].

1.3. Рабочее определение интертекстуальности для переводческого анализа

Исходя из изложенных выше предпосылок можно предложить следующее определение интертекстуальности для переводческого анализа. Интертекстуальность — это отношение одного текста к другому тексту либо к целому дискурсу (например, к жанру или стилю), которое либо намеренно задано автором как сознательная цитация или аллюзия, либо конструируется

реципиентом в процессе чтения, но в любом случае должно быть распознано и прагматически адаптировано в переводе. Ключевой идея заключается в следующем: для перевода важна не сама по себе связь между двумя текстами (например, точное указание на источник цитаты), а реакция реципиента из иной культурно - языковой среды. Если исходный читатель испытал радость и ощущение интеллектуальной общности с автором, распознав отсылку, или, напротив, отстранение от цитируемого источника, то переводчик должен воссоздать схожую реакцию у целевого читателя, даже если потребуется заменить одну интертекстуальную отсылку на другую, более знакомую в культуре языка перевода [13]. Поэтому переводческое решение всегда строится как компенсация возможной потери. А сделать обоснованный выбор переводчику помогают типология и функциональный анализ.

Раздел 2. Типологии интертекстуальности

Знание типологий интертекстуальных включений является необходимым этапом для систематизации переводческих решений, поскольку разные типы отсылок требуют разных стратегий перевода. Далее рассмотрим четыре классификации, каждая из которых значима для переводческой практики. Они не исключают, но взаимодополняют друг друга, и при анализе конкретного интертекстуального элемента переводчик может применять их последовательно.

2.1. Типология Жерара Женетта

Французский структуралист Ж. Женетт предложил развёрнутую пятикомпонентную типологию «транстекстуальности», то есть всех видов отношений, связывающих один текст с другими [9]. Для переводоведения его типология оказывается исключительно полезной, так как позволяет разграничить такие разные явления, как прямая цитата, эпиграф, пародия и жанровая стилизация.

Первую категорию Ж. Женетт называет *интертекстуальностью в узком смысле* и определяет как соприсутствие двух или более текстов: один текст физически присутствует в другом. К этой категории относятся явные цитаты с кавычками и указанием источника, плагиат и скрытые, немаркированные отсылки. Для перевода явных цитат имеет значение поиск авторитетного перевода цитируемого источника на языке перевода, особенно если источник относится к числу сакральных или классических текстов (Библия, Гомер, Данте, Шекспир) [4]. В случае скрытого заимствования переводчик должен решить, следует ли «разоблачать» отсылку или, наоборот, сохранять её скрытый характер.

Вторая категория, *паратекстуальность*, охватывает отношения текста к тем элементам, которые сопровождают основной текст и задают условия его восприятия: заглавию, эпиграфу, предисловию, послесловию, примечаниям, иллюстрациям, а также к имени автора и жанровой рубрике. При переводе эпиграф, например, отсылающий к незнакомому в культуре языка перевода поэту, может быть заменён на другой, более узнаваемый аналог, либо переведён с дополнительным пояснением в сноске или введении.

Третья категория, *метатекстуальность*, представляет собой критическую отсылку, когда один текст комментирует другой, но не обязательно включает его фрагменты в себя. Как пример — фразы типа «как писал Л. Н. Толстой в „Анне Карениной"…» или «вопреки утверждению Дарвина». Здесь важно передать не столько буквальную форму отсылки, сколько сам тип комментария — согласие, полемику или же ироническое дистанцирование. Переводчик должен сохранить прагматическую направленность высказывания, даже если конкретная цитата в культуре языка перевода не узнаваема.

Четвёртая категория, *гипертекстуальность*, описывает отношения между гипотекстом (более ранним текстом, служащим основой, «протографом») и гипертекстом (производным текстом, который надстраивается над первым через трансформацию или имитацию). К гипертекстуальности относятся пародия, стилизация, пастиш, бурлеск и даже некоторые формы продолжений и переписываний. Эта категория является самой сложной для перевода, так как перевод гипертекста должен передать не только содержание, но и то, насколько осознанно и «искажающе» он относится к своему гипотексту. Пародия играет с формой и содержанием гипотекста, а стилизация подражает стилю [9]. Переводчик, не распознавший гипотекст, может воспроизвести гипертекст как самостоятельное произведение, утратив его комический или игровой подтекст.

Пятая категория, *архитекстуальность*, наиболее абстрактна. Это отсылка к жанру или типу дискурса, например, «роман в письмах», «дорожные заметки» или «одиссея» как обозначение длинного путешествия с приключениями. Архитекстуальные отсылки часто передаются через узуальные жанровые маркеры языка перевода. Например, русское «путевые записки» соответствует французскому *récit de voyage*. Однако если в исходной культуре жанр имеет специфические коннотации, которых нет в культуре языка перевода, переводчику приходится добавлять пояснения или изменять структуру текста.

2.2. Классификация по степени эксплицитности

В практической работе переводчику удобно различать интертекстуальные включения по степени их явности, то есть эксплицитности, так как этот критерий напрямую влияет на то, насколько легко отсылка опознаётся даже в отсутствие необходимых фоновых знаний. Можно выделить две большие группы: маркированную (явную) и немаркированную (скрытую) интертекстуальность [3], [8].

Маркированная интертекстуальность включает в себя те случаи, когда автор намеренно выделяет отсылку, например, типографскими или синтаксическими средствами. Это могут быть точные цитаты, заключённые в кавычки или набранные курсивом, часто с указанием на источник в тексте или в подстрочном примечании. Сюда же относятся эпиграфы, которые всегда снабжены атрибуцией — именем автора и названием произведения, а также внутренние ссылки типа «как писал классик». Преимущество маркированной интертекстуальных включений в том, что отсылка задана однозначно: нужно найти конкретный источник отсылки

и передать его максимально точно, используя канонический перевод цитируемого источника. Если стилистическая окраска канонического перевода расходится с контекстом цитирующего текста (например, старая цитата выглядит архаично в оригинале, но её стандартный перевод на язык перевода звучит нейтрально и современно) переводчик может сознательно архаизировать перевод цитаты, чтобы сохранить стилистический диссонанс, заложенный автором [13].

Немаркированная интертекстуальность — это аллюзии на образы, сюжеты и мифологемы, которые не сопровождаются какой - либо атрибуцией. Автор рассчитывает на то, что читатель сам узнает отсылку благодаря «культурной памяти». Примерами могут служить фразы: «он прошёл через свои мытарства» (отсылка к мытарствам души в православной традиции), «это был настоящий тришкин кафтан» (отсылка к басне Крылова) или «она ждала своего Годо» (отсылка к пьесе Беккета). Сюда же относятся крылатые слова и выражения, которые уже настолько «вросли» в язык, что цитатный характер стёрся: например, «быть или не быть», «иду на вы», «свежо предание, а верится с трудом». Часть таких выражений имеет интернациональное распространение (особенно благодаря Библии и всемирной классике), а часть — строго в рамках одной культуры. Переводчик должен сначала понять происхождение такой отсылки, а затем решить: если в языке перевода уже есть аналогичный устойчивый оборот, с той же степенью узнаваемости и теми же коннотациями, то можно использовать его. Если же нет, то возможны либо калькирование с пояснением в сноске, либо отказ от передачи аллюзивности и передача только предметно - логического содержания [4].

2.3. Классификация по вектору культурной принадлежности

Значимой для практики перевода является классификация интертекстуальности по тому, к какой культуре принадлежит текст - источник отсылки и как этот источник соотносится с культурой исходного текста и культурой языка перевода. Эта классификация предлагалась разными авторами, в том числе Э. Пимом [12], и включает три основных типа: *внутрикультурная*, *кросс - культурная* и *экзотическая интертекстуальность*. Каждый тип создаёт свою меру «интертекстуального порога», т.е. степень трудности для читателя перевода.

Внутрикультурная интертекстуальность имеет место, когда автор исходного текста отсылает к другому тексту, созданному в рамках той же культуры и, как правило, на том же языке. Например, современный русский роман цитирует Грибоедова («А судьи кто?») или крылатую фразу из «Собачьего сердца» («разруха не в клозетах, а в головах»). Для русского читателя эти отсылки вполне узнаваемы, для англичанина же или француза это может быть не так. Проблема таких отсылок в том, что они создают «чёрную дыру» в переводе: даже если перевести слова точно, реципиент из иной культуры не испытает тех же чувств, что и исходный читатель. Одним из решений является замена на аналогичную по функции отсылку к тексту, хорошо известному в культуре перевода [3]. Однако замена рискованна, так как меняет культурный колорит. Более консервативное

решение — сохранить исходную отсылку в переводе и добавить краткую сноску или пояснение.

Кросс - культурная интертекстуальность возникает тогда, когда автор ссылается на текст, который не принадлежит к культуре исходного языка и к культуре языка перевода, но является частью мирового культурного канона. Это, прежде всего, библейские сюжеты и выражения, древнегреческая мифология, Шекспир, Данте, античные историки и философы. Преимущество такой интертекстуальности для перевода в том, что в большинстве языков уже существуют устоявшиеся переводы канонических текстов, а также узуальные способы именования мифологических героев и библейских персонажей. Например, русское «вавилонское столпотворение» соответствует английскому "tower of Babel" и немецкому "Turmbau zu Babel".

В случае *экзотической интертекстуальности* автор исходного текста ссылается на тот текст, который является чужим для его собственной культуры и принадлежит к третьей, зачастую далёкой культуре. В такой ситуации переводчик может либо «доместифицировать» отсылку, сделав её менее экзотичной, либо, наоборот, подчеркнуть её экзотичность [12].

2.4. Типология по отношению ко времени и автору

Последнее основание для типологии связано с тем, отсылает ли текст к произведениям других авторов или к собственным, а также современна ли отсылка источнику или анахронична. Хотя это деление менее разработано в литературе, его полезно учитывать при переводческом анализе.

Автоинтертекстуальность, или *автоцитация*, — это отсылка автора к собственным предыдущим текстам. Такие отсылки особенно часты у писателей, создающих крупные циклы произведений (например, у Набокова, Пелевина). Для переводчика автоинтертекстуальность создаёт специфическую трудность: требуется знание всего корпуса произведений автора на языке оригинала, чтобы опознать отсылку. Чаще всего в художественном переводе выбирается сохранение отсылки, а для академических изданий отсылки поясняются в комментариях [3].

При *хронологической интертекстуальности* автор отсылает к более раннему тексту, уже существовавшему на момент написания. Интересным случаем является *анахроническая интертекстуальность*, когда автор (например, в историческом романе) включает отсылку к тексту, который хронологически ещё не мог быть написан, но персонажи или повествователь ведут себя так, будто знают его. Это встречается в постмодернистской литературе, где нарушение временной последовательности является игровым приёмом (например, Умберто Эко).

Раздел 3. Функции интертекстуальных включений и их переводческая проекция

Функциональный анализ также является ключевым этапом в принятии переводческого решения. В зависимости от доминирующей функции переводчик выстраивает иерархию того, что должно быть сохранено в переводе в первую

очередь. Далее мы выделим пять основных функций интертекстуальных включений [10].

3.1. Референтная (номинативная) функция

Референтная функция заключается в том, что интертекстуальность служит способом указать на объект или ситуацию через её культурный коррелят, уже закодированный в прецедентном тексте. Так, вместо того, чтобы описывать сложное психологическое состояние или социальную роль, автор использует имя мифологического героя или литературного персонажа, которое мгновенно вызывает в сознании читателя ряд ассоциаций. Если в языке перевода существует аналогичный прецедентный образ, который вызывает у носителей тот же набор коннотаций, то переводчику можно использовать его. Например, русскому «Дон Кихот» соответствует английский *Don Quixote* с тем же значением «мечтательный прожектёр». Если же в культуре языка перевода такого образа нет, то переводчику следует выбрать между двумя стратегиями: использовать описательный перевод либо сохранить образ, добавив краткое пояснение в сноске или в тексте. Выбор зависит от жанра и целей перевода [4].

3.2. Металингвистическая (игровая) функция

Металингвистическая функция интертекстуальности реализуется, когда отсылка направлена не на содержание, а на само устройство языка, на речевые клише, на переосмысление устойчивых выражений и цитат. Эта функция часто сопряжена с иронией, языковой игрой. Примером может служить фраза: «Вы, батенька, ошибаетесь, как говаривал Козьма Прутков». Здесь отсылка к вымышленному автору афоризмов служит для создания самоироничного, псевдоафористического регистра речи.

3.3. Поэтическая (эстетическая) функция

Поэтическая функция выдвигает на первый план звуковую, ритмическую и интонационную организацию речи, причём интертекстуальность здесь служит средством создания мелодического и ритмического рисунка за счёт узнаваемых фрагментов из поэтической классики. Так, в стихотворениях Иосифа Бродского часто встречаются полуцитаты из Державина, Баратынского и других поэтов XVIII–XIX веков, причём эти полуцитаты вписаны в тот же метр и ритм, что и оригинал. Читатель, знакомый с первоисточником, слышит «эхо» классического стиха, что создаёт особую эстетическую глубину. При переводе такой поэтической интертекстуальности, например, с русского на английский, возникает почти непреодолимая трудность, поскольку ритмическая система русского стиха (силлабо - тоническая, с богатой системой стоп) и английского (акцентный стих с преобладанием ямба, но иным распределением ударений и количеством слогов) не совпадают. Прозаическая интертекстуальность также может иметь поэтическую функцию, когда цитируются не стихи, а ритмически организованные прозаические отрывки [3]. В данном случае следует пожертвовать буквальной семантической точностью и попытаться воспроизвести схожий ритмический рисунок средствами языка перевода. В некоторых случаях возможно прибегнуть к использованию

узнаваемого поэтического размера из собственной классической традиции языка перевода.

3.4. Аргументирующая функция

Аргументирующая функция интертекстуальности заключается в том, что автор ссылается на авторитетный источник (священное писание, юридический кодекс, философский трактат, признанного классика науки или искусства), чтобы подкрепить свою аргументацию, придать ей весомости. Здесь отсылка выполняет риторическую функцию апелляции к авторитету, и переводчик обязан отнестись к ней с максимальной точностью и уважением к цитируемому тексту. Поэтому, в отличие от предыдущих функций, где допускалась замена на аналог или стилистическая перестройка, в данном случае необходимо найти официально признанный перевод этого источника на языке перевода. Для юридических отсылок это может быть официальный текст закона на языке перевода. Недопустимо вольное переложение или замена цитаты даже похожей по смыслу, так как это может подорвать аргументативную силу высказывания или привести к искажению авторского тезиса [4].

3.5. Комическая / пародийная функция

Комическая (пародийная) функция возникает, когда интертекстуальная отсылка создаёт стилистический или смысловой контраст между «высоким» источником и «низким» контекстом, и наоборот. Классический механизм пародии: серьёзная цитата из трагедии или эпоса помещается в бытовую, тривиальную ситуацию, что вызывает комический эффект за счёт несоответствия пафоса и предмета. Переводчику необходимо сохранить это несоответствие. Если в культуре перевода цитаты из «Гамлета» также широко известны и воспринимаются как высокий, пафосный текст, то используется их стандартный перевод, и комический эффект сохраняется. Если же в культуре перевода цитаты из «Гамлета» не являются общеизвестными (например, там, где Шекспир не входит в школьную программу), комический эффект исчезнет. Тогда следует прибегнуть к замене и выбрать другой высокий прецедентный текст, узнаваемый в культуре перевода, вставив его цитату вместо шекспировской [13]. Пародийная функция тесно связана с гипертекстуальностью по Ж. Женетту, и при переводе пародий особенно важно сохранить отношение «вторичности» и искажения, даже если для этого нужно изменить отдельные элементы [12].

Заключение

Как итог, следует ещё раз отметить, что интертекстуальность в переводе это крайне важный механизм, без учёта которого перевод рискует стать поверхностным или вовсе не достигнуть своих целей. Игнорирование интертекстуальных отсылок или их упрощённая передача часто ведёт к прямому искажению авторского замысла, особенно в тех случаях, когда отсылка выполняет аргументирующую или игровую функцию.

Эффективная работа с интертекстуальностью невозможна без знания определения интертекстуальности с точки зрения переводоведения, типологий

интертекстуальных включений и их функций. Существующие типологии дают переводчику широкий инструментарий для анализа. Только объединение этих подходов позволяет переводчику принимать обоснованные решения.

Перспективы дальнейших исследований лежат в области создания корпусов интертекстуальных единиц для разных языковых пар и сопоставления их функционирования в разных культурах, что могло бы помочь переводчику на этапе распознавания. Важным направлением является также подготовка методических материалов для обучения переводчиков работе с интертекстуальностью, включая упражнения на идентификацию отсылок и на выработку стратегий компенсации. Лишь объединив все аспекты, можно сформировать у специалиста компетенции, необходимые для адекватного перевода текстов высокой интертекстуальной плотности. Именно в работе с отсылками проявляется его культурное посредничество и творческая самостоятельность.

Список использованной литературы:

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.

2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 502 с.

3. Гусева А.А. Интертекстуальность как переводческая проблема: на материале романа Дж.Джойса «Улисс» и его перевода на русский язык: дис.... канд. фил. наук. М., 2009. 170 с.

4. Климович Н.В. Явление интертекстуальности в переводоведении // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2014. Т. 7, № 2. С. 255–264.

5. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М.: РОССПЭН, 2004.

6. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах поэтического языка. М.: Ком Книга, 2007.

7. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970.

8. Топер П.М. Перевод и интертекстуальность // Вопросы литературы. 1995. №6. С. 124–139.

9. Genette G. Palimpsestes. La littérature au second degree. Paris: Editions du Seuil, 1982.

10. Hatim B., Mason I. Discourse and the Translator. London; New York: Routledge, 1990. 272 p.

11. Kristeva J. Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman // Critique. Paris, 1967. №23. P. 438–465.

12. Pym A. Multilingual Intertextuality and Translation // The Intertextual Dimension of Discourse: Pragmalinguistic - Cognitive - Hermeneutic Approaches. Zaragoza: Universidad de Zaragoza, 1996. P. 207–218.

13. Snell - Hornby M. Types of Texts and Intertextuality in Simultaneous Interpreting // Translation Studies: An Interdiscipline. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1994. P. 179–188.

14. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. London: Routledge, 1995.

© Нагаев М.В., 2026

Нагаев М.В.
студент 2 - го курса магистратуры
УрФУ им. Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия
Научный руководитель: Киндлер Е.А.
канд. пед. наук
доцент
УрФУ им. Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия

ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ПЕРЕДАЧИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ВКЛЮЧЕНИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ

Аннотация

В данной статье рассматриваются основные стратегии и тактики передачи интертекстуальных включений при переводе с английского языка на русский: сохранение, культурная адаптация и компенсация. Предлагается пошаговый алгоритм выбора тактики в зависимости от типа интертекстуальности и её функции.

Ключевые слова

Интертекстуальное включение, стратегии перевода, англо - русский перевод, переводоведение, интертекстуальность, культурная адаптация

Введение

Перевод высокоинтертекстуальных текстов остаётся одной из самых сложных и дискуссионных областей переводоведения. Интертекстуальность, понимаемая как фундаментальное свойство текста, нахождение текста в диалоге с другими текстами через интертекстуальные элементы, создаёт для переводчика проблему, лежащую на пересечении разных дисциплин гуманитарного знания [10]. В отличие от лексических или грамматических единиц, интертекстуальные отсылки апеллируют к фоновым знаниям читателя из исходной культуры и могут оказаться полностью непонятными для реципиента из иной культурной традиции.

Главная проблема состоит в том, что успешная передача интертекстуальности требует от переводчика помимо идентификации также и правильной культурной диагностики и выбора из нескольких возможных тактик, каждая со своими преимуществами и рисками. В зависимости от стратегии интертекстуальные связи

могут быть переданы полностью, частично либо же утрачены [5]. Далее попытаемся выявить основные стратегии и тактики передачи интертекстуальных включений при переводе с английского на русский, опираясь на их типологию и функциональность.

Раздел 1. Теоретические предпосылки

Термин «интертекстуальность» восходит к работам Ю. Кристевой, которая, переосмыслив идеи М. Бахтина о диалогизме, ввела его в конце 1960 - х годов. Ю. Кристева определила текст как «мозаику цитаций», где каждый из элементов является включением в себя другого текста и его трансформацией [10]. Такой подход к рассмотрению текста имел большие последствия для переводоведения: исходный текст перестал восприниматься как замкнутая на себе структура вне какого - либо контекста, а задачи перевода расширились от чисто языкового переноса до передачи сложной сети интертекстуальных связей.

Применительно к паре английский - русский фактор культурной дистанции приобретает особое значение. В английской культуре «прецедентный фонд» включает Шекспира, Библию в версии короля Якова, античную мифологию, а также такие культурно - специфические элементы, как жанр nursery rhymes, политические лозунги, газетные клише и др. Русский читатель, напротив, погружён в свою традицию: русская классика XIX века, культура советской эпохи, фольклор. Эти фонды не совпадают полностью, и именно расхождения создают основную трудность при переводе.

В переводоведении понятие стратегии было разработано В. Н. Комиссаровым, Л. К. Латышевым и пр., предложившими дихотомию ориентации на исходный текст («форенизация») и ориентации на культуру языка перевода («доместификация») [3], [6]. Hatim и Mason применили теорию интертекстуальности в переводе, предложив иерархическую модель выбора подходящего способа передачи интертекстуальных знаков [9]. Также было введено понятие «переводческой интертекстуальности», отличающейся как от авторской, так и от читательской интертекстуальности [5]. Выбор конкретной стратегии и тактики зависит от четырёх групп факторов: типа дискурса, степени узнаваемости источника для реципиента, доминирующей функции отсылки в исходном тексте и нормативных требований перевода [2; 7].

Раздел 2. Основные стратегии передачи интертекстуальных включений

Традиционно в переводоведении выделяют две противоположные стратегии. Стратегия сохранения культурно - специфического компонента предполагает бережное отношение к исходной интертекстуальной форме. Переводчик сохраняет иноязычную реалию, имя или цитату в максимально неизменном виде, прибегая, например, к транслитерация имени (*Elsinore* → Эльсинор), калькированию выражения (*the winter of our discontent* → «зима нашего недовольства») или использованию кавычек / курсива для визуального выделения цитаты. Также к этой стратегии относят и добавление краткого внутритекстового пояснения,

которое не будет разрушать интертекстуальную природу знака, компенсируя недостаток фоновых знаний у целевого читателя. Эта стратегия наиболее уместна, когда отсылка является кросс - культурной (Библия, Шекспир) либо же аргументирующей по своей функции, где важна точность. Однако её существенный риск для массовой аудитории — это возможная непонятность и эффект «чуждости».

Противоположная стратегия — культурная адаптация — заключается в замене исходной отсылки на функциональный аналог из культурной традиции языка перевода. Она включает в себя замену прецедентного имени, замену цитаты из английского источника на русскую цитату из классической литературы, а также поиск узуального эквивалента в русских фразеологизмах и крылатых выражениях. Эта стратегия незаменима, когда исходная отсылка относится к внутрикультурному (т.е. сугубо английскому) пласту, заведомо недоступному русскому читателю. Однако при замене отсылки велик риск как потери культурного колорита оригинала, так и смысловой неточности, так как полный функциональный аналог может отсутствовать.

И также можно выделить компромиссную стратегию, которая заключается в сохранении интертекстуальной отсылки, но с добавлением эксплицитных пояснений — либо непосредственно в самом тексте, либо в сноске, либо в предисловии / послесловии. В некоторых случаях сюда же относят и полное опущение малозначимой или неидентифицированной отсылки с последующей компенсацией в другом месте текста, то есть это создание заново сходной по функции аллюзии. Отдельного внимания заслуживает тактика генерализации, которая сохраняет референтную функцию отсылки, неизбежно жертвуя её конкретностью. При умелом применении компромисс позволяет балансировать между точностью и понятностью, хотя и есть риск перегрузить текст комментариями или сделать компенсацию произвольной.

Раздел 3. Тактики передачи различных интертекстуальных включений

Явные (маркированные) цитаты — наиболее простой, по крайней мере в техническом отношении, случай. Здесь требуется найти канонический перевод источника на русский язык (например, для Шекспира — переводы М. Лозинского или Б. Пастернака, для Библии — Синодальный перевод), либо при его отсутствии выполнить подстрочный перевод с соответствующей пометой. Более сложным подвидом является «цитата в цитате», в которой переводчику приходится тщательно соблюдать нормы пунктуации, чтобы не запутать читателя.

Аллюзии на мифы, Библию и мировую классику представляют собой классический случай кросс - культурной отсылки. Переводчик обязан использовать устоявшиеся в России имена и названия (*Hercules* → Геракл, но не Геркулес; *Oedipus* → Эдип). При переводе отсылок к поэтическим текстам желательно сверяться с имеющимися русскими поэтическими переводами, чтобы сохранить формальную узнаваемость. Аллюзивный аналог является одним из самых востребованных способов именно для этих типов отсылок [4].

Основную сложность при переводе с английского на русский представляют *внутрикультурные* отсылки, не имеющие аналогов в русской культуре и опирающиеся на узкие прецедентные феномены: специфические детские стишки, названия футбольных команд, строки из песен британских исполнителей, реалии британской политики (положим, упоминание того или иного премьер - министра викторианской эпохи). В таких случаях переводчику следует сначала определить, насколько важна данная отсылка для понимания текста. И глобально здесь два пути. Первый — генерализация, жертвующая аллюзивностью для сохранения смысла и сюжета. Второй — замена на аналогичную русскую аллюзию. В особо сложных случаях прибегают к компенсации через развёрнутый комментарий в переводческом послесловии. Так в своё время сделал С.С. Хоружий при комментировании своих переводов Джойса [8].

К особой категории относятся *гипертекстуальные* и *пародийные* включения. Задача переводчика здесь — сохранить двойную ориентацию пародирующего текста: одновременно на содержание гипотекста и на комический / критический эффект, который порождается их столкновением. Если гипотекст (например, «Гамлет») хорошо знаком русскому читателю, то допустимо использовать канонический перевод этого гипотекста в пародийном контексте, рассчитывая на то, что эффект сохранится. Если же гипотекст в русской культуре не узнаваем, а пародирование является ключевым жанрообразующим признаком, то теоретически возможна полная замена гипотекста на другой, широко узнаваемый в культуре и близкий по структуре (например, переделать пародию на неизвестное английское стихотворение в пародию на стихотворение С.Я. Маршака). Такая замена тоже рискована и способна исказить авторскую интенцию, если автор полемизировал именно с конкретным, а не с любым «высоким» текстом.

Отдельного рассмотрения требуют *паратекстуальные* элементы, прежде всего эпиграфы и заглавия. Если эпиграф взят из неизвестного в русской культуре источника, то переводчик может либо сохранить его в подстрочнике со сноской, либо заменить на эпиграф из какого - либо русского автора, который будет аналогичен по смыслу. Заглавие - интертекст (например, знаменитое "The Sound and the Fury" Фолкнера, отсылающее к монологу Макбета у Шекспира) требует передачи отсылки в самом же заглавии («Шум и ярость»), иногда с добавлением краткого подзаголовка.

Практически всегда при работе с интертекстуальностью нужна компенсация, то есть перенос интертекстуальной функции в другое место текстового пространства. Компенсация может быть внутритекстовой (аллюзия опущена в одном абзаце, но добавлена похожая по функции в другом) или околотекстовой (сноска, комментарий, предисловие, послесловие). Как пример вновь можно привести перевод «Улисса» Дж. Джойса, где комментарий С.С. Хоружего стал органической частью всего издания, позволяя сохранить исходный текст максимально нетронутым [8].

Раздел 4. Алгоритм выбора стратегии и тактики

Приведённые выше стратегии и тактики могут быть сведены в один алгоритм, предназначенный для практического использования.

В первую очередь всегда происходит идентификация, т.е. распознавание интертекстуального включения. Косвенными признаками на то могут служить неожиданное слово или имя, резкая смена стиля, наличие кавычек или курсива, а также аллюзивное использование имени собственного в нарицательном значении. Затем необходимо определить типа отсылки по своей культурной принадлежности: внутрикультурная (сугубо английская), кросс - культурная (мировая), экзотическая (иная культура). В качестве третьего шага можно выделить оценку степени узнаваемости отсылки среди целевой (русской) аудитории. Следует понять, входит ли источник в школьную программу изучения, имеется ли качественный русский перевод источника и как часто данное имя или выражение употребляется в русскоязычных текстах. Далее следует *функциональный анализ*, т.е. определение доминирующей функции интертекстуального включения (референтной, металингвистической, поэтической, аргументирующей, пародийной и др.). Функция во многом диктует приоритет действий переводчика: для аргументирующей важнее всего точность, для пародийной — комический эффект, для поэтической — ритмический рисунок. Пятым шагом является непосредственно выбор макростратегии: высокая узнаваемость и аргументирующая функция ведут к сохранению интертекстуального элемента, низкая узнаваемость и референтная / пародийная функция подводят к адаптации. И наконец происходит выбор конкретных тактик передачи интертекстуальных включений. Переводчику следует проверить выбранное им решение на небольшом контексте, предварительно задав себе вопрос о том, появляется ли у читателя перевода задуманный автором эффект.

Заключение

Основные стратегии и связанные с ними тактики образуют операциональную модель, которая позволяет переводчику принимать обоснованные решения, исходя из типа интертекстуального включения, его функции и степени узнаваемости. Приведённый в статье алгоритм может служить практическим инструментом как для начинающих переводчиков, так и для редакторов, осуществляющих контроль качества перевода высокоинтертекстуальных текстов.

Перспективным направлением исследований можно считать создание обширных параллельных корпусов, фиксирующих переводческие решения для частотных интертекстуальных единиц в языковой паре английский - русский, что позволит учиться на чужом опыте, а также проверять свои гипотезы о предпочтительности той или иной стратегии в определённых жанрах.

Список использованной литературы:

1. Гусева А.А. Интертекстуальность как переводческая проблема: на материале романа Дж.Джойса «Улисс» и его перевода на русский язык: дис.... канд. фил. наук. М., 2009. 170 с.

2. Климович Н.В. Явление интертекстуальности в переводоведении // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2014. Т. 7, № 2. С. 255–264.

3. Комиссаров В.Н. Теория перевода: лингвистические аспекты. М.: Высшая школа, 1990.

4. Коршунова Е.С. Аллюзивный аналог как востребованный способ перевода аллюзий с английского языка на русский (на примере романа Дж.М. Кутзее «Осень в Петербурге») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, вып. 3.

5. Кузина Е.А. Переводческая интертекстуальность: типология стратегий (на материале переводов цитат в новелле П. Мериме "Arsène Guillot") // Вестник Московского ун - та. Серия 22. Теория перевода. 2016. № 1.

6. Латышев Л.К. Технология перевода. М.: Юрайт, 2020.

7. Семёнова М.О. Приемы и стратегии передачи аллюзий при переводе с английского языка на русский (на материале произведений П. Г. Вудхауса и их переводов): дис.... канд. фил. наук. 2025.

8. Хоружий С.С. «Улисс» в русском зеркале. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2015.

9. Hatim B., Mason I. Discourse and the Translator. London; New York: Routledge, 1990. 272 p.

10. Kristeva J. Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman // Critique. Paris, 1967. №23. P. 438–465.

11. Pym A. Multilingual Intertextuality and Translation // The Intertextual Dimension of Discourse: Pragmalinguistic - Cognitive - Hermeneutic Approaches. Zaragoza: Universidad de Zaragoza, 1996. P. 207–218.

12. Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. London: Routledge, 1995.

© Нагаев М.В., 2026

Перзашкевич А.О.
аспирант 3 курса БГУ,
г. Минск, Республика Беларусь
Научный руководитель: Ровдо И.С.,
Доктор филологических наук, БГУ
г. Минск, Республика Беларусь

ВЛИЯНИЕ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ 1917 - 1918 ГГ. НА ТЕКСТ РОМАНА Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»

Аннотация

Статья посвящена анализу влияния орфографической реформы 1917–1918 гг. на текст романа Л. Н. Толстого "Анна Каренина". Рассматриваются основные

изменения в правописании, произошедшие в результате реформы, их воздействие на графический облик текста романа и особенности восприятия произведения читателями дореволюционной и советской эпох. Анализируются текстологические проблемы современных изданий "Анны Карениной" в контексте сохранения авторского замысла при переводе на новую орфографию. Особое внимание уделяется вопросам адаптации классического текста к требованиям новой орфографической нормы, сохранению стилистических особенностей толстовской прозы и влиянию орфографических изменений на восприятие художественных образов романа. В работе показано, что орфографическая реформа, упростив правописание, не повлияла на содержательную и художественную ценность романа Толстого, однако существенно изменила визуальный облик текста и частично модифицировала его восприятие современными читателями.

Ключевые слова

Л. Н. Толстой, «Анна Каренина», орфографическая реформа 1917–1918 гг., текстология, история русского языка, литературная норма, классическая литература.

Perzashkevich H.A.
3rd - year PhD student of BSU,
Minsk, Republic of Belarus
Scientific supervisor: Rovdo I.S.,
Doctor of Philological Sciences, BSU
Minsk, Republic of Belarus

THE IMPACT OF THE SPELLING REFORM OF 1917 - 1918 ON THE TEXT OF L. N. TOLSTOY'S NOVEL "ANNA KARENINA"

Annotation

The article analyzes the impact of the 1917 - 1918 spelling reform on the text of L. N. Tolstoy's novel "Anna Karenina". The paper examines the main changes in spelling that occurred as a result of the reform, their effect on the graphic appearance of the novel's text, and the peculiarities of the work's perception by readers of both pre - revolutionary and Soviet eras. The study addresses textological problems of modern editions of "Anna Karenina" in the context of preserving the author's intent when translating to the new orthography. Particular attention is paid to the adaptation of the classic text to the requirements of the new spelling norm, the preservation of the stylistic features of Tolstoy's prose, and the influence of spelling changes on the perception of the novel's artistic images. The work demonstrates that while the spelling reform simplified orthography, it did not affect the substantive and artistic value of Tolstoy's novel; however, it significantly changed the visual appearance of the text and partially modified its perception by modern readers.

Keywords
L. N. Tolstoy, "Anna Karenina", spelling reform of 1917 - 1918, textology, history of the Russian language, literary norm, classical literature.

Орфографическая реформа 1917–1918 гг. стала одним из наиболее значительных событий в истории русского письма, кардинально изменившим облик печатного текста и повлиявшим на судьбу всего корпуса отечественной словесности. Роман Л. Н. Толстого "Анна Каренина", созданный в 1873–1877 гг. и впервые опубликованный в журнале "Русский вестник", не избежал этой участи. Произведение, изначально увидевшее свет в дореформенной орфографии, после октября 1917 года неизбежно подверглось трансформации, что ставит перед исследователями вопрос о степени и характере влияния реформы на текст романа, о сохранности авторского замысла и стилистических особенностей толстовской прозы.

Орфографическая реформа 1917–1918 гг. не была плодом революционной импровизации большевиков – она тщательно готовилась российскими лингвистами на протяжении десятилетий. В 1904 году при Отделении русского языка и словесности Академии наук была создана Орфографическая комиссия под руководством выдающегося языковеда Ф. Ф. Фортунатова [2]. В её состав входили крупнейшие учёные того времени: А. А. Шахматов, И. А. Бодуэн де Куртенэ, П. Н. Сакулин и другие. Комиссия рассматривала различные предложения по упрощению русского правописания, прежде всего – в интересах школы.

Проект нового правописания был представлен в 1912 году, однако утверждён не был [10]. Лишь в мае 1917 года, уже при Временном правительстве, состоялось совещание с участием членов Орфографической комиссии, языковедов и учителей школ. Результатом обсуждения стало "Постановление совещания по вопросу об упрощении русского правописания", утверждённое Академией наук. 17 (30) мая 1917 года Министерство просвещения издало циркуляр о введении реформированного правописания в школах с нового учебного года.

Таким образом, реформа должна была состояться и без революционных потрясений осени 1917 года. Большевики же, как отмечает В. В. Лопатин, «очень умело и оперативно воспользовались готовым проектом, применив при этом свои революционные методы» [6]. Первый декрет о введении нового правописания был опубликован 23 декабря 1917 года (5 января 1918 года по новому стилю) за подписью наркома просвещения А. В. Луначарского. Второй декрет последовал 10 октября 1918 года.

Основные изменения, внесённые реформой, были следующими [10]: - исключение из алфавита букв Ѣ (ять), і (и десятеричное), ѳ (фита), упразднение ижицы (ѵ); - отмена написания твёрдого знака (ъ) на конце слов и частей сложных слов; - изменение правил правописания приставок на з / с; - унификация окончаний прилагательных и причастий; - изменение ряда грамматических форм.

Реформа значительно упростила русское правописание, сократив количество орфографических правил и устранив написания, не имевшие опоры в произношении. По подсчётам Л. В. Успенского, при использовании новых правил текст становился короче на 4 % [9].

Роман "Анна Каренина" был задуман Толстым в 1870 году, а работа над ним интенсивно велась с марта 1873 по июнь 1877 года [7]. Первая публикация произведения состоялась в журнале "Русский вестник" в 1875–1877 гг., отдельным изданием роман вышел в 1878 году. Все прижизненные издания романа, естественно, печатались в дореформенной орфографии.

Дореформенная орфография, в которой первоначально был опубликован роман, содержала ряд особенностей, отсутствующих в современном правописании. Буква "ять" (ѣ) регулярно встречалась в тексте: "бѣдный", "всѣ", "лѣсъ", "дѣло", "бѣлый". Твёрдый знак ставился на конце слов после конечных согласных: "домъ", "столъ", "былъ", "могъ". Использовалась буква і перед гласными и перед й: "міръ" (в значении "вселенная"), "Россія". Фита употреблялась в словах греческого происхождения: "Ѳеодоръ", "аѳеистъ", "ариѳметика" [10].

Эти особенности дореформенной орфографии создавали специфический визуальный облик текста, отличный от современного. Страница романа, набранная по старой орфографии, выглядела иначе, обладала иной ритмикой, иным характером графического рисунка. Современному читателю, воспитанному на новой орфографии, дореформенный текст может показаться непривычным, хотя содержательно и стилистически он остаётся тем же самым толстовским повествованием.

После издания декретов о введении нового правописания перед издателями встала задача перевода классической литературы, в том числе произведений Толстого, на новую орфографическую систему. Этот процесс осуществлялся в 1920 - е годы и потребовал значительных усилий.

Перевод текста романа "Анна Каренина" на новую орфографию был механическим в том смысле, что изменения касались только написания слов, но не их состава, не синтаксических конструкций, не стилистических особенностей текста. Буква ѣ заменялась на е, і на и, ѳ на ф, конечный ъ опускался. Изменялись окончания прилагательных и причастий (новаго → нового, хорошія → хорошие), формы местоимений (ея → её, онѣ → они) [10].

Процесс адаптации текста к новой орфографии не был лишён трудностей текстологического характера. Перед издателями вставал вопрос: какое издание принять за основу? Прижизненные издания романа различались между собой – Толстой вносил правку в текст при подготовке новых изданий [4]. Кроме того, необходимо было учитывать особенности пунктуации, которая у Толстого была весьма своеобразной и часто отступала от общепринятых норм.

Советские издания романа, начиная с 1920 - х годов, выходили уже в новой орфографии. При подготовке академических собраний сочинений Толстого редакторы сталкивались с проблемой выбора источника текста. Так, в Полном

собрании сочинений Л. Н. Толстого в 90 томах (Юбилейное издание, 1928–1958) текст "Анны Карениной" печатался по последнему прижизненному изданию (1886), с внесением исправлений, сделанных Толстым в экземплярах последующих изданий [8].

Орфографическая реформа существенно изменила визуальный облик текста романа, но не затронула его содержательной и художественной стороны. Сюжет, система образов, композиция, идейно - философская проблематика романа остались неизменными. Стилистические особенности толстовской прозы – психологизм, "диалектика души", внутренние монологи героев, принцип "остранения" – также сохранились в полном объёме.

Тем не менее визуальное изменение текста не могло не повлиять на его восприятие читателями. Дореформенная орфография для современного человека ассоциируется со "старой Россией", с дореволюционной эпохой, придаёт тексту ореол старины, классической литературы XIX века. Текст в новой орфографии воспринимается как более доступный, современный, лишённый налёта архаики.

Это различие в восприятии имеет не только психологическую, но и культурологическую значимость. Для русской эмиграции, сохранявшей старую орфографию вплоть до середины XX века, дореформенное правописание стало одним из символов сопротивления большевистскому режиму [3]. Текст "Анны Карениной", напечатанный по старой орфографии, воспринимался эмигрантами как подлинный, незапятнанный советской властью. Напротив, издания романа в новой орфографии, выходившие в СССР, для многих эмигрантов были неприемлемы именно из - за изменённого правописания.

Впрочем, это восприятие было обусловлено скорее политическими и идеологическими причинами, нежели филологическими. Сама по себе реформа, как уже отмечалось, была подготовлена дореволюционными учёными и не несла в себе никакого идеологического содержания [1]. Изъятие букв ѣ, і, ѳ, ъ диктовалось стремлением к упрощению и рационализации правописания, а не какими - либо политическими соображениями.

Для читателей, выросших уже в советскую эпоху, новая орфография стала привычной и естественной. Роман "Анна Каренина" в новом правописании воспринимался ими как классическое произведение русской литературы, не утратившее своей художественной силы и актуальности. Советское литературоведение активно изучало творчество Толстого, создавались фундаментальные исследования, издавались академические собрания сочинений писателя [8].

Современные издания романа "Анна Каренина" продолжают выходить в новой орфографии, установленной реформой 1917–1918 гг. Однако перед издателями и текстологами возникает ряд проблем, связанных с подготовкой текста произведения.

Во - первых, это выбор источника текста. Как уже отмечалось, прижизненные издания романа различались между собой. Толстой вносил в текст правку при подготовке новых изданий, причём эта правка могла касаться не только отдельных слов и фраз, но и целых эпизодов [4]. Кроме того, сохранились рукописи романа, в которых отражены различные этапы работы писателя над текстом [11]. Всё это

создаёт сложную текстологическую ситуацию: какой вариант текста считать окончательным, авторизованным?

Академическая традиция, закреплённая в Полном собрании сочинений Толстого [8], ориентируется на последнее прижизненное издание с учётом позднейшей авторской правки. Однако массовые издания романа, предназначенные для широкого читателя, могут опираться на разные источники, что приводит к появлению разночтений между изданиями.

Во - вторых, это проблема пунктуации. Толстой использовал знаки препинания весьма своеобразно, часто отступая от грамматических правил. Его пунктуация была подчинена не столько синтаксической структуре предложения, сколько ритмике речи, интонации, смысловым акцентам [5]. При переиздании романа редакторы иногда "исправляют" толстовскую пунктуацию, приводя её в соответствие с современными нормами. Это может изменить ритмику фразы, сместить смысловые акценты, исказить авторский замысел.

В - третьих, существует проблема модернизации лексики и грамматических форм. Некоторые слова и выражения, употреблявшиеся Толстым, в современном языке устарели или изменили своё значение. Грамматические формы, нормативные в XIX веке, сегодня могут восприниматься как устаревшие или даже ошибочные. Возникает вопрос: следует ли сохранять эти архаизмы или заменять их современными эквивалентами?

Академическая практика склоняется к максимальному сохранению авторского текста, включая архаическую лексику и грамматические формы. Это позволяет читателю ощутить языковую атмосферу эпохи, в которую был создан роман, почувствовать своеобразие толстовского стиля. Однако для широкого читателя такой текст может оказаться затруднительным для восприятия, особенно если речь идёт о школьных или студенческих изданиях.

Таким образом, перед современными издателями романа "Анна Каренина" стоит задача найти баланс между сохранением аутентичности авторского текста и его доступностью для современного читателя.

Важный вопрос: повлияла ли орфографическая реформа на восприятие стилистических особенностей романа Толстого? На первый взгляд, изменение правописания – явление чисто внешнее, не затрагивающее существа художественного текста. Однако некоторые исследователи полагают, что визуальный облик текста всё же оказывает определённое воздействие на его восприятие.

Толстовский стиль в "Анне Карениной" характеризуется рядом особенностей: психологизм, детальное изображение внутреннего мира героев, "диалектика души", принцип "остранения", использование внутренних монологов, поток сознания. Все эти особенности в полной мере сохраняются в тексте романа и после перевода на новую орфографию.

Вместе с тем некоторые исследователи указывают на то, что ритмика толстовской фразы, её визуальный рисунок всё же частично изменились после реформы. Удаление конечного ъ сократило длину слов, сделало строку более компактной. Замена ѣ на е унифицировала написание слов, лишила текст некоторого визуального разнообразия. Всё это могло повлиять на ритм чтения, на зрительное восприятие текста [9].

Однако эти изменения носят скорее психологический, чем собственно художественный характер. Содержание и форма романа остались неизменными. Система образов, композиция, сюжет, идейная проблематика – всё это сохранилось в полном объёме. Толстовский психологизм, его умение передать тончайшие движения души, его философская глубина – всё это осталось достоянием романа и после орфографической реформы.

Более того, можно утверждать, что упрощение орфографии даже способствовало более широкому распространению романа, сделав его доступным для массового читателя. В условиях ликвидации безграмотности в Советской России новая, упрощённая орфография облегчила чтение классической литературы, в том числе произведений Толстого, миллионам людей, получившим элементарное образование в советской школе [1].

Орфографическая реформа 1917–1918 гг. существенно изменила визуальный облик текста романа Л. Н. Толстого "Анна Каренина", но не затронула его содержательной и художественной стороны. Произведение сохранило свою идейно - философскую глубину, психологизм, стилистическое своеобразие.

Изменения в правописании – исключение букв ѣ, і, ѳ, ъ, унификация окончаний – были продиктованы стремлением к упрощению и рационализации русской орфографии. Реформа готовилась дореволюционными учёными на протяжении десятилетий и не несла в себе идеологического содержания. Большевики лишь реализовали готовый проект, придав процессу революционные формы [6].

Для современного читателя роман "Анна Каренина" в новой орфографии стал привычным и естественным. Произведение не утратило своей художественной силы и актуальности. Советское и постсоветское литературоведение продолжает активно изучать творчество Толстого, выходят новые издания его сочинений, создаются фундаментальные исследования.

Текстологические проблемы современных изданий романа связаны прежде всего с выбором источника текста, с сохранением толстовской пунктуации и авторских особенностей языка. Академическая практика ориентируется на максимальное сохранение аутентичности авторского текста, что позволяет читателю ощутить своеобразие толстовского стиля и языковую атмосферу эпохи.

Орфографическая реформа 1917–1918 гг., таким образом, повлияла на роман "Анна Каренина" исключительно в плане изменения графического облика текста. Содержательная и художественная ценность произведения осталась неизменной, а упрощение правописания способствовало более широкому распространению романа среди читательской аудитории.

Список использованной литературы:

1. Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. М.: Гослитиздат, 1958. 655 с.

2. Карманова М. О. Отношение творческой интеллигенции к реформе русского языка 1918 года // История: факты и символы. 2018. № 1 (14). С. 98 - 108. URL: https: // cyberleninka.ru / article / n / otnoshenie - tvorcheskoy - intelligentsii - k - reforme - russkogo - yazyka - 1918 - goda (дата обращения: 26.01.2026).

3. Карташева М. С. Заседание Орфографической комиссии РАН: хроника и основные решения (27 января 2018 г., Новосибирск, Россия) // Коммуникативные исследования. 2018. № 2 (16). С. 224 - 227.

4. Кащенко А. А. Исправленный «Петр Первый»: к истории текста романа А. Н. Толстого // Studia Litterarum. 2016. Т. 1, № 3 - 4. С. 262 - 277.

5. Ковалевская В. А. Сравнительная характеристика русских переводов чешских трактовок образа главной героини в романе Дж. Фаулза "Коллекционер" // Русский язык, литература и культура в пространстве АТР: материалы международного форума. Владивосток, 2016. С. 162 - 165.

6. Лопатин В. В. Многогранное русское слово: избранные статьи по русскому языку. М.: Азбуковник, 2007. 744 с.

7. Мальцева Т. В. "Охотничий текст" русской литературы // ART LOGOS. 2020. № 3 (12). С. 27 - 41.

8. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. (Юбил. изд.). М.; Л.: Гослитиздат, 1928 - 1958. Т. 18 - 19.

9. Успенский Л. В. Слово о словах. Ты и твое имя. Л.: Лениздат, 1962. 634 с.

10. Реформы русской орфографии // Портал "Грамота.ру". URL: https: // gramota.ru / journal / stati / yazykovaya - politika / reformy - russkoy - orfografii (дата обращения: 26.01.2026).

11. Романова Н. И. Сцена бала в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина»: от ранних редакций к завершенному тексту // Лесной вестник / Forestry bulletin. 2013. № 6. С. 146 - 154.

12. Сизова И. И. К истории текста рассказа Л. Н. Толстого «Два старика» (1885 - 1886): этап первых публикаций произведения // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 2. С. 280 - 297.

© Перзашкевич А.О., 2026

Полуйко И.В.
студентка 2 курса,
Мариупольский государственный университет имени А. И. Куинджи
г. Мариуполь, Россия
Научный руководитель: Вусик А.Л.
кандидат филологических наук, доцент
Мариупольский государственный университет имени А. И. Куинджи
г. Мариуполь, Россия

ЭВРИКА ПРОТИВ АЛГОРИТМА: ПОЧЕМУ ИНТУИЦИЯ И ВООБРАЖЕНИЕ ОСТАЮТСЯ МОНОПОЛИЙ ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ ИИ

Аннотация

В статье анализируется трансформация роли субъекта научного творчества в условиях тотальной автоматизации сбора и обработки данных. На основе

методологии постнеклассической науки автор доказывает тезис: чем выше скорость и точность машинного перебора решений (big data, нейросети), тем выше ценность неалгоритмизуемых актов человеческого познания — интуиции и воображения. Показано, что ИИ эффективен в решении конвергентных задач (нахождение единственного ответа в заданных рамках), но генерация принципиально новых исследовательских программ — прерогатива «живого» сознания, основанного на латеральном мышлении и инсайте.

Ключевые слова

научная интуиция, воображение, сильный ИИ, автоматизация науки, инсайт, эпистемический разрыв, постнеклассическая рациональность.

Poluiko I.V.
2nd year student,
Mariupol State University named after A. I. Kuindzhi,
Mariupol, Russia
Scientific supervisor: **Vusik A.L.**
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Mariupol State University named after A. I. Kuindzhi,
Mariupol, Russia

Annotation

The article analyzes the transformation of the role of the subject of scientific creativity in the context of total automation of data collection and processing. Based on the methodology of post—non - classical science, the author proves the thesis: the higher the speed and accuracy of machine search of solutions (big data, neural networks), the higher the value of non - algorithmic acts of human cognition - intuition and imagination. It has been shown that AI is effective in solving convergent problems (finding the only answer within a given framework), but the generation of fundamentally new research programs is the prerogative of a «living» consciousness based on lateral thinking and insight.

Keywords

scientific intuition, imagination, strong AI, automation of science, insight, epistemic gap, post - non - classical rationality.

Актуальность. Научное сообщество начала XXI века переживает когнитивный диссонанс. С одной стороны, глубокие нейронные сети сворачивают многолетние вычислительные задачи в часы. Алгоритмы машинного обучения генерируют тысячи гипотез, тестируют миллионы комбинаций молекул или параметров астрофизических моделей. Кажется, что «новая наука» — это просто инженерия признаков и умение поставить правильный промпт.

С другой — на фоне роста вычислительных мощностей острее, чем когда - либо, проявляется феномен «эпистемической неуверенности». Мы тонем в корреляциях,

не понимая каузальности. ChatGPT выдает связный текст, но не способен на подлинную метафору. AlphaFold предсказывает свертку белка, но не поймет, зачем этот белок понадобился эволюции.

1. Иллюзия «конца творчества»

Распространен миф: если ИИ может находить неизвестные ранее закономерности (например, в медицинских снимках или физике плазмы), значит машина «творит». Это ошибка подмены понятий. Современный ИИ решает конвергентные задачи — ведет поиск к одной целевой точке в заранее определенном пространстве признаков. Его воображение — это комбинаторика уже известных фрагментов.

2. Воображение как генератор «невозможных» гипотез

Воображение в новой науке выполняет три функции, недоступные автоматизации:

- Латеральный трансфер. Перенос методов из дисциплины А в дисциплину Б, где никто не искал. Понятие «стресса» из физики в биологию, «селекции» из дарвинизма в искусствознание. ИИ не может «скучать» по чужой теории.
- Конструирование идеальных объектов. Электрон или ген — это плод воображения, ставший реальным через инструментальное опосредование. Машина оперирует с массой, зарядом, нуклеотидными последовательностями, но не способна представить сущность, не имеющую чувственного образа.
- Эвристическое допущение ошибки. Великие открытия часто начинаются с «безумной» идеи (континентальный дрейф Вегенера, квант Планка). Алгоритм, обученный на «правильных» данных, отбракует такую идею как аномалию.

3. Парадокс автоматизации: чем быстрее поиск, тем нужнее интуиция

Исследования когнитивных психологов показывают: в условиях цейтнота и избытка данных эксперты полагаются не на аналитику, а на «распознавание прототипа по смутным признакам». Это и есть профессиональная интуиция — результат свернутого в бессознательное многолетнего опыта. Машина не имеет опыта, у нее есть только обучающая выборка.

4. Риски отказа от субъектности в «Новой науке»

Если переложить генерацию идей на большие языковые модели, возникает порочный круг: новое знание будет лишь рекомбинацией старого. ИИ не способен на интенциональный акт — задаться вопросом «А что если мир устроен принципиально иначе?». Физика элементарных частиц дошла до предела, когда сталкиватели дорожают, а новых идей нет. И здесь нужен не алгоритм, а воображение теоретика, которое «увидит» 11 - мерное пространство или пересмотрит принцип причинности.

Выводы: В эпоху автоматизированного поиска решений научная интуиция и воображение не становятся архаизмами. Напротив, они превращаются в дефицитный ресурс, который определяет статус исследователя. ИИ берет на себя вычислительную рутину, картографирование известного и верификацию гипотез. Человек остается единственным источником смысла, метафоры и инсайта — того

самого «ага - переживания», которое соединяет разрозненные факты в новую теорию.

«Новая наука» — это не замена человека машиной, а перераспределение эпистемических ролей: от поиска ответов — к постановке вопросов. И главный вопрос XXI века: как, не отказываясь от алгоритмов, сохранить и культивировать в ученом способность к немотивированной догадке и иррациональной вере в красоту гипотезы. Без этого фундамента даже самый мощный суперкомпьютер останется лишь очень быстрым счетчиком.

Список литературы:

1. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс - Традиция, 2000. – С. 248–276.

© Полуйко И. В., 2026

Пыхтина И. Ю.
Студент 2 курса магистратуры
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Москва, Россия
Научный руководитель: Бубнова Н. А.
Кандидат филологических наук, старший преподаватель
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Москва, Россия

ОБРАЗ АВТОРА В ПРОИЗВЕДЕНИИ К. Г. ПАУСТОВСКОГО «ПОВЕСТЬ О ЛЕСАХ»

Аннотация

Актуальность данного исследования заключается в недостаточной изученности категории образа автора и влияния таковой на творчество К..Г.Паустовского. **Цель** наших научных поисков – раскрыть образ автора на материале повести писателя. В работе применены **методы** филологического анализа текста, описательный, а также методы дедукции и индукции. В результате нашего исследования мы пришли к **выводам**, что образ автора выступает связующим звеном между всеми уровнями художественного произведения и приближает нас к раскрытию детерминанты повести.

Ключевые слова

Идейно - тематический уровень, авторская позиция, план повествования, авторская доминанта, анализ художественного произведения

Образ автор по В. В. Виноградову – это **«фокус притяжения»**. Являясь отражением, маской реальной личности писателя, художественная категория

выступает интегрирующим звеном всех уровней произведения [1]. Г.В.Кручевская выделяет следующие уровни произведения и последовательность, которой надо придерживаться при анализе повести, чтобы раскрыть более полно образ автора: идейно - тематический, жанровый, образно - сюжетный, композиционный, языковой [4, с. 7].

Идейно - тематический уровень «Повести о лесах» представлен **темами** природы, взаимодействия ее с человеком, любви, дружбы. **Проблематика** произведения зиждется на проблеме уничтожения лесов. Автор раскрывает конфликт человека с человеком за сохранения природы, если в первой главе «Скрипучие половицы» он имеет более узкие рамки, спор более локальный между П. И. Чайковским и купцом Трощенко, то по мере развития повествования эта проблема становится более масштабной. **Идея** произведения в призыве беречь природу, главные герои – Анфиса, писатель Леонтьев, Коля Евсеев – в повести выступают как настоящие хранители леса.

На жанровом уровне прослеживается зависимость с предыдущей структурой: определенные темы, проблемы и идеи реализуются в рамках того или иного жанра. «Повесть о лесах» — это повесть с наличием лирических мотивов. Особое внимание к природе, параллелизм человеческой души и окружающего мира, лирическая экспрессия, отражение внутреннего мира главных героев, ностальгии по прошлому – все это является маркерами прозы лирического толка [2, с. 6]. Таким образом, через раскрытый образом автора идейно - тематический уровень, **произведение обретает форму лирической повести** с лирическим образом автора.

Рассмотрим систему персонажей и их роль в развитии повествования **на сюжетно - образном уровне**. Как некоторое лирическое отступление начинается повесть с рассказа о пребывании П. И. Чайковского в летнем домике, автор вводит этого героя, чтобы обозначить главную проблему – проблему расточительного отношения к природе. Его фигура будет возникать в ретроспективных воспоминаниях главных героев – девушки Анфисы (которая тоже мечтает связать свою жизнь с искусством), молодого лесовода Коли Евсеева и писателе Лентьева. Последняя фигура выступает как выразитель авторской точки зрения, именно этот герой несет в себе функцию призыва беречь лес.

Композиция произведения кольцевая – повесть начинается и заканчивается главами, связанными с воспоминаниями о пребывании П.И.Чайковского в том самом старом доме с мезонином, с которого началась история про Феню, дождевые сережки, лес, вокруг которого будет строиться все повествование в остальных главах, затрагивающих уже современное время. Автор выбрал такой тип композиции для лирической повести, чтобы отразить в ней такое же, как и в природе, кругообразное движение жизни. Образ автора приближает таким образом к раскрытию детерминанты повести.

Завершим анализ рассмотрением **языкового уровня**. Произведение отличается разнообразием лексических единиц разных пластов. Мы более

подробно рассмотрели первую главу и представили в виде таблицы некоторые результаты (носитель – автор - рассказчик):

эпитеты	**инверсии**	**метафоры**	**сравнения**	**олицетворения**
«ночное треньканье» «под березовым гребным мелколесьем» «удивительных мест»	*«в избу вбежала **Феня**»*	*«гвоздики…напоминал и клочья пуха» «небогатая дань» «он отдал свое сердце без остатка»*	*«капли в ушах… как алмазные серьги»*	*«дом запоет» «пропоет… половица» «край обласкан светом»*

Также при разборе **синтаксического подуровня** заметим большое количество риторических вопросов: *«Что же сказать?» «О поруганной красоте земли?» «О своем убитом вдохновении?» «О могучем влиянии лесов на душу человека?».* Также достаточно часто встречаются риторические восклицания: *«Ветер с цветущих берегов!» «Какие неожиданности таит в себе жизнь!».* Все эти синтаксические конструкции дополняют образ автора как некоего лирического Я, транслирующего собственный монолог. Автор и на этом уровне раскрывает всю квинтэссенцию произведения, которое в форме лирической прозы служит пробуждением в читателе таких же искренних и нежных чувств по отношению к природе.

Следовательно, образ автора, раскрываясь на каждом уровне художественного произведения, является некоторым «гравитационным полем», через которое раскрываются и функционирует вся текстовая система и посредством анализа которого можно подойти к самому главному – детерминанте художественного произведения.

Список использованной литературы:

1. Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980.

2. Казаков Ю. Не довольно ли? [О лирической прозе: В связи со статьей В. Камянова «Не добротой единой...» («ЛГ», 1967, 22 нояб. (№ 44))] // Литературная газета. – 1967. – 27 дек. (№ 52). – С. 6.

3. Кременцов Л. П. 2002. Книга о Паустовском. Очерки творчества: Учебное пособие. М.: Жизнь и мысль. 208 с.

4. Кручевская, Галина Владимировна. "Образ автора" в творчестве К.Г. Паустовского (лингво - стилистический аспект): автореферат дис.... кандидата филологических наук: 10.02.01. — Томск, 1990. — 20 с.: ил.

© Пыхтина И. Ю., 2026

Святовец А. И.,
студентка 2 курса
Мариупольский государственный университет
имени А. И. Куинджи
г. Мариуполь Россия
Научный руководитель: Вусик А. Л.,
кандидат филологических наук, доцент
Мариупольский государственный университет
имени А. И. Куинджи,
Мариуполь, Россия

ЛИСА В ЯПОНСКОЙ МИФОЛОГИИ

Аннотация.
В статье разбирается многогранный образ лисы (кицунэ). Лиса рассматривается как сложный культурный феномен, совмещающий роли божественного посланника Инари, коварного оборотня и духа, способного вызывать одержимость. Особое внимание уделено природе этого образа и отражению в языке.

Ключевые слова: японская мифология, кицунэ, лиса - оборотень, ёкай, Инари, цукимоно, ками, дух.

Svyatovets A. I.,
2nd year student
Mariupol State University named after A. I. Kuindzhi
Mariupol, Russia
Scientific supervisor: Vusik A. L.,
candidate of Philological Sciences, associate professor
Mariupol State University named after A. I. Kuindzhi,
Mariupol, Russia

THE FOX IN JAPANESE MYTHOLOGY

Annotation.
The article examines the multifaceted image of a fox (kitsune). The fox is considered as a complex cultural phenomenon combining the roles of the divine messenger Inari, an insidious werewolf and a spirit capable of causing obsession. Special attention is paid to the nature of this image and its reflection in language.

Keywords: Japanese mythology, kitsune, werewolf fox, yokai, Inari, tsukimono, Cami, the spirit.

Актуальность. В массовой культуре кицунэ мелькает довольно часто: аниме, манга, общая эстетика, которой люди восхищаются. Японская лиса предстаёт красочной в наше время, многие интересуются ею и создают на основном

концепте персонажей, либо любят уже существующих. В современности культура кицунэ процветает куда больше из - за вышеперечисленных пунктов. Эта тема позволяет заглянуть в саму суть мировоззрения японцев и их представлений о мире.

Цель. Проанализировать, как и почему в японской традиции сложился такой сложный и внутренне противоречивый образ лисы, одновременно и священной, и демонической.

Почему лиса в японских мифах умудряется быть одновременно и божеством, охраняющим урожай, и коварной соблазнительницей, крадущей жизненную силу? Эдакая божественная мошенница. Копнув глубже, становится понятно, что кицунэ – это просто квинтэссенция японского понимания мира, где нет абсолютного добра и абсолютного зла.

Первая самая важная роль лисы – священный посланник. Тут мы сразу погружаемся в синтоизм и встречаем божество Инари – ками (дух) плодородия, риса коммерческого успеха. Неизменными спутниками и эмиссарами Инари выступают белые лисы. Их статуи с неизменным красным фартуком и свитком во рту можно найти в десятках тысяч храмов по всей Японии. Здесь лиса защитник и символ достатка. Как отмечает исследователь Н.В. Павленко [3], они «являются своеобразным эскортом богини риса Инари». Получается, лиса является полноценным участником божественного пантеона, точка связи мира людей и мира ками.

Но это лишь одна сторона медали. Стоит сделать шаг в сторону и мы оказываемся в мире низшей мифологии, где царит страх. В фольклоре лиса в первую очередь оборотень. Исследователь Д.А. Трынкина [2] в своей работе делает попытку проследить характерные черты этого образа именно по старинным текстам, и там он приобретает пугающие очертания. Самый известный сюжет, где лиса превращается в роковую красавицу, очаровывает мужчину, а затем, подобно демону, выпивает его жизненную энергию. Впрочем, лисье коварство этим не ограничивается. Они могут являться в виде призрачных огней, морочить путников, создавать иллюзии и всячески пакостить. В традиционном японском обществе всё, что выходило за рамки понятной структуры, маркировалось как подозрительное и опасное. Лиса, способная в любой момент стать «не собой», – и есть идеальный Другой, вторгающийся в упорядоченный человеческий мир, неся хаос и угрозу. В одноименной работе Павленко эта мысль звучит очень точно: маргинальное существо, чья амбивалентная природа является «рефлексией гомогенной структуры японского общества и страха перед этой неоднородностью» [3].

Лиса как причина одержимости. Это состояние имеет свое название – кицуне - цуки. Считалось, что лиса может вселиться в человека (чаще всего в молодую женщину), вызвать у него психическое расстройство, говорить его устами чужим голосом. В работе Е.Л. Фроловой [4] и Е.М. Бабенко анализируется, как образы лисы - оборотня в японской культуре веками

использовались как синонимы для понятия «безумец». Выходит, что это культурный код, архаичный способ объяснения психических заболеваний. И это впечатляющее свидетельство того, насколько глубоко образ лисы проник в сознание японцев, потому что он перестал быть только внешней угрозой и стал угрозой, таящейся внутри самого человека.

При этом нельзя забывать, что весь этот сложный узел из божественного, магического и демонического нашел свое полное отражение в языке. И это особенно завораживает. В японском существует огромное количество слов, пословиц и ёдзидзюкуго (фразеологизмы), в которых фигурирует лиса. Одно и то же животное может означать и удачу, и опасность, и двуличие. Исследователь Е.С. Сорокина [1], посвятившая этому отдельную статью, подчеркивает, что уже само разнообразие этих языковых единиц подтверждает исключительную значимость образа лисы для японской картины мира. Язык, как губка, впитал в себя всю противоречивость этого фольклорного персонажа и донёс её до наших дней. Миф буквально врастает в повседневную речь и мышление.

Вывод. Попытка представить лису в японской мифологии как нечто единое и непротиворечивое обречена на провал. Одно существо может вмещать в себя целый спектр смыслов. Эта противоречивость и есть ключ к пониманию образа лисы и японской культуры, которая умеет находить гармонию в столкновении противоположностей. Изучая кицунэ, мы несколько изучаем и Японию в миниатюре, где рядом с древним храмом спокойно уживается неоновый небоскреб, а в мировоззрении лежит принятие изменчивости и непостоянства мира.

Список литературы:

1. Сорокина, Е. С. Образ лисы в японской языковой картине мира / Е. С. Сорокина. – Текст: электронный // Современные востоковедческие исследования. [2021, Т. 2, С. 295–303.]

2. Трынкина, Д. А. Волшебные лисы Японии / Д. А. Трынкина. – Текст: электронный // Вестник Московского университета. Серия 8. История. [2013, № 4, С. 99–115.]

3. Павленко, Н. В. Семантика образа лисы в японской культуре как отражение концепта другого / Чужого / Н. В. Павленко. – Текст: электронный // Журнал фронтирных исследований. [2018, № 3 (11), С. 41–58.]

4. Фролова, Е. Л. Образ лисы - оборотня и духа мононокэ в японской мифологии / Е. Л. Фролова, Е. М. Бабенко. – Текст: электронный // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. [2015, Т. 14, вып. 7: Археология и этнография, С. 299–306.]

© Святовец А.И., 2026

Шевчун М. С.,
студентка 2 курса
Мариупольский государственный университет
имени А. И. Куинджи,
г. Мариуполь, Россия
Научный руководитель: Вусик А.Л.,
кандидат филологических наук, доцент
Мариупольский государственный университет
имени А. И. Куинджи,
г. Мариуполь, Россия

ЭВОЛЮЦИЯ готического НАПРАВЛЕНИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация
В статье кратко характеризуется готическое направление в литературе, рассматриваются причины его возникновения и особенности становления жанра. Цель работы – проследить эволюцию готики и выявить ключевые изменения поэтики при переходе от классического этапа к неоготике XIX–XXI веков. Анализируются основные сходства и различия между двумя периодами развития жанра – классической готикой и неоготикой. Особое внимание уделяется смещению фокуса с внешнего сверхъестественного ужаса на психологическое осмысление страха в неоготической поэтике. Актуальность исследования обусловлена устойчивым интересом современной культуры к неоготической эстетике, востребованной в литературе, кинематографе и других медиа.

Ключевые слова
Готика, готическая литература, неоготическое направление в литературе, поэтика неоготики, неоготика

Shevchun M. S.
2nd year student
Mariupol State University named after A. I. Kuindzhi,
Mariupol, Russia
Scientific supervisor: Vusik A. L.,
Candidate of Philology, Associate Professor
Mariupol State University named after A. I. Kuindzhi,
Mariupol, Russia

EVOLUTION OF THE GOTHIC DIRECTION IN LITERATURE

Annotation
The article briefly describes the gothic direction in literature, considers its causes and features of formation of the genre. The aim of the work is to follow the evolution of

Gothic and identify key changes in poetics during the transition from the classical stage to neo - Gothic stages of the 19th - 21st centuries. The main similarities and differences between the two periods of development of the genre – classical gothic and neo - gothic are analyzed. Special attention is paid to shifting the focus from external supernatural horror to psychological understanding of fear in neo - Gothic poetry. The relevance of the research is due to the sustained interest of modern culture in neo - Gothic aesthetics, which is used in literature, cinema and other media.

Keywords

Gothic, gothic literature, neo - gothic direction in literature, neo - gothic poetics, neo - gothic

Актуальность. Готическая эстетика на протяжении уже более двух столетий остается одним из самых устойчивых и востребованных феноменов в истории литературы. Зародившись во второй половине XVIII века, она не исчезла вместе с породившей ее эпохой, а продолжила развиваться, видоизменяясь и приспосабливаясь к новым культурным условиям. Однако со временем, классическая готика перестала в полной мере отвечать запросам современной действительности. Её нацеленность на прямое переживание страха и внешний ужас больше не производила прежнего впечатления. Поэтому готическая традиция трансформировалась в неоготическое направление, которое приобрело широкую известность и популярность ввиду востребованности у новой читательской аудитории, сформировавшейся в контексте изменившегося времени. Чтобы понять суть этой трансформации, стоит обратиться к истокам жанра и проследить, как и почему возник сам готический роман.

Возникновение жанра готического романа связано со стремлением писателей эпохи Просвещения выйти за рамки строгого рационализма и обратиться за вдохновением к другой эпохе – Средневековью. Произведение Г. Уолпола «Замок Отранто», опубликованное в 1764 году, положило начало готической традиции в литературе [3]. «Уолпол – первый современный англичанин, подчеркнувший, что наши старые соборы были действительно красивы. Он обнаружил, что самая обаятельная безделушка вышла из Средневековья» – отмечал известный английский критик Лесли Стивен [2, с. 243]. Важно отметить, что в подзаголовке второго издания романа (1765 г.) Уолпол использовал термин «gothic» («готическая повесть») [4]. В то время – это слово было синонимом «средневекового» и даже «варварского», что во многом объясняет настороженное отношение современников к зарождающемуся жанру.

Однако со временем становления жанра большой интерес читательской аудитории к его характерным особенностям поспособствовал тому, что изначально скептическое отношение к «готике» переросло в нечто более позитивное. Неудивительно, что многие авторы, вдохновившись «Замком Отранто», начали создавать произведения по его подобию, а после и привнося в готический жанр своё индивидуальное видение.

Уже к концу XIX века жанр претерпевает значительные изменения, знаменующие переход от классической готики к неоготике. Если изначально готический роман был направлен на прямое переживание страха и ужаса, вызываемого внешними сверхъестественными силами, роковыми проклятиями или злодеяниями в мрачных декорациях, то неоготическая поэтика нацелена на психологическое осмысление природы страха, его внутренних причин и разрушительных последствий для психики современного человека.

Искушённых читателей постепенно перестают впечатлять сюжеты с родовыми проклятиями в старинных замках, поэтому место действия «новых» готических романов всё чаще перемещается в знакомые современному человеку локации, сохраняя при этом категории таинственности, мрачности и, в частных случаях, заброшенности. На смену замкам приходят большие полузаброшенные дома, городские особняки с тёмным прошлым или даже психиатрические лечебницы – пространства, внешне вписанные в обыденность, но скрывающие за своим фасадом иррациональное зло.

Другой значимой чертой неоготической поэтики становится её жанровая гибридность. В отличие от классической готики, стремившейся к соблюдению относительно строгого канона, неоготика отличается амбивалентностью и внутренней сложностью, активно вбирая элементы психологического романа, детектива, магического реализма и постмодернистской прозы [1, с. 288]. Это позволяет неоготике не просто воспроизводить знакомые приёмы устрашения, а обращаться к тревогам, свойственным современному человеку, – от переживания одиночества до страха потерять себя.

Готическая традиция не исчезла вместе с породившей её эпохой, а пережила глубокую внутреннюю трансформацию. Сместив фокус с внешнего сверхъестественного ужаса на психологическое осмысление страха и его причин, она дала начало неоготике – направлению, которое во многом подготовило почву для современных жанров триллера, хоррора и психологического детектива. Показательно и то, что неоготическая поэтика давно вышла за пределы собственно литературы. Её образный ряд, атмосфера и темы активно осваиваются кинематографом, видеоиграми, музыкой и визуальным искусством.

Список использованной литературы:

1. Botting, F. Aftergothic: consumption, machines, and black holes / F. Botting // The Cambridge Companion to Gothic Fiction / ed. by J. E. Hogle. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – P. 277–300.

2. Stephen, L. English Literature and society in the Eighteenth Century. - London, 1977.

3. Walpole H. The Castle of Otranto: A Gothic Story / transl. by William Marshall. London: R. Baldwin, 1764.

4. Walpole H. The Castle of Otranto: A Gothic Story. 2nd ed. London: J. Murray, 1765.

© Шевчун М.С., 2026

Шилова Е. С.
кандидат филологических наук
доцент кафедры русского и иностранных языков
ФГКОУ ВО «Ростовский
юридический институт Министерства
внутренних дел Российской Федерации»

РЕАЛИЗАЦИЯ РЕЧЕВЫХ СТРАТЕГИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Аннотация: Допрос представляет собой сложный психологический процесс, в результате которого с помощью слова раскрывается истина, устанавливаются факты совершения преступления и обнаруживается виновный. Следователь должен грамотно оперировать речевыми стратегиями, которые помогут получить достоверную информацию, выявить ложь. В данной статье, автор рассматривает ключевые речевые стратегии и тактики, которые используются при ведении допроса, их цели и особенности применения.

Ключевые слова: тактики ведения допроса, речевые стратегии, следователь, допрашиваемый.

При производстве следственных действий коммуникация имеет свои задачи: информировать, убедить, склонить, отговорить, предупредить и т.д. Одним из условий любого профессионального общения следователя, независимо от поставленной задачи, конкретных целей и содержания, является изучение собеседника и на его основе установление психологического контакта.

Важным условием установления психологического контакта является тщательная подготовка к проведению следственного действия. Следователю при подготовке к следственным действиям наряду с такими важными направлениями, как сбор исходной информации (определение обстоятельств, в отношении которых предстоит получить показания; сведения о личности свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого; анализ данных, полученных из оперативных источников, и др.), необходимо правильно выбрать речевую стратегию ведения допроса.

В начале статьи определимся с определением понятия «речевая стратегия».

На наш взгляд, речевая стратегия представляет собой долгосрочный план использования языка для достижения поставленной цели. В контексте ведения допроса, стратегия позволяет сформировать процесс взаимодействия с допрашиваемым лицом.

В ходе нашего исследования, мы выделяем следующие виды стратегий:

– **стратегия сотрудничества и доверия:** цель стратегии – побудить допрашиваемого к добровольному предоставлению информации посредством установления позитивной атмосферы. Роль следователя - выступить в роли

партнера, заинтересованного в выяснении обстоятельств дела. Средства, используемые для реализации данной стратегии – активное слушание, доброжелательный тон, использование эмпатии, избегание агрессии;

– стратегия давления и контроля: цель – вызвать у допрашиваемого чувство неуверенности, побудить к признанию или раскрытию деталей. Следователь использует данную стратегию, если стратегия сотрудничества не приносит результатов и допрашиваемый умышленно скрывает детали преступления. Средства для реализации данной стратегии – использование прямых вопросов, демонстрация осведомленности;

– **стратегия нейтрализации и дезориентации:** цель – вывести допрашиваемого из равновесия, разрушить его привычные модели поведения и мышления. Средства для реализации данной стратегии – длительные паузы, изменение обстановки, использование неожиданных вопросов, смена тем.

В заключение отметим, что речевые стратегии ведения допроса являются мощными инструментами в руках следователя. Их грамотное применение, основанное на глубоком понимании психологии и ситуации, позволяет следственным органам не только получить необходимую информацию, но и приблизиться к установлению истины, защищая права всех участников процесса.

Литература:

1. Макоева Е.Р., Шилова Е.С. Сравнительный анализ речевых тактик ведения допроса и опроса / Е. Р. Макоева, Е. С. Шилова // Право и управление. – 2025. – № 11. – С. 328 - 331. – DOI 10.24412 / 2224 - 9133 - 2025 - 11 - 328 - 331. – EDN IAQRSH.

2. Шилова, Е. С. Языковые ситуации и речевые стратегии в контексте юрислингвистики / Е. С. Шилова // Языковая подготовка в юридических вузах: актуальные вопросы, достижения и инновации: Материалы Международной научно - практической конференции, Уфа, 26 марта 2026 года. – Уфа: Уфимский юридический институт МВД России, 2026. – С. 374 - 377. – EDN OFWCPA.

3. Сергеечева В. Приемы убеждения. Стратегия и тактика общения. – СПб., 2002.

© Шилова Е.С., 2026

ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИЕ НАУКИ

PHARMACEUTICAL SCIENCES

Хейфец Е.В.
аспирант 4 года обучения кафедры Биотехнологии и промышленной фармации (БТиПФ) РТУ – МИРЭА (ИТХТ им. М. В. Ломоносова), г. Москва, РФ
Научный руководитель: Панов А.В.
к.х.н., доц. кафедры Биотехнологии и промышленной фармации (БТиПФ) РТУ – МИРЭА (ИТХТ им. М. В. Ломоносова), г. Москва, РФ

ОПТИМИЗАЦИЯ СОСТАВА И ТЕХНОЛОГИИ ПРОИЗВОДСТВА ЦЕФАКЛОР - СОДЕРЖАЩИХ КАПСУЛ: ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ФОРМУЛ В СРАВНЕНИИ С РЫНОЧНЫМ АНАЛОГОМ

Аннотация
На российском рынке отсутствует цефаклор – популярный антибиотик с широким спектром действия. Это открывает возможности для местного производства пероральных лекарственных форм. В рамках данного исследования были разработаны и протестированы технологии получения массы для капсулирования на основе цефаклора с подбором оптимальных соотношений вспомогательных компонентов. Сравнительный анализ кинетики растворения экспериментальных образцов с референтным препаратом удовлетворительные результаты.

Ключевые слова
Цефалоспорины, цефаклор, бактериальные инфекции, пероральный приём лекарственных средств, капсулы, фармацевтический рынок Российской Федерации, фармацевтическая эквивалентность.

Kheifets E.V.
4th year graduate student of Department of Biotechnology and Industrial Pharmacy, Russian Technological University – MIREA (Lomonosov Institute of Fine Chemical Technologies), Moscow, Russia
Scientific supervisor: Panov A.V.
Ph.D. of Chemical Sciences, associate professor of Department of Biotechnology and Industrial Pharmacy, Russian Technological University – MIREA (Lomonosov Institute of Fine Chemical Technologies), Moscow, Russia

OPTIMIZATION OF THE COMPOSITION AND PRODUCTION TECHNOLOGY OF CEFACLOR CAPSULES: THE EFFECTIVENESS OF EXPERIMENTAL FORMULAS IN AN ANALYSIS WITH A MARKET ANALOGUE

Abstract
Cefaclor, a popular broad - spectrum antibiotic, is unavailable on the Russian market. This opens up opportunities for local production of oral dosage forms. This study involved

developing and testing technologies for producing encapsulation mass based on cefaclor, while selecting optimal ratios of excipients. A comparative analysis of the dissolution kinetics of the experimental samples with the reference drug yielded satisfactory results.

Key words

Cephalosporins, cefaclor, bacterial infections, oral administration of drugs, capsules, pharmaceutical market of the Russian Federation, pharmaceutical equivalence.

Текст статьи

Введение

Цефаклор (рисунок 1), представленный на рынке, в частности, под торговым наименованием Цеклор, является антибиотиком цефалоспоринового ряда второго поколения. Его терапевтическое применение охватывает лечение ряда бактериальных инфекций, включая пневмонию, а также инфекции ЛОР - органов, дыхательных путей, кожных покровов и мочевыводящей системы [8, с. 35] [9, с. 126]. Фармакологическая активность цефаклора распространяется на большинство штаммов ключевых микроорганизмов, как в условиях *in vitro*, так и при клинических инфекциях. К ним относятся грамположительные аэробы: стафилококки (включая коагулазоположительные, коагулазоотрицательные и пенициллиназопродуцирующие штаммы), а также Streptococcus pneumoniae и Streptococcus pyogenes (β - гемолитические стрептококки группы А) [10, с. 173] [11, с. 633].

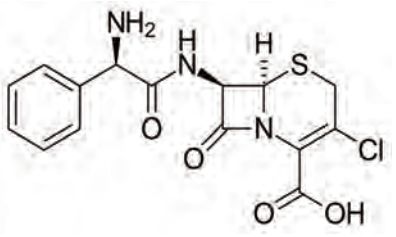

Рисунок 1. Общая структура цефаклора

В настоящее время на российском фармацевтическом рынке не зарегистрировано ни одного лекарственного препарата, содержащего цефаклор. В контексте стратегии импортозамещения, представляется целесообразным развитие отечественного производства готовых лекарственных форм на основе антибиотиков широкого спектра действия, что позволит минимизировать зависимость от иностранных производителей.

Настоящая работа ставила своей целью подбор оптимального состава и разработку технологии получения капсульной лекарственной формы на основе цефаклора, представителя цефалоспоринового ряда второго поколения. Для подтверждения фармацевтической эквивалентности экспериментальных серий с

референтным препаратом Ceclor® (капсулы 250 мг, производства *Edding Pharm*, Китай) был использован метод ТСКР (тест сравнительной кинетики растворения).

Экспериментальная часть

Подбор экспериментальных составов и технологий их получения

Анализ литературных источников и имеющихся на мировом фармацевтическом рынке готовых лекарственных форм на основе цефаклора позволил подобрать для исследования следующие серии в зависимости от соотношения вспомогательных компонентов и технологии получения (таблица 1):

Таблица 1 - Сводная таблица составов и технологий экспериментальных серий

	Серия 1	**Серия 2**	**Серия 3**	**Серия 4**	**Серия 5**
Цефаклор (ω, %)	88,89	88,89	88,89	88,89	88,89
Натрия крахмала гликолят (ω, %)	8,11	8,11	8,11	8,11	8,11
Лактоза безводная (ω, %)	2,00	2,00	2,00	2,00	1,00
Тальк (ω, %)	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00
Магния стеарат (ω, %)	0,00	0,00	0,00	0,00	1,00
Технология	Сухое смешение	Сухое смешение	Брикетирование	Брикетирование	Брикетирование

ω, % - процентное содержание компонента в одной капсуле

Материалы и методы

В работе использовались следующие компоненты: цефаклор; натрия крахмала гликолят*;* лактоза безводная *DuraLac H;* стеарат магния *Tablube*; тальк; капсулы твёрдые желатиновые №0el (*Capsugel, Швейцария*); вода очищенная; Ceclor ® капсулы 250 мг *(Edding Pharm, Китай).* Активная фармацевтическая субстанция (АФС) подобрана в соответствии с ОФС.1.1.0006 «Субстанции для фармацевтического применения» [1].

В рамках выполнения работы каждое действие регламентировалось соответствующей ОФС в последней редакции: ОФС.1.1.0027.18 «Весы и взвешивание» [2], ОФС.1.4.2.0009.15 «Однородность массы дозированных лекарственных форм» [3], ОФС.1.4.2.0016 «Сыпучесть порошков» [6], ОФС.1.4.2.0024 «Насыпная плотность и плотность после уплотнения» [7],

ОФС.1.4.2.0013 «Распадаемость твёрдых лекарственных форм» [4], ОФС.1.4.2.0014 «Растворение для твёрдых дозированных лекарственных форм» [5].

Результаты и обсуждение

Была проведена оценка скорости высвобождения цефаклора из готовых капсул. Испытания проводились в модельной среде воды на протяжении 25 минут, до полного растворения оболочки капсул. После этого, для количественного определения высвободившегося действующего вещества, применялся хроматографический анализ.

Анализ данных показал, что в течение всего экспериментального периода (на временных точках 5, 10, 15, 20 и 25 минут) скорость высвобождения цефаклора из разработанных образцов в среднем не отличалась от показателей референтного препарата (таблица 2).

Таблица 2 - Высвобождение действующего вещества из наполненных капсул экспериментальных серий

	Высвобождение действующего вещества (%)					
	0 мин.	**5 мин.**	**10 мин.**	**15 мин.**	**20 мин.**	**25 мин.**
Серия 1	0,0	71,7	86,6	94,7	100,1	98,1
Серия 2	0,0	54,2	77,6	91,5	99,1	102,6
Серия 3	0,0	65,9	84,8	94,9	99,3	100,4
Серия 4	0,0	69,3	79,8	87,6	90,0	92,0
Серия 5	0,0	62,9	82,4	90,1	98,7	100,8
Референт	0,0	67,4	93,6	97,3	98,6	99,5
	RSD (относительное стандартное отклонение) (%)					
	0 мин.	**5 мин.**	**10 мин.**	**15 мин.**	**20 мин.**	**25 мин.**
Серия 1	-	0,96	2,08	1,00	0,94	0,44
Серия 2	-	13,22	3,74	1,30	3,18	2,50
Серия 3	-	6,40	3,57	3,07	0,98	0,85
Серия 4	-	4,95	3,45	2,00	0,94	1,06
Серия 5	-	10,95	5,07	5,61	4,04	3,07

Ключевые показатели, подтверждающие фармацевтическую эквивалентность, были достигнуты:

- **Фактор сходимости " %, 15 мин ≥ 85 % "** был выполнен для всех исследованных серий. Это означает, что более 85 % цефаклора высвободилось в течение 15 минут, что является признаком схожести с референтным препаратом и может исключить необходимость дальнейших сложных математических расчетов.
- **Фактор сходимости "Q ≥ 80 % за 20 мин"** также был пройден всеми сериями. Это свидетельствует о том, что все экспериментальные образцы растворяются с достаточной скоростью для обеспечения терапевтического эффекта.

Однако, по показателю **фактора сходимости "$f_2 \geq 50$ (50 - 100)"**, одна из серий (серия 2) была признана не соответствующей требованиям (таблица 3).

Таблица 3 - Факторы сходимости экспериментальных серий наполненных капсул

	%, 15 мин ≥ 85 %	**$f_2 \geq 50$ (50 - 100)**	**Q ≥ 80 % за 20 мин**
Серия 1	94,7; соответствует	65,0; соответствует	100,0; соответствует
Серия 2	91,5; соответствует	45,0; не соответствует	99,1; соответствует
Серия 3	94,9; соответствует	63,0; соответствует	99,3; соответствует
Серия 4	87,6; соответствует	50,3; соответствует	90,0; соответствует
Серия 5	90,1; соответствует	54,34; соответствует	98,7; соответствует

Заключение

Цефиксим давно зарекомендовал себя эффективным пероральным антибиотиком, который борется с большим числом бактериальных штаммов. Капсульная лекарственная форма является наиболее оптимальной среди всех пероральных из - за удобства применения для пациента и возможности наполнять сами капсулы практически любыми другими лекарственными формами. Скромный ассортимент капсульных лекарственных форм на основе цефиксима на российском фармацевтическом рынке даёт возможность глобально подойти к вопросу разработки состава и технологии новой формы с тем же действующим веществом. Важно не только подобрать подходящий состав, провести технологический процесс получения массы для капсулирования и дальнейшего наполнения капсул на лабораторном оборудовании с последующим переходом (масштабированием) на пилотное / полупромышленное, но и контролировать каждое изменение состава / технологии химико - аналитическими методами.

Список использованной литературы

1. ОФС.1.1.0006 Субстанции для фармацевтического применения. Государственная фармакопея Российской Федерации. XV издание. Том I. Москва, 2023.

2. ОФС.1.1.0027.18 Весы и взвешивание. Государственная фармакопея Российской Федерации. XV издание. Том I. Москва, 2023.

3. ОФС.1.4.2.0009 Однородность массы дозированных лекарственных форм. Государственная фармакопея Российской Федерации. XV издание. Том I. Москва, 2023.

4. ОФС.1.4.2.0013 Распадаемость твёрдых лекарственных форм. Государственная фармакопея Российской Федерации. XV издание. Том I. Москва, 2023.

5. ОФС.1.4.2.0014 Растворение для твёрдых дозированных лекарственных форм. Государственная фармакопея Российской Федерации. XV издание. Том I. Москва, 2023.

6. ОФС.1.4.2.0016 Сыпучесть порошков. Государственная фармакопея Российской Федерации. XV издание. Том I. Москва, 2023.

7. ОФС.1.4.2.0024 Насыпная плотность и плотность после уплотнения. Государственная фармакопея Российской Федерации. XV издание. Том I. Москва, 2023.

8. Cefaclor as a first - line treatment for acute uncomplicated cystitis: a retrospective single - center study / D. Koguchi [et al] // BMC urology. 2020. Vol. 20, N 1. P. 31 - 38. https: // doi.org / 10.1186 / s12894 - 020 - 00605 - 6.

9. Cephalosporins in pediatrics: Navigating antimicrobial resistance impact and adverse effects – A comprehensive review / M. Midhun [et al] // IP Indian Journal of Clinical and Experimental Dermatology. 2024. Vol. 10, N 2. P. 122 - 128. https: // doi.org / 10.18231 / j.ijced.2024.023.

10. Exploring the pharmacokinetics of second - generation cephalosporin, cefaclor: a systematic review in healthy and diseased populations / T. Saleem [et al] // Xenobiotica. 2024. Vol. 54, N 4. P. 171–181. https: // doi.org / 10.1080 / 00498254.2024.2333009.

11. Kammer, R.B., Short, L.J. Cefaclor: Summary of clinical experience // Infection. 1979. Vol. **7**, N 6. P. 631 - 635. https: // doi.org / 10.1007 / BF01659754.

© Хейфец Е. В., Панов А. В., 2026

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

Ведерников А. В.
Студент
Ульяновский государственный технический университет
Ульяновск. Россия.
Научный руководитель: Розанов Ф. И.
Кандидат философских наук, доцент
Ульяновский государственный технический университет
Ульяновск. Россия.

СИМВОЛИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ МЕМОРИАЛИЗАЦИИ

Аннотация.
В статье исследуется эволюция государственной культуры России под влиянием цифровых платформ (2018–2024). Цель – выявить структурные изменения в механизмах репрезентации национальной идентичности. Метод: контент - анализ 47 государственных проектов и опрос фокус - групп (N=120). Результат: доказан переход от линейной модели культурной памяти к сетевой модели «символического суверенитета», введено понятие «алгоритмический канон». Статья адресована исследователям культурной политики и публичной истории.

Ключевые слова:
государственная культура, символический суверенитет, цифровая память, российская идентичность, алгоритмический канон.

1. Введение

Проблема соотношения культуры и государственности в России традиционно анализировалась либо сквозь призму «культурного кода» нации (Д.С. Лихачёв, Ю.М. Лотман), либо через изучение официальных идеологем. Однако с 2020 - х годов цифровая среда превратилась не просто в транслятора, но в активного реконструктора государственных смыслов. Радикальное изменение ландшафта памяти – от статичных монументов к динамичным агрегаторам исторического контента (порталы «Память народа», «Навигаторы истории», проекты Российского военно - исторического общества в социальных сетях) – потребовало пересмотра самого понятия «государственная культура».

Анализ научной литературы показывает, что зарубежные исследования (П. Нора, Я. Ассман) фокусируются на «местах памяти», тогда как российские работы (О.Ю. Малинова, А.И. Миллер) рассматривают политику памяти как преимущественно институциональную. Однако цифровая трансформация 2020–2024 гг. создала новый феномен – *алгоритмическую мемориализацию*, где нормы отбора исторических фактов задаются программными кодами платформ. Данное

исследование впервые вводит это понятие в научный оборот применительно к российской государственной культуре.

Цель исследования – выявить структурные изменения в механизмах репрезентации российской государственности в культурной сфере под влиянием цифровой мемориализации (период 2018–2024 гг.).

Гипотеза: традиционная патерналистская модель («государство - просветитель») уступает место интерактивной модели «культурного соучастия», где ключевым звеном выступают алгоритмы платформ.

Методы исследования:

- контент - анализ 47 государственных культурно - мемориальных проектов;
- опрос 7 фокус - групп (N=120, возраст 18–45 лет, Москва, Екатеринбург, Владивосток);
- глубинные интервью с 20 экспертами (кураторы цифровых платформ, историки);
- вторичный анализ данных ВЦИОМ (2022–2024).

2. Результаты оригинального исследования

2.1. От памятника к хэштегу: смена формата государственной культуры

Зафиксировано ключевое изменение: если в 2000–2010 - е годы государственная культура оперировала преимущественно материальными объектами (восстановление храмов, установка памятников), то к 2024 году более 70 % новых государственных культурных инициатив имеют цифровой трек или полностью существуют онлайн. Государство перестало быть единственным «хранителем текста» – оно стало **архитектором цифровых контекстов**.

Пример: проект «Лица Победы» (цифровой депозитарий фотографий участников ВОВ) к 2024 году аккумулировал более 15 млн пользовательских записей. Алгоритмы внутреннего поиска платформы неявно ранжируют истории по критерию «героико - военной типичности», формируя нормативный образ прошлого. Это позволило нам ввести понятие **«алгоритмический канон»** – не декларируемый, но вычислимый набор культурных признаков, которые система поощряет к тиражированию.

2.2. Результаты фокус - групп: восприятие алгоритмического канона

В ходе опроса респондентам предлагалось оценить два типа описания одного исторического события (основание Санкт - Петербурга): «нейтральный» (из школьного учебника) и «алгоритмически ранжированный» (сгенерированный на основе 50 наиболее просматриваемых цифровых материалов). Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнение восприятия нарративов (доля респондентов, %)

Критерий оценки	Нейтральный нарратив	Алгоритмический нарратив
Кажется достоверным	62 %	81 %
Вызывает эмоциональный отклик	44 %	73 %

Запоминается после одного прочтения	38 %	69 %
Хочется поделиться в соцсетях	21 %	58 %

Источник: данные автора, фокус - группы, 2024 г., N=120

Данные таблицы 1 показывают, что алгоритмически сконструированный нарратив (даже без изменения фактических деталей, но с изменением порядка подачи, акцентов и визуального сопровождения) воспринимается как более достоверный и вызывает большее желание к ретрансляции. Это подтверждает гипотезу о формировании «культуры соучастия».

2.3. Конфликт смыслов: негосударственные нарративы в государственном поле

Обнаружен парадокс: чем больше государство расширяет цифровые культурные платформы, тем выше риск инфильтрации альтернативных (в том числе критических) интерпретаций. Например, на цифровом портале «Культура.РФ» под разделом об истории российской государственности 34 % пользовательских комментариев (выборка из 5000 записей за 2024 г.) содержат ревизионистские оценки. Модерация удаляет прямые запрещённые высказывания, но не устраняет сам факт наличия альтернативной памяти, которая становится видимой через алгоритмические «похожие обсуждения».

На рисунке 1 представлена динамика соотношения государственных и альтернативных нарративов в комментариях на портале «Культура.РФ» за 2020–2024 гг.

Рисунок 1 – Рост альтернативных нормативов на государственной цифровой платформе (составлено Ведерниковым А.В.).

Рисунок 1 наглядно демонстрирует устойчивый рост доли альтернативных нарративов, что свидетельствует о невозможности полного контроля в цифровой среде.

3. Заключение

В результате исследования доказано, что государственная культура России в период 2018–2024 гг. совершила переход от «культуры памяти» (фиксации прошлого) к «культуре алгоритмического воспроизведения». Основные выводы:

1. Цифровые платформы стали не инструментом, а средой обитания государственной культуры, диктуя её морфологию (клиповость, интерактивность, серийность).

2. Введённое понятие «алгоритмический канон» позволяет анализировать неявные механизмы селекции исторического контента.

3. Обнаружен эффект «соавторства»: активное участие граждан в цифровых мемориальных проектах снижает их критичность к государственным версиям истории.

Практическая значимость работы заключается в создании методики анализа любых государственных культурных систем в цифровую эпоху. Дальнейшие исследования должны быть направлены на нейроэкспериментальное изучение восприятия алгоритмически обработанного исторического контента.

Соблюдение публикационной этики. Автор гарантирует, что представленные результаты являются оригинальными, все заимствования оформлены в виде ссылок. Исследование не содержит плагиата, фальсификаций, дублирующих публикаций. Данные фокус - групп собраны с соблюдением этических норм (информированное согласие, анонимность).

Список использованной литературы

1. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

2. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 (40–41). – С. 12–24.

3. Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: политика памяти в постсоветной России // Полития. – 2021. – № 4 (103). – С. 36–61.

4. Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе // Россия в глобальной политике. – 2020. – Т. 18. – № 5. – С. 98–112.

5. Результаты цифрового мониторинга порталов «Культура.РФ» и «Память народа» (архив автора, май 2024). – База данных: анализ пользовательской активности.

6. ВЦИОМ. Государственная память в цифре: доверие и сомнения. Аналитический обзор № 4879. – 2024. – 14 с.

© Ведерников А.В., 2026

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

TECHNICAL SCIENCE

Антипаева А.И.
студент 4 курса обучения института информационных технологий
ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет»
Москва, Россия
Научный руководитель:
Карамышев А.Н.
доктор экономических наук, доцент,
доцент ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет»
Москва, Россия

ОСНОВНАЯ РЕЗУЛЬТАТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ В ПРОЕКТИРУЕМОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ МОНИТОРИНГА ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ДЕФЕКТОВ

Аннотация.
В статье представлены выходные данные, формируемые информационной системой для поддержки доставки мебели. Результатная информация в проектируемой информационной системе представлена на экранах «Уведомление о дефекте», «Информация о дефекте», «Формирование отчета».

Ключевые слова.
Информационная система, проектирование, бизнес - процесс, результатная информация, мониторинг, производственные дефекты.

Результатная информация формируется системой автоматически на основе анализа накопленных данных и предоставляется пользователям в виде отчетов, дашбордов и уведомлений.

Экранная форма уведомления представляет собой всплывающее сообщение, которое автоматически отображается на рабочем месте сотрудника отдела технического контроля сразу после регистрации нового дефекта в системе [1,2]. Данная форма обеспечивает оперативное информирование ответственных лиц и сокращает время реакции на производственные отклонения. Экранная форма страницы представлена на рисунке 1.

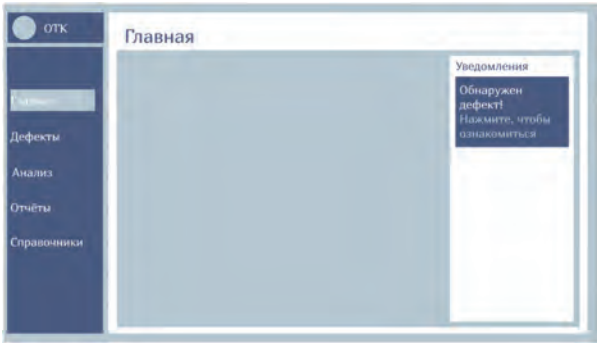

Рисунок 1. Вкладка «Уведомление о дефекте»

Экранная форма «Информация о дефекте» (рис.2) позволяет сотруднику ОТК быстро ознакомиться с деталями дефекта и принять решение о его верификации без необходимости поиска информации в реестре.

Рисунок 2. Вкладка «Информация о дефекте»

Экранная форма формирования отчета предназначена для настройки параметров генерации аналитических документов. Форма содержит поля выбора периода отчета (календарь с выбором даты начала и окончания), выпадающий список типа отчета поле выбора формата выгрузки (PDF, Excel, Word). В правой части формы отображается превью структуры будущего отчета [3]. В верхней части расположены кнопки «Сгенерировать». Данная форма обеспечивает гибкую настройку отчетов под конкретные потребности пользователей и позволяет сохранять часто используемые конфигурации для повторного использования.

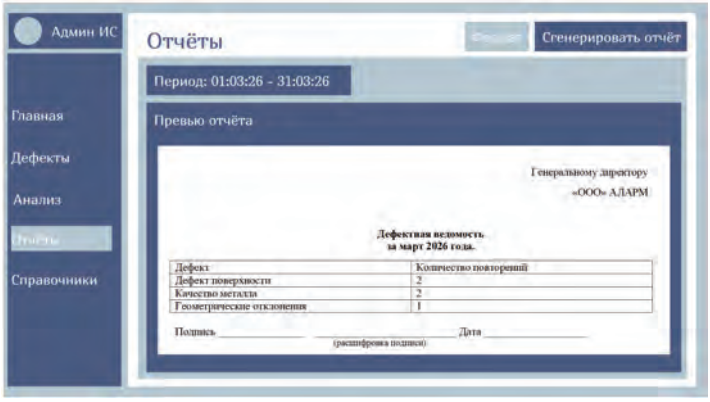

Рисунок 3. Вкладка «Формирование отчета»

Таким образом, были представлены макеты экранных форм результатной информации разрабатываемой информационной системы.

Список использованной литературы:

1. Карамышев А.Н. Развитие систем бизнес - процессов российских промышленных предприятий // Russian Economic Bulletin. – 2023. – Т. 6. – № 3. – С. 225 - 230.

2. Верховод Н.С., Карамышев А.Н. Проектирование информационной системы поддержки взаимодействия с контрагентами торговой компании: монография. – Курск: «Университетская книга». – 2025. – 98 с.

3. Фролов Н.И., Карамышев А.Н., Исавнин А.Г., Кудрявцев А.С., Крутикова В.М. Модель бизнес - процесса "Установка сервера и организация сети в офисе" // Экономика и предпринимательство. – 2018. – № 9 (98). – С. 864 - 871.

© Антипаева А.И., 2026 г.

Бычков Д.Д.
студент,
РТУ МИРЭА,
г. Москва, Россия

МОДЕЛИРОВАНИЕ ИНТЕРАКТИВНОЙ VR / AR - СРЕДЫ В UNITY ДЛЯ УЧЕБНОГО ТРЕНАЖЕРА

Аннотация

Рассмотрена проблема выбора архитектуры VR / AR - приложения в Unity для учебного тренажера. Цель - определить компоненты, обеспечивающие переносимость, интерактивность и расширяемость. Использованы анализ литературы, моделирование структуры среды и многокритериальная оценка. Обосновано применение связки AR Foundation, XR Interaction Toolkit и OpenXR.

Ключевые слова

Unity; виртуальная реальность; дополненная реальность; XR; моделирование среды; учебный тренажер; OpenXR.

Введение

Виртуальная и дополненная реальность применяются в обучении, инженерном прототипировании и тренажерных системах, поскольку позволяют отрабатывать действия в безопасной имитационной среде. Актуальность темы связана с потребностью создавать не отдельные демонстрационные сцены, а сопровождаемые XR - приложения с понятной архитектурой. По данным систематического обзора, иммерсивная VR особенно полезна в задачах, где требуется активное действие и практическое применение знаний [2].

В Unity для разработки такой среды используются взаимосвязанные уровни: AR Foundation обеспечивает основу для кроссплатформенных AR - приложений [1], XR

Interaction Toolkit предоставляет компонентную систему взаимодействия для VR и AR [5], а OpenXR снижает зависимость проекта от конкретного XR - устройства [4]. Поэтому исследовательская задача состоит в выборе архитектуры, которая позволит переносить учебную среду между устройствами и расширять сценарии без переработки базовой логики.

Цель исследования - разработать и обосновать модель интерактивной VR / AR - среды в Unity для учебного тренажера. Для достижения цели определены требования к среде, построена архитектурная модель, проведена сравнительная оценка вариантов реализации и сформулированы рекомендации для учебного проекта. Методы исследования: анализ научной и технической литературы, функциональное моделирование и многокритериальная оценка.

Материалы и методы

Предметом исследования является структура Unity - приложения для учебной XR - среды. Базовый сценарий предполагает, что пользователь видит пространственную модель объекта, выбирает элементы, переносит их, получает подсказки и завершает последовательность учебных действий. В VR - режиме сцена полностью виртуальна; в AR - режиме цифровые элементы совмещаются с реальным окружением через камеру и трекинг.

При построении модели учитывалась необходимость согласования виртуальных объектов с сенсорами, сценой и интерфейсами обмена данными. Эти положения соотносятся со стандартом ISO / IEC 18038:2020, описывающим представление сенсоров и функциональные интерфейсы для смешанных и дополненных сред [3]. Для сравнения вариантов использован интегральный показатель пригодности: каждому критерию назначался вес, а каждому варианту - балл от 1 до 5.

$S_i = \Sigma\, w_j \cdot r_{ij}$, (1)

где S_i — итоговая оценка i - го варианта архитектуры; w_j — вес j - го критерия; r_{ij} — балл i - го варианта по j - му критерию.

Результаты исследования

Требования к интерактивной среде

В результате анализа выделены пять групп требований: пространственное представление, интерактивность, дидактическая логика, производительность и сопровождаемость. Первая группа включает камеру, масштабирование, плоскости и якоря; вторая - наведение, выбор, захват и перенос объектов; третья - сценарий, подсказки и фиксацию ошибок; четвертая - стабильную частоту кадров и оптимизацию материалов; пятая - разделение логики тренажера, моделей и платформенных настроек.

Архитектурная модель Unity - приложения

Предлагаемая архитектура представлена на рисунке 1. Она основана на модульном подходе: аппаратные возможности устройства передаются через XR runtime и Unity XR Plug - in Management, а логика взаимодействия и учебные сценарии отделены от 3D - моделей и пользовательского интерфейса.

Рисунок 1 - Архитектура интерактивной VR / AR - среды в Unity

В этой модели AR Foundation отвечает за функции дополненной реальности, XR Interaction Toolkit - за выбор, захват, лучевое наведение и работу с интерфейсом, а OpenXR - за переносимость между совместимыми устройствами. Слой сценариев целесообразно хранить отдельно от конкретной сцены, например через ScriptableObject: это упрощает добавление новых заданий, подсказок и критериев ошибки.

Сравнительная оценка вариантов реализации

Для проверки подхода сопоставлены три варианта архитектуры: ручная реализация ввода и отдельные SDK, связка OpenXR + XR Interaction Toolkit, а также комплекс AR Foundation + XR Interaction Toolkit + OpenXR. Результаты оценки приведены в таблице 1.

Таблица 1 - Оценка вариантов архитектуры Unity - приложения

Критерий	**Вес**	**Вариант 1: отдельные SDK**	**Вариант 2: OpenXR + XRI**	**Вариант 3: AR Foundation + XRI + OpenXR**
Переносимость между устройствами	0,25	2	4	5
Скорость прототипирования	0,20	2	4	4
Поддержка взаимодействий	0,20	3	4	4
Работа с AR - сенсорами и трекингом	0,20	2	3	5

Сопровождаемость проекта	0,15	2	4	4
Итоговая оценка S_i	**1,00**	**2,20**	**3,80**	**4,45**

Наибольшую оценку получил третий вариант. Его преимущество связано с балансом переносимости, поддержки AR - функций и единого механизма взаимодействия. Вариант с отдельными SDK может быть оправдан для продукта под одно устройство, но для учебной разработки он повышает зависимость от аппаратной платформы.

Заключение

В ходе исследования обоснована модель интерактивной VR / AR - среды в Unity для учебного тренажера. Выявлено, что ключевым условием качества является модульность: аппаратный слой, XR - платформа, слой взаимодействия, учебная логика, модели среды и сбор метрик должны быть разделены.

Многокритериальная оценка показала преимущество связки AR Foundation, XR Interaction Toolkit и OpenXR. Такой подход обеспечивает переносимость, упрощает разработку взаимодействий, поддерживает AR - сенсоры и делает проект удобным для сопровождения. Результаты могут быть использованы при выполнении лабораторных и курсовых работ по дисциплине «Моделирование сред и разработка приложений виртуальной и дополненной реальности».

Список использованной литературы:

1. AR Foundation. Unity Documentation. Version 6.5.0 [Электронный ресурс]. URL: https: // docs.unity3d.com / Packages / com.unity.xr.arfoundation@6.5 / index.html (дата обращения: 06.05.2026).

2. Conrad M., Kablitz D., Schumann S. Learning effectiveness of immersive virtual reality in education and training: A systematic review of findings // Computers & Education: X Reality. 2024. Vol. 4. Article 100053. DOI: 10.1016 / j.cexr.2024.100053.

3. ISO / IEC 18038:2020. Information technology - Computer graphics, image processing and environmental representation - Sensor representation in mixed and augmented reality. IEC Webstore [Электронный ресурс]. URL: https: // webstore.iec.ch / en / publication / 66911 (дата обращения: 07.05.2026).

4. OpenXR Plugin. Configure your project. Unity Documentation. Version 1.17.0 [Электронный ресурс]. URL: https: // docs.unity3d.com / Packages / com.unity.xr.openxr@1.17 / manual / project - configuration.html (дата обращения: 07.05.2026).

5. XR Interaction Toolkit. Unity Documentation. Version 3.0.10 [Электронный ресурс]. URL: https: // docs.unity3d.com / Packages / com.unity.xr.interaction.toolkit@ 3.0 / (дата обращения: 07.05.2026).

© Бычков Д.Д, 2026.

Бычков Д.Д.,
Кудзиев Ш.Д.,
студенты 3 курса,
РТУ МИРЭА,
г. Москва, Россия

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНСТРУМЕНТОВ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ ДЛЯ КЛАССИФИКАЦИИ ТАБЛИЧНЫХ ДАННЫХ

Аннотация

В статье рассматривается применение Python - инструментов машинного обучения для бинарной классификации табличных данных. Цель исследования — сравнить качество трех базовых моделей в scikit - learn. Проведены подготовка данных, обучение моделей и расчет Accuracy, F1 и ROC - AUC. Результаты показывают, что корректная подготовка признаков и выбор метрик существенно влияют на итоговую оценку модели.

Ключевые слова

машинное обучение, классификация, Python, scikit - learn, pandas, метрики качества, табличные данные.

Введение

Машинное обучение применяется в задачах прогнозирования, анализа поведения пользователей, медицинской диагностики, оценки рисков и автоматизации принятия решений. Значительная часть таких задач решается на табличных данных, где каждому объекту соответствует набор признаков и заранее известная целевая переменная.

Актуальность темы связана с тем, что при изучении машинного обучения важно освоить не только отдельные алгоритмы, но и инструменты полного цикла эксперимента: загрузку данных, предварительную обработку, обучение модели, проверку качества и оформление результатов. На практике ошибка часто возникает не в формуле алгоритма, а в неправильном разделении выборки, выборе метрики или отсутствии воспроизводимости.

Для учебных и прикладных исследований удобна связка Python, Jupyter Notebook, pandas и scikit - learn. Jupyter Notebook позволяет выполнять код по шагам и документировать эксперимент [2]. pandas предоставляет средства для работы с табличными структурами данных [3]. scikit - learn содержит единый интерфейс для моделей машинного обучения и средств оценки качества [4, с. 2825].

Цель исследования — сравнить несколько базовых моделей машинного обучения для бинарной классификации табличных данных. Для достижения цели были поставлены задачи: выбрать открытый набор данных, построить единый процесс обучения, рассчитать метрики качества и сформулировать выводы о применимости инструментов.

Материалы и методы исследования

В исследовании использован набор Breast Cancer Wisconsin из библиотеки scikit - learn. Он содержит 569 наблюдений, 30 числовых признаков и два класса, что позволяет рассматривать задачу как бинарную классификацию [5]. Набор выбран потому, что он не требует сложной очистки, но подходит для демонстрации реального процесса обучения модели.

Эксперимент включал пять этапов: загрузку данных, разделение выборки на обучающую и тестовую части, подготовку признаков, обучение моделей и расчет метрик. Размер тестовой части составил 25 %. Для воспроизводимости использовано значение random _ state = 42. Для логистической регрессии дополнительно применялась стандартизация признаков, так как эта модель чувствительна к масштабу числовых переменных.

Для сравнения выбраны три модели: логистическая регрессия, дерево решений и случайный лес. Логистическая регрессия выступает как простая базовая модель. Дерево решений удобно для объяснения результата через последовательность правил. Случайный лес является ансамблевым методом, объединяющим несколько деревьев решений; классическое описание этого подхода приведено Л. Брейманом [1, с. 5].

Качество оценивалось по Accuracy, Precision, Recall, F1 - мере и ROC - AUC. Поскольку одной точности недостаточно для анализа ошибок классификации, в работе отдельно используется F1 - мера. В scikit - learn она определяется как гармоническое среднее precision и recall [6].

$F1 = 2 \cdot (Precision \cdot Recall) / (Precision + Recall)$ (1)

где Precision — доля верных положительных предсказаний среди всех положительных прогнозов модели; Recall — доля найденных положительных объектов среди всех объектов положительного класса.

Результаты исследования

1. Построение инструментального процесса

Первым результатом стала схема учебного эксперимента, состоящая из повторяемых шагов: импорт библиотек, загрузка данных, разделение выборки, создание модели, обучение, прогноз и расчет метрик. Такой порядок позволяет проверить результат и заменить одну модель другой без изменения всей структуры исследования.

Практическое удобство scikit - learn заключается в едином интерфейсе: обучение выполняется через метод fit, прогноз — через predict, а вероятности классов — через predict _ proba. Поэтому логистическую регрессию, дерево решений и случайный лес можно сравнивать в одном кодовом шаблоне. Это особенно важно для лабораторных работ, где требуется не только получить ответ, но и показать ход исследования.

2. Количественное сравнение моделей

После обучения моделей были рассчитаны метрики на одной и той же тестовой выборке. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты сравнения моделей классификации

Модель	Accuracy	Precision	Recall	F1	ROC - AUC	Ошибок
Логистическая регрессия	0.986	0.989	0.989	0.989	0.998	2
Дерево решений	0.944	0.956	0.956	0.956	0.938	8
Случайный лес	0.951	0.956	0.967	0.961	0.993	7

Данные таблицы 1 показывают, что в выбранных условиях наилучший результат дала логистическая регрессия: Accuracy = 0,986, F1 = 0,989, ROC - AUC = 0,998. Случайный лес показал устойчивое качество и превзошел одиночное дерево решений. Дерево решений оказалось самым простым для объяснения, но допустило больше ошибок на тестовой выборке.

Полученный результат не означает универсального превосходства линейной модели. Он показывает, что конкретный набор данных хорошо разделяется по числовым признакам, а стандартизация помогает логистической регрессии работать устойчиво. В другой предметной области случайный лес или другой ансамблевый метод может показать более высокий результат. Графическое сравнение приведено на рисунке 1.

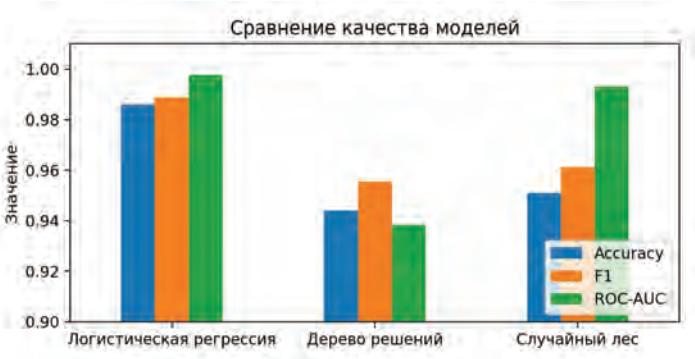

Рисунок 1 – Сравнение Accuracy, F1 и ROC - AUC для трех моделей

3. Оценка удобства инструментов

Качественная оценка показала, что выбранный набор инструментов подходит для учебного прототипирования. Jupyter Notebook удобен для пошагового описания эксперимента, pandas — для просмотра и обработки таблиц, scikit - learn — для быстрого обучения и сравнения моделей. При этом важным условием

остается фиксация параметров эксперимента: доли тестовой выборки, значения random _ state, выбранных метрик и основных гиперпараметров.

Для первичного анализа табличных данных достаточно простой схемы без сложной инфраструктуры. Однако при переходе к практическому применению необходимо дополнительно использовать кросс - валидацию, подбор гиперпараметров и анализ признаков. Это снижает риск случайно завышенной оценки качества и делает модель более надежной.

Заключение

В статье рассмотрено применение технологий и инструментария машинного обучения для классификации табличных данных. На открытом наборе Breast Cancer Wisconsin были обучены логистическая регрессия, дерево решений и случайный лес. Для оценки применялись Accuracy, Precision, Recall, F1 - мера и ROC - AUC.

По результатам эксперимента логистическая регрессия показала лучшие значения основных метрик, случайный лес занял второе место, а дерево решений оказалось менее точным, но более простым для объяснения. Основной вывод состоит в том, что сравнение моделей необходимо начинать с простой базовой модели и проводить только на тестовой выборке с заранее выбранными метриками.

Практическая значимость работы заключается в том, что предложенный процесс можно использовать при выполнении лабораторных работ по дисциплине «Технологии и инструментарии машинного обучения». В дальнейшем исследование можно расширить за счет кросс - валидации, автоматического подбора гиперпараметров и сравнения дополнительных алгоритмов.

Список использованной литературы:

1. Breiman L. Random Forests // Machine Learning. — 2001. — Vol. 45. — P. 5–32. — DOI: 10.1023 / A:1010933404324.

2. Jupyter Notebook Documentation [Электронный ресурс]. — URL: https: // jupyter - notebook.readthedocs.io / en / stable / (дата обращения: 10.05.2026).

3. pandas documentation [Электронный ресурс]. — URL: https: // pandas.pydata.org / docs / (дата обращения: 09.05.2026).

4. Pedregosa F., Varoquaux G., Gramfort A. et al. Scikit - learn: Machine Learning in Python // Journal of Machine Learning Research. — 2011. — Vol. 12. — P. 2825–2830.

5. scikit - learn developers. load _ breast _ cancer [Электронный ресурс]. — URL: https: // ww1.scikitlearn.org (дата обращения: 14.05.2026).

6. scikit - learn developers. Metrics and scoring: quantifying the quality of predictions [Электронный ресурс]. — URL: https: // scikitlearn.org / stable / modules / model _ evaluation.html (дата обращения: 12.05.2026).

© Бычков Д.Д., Кудзиев Ш.Д., 2026

Варанкина Г.С.,
профессор, доктор технических наук,
Санкт – Петербургский государственный
лесотехнический университет имени С.М. Кирова
Партенадзе С.Г.,
соискатель

ПОЛУЧЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ ПОВЫШЕННОЙ ОГНЕСТОЙКОСТИ

Аннотация. В данной статье представлен способ повышения огнестойкости древесины путём её термохимической модификации антипиреном на водной основе. Достоинствами данного способа является простота его реализации в условиях производства и достижения полной пропитки древесины. В свою очередь предлагаемый защитный состав является экологически безопасным и относится к антипиренам пенообразующего типа, принцип действия которого заключается в отщеплении газообразных веществ, с последующим образованием огнезащитного слоя, препятствующего воздействию открытого огня и теплового изучения на верхние слои древесины, сохраняя при этом свои прочностные характеристики.

Ключевые слова. Термохимическая модификация древесины, антипирены, физико - механические свойства модифицированной древесины, огнестойкость антипирированной древесины

Введение.

На сегодняшний день существует множество способов модификации древесины, осуществляемых при помощи её пропитки, прессования, обработки высокой температурой или комбинациями данных технологических процессов. Одним из таких способов является термохимическая модификация, подразумевающая под собой пропитку древесины модифицирующими растворами с последующей термической обработкой в сушильной камере. [© Гаврилова и др., 2015; © Шамаев и др., 2015].

Для повышения огнестойкости древесины в качестве модификатора при термохимическом способе используются различные антипирены. Действие антипиренов основано на изоляции одного из факторов, вызывающих окислительный процесс, приводящий к экзотермической реакции, а именно – тепла, пламени или кислорода [© Пахомов С.И. и др., 2010].

В зависимости от вида и химических свойств, антипирен, попадая в клетки древесины и оседая в них в виде солей, взаимодействуя с источником возгорания может либо повышать стойкость материала к горению, либо к тлению. В первом случае при нагревании происходит вспенивание антипирена с последующим выделением паров воды или инертных газов, которые приводят к понижению температуры на поверхности древесины и затрудняют проникновения к ней воздуха. В свою очередь защита от тления достигается, благодаря образованию, в результате плавления солей антипирена, негорючей легкоплавкой плёнки вокруг

волокон древесины, которая предотвращает доступ кислорода, тем самым создавая неблагоприятные условия для горения древесины [© Стенина и др., 2011].

Цель работы – повысить огнестойкость древесины антипиреном ФА - 3, сохраняя прочностные характеристики.

Методика проведения исследования. В работе использовался антипирен ФА – 3 на водной основе. Пропитку проводили при температуре 80 °С, при давлении 0,25 МПа. Автоклав, с плотно закрытой крышкой, нагревали до вышеуказанной температуры, затем в него помещали заранее подготовленный пакет с образцами разных пород (осина и сосна) и выдерживали под давлением, величина которого зависела от концентрации модифицирующего раствора. Далее заготовки извлекали из раствора, измеряли массу и линейные размеры, и подвергали термической обработки до постоянной массы, определяли количество сухого остатка.

Для определения огнестойкости из модифицированной древесины были выпилены образцы с габаритными размерами 150×30×20 мм. Данные образцы подвергались предварительному взвешиванию и закреплялись в лабораторной огневой трубе. Время открытого горения составляло 2 минуты. Затем образцы повторно взвешивались с целью определения процента потери массы в результаты прямого воздействия огня (табл.1).

Результаты исследования и их анализ.

Используемый в работе антипирен на водной основе ФА - 3 представляет собой органическое соединение с хорошей химической стабильностью при высоком значении pH, трудно поддающееся гидролизу и разложению при обычном освещении или нагревании. Данное соединение имеет хорошее коррозионное и противонакипное действие.

В свою очередь ФА – 3 это органическое соединение, относящиеся к классу этаноламинов, которое представляет собой прозрачную вязкую жидкость с аммиакоподобным запахом. За счёт наличия в ФА – 3 двух активных групп - OH - и - NH_2 - происходит улучшение адгезионных и когезионных связей соединения с различными мономерами и полимерами. Это позволяет использовать антипирен для пропитки древесины, подвергающейся в последствии процессу склеивания и используемую для изготовления несущих конструкций.

При взаимодействии вышеуказанных компонентов образуется кристаллическое соединение, которое представляет собой тройную аминную соль. Наличие гидрофильных и гидрофобных групп в структуре образованной соли, позволяет антипирену при контакте с очагом возгорания образовывать защитную пленку, тем самым снижая интенсивность горения и полностью предотвращая процесс тления древесины. Результаты испытания на огнестойкость показали, что потеря массы составляет менее 9 %, что соответствует классу ТГ (трудногорючие)..

Таблица 1 - Результаты испытания на огнестойкость
Fire resistance test results

Модификатор	Концентрация раствора, %	Температура, °С	Время выдержки под давлением, мин	Порода	Масса образцов, кг		Потеря массы, %
					До сжигания	После сжигания	
Антипирен на водной основе ФА - 3	22,5	60	30	Осина	0,0116	0,0111	4,31
					0,0110	0,0105	5,00
					0,0116	0,0110	5,19
				Сосна	0,0077	0,0073	5,19
					0,0079	0,0073	7,01
					0,0084	0,0080	4,76
	70	80	50	Осина	0,0093	0,0087	5,95
					0,0092	0,0088	4,89
					0,0109	0,0104	4,59
				Сосна	0,0091	0,0086	5,52
					0,0088	0,0081	8,00
					0,0102	0,0097	4,93

Таблица 2 - Физические свойства антипирированной древесины
Physical indicators of modified wood

Модификатор	Концентрация раствора, %	Температура, °С	Время выдержки под давлением, мин	Порода	Объем образцов, $м^3$		Масса образцов, кг		Плотность образцов, кг / $м^3$		Сухой остаток, %
					До пропитки	После пропитки	До пропитки	После пропитки	До пропитки	После пропитки	
Антипирен на водной основе	22,5	60	30	Осина	0,00018	0,00024	0,112	0,166	616,34	698,82	39,81
					0,00022	0,00025	0,114	0,167	517,23	702,67	39,56
					0,00024	0,00026	0,111	0,171	465,53	683,33	40,17
				Сосна	0,00024	0,00025	0,108	0,128	443,55	512,08	50,30
					0,00023	0,00023	0,097	0,126	417,49	535,42	45,25

					0,00024	0,00024	0,113	0,135	475,44	558,39	48,88
	50	70	40	Осина	0,00022	0,00024	0,102	0,137	463,88	561,68	37,27
					0,00024	0,00025	0,113	0,145	462,70	578,37	36,96
					0,00026	0,00028	0,115	0,152	449,84	540,42	38,18
				Сосна	0,00024	0,00027	0,121	0,145	494,57	545,99	38,81
					0,00024	0,00025	0,098	0,122	410,04	480,98	38,36
					0,00024	0,00026	0,109	0,129	446,72	505,37	38,97
	70	80	50	Осина	0,00020	0,00026	0,120	0,167	591,94	650,27	45,14
					0,00023	0,00024	0,099	0,149	436,27	628,80	44,80
					0,00024	0,00027	0,116	0,166	474,18	616,89	42,99
				Сосна	0,00023	0,00025	0,097	0,149	418,03	604,14	41,67
					0,00024	0,00026	0,092	0,145	386,00	557,64	41,54
					0,00024	0,00027	0,115	0,162	473,26	609,03	41,46

Модифицированные образцы после термической обработки подвергались холодному склеиванию. В качестве связующего использовалась фенолформальдегидная смола холодного отверждения – СФЖ - 309.

Из - за оседания модификатора в клеточных стенках и порах древесины, происходит увеличение краевого угла смачивания древесины. Это, в свою очередь, приводит к незначительному снижению смачивающей способности клеевого состава, что в случае с поливинилацетатной дисперсией приводит к уменьшению прочности клеевого соединения при увеличении концентрации модифицирующего раствора (рис. 1 и 2).

При склеивании фенолформальдегидной смолой СФЖ - 309 холодного отверждения, которая обеспечивает образование наиболее прочных клеевых соединений, древесина приобретает способность хорошо переносить переменные воздействия влажности и температуры окружающей среды.

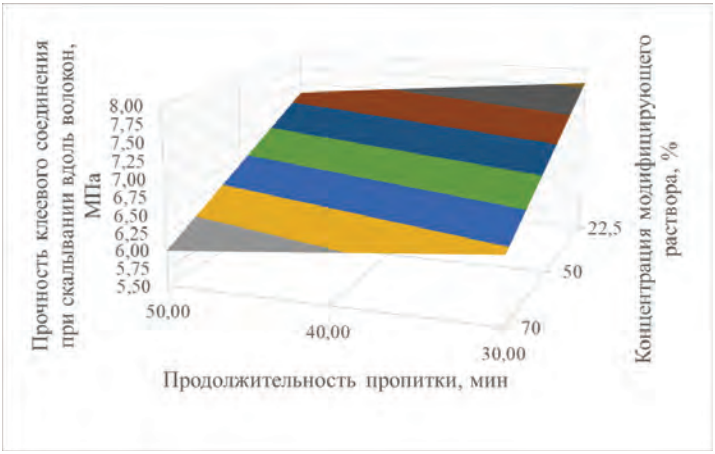

Рис 1 График зависимости прочности клеевого соединения при скалывании модифицированной древесины сосны от продолжительности пропитки и концентрации модифицирующего раствора

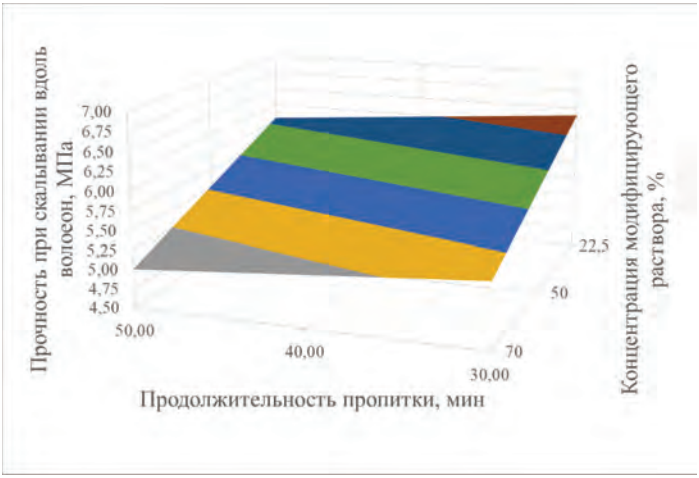

Рис 2 График зависимости прочности клеевого соединения при скалывании модифицированной древесины осины от продолжительности пропитки и концентрации модифицирующего раствора

Выводы. Термохимическая модификация древесины антипиреном на водной основе осуществляется за счёт проникновения раствора в клеточные стенки через капилляры целлюлозы благодаря разнице давлений. Попадая в древесину, антипирен оседает в клеточных стенках в виде сухого остатка, в качестве которого выступает тройная аминная соль, образующая при контакте с огнём защитную плёнку. Данная плёнка снижает количество воздуха, контактирующего с древесиной, понижая тем самым интенсивность горения и полностью

предотвращающую процесс тления материала. Это способствует общему повышению огнестойкости древесины.

Результаты по прочности древесины на скалывание по клеевому слою показали, что использовании в качестве связующего фенолформальдегидной смолы холодного отверждения СФЖ – 309, наблюдается увеличение адгезионного взаимодействия между адгезивом и субстратом, за счёт способности тройной аминной соли реагировать со свободными гидроксильными группами фенолформальдегидных смол. Это способствует улучшению механических свойств клеёной древесины.

Список использованных источников

1. Варанкина Г.С., Колесов Н.Г., Русаков Д.С. Повышение формоустойчивости, стабильности и водостойкости изделий из древесины, модифицированной раствором карбамида. Известия Санкт - Петербургской лесотехнической академии № 246

2. Гаврилова Н.Н., Назаров В.В.Анализ пористой структуры на основе адсорбционных данных. М.: РХТУ им. Д. И. Менделеева, 2015. – 132 с.

3. Пахомов С.И. Поливинилхлоридные композиции: учебное пособие / С. И Пахомов, И.П. Трифонова, В.А. Бурмистров, Иван. Гос. хим. - тех нол. ун - т – Иваново, 2010 – 104 с.

4. Расев А.И. Сушка древесины / Расев А.И, М.: Высшая школа, 1980 – 178 с.

5. Стенина, Е. И. Защита древесины и деревянных конструкций: [учебное пособие] / Е. И. Стенина, Ю. Б. Левинский; Федеральное агентство по образованию, Урал. гос. лесотехн. ун - т. – Екатеринбург: [УГЛТУ], 2011. – 223 с.

6. Чудинов Б.С. Вода в древесине / Б.С. Чудинов – Новосибирск: Наука: Сиб. отд - ние, 1984. – 270 с

7. Шамаев В.А., Никулина Н.С., Медведев И.Н. Модифицирование древесины. Монография. Москва Издательство «ФЛИНТА» 2013.– 448 с.

8. Шамаев В.А. Получение модифицированной древесины химико - механическим способом и исследование ее свойств. Лесотехническийжурнал, 5 (20), 2015. – С. 177 - 187.

© Варанкина Г.С., Партенадзе С.Г., 2026

Васюк Е.М.
бакалавр 3 курса МИРЭА,
г. Москва, РФ

ПРОЕКТИРОВАНИЕ BACKEND - КОНТУРА НА GO ДЛЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ОБРАБОТКИ ДОКУМЕНТОВ В ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМАХ

Аннотация

В статье рассматривается подход к проектированию backend - контура на языке Go для интеллектуальной обработки документов в информационных системах.

Показано, что автоматизация обработки документов позволяет снизить объём ручного труда, ускорить ввод данных и повысить качество информационного обмена между компонентами системы. Рассмотрены основные элементы архитектуры: API для загрузки документов, очередь задач, worker - сервисы, модуль извлечения данных, база данных и подсистема мониторинга. Отдельное внимание уделено использованию асинхронной обработки, валидации результатов и обеспечению устойчивости backend - сервиса при росте нагрузки.

Ключевые слова

Backend, Go, Golang, информационные системы, обработка документов, OCR, AI - сервисы, очереди задач, worker, API, асинхронная обработка, проектирование ПО.

В современных организациях значительная часть информации поступает в виде документов: договоров, заявок, актов, накладных, отчётов, счетов и других файлов. Они могут иметь разные форматы, включая PDF, DOCX, изображения и скан - копии. При ручной обработке данные из таких документов переносятся в информационные системы сотрудниками, что увеличивает временные затраты и повышает вероятность ошибок. Поэтому актуальной задачей становится проектирование backend - сервисов, способных автоматизировать обработку документов и преобразовывать неструктурированную информацию в удобный для хранения формат.

Backend - контур в такой системе принимает документы, организует их обработку, взаимодействует с сервисами распознавания и сохраняет полученные данные. Он контролирует основные этапы жизненного цикла документа: загрузку, постановку задачи в очередь, распознавание текста, извлечение сущностей, проверку результата и сохранение информации. Язык Go подходит для реализации таких сервисов благодаря высокой производительности, простой сборке приложений и встроенным механизмам конкурентного выполнения. Это позволяет backend - сервису одновременно принимать файлы, запускать фоновые задачи, обращаться к внешним API и обрабатывать результаты без блокировки основной части приложения. Поскольку интеллектуальная обработка документов может занимать значительное время, синхронный подход часто оказывается неэффективным. Ожидание завершения анализа в рамках одного HTTP - запроса снижает устойчивость системы и может приводить к тайм - аутам. Более рациональным решением является асинхронная архитектура: backend принимает документ, создаёт задачу на обработку и возвращает пользователю идентификатор операции.

Очередь сообщений распределяет нагрузку между worker - сервисами и позволяет повторять задачи при временных сбоях OCR - или AI - сервиса. При росте числа документов можно запускать дополнительные worker - процессы, что упрощает горизонтальное масштабирование системы. Worker - сервис получает задачу из очереди, загружает документ, выполняет распознавание текста и передаёт результат в модуль анализа. OCR - системы извлекают текст из

изображений, а AI - сервисы помогают определить структуру документа и выделить значимые данные: номер, дату, сумму, реквизиты организации и другие поля.После извлечения данных выполняется валидация: проверяется формат даты, корректность суммы и наличие обязательных полей. Если результат недостаточно точен, документ может быть передан на ручную проверку. Данные, статусы обработки, ошибки и история изменений сохраняются в базе данных, а исходный файл может размещаться в объектном хранилище.

Важным требованием является отслеживание статусов обработки. Пользователь должен понимать, на каком этапе находится документ: загружен, ожидает обработки, обрабатывается, успешно распознан, требует проверки или завершён с ошибкой. Для этого backend может предоставлять отдельный API - метод получения статуса задачи. При проектировании backend - контура на Go можно выделить несколько логических слоёв. Первый слой отвечает за HTTP - обработчики и маршрутизацию запросов. Второй реализует бизнес - логику: проверку прав, создание задач, изменение статусов и запуск обработки. Третий отвечает за работу с базой данных и файловым хранилищем. Отдельно выделяется инфраструктурный слой, включающий очередь сообщений, логирование, конфигурацию и интеграцию с внешними сервисами.

Такое разделение повышает сопровождаемость проекта. При разделении на слои можно отдельно тестировать бизнес - логику, менять способ хранения файлов, подключать другой AI - сервис или расширять модель документа без полной переработки архитектуры.

Надёжность backend - системы зависит от корректной обработки ошибок. Повреждённый файл, сбой OCR - сервиса, недоступность внешнего API или ошибка базы данных не должны нарушать работу всего приложения. Для этого используются статусы задач, повторные попытки обработки, тайм - ауты и журналирование ошибок. Важным механизмом является идемпотентность: повторное выполнение одной задачи не должно создавать дублирующие записи или повреждать данные. Также на этапе проектирования необходимо учитывать безопасность, поскольку документы могут содержать персональные и коммерческие сведения. Поэтому доступ к файлам должен быть ограничен, соединение — защищено, а секретные ключи не должны храниться в исходном коде.

Наблюдаемость системы обеспечивается за счёт логов, метрик и трассировки запросов. Логи позволяют анализировать ошибки обработки, метрики показывают количество загруженных документов, среднее время обработки и число неуспешных задач. Трассировка помогает определить, где возникает задержка: при загрузке файла, обращении к OCR - сервису, анализе текста или сохранении результата. Масштабируемость backend - контура достигается за счёт разделения API и фоновых обработчиков. Если растёт число пользователей, можно увеличить количество экземпляров API - сервиса. Если растёт число документов, можно

добавить worker - сервисы. Такой подход позволяет масштабировать разные части системы независимо.

Проектирование backend - контура на Go для интеллектуальной обработки документов является актуальной задачей в области современных информационных систем. Такая архитектура позволяет автоматизировать работу с неструктурированными данными, снизить ручной труд и повысить скорость обработки информации. Использование асинхронной обработки, очередей задач, worker - сервисов, валидации и мониторинга делает систему более устойчивой и пригодной для практического применения.

Список использованной литературы:

1. Donovan A. A. A., Kernighan B. W. The Go Programming Language. — Addison - Wesley, 2015.
2. Newman S. Building Microservices: Designing Fine - Grained Systems. — O'Reilly Media, 2021.
3. Kleppmann M. Designing Data - Intensive Applications. — O'Reilly Media, 2017.
4. Richardson C. Microservices Patterns: With Examples in Java. — Manning Publications, 2018.

© Васюк Е.М., 2026

Васюк Е.М.
бакалавр 3 курса МИРЭА,
г. Москва, РФ

АЛГОРИТМИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ГЕНЕРАЦИИ, ОЦЕНКЕ И ОБРАБОТКЕ МЕДИЦИНСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В СИСТЕМАХ С РУЧНОЙ ФИКСАЦИЕЙ РЕЗУЛЬТАТОВ

Аннотация

В статье рассматривается подход к проектированию серверной части информационной системы, предназначенной для обработки медицинских показателей, формирования предварительной оценки состояния и генерации структурированных отчётов. Основное внимание уделяется архитектуре backend - сервиса на языке Go, использованию весовых коэффициентов при анализе показателей, а также механизму ручной фиксации итогового результата специалистом. Предложенный подход не заменяет медицинское решение, а используется как инструмент предварительной обработки данных, снижения количества рутинных операций и повышения прозрачности формирования отчётности.

Ключевые слова
Backend, Go, медицинские показатели, обработка данных, весовые коэффициенты, отчётность, информационная система, ручная валидация.

Развитие медицинских информационных систем связано не только с хранением данных, но и с их предварительной обработкой. Врач или специалист может работать с большим количеством показателей: температурой, пульсом, давлением, уровнем глюкозы, массой тела и другими параметрами. Каждый показатель имеет собственный диапазон нормы, единицы измерения и степень значимости. При этом автоматическая обработка медицинских данных не должна восприниматься как постановка диагноза. Backend - сервис может выявлять отклонения, рассчитывать предварительную оценку и формировать отчёт, однако итоговое решение должно подтверждаться человеком. Поэтому важной частью системы является механизм ручной фиксации результата.

Проектируемая система может быть реализована как backend - сервис на языке Go. Пользовательский интерфейс или внешняя система передаёт набор медицинских показателей, после чего данные проходят валидацию, нормализацию, расчёт предварительной оценки и генерацию отчёта. Серверная часть может включать API - слой, сервис обработки показателей, модуль расчёта весовой оценки, модуль отчётности, базу данных и подсистему ручного подтверждения. API принимает запросы, сервисный слой выполняет бизнес - логику, а база данных хранит показатели, отчёты, статусы и историю изменений. Главная особенность такой архитектуры — разделение автоматической и ручной части. Алгоритм подготавливает предварительный результат, но специалист подтверждает, корректирует или отклоняет его.

Обработка медицинских данных выполняется поэтапно. Сначала система принимает набор показателей: название, значение, единицу измерения, дату и источник. Далее backend проверяет корректность данных: наличие обязательных полей, допустимость числовых значений и правильность формата. После этого выполняется нормализация. Например, давление может поступить как строка 120 / 80, но внутри системы оно должно быть разделено на два значения: систолическое и диастолическое. Аналогично разные единицы измерения должны приводиться к единому формату. Затем система рассчитывает предварительную оценку. Для каждого показателя задаётся весовой коэффициент, отражающий его значимость. Если показатель выходит за допустимый диапазон, степень отклонения умножается на вес. Итоговая оценка формируется как сумма таких значений. После расчёта backend создаёт отчёт, где указывается не только общий результат, но и причины его формирования: какие показатели отклонились, насколько сильно и как они повлияли на итоговую оценку.

Для расчёта предварительной оценки состояния используется модель взвешенного суммирования. Каждый медицинский показатель получает собственный коэффициент значимости, который отражает его влияние на

итоговый результат. Если показатель находится в пределах нормы, его вклад в итоговую оценку минимален или равен нулю. Если значение выходит за допустимый диапазон, система рассчитывает степень отклонения и учитывает её при формировании общего балла.

Общая формула расчёта предварительной оценки может быть представлена следующим образом:

$$S = \sum_{i=1}^{n} D_i \cdot W_i \ (1)$$

Где S — итоговая предварительная оценка состояния;

D_i — степень отклонения i - го медицинского показателя от допустимого диапазона;

W_i — весовой коэффициент i - го показателя;

W_i— количество анализируемых показателей.

Данная формула позволяет учитывать не только сам факт отклонения показателя, но и его значимость в рамках конкретного сценария обработки. Например, отклонение артериального давления может иметь больший вес, чем незначительное изменение температуры тела. При этом значения коэффициентов должны храниться в конфигурации или базе данных, чтобы правила расчёта можно было изменять без переработки программного кода.

Go подходит для реализации подобной системы благодаря производительности, строгой типизации и удобной работе с конкурентностью. Backend можно построить по слоистой архитектуре: handlers принимают HTTP - запросы, services выполняют бизнес - логику, repositories работают с базой данных.Для каждого отчёта важно хранить входные данные, версию алгоритма, использованные веса, рассчитанный результат и статус проверки. Это позволяет восстановить логику расчёта и обеспечивает прозрачность обработки. Также необходимо учитывать идемпотентность. Если запрос на создание отчёта был отправлен повторно, система не должна создавать дубликат. Для этого можно использовать внешний идентификатор, хэш входных данных или уникальный ключ в базе данных.

После автоматической обработки отчёт получает статус, например: auto _ processed, requires _ review, approved или rejected. Специалист просматривает результат, подтверждает его, добавляет комментарий или отправляет на повторную проверку. Все действия должны сохраняться в истории изменений. Это важно для аудита и контроля качества. Пользователь может передать показатели, но утверждать итоговый результат должен только специалист с соответствующими правами.

Рассмотренный подход позволяет объединить автоматическую обработку медицинских показателей и ручной контроль итогового результата. Backend - сервис на Go может принимать данные, проверять их, рассчитывать предварительную оценку по весовым коэффициентам и формировать отчёты. Такая система полезна как вспомогательный инструмент для медицинской

отчётности и предварительной аналитики. Она снижает количество ручной работы, делает обработку данных более прозрачной и сохраняет возможность экспертного подтверждения результата.

Список использованной литературы:

1. Гвоздева В. А. Основы построения автоматизированных информационных систем. — М.: Форум, 2022.
2. Таненбаум Э., ван Стеен М. Распределённые системы. Принципы и парадигмы. — СПб.: Питер, 2021.
3. Фаулер М. Архитектура корпоративных программных приложений. — М.: Вильямс, 2020.
4. Donovan A., Kernighan B. The Go Programming Language. — Addison - Wesley, 2016.
5. ГОСТ Р 52636 - 2006. Электронная история болезни. Общие положения.
6. ISO / IEC 25010:2011. Systems and software engineering — Systems and software Quality Requirements and Evaluation.

© Васюк Е.М., 2026

Васюк Е.М.
бакалавр 3 курса МИРЭА,
г. Москва, РФ
Скляднев Г.С.
бакалавр 3 курса МИРЭА,
г. Москва, РФ
Научный руководитель: Осипова В. О.,
ассистент кафедры телекоммуникаций, МИРЭА,
г. Москва, РФ

ОСНОВЫ СЕТЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЕКТИРОВАНИИ СИСТЕМ

Аннотация
Статья посвящена влиянию сетевой архитектуры на производительность, надежность и безопасность информационных систем. В работе анализируются уровни модели TCP / IP, особенности клиент - серверного взаимодействия и специфика разработки распределенных систем. Особое внимание уделено методам обеспечения отказоустойчивости, защите данных и грамотному проектированию сетевых связей между компонентами программных решений.

Ключевые слова
Сетевые технологии, информационные системы, TCP / IP, клиент - серверная архитектура, REST API, маршрутизация, безопасность, масштабируемость, распределенные системы

Современные информационные системы редко работают изолированно. Обычно они включают клиентские приложения, серверы, базы данных, внешние сервисы, системы авторизации и средства мониторинга. Все эти компоненты обмениваются данными по сети, поэтому основы сетевых технологий являются важной частью проектирования информационных систем.

Сетевые технологии обеспечивают передачу данных между устройствами и программными компонентами. При разработке информационной системы необходимо учитывать, как пользователи будут обращаться к приложению, где размещаются серверы, каким образом организован обмен данными между сервисами и какие требования предъявляются к скорости, надежности и безопасности соединения.

Для описания сетевого взаимодействия часто используют модель OSI, однако на практике основное значение имеет стек TCP / IP. Он лежит в основе работы Интернета и включает несколько уровней, отвечающих за передачу данных, маршрутизацию, транспортное взаимодействие и прикладные протоколы. Для проектирования информационных систем особенно важны сетевой, транспортный и прикладной уровни.

На сетевом уровне протокол IP обеспечивает адресацию и доставку, при этом важные узлы (базы данных) для безопасности изолируют от публичного доступа. На транспортном уровне используются TCP и UDP: первый гарантирует надежность и порядок данных для веб - сервисов, а второй обеспечивает минимальные задержки для видеосвязи и игр за счет отсутствия контроля доставки.

На прикладном уровне располагаются протоколы, с которыми непосредственно взаимодействуют программные системы. Наиболее распространенным является HTTP, а его защищенная версия HTTPS используется для безопасной передачи данных. HTTPS применяет шифрование, что особенно важно для систем, работающих с персональными данными, платежной информацией и внутренними корпоративными ресурсами.

Одним из основных подходов к построению информационных систем является клиент - серверная архитектура. В такой модели клиент отправляет запрос на сервер, сервер обрабатывает его, обращается к базе данных или другим сервисам и возвращает результат. Например, при авторизации пользователь отправляет данные на сервер, после чего система проверяет их и возвращает токен доступа. Несмотря на внешнюю простоту, такой процесс включает DNS - разрешение, установление соединения, передачу HTTP - запроса и обработку ответа.

При проектировании информационной системы важно учитывать, что сетевое взаимодействие может сопровождаться задержками и сбоями. Сервер может быть временно недоступен, соединение может быть разорвано, а внешний сервис может вернуть ошибку. Поэтому в надежных системах используются тайм - ауты, повторные попытки запросов, кэширование, очереди сообщений и балансировка нагрузки.

В распределенных системах сетевые технологии приобретают еще большее значение. Если приложение состоит из нескольких сервисов, каждый из них отвечает за отдельную функцию: управление пользователями, обработку заказов, хранение файлов, отправку уведомлений или аналитику. Такие сервисы могут

обмениваться данными через API или брокеры сообщений. При этом необходимо заранее определить, какие операции должны выполняться синхронно, а какие можно обрабатывать в фоновом режиме.

Таким образом, выходит, что масштабируемость и отказоустойчивость достигаются за счет балансировщиков нагрузки, распределяющих трафик между серверами, а безопасность обеспечивается шифрованием данных, использованием HTTPS и межсетевых экранов. Эффективная работа системы также требует постоянного мониторинга сетевых показателей для оперативного выявления сбоев, анализа ошибок и устранения узких мест в архитектуре.

Список использованной литературы:

1. Kurose J., Ross K. Computer Networking: A Top - Down Approach. — Pearson, 2021.
2. Tanenbaum A. S., Wetherall D. J. Computer Networks. — Pearson, 2021.
3. Postel J. Transmission Control Protocol. RFC 793 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https: // datatracker.ietf.org / doc / html / rfc793 (дата обращения: 10.05.2026).

© Васюк Е.М., Скляднев Г.С., 2026

Васюк Е.М.
бакалавр 3 курса МИРЭА,
г. Москва, РФ

ПРОЕКТИРОВАНИЕ КОНТУРА ДЛЯ АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ СБОРКИ И РАЗВЕРТЫВАНИЯ ПРИЛОЖЕНИЙ

Аннотация

В статье рассматривается подход к проектированию DevOps - контура для автоматизированной сборки, тестирования и развертывания backend - приложений. Основное внимание уделяется применению CI / CD - пайплайна, контейнеризации, хранению образов, контролю качества кода и мониторингу состояния сервиса после публикации. Предложенный подход позволяет снизить количество ручных операций, ускорить выпуск новых версий и повысить стабильность работы информационной системы.

Ключевые слова

DevOps, CI / CD, backend, контейнеризация, Docker, автоматизация, развертывание, мониторинг, информационная система.

Современные информационные системы регулярно изменяются и дополняются. В backend - приложениях появляются новые API - методы, исправляются ошибки, обновляются зависимости, изменяются схемы баз данных и механизмы авторизации. Если процесс сборки и публикации выполняется вручную, возрастает риск ошибок: можно забыть запустить тесты, загрузить не ту версию приложения, неправильно применить миграции или нарушить порядок развертывания. Для

решения таких проблем применяется DevOps - подход, который объединяет разработку, эксплуатацию и автоматизацию инфраструктурных процессов. Одним из ключевых элементов DevOps является CI / CD - конвейер. CI отвечает за автоматическую сборку и проверку кода, а CD — за доставку приложения в рабочее или тестовое окружение. Целью проектирования DevOps - контура является создание управляемого процесса, при котором изменение в репозитории автоматически проходит проверку, собирается в контейнерный образ и разворачивается на серверной инфраструктуре.

DevOps - контур представляет собой последовательность этапов, через которые проходит новая версия backend - приложения. После отправки изменений в Git автоматически запускается CI - пайплайн: он собирает проект, выполняет анализ кода, запускает тесты и формирует контейнерный образ.Если проверки проходят успешно, готовый образ сохраняется в registry для последующего развертывания.. Далее CD - пайплайн может развернуть новую версию приложения на сервере, в контейнерной среде или в кластере. После развертывания система мониторинга собирает информацию о состоянии приложения: доступности, ошибках, времени ответа и использовании ресурсов.

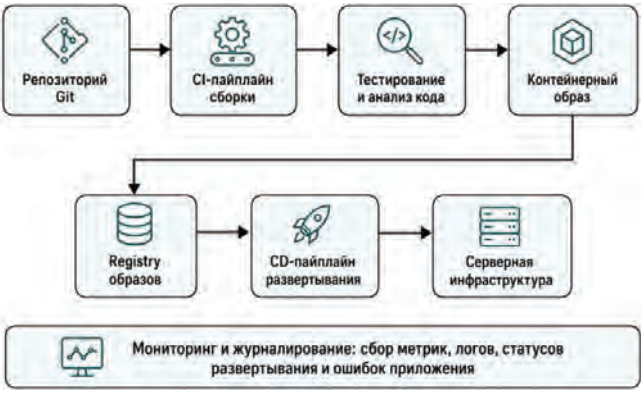

Рисунок 1 — Структура DevOps - контура CI / CD

DevOps - контур включает несколько основных компонентов. Центральным элементом является Git - репозиторий, где хранятся исходный код, конфигурации, Dockerfile, миграции базы данных и описание пайплайна. После изменения кода запускается CI - система, которая выполняет сборку приложения, проверку форматирования, статический анализ и тестирование. Далее приложение упаковывается в Docker - образ, что позволяет запускать его одинаково в разных средах. Готовый образ сохраняется в registry образов и получает тег, связанный с версией или хэшем коммита. Завершающим этапом является CD - пайплайн, который доставляет новую версию приложения на сервер, например через Docker Compose или Kubernetes. Использование DevOps - контура позволяет повысить качество разработки и эксплуатации backend - приложений. Команда получает единый и повторяемый процесс доставки изменений. Новая версия проходит автоматические проверки, собирается в контролируемом окружении и

разворачивается по заранее описанному сценарию. Такой подход особенно полезен для информационных систем, которые постоянно развиваются. При ручном развертывании каждая публикация становится отдельным риском. При автоматизированном процессе большая часть ошибок выявляется до попадания изменений на сервер. Кроме того, DevOps - контур упрощает сопровождение проекта. По тегу контейнерного образа можно определить версию приложения, по логам — найти причину ошибки, а по метрикам — оценить стабильность работы после обновления. Это делает эксплуатацию системы более прозрачной.

В статье был рассмотрен подход к проектированию DevOps - контура для автоматизированной сборки и развертывания backend - приложений. Основными элементами такого контура являются Git - репозиторий, CI - пайплайн, контейнеризация, registry образов, CD - пайплайн, мониторинг и журналирование. Применение CI / CD позволяет сократить количество ручных операций, ускорить выпуск новых версий и повысить надёжность информационной системы. DevOps - подход не ограничивается отдельным инструментом, а представляет собой организацию полного процесса доставки программного продукта от изменения кода до контроля его работы на сервере.

Список использованной литературы:

1. Фаулер М. Архитектура корпоративных программных приложений. — М.: Вильямс, 2020.
2. Таненбаум Э., ван Стеен М. Распределённые системы. Принципы и парадигмы. — СПб.: Питер, 2021.
3. Ким Дж., Хамбл Дж., Дебуа П., Уиллис Дж. Руководство DevOps. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021.

© Васюк Е.М., 2026

Гусев Е.В.
студент 4 курса обучения института информационных технологий
ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет»
Москва, Россия
Научный руководитель: Карамышев А.Н.
доктор экономических наук, доцент,
доцент ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет»
Москва, Россия

МОДЕЛЬ ПРОЕКТИРУЕМОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ПОДДЕРЖКИ ТРЕНИРОВОЧНОГО ПРОЦЕССА КЛИЕНТОВ

Аннотация.

В статье представлена логическая модель проектируемой информационной системы поддержки тренировочного процесса клиентов, которая содержит

следующие сущности: клиент, абонемент, пользователь ИС, роль, слот тренировки, заявка на запись, план и журнал тренировок, статус заявки, рейтинг тренера, правила напоминания. Выявлены взаимосвязи между сущностями и их атрибуты.

Ключевые слова.

Информационная система, проектирование, бизнес - процесс, логическая модель.

Логическая модель базы данных информационной системы поддержки тренировочного процесса клиентов [1] была разработана и представлена на рисунке 1.

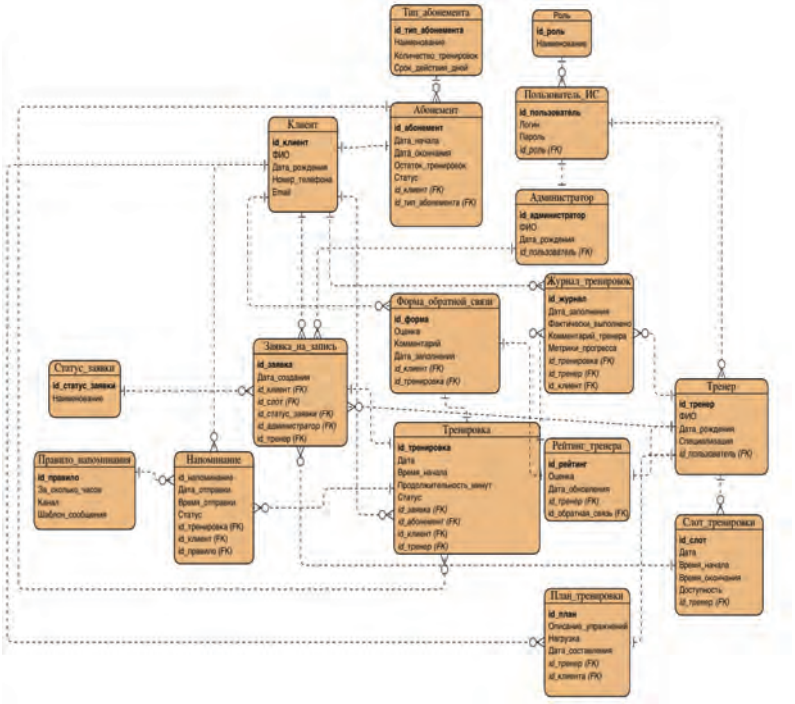

Рисунок 1. Логическая модель базы данных

Сущности [2], содержащиеся в спроектированной модели,представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Описание сущностей

Сущность	Описание
Клиент	Клиент фитнес - клуба, записывающийся на тренировки

Абонемент	Абонемент клиента, содержащий информацию о сроке действия и количестве доступных тренировок
Тип _ абонемента	Вид абонемента с параметрами (количество тренировок, срок действия)
Пользователь _ ИС	Учетная запись пользователя в системе
Роль	Роль пользователя в системе (администратор, тренер и др.)
Слот _ тренировки	Временной интервал, доступный для записи на тренировку
Заявка _ на _ запись	Заявка клиента на запись на тренировку
Статус _ заявки	Справочник статусов заявки (на подтверждении, подтверждена и др.)
Тренировка	Запланированное или проведённое занятие
План _ тренировки	План занятий клиента с описанием упражнений и нагрузок
Журнал _ тренировок	Записи о проведённых тренировках и их результатах
Рейтинг _ тренера	Оценка тренера на основе обратной связи клиентов
Напоминание	Уведомление клиенту о предстоящей тренировке
Правило _ напоминания	Правила формирования и отправки напоминаний

Таким образом, была разработана логическая модель проектируемой информационной системы и реализовано ее подробное описание.

Список использованной литературы:

1. Карамышев А.Н. Развитие систем бизнес - процессов российских промышленных предприятий // Russian Economic Bulletin. – 2023. – Т. 6. – № 3. – С. 225 - 230.

2. Верховод Н.С., Карамышев А.Н. Проектирование информационной системы поддержки взаимодействия с контрагентами торговой компании: монография. – Курск: «Университетская книга». – 2025. – 98 с.

© Гусев Е.В., 2026 г.

Ильичев М.Ю.
магистрант 2 курса института информационных технологий
ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет»
Москва, Россия
Научный руководитель: Карамышев А.Н.
доктор экономических наук, доцент,
доцент ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет»
Москва, Россия

МОДЕЛИРОВАНИЕ БИЗНЕС - ПРОЦЕССА «ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ УСЛУГИ АРЕНДЫ АВТО С ВОДИТЕЛЕМ»

Аннотация.
В статье рассматриваются актуальные вопросы проектирования модели бизнес - процесса предоставления услуг такси. В частности, в нотации BPMN 2.0 разработана модель бизнес - процесса, а также осуществлена ее декомпозиция.

Ключевые слова.
Проектирование, информационная система, такси, BPMN 2.0, бизнес - процесс.

На рисунке 1 отображена диаграмма бизнес - процесса предоставления услуги аренды автомобиля с водителем «to be» в нотации BPMN 2.0. В этом состоянии система позволяет формировать заявку клиентом самостоятельно и отправлять ее менеджеру из отдела по работе с клиентами [1]. Преимуществом проектируемой системы является автоматическое формирование необходимых документов.

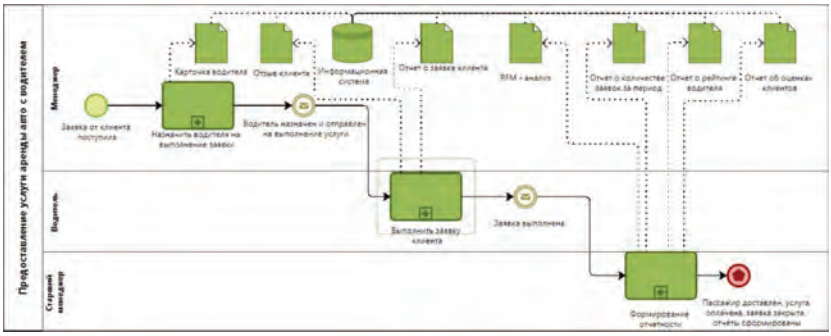

Рисунок 1. Бизнес - процесс «Предоставление услуги аренды авто с водителем» в нотации BPMN 2.0 («to - be»)

Менеджер получает и подтверждает заявку, переводя ее в статус «в работе», и отправляет водителю на исполнение. Система закрепляет заявку за водителем и вносит ее в карточку водителя. Менеджер выполняет всю работу по передаче данных водителю, поэтому роль диспетчера более не нужна (рисунок 2).

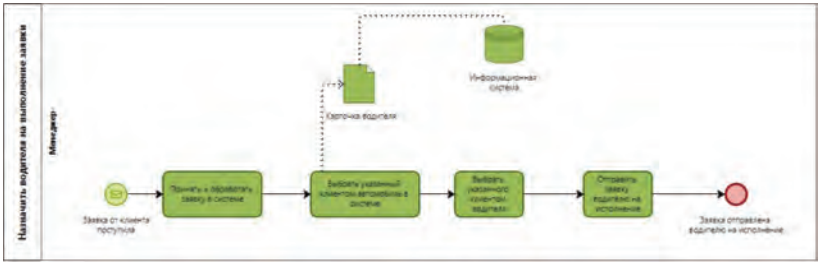

Рисунок 2. Декомпозиция подпроцесса
«Назначить водителя на выполнение заявки» в нотации BPMN 2.0 («to - be»)

Водитель получает заявку от менеджера, начиная подготовку или проверку готовности автомобиля к поездке. После осуществления перевозки водитель самостоятельно закрывает заявку в системе (рисунок 3).

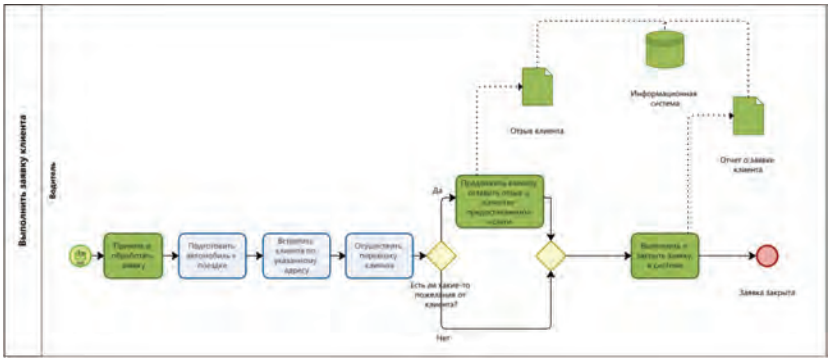

Рисунок 3. Декомпозиция подпроцесса
«Выполнить заявку клиента» в нотации BPMN 2.0 («to - be»)

Таким образом, была приведена технология выполнения процесса, составлены графические модели подпроцессов [2,3]. Внедрение этой системы значительно ускорит выполнение повседневных операций, повысит точность обработки данных, улучшит взаимодействие между отделами и обеспечит более высокий уровень обслуживания клиентов.

Список использованной литературы:

1. Карамышев А.Н. Развитие систем бизнес - процессов российских промышленных предприятий // Russian Economic Bulletin. – 2023. – Т. 6. – № 3. – С. 225 - 230.

2. Верховод Н.С., Карамышев А.Н. Проектирование информационной системы поддержки взаимодействия с контрагентами торговой компании: монография. – Курск: «Университетская книга». – 2025. – 98 с.

3. Фролов Н.И., Карамышев А.Н., Исавнин А.Г., Кудрявцев А.С., Крутикова В.М. Модель бизнес - процесса "Установка сервера и организация сети в офисе" // Экономика и предпринимательство. – 2018. – № 9 (98). – С. 864 - 871.

© Ильичев М.Ю., 2026 г.

БОБРОВ С.Н. к.т.н.
КАСАТКИН И.А. к.э.н.
АШИН И.В.
СИЛЮТА А.Г.

МЕТОДИКА РАСЧЕТА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕМПЕРАТУРНЫХ ПОЛЕЙ НА ОСНОВЕ РЕШЕНИЯ НЕСТАЦИОНАРНОГО УРАВНЕНИЯ ДВУМЕРНОЙ ТЕПЛОПРОВОДНОСТИ

Аннотация: В статье приведена методика расчета температурного профиля в поперечном сечении железнодорожной насыпи с учетом основных физических процессов. Методика расчета, позволяющая моделировать распределение температурных полей в основании земляного полотна при задаваемых условиях, необходима для оперативного решения задач по выбору мероприятий для обеспечения устойчивости и долговечности железнодорожного пути. Методики расчета теплофизических условий железнодорожной насыпи, учитывающие скрытую теплоту фазового перехода, влияние миграции влаги в порах грунта и деформационные процессы в теле насыпи, требуют больших временных затрат на разработку и последующую верификацию. В предложенной методике теплофизических расчетов поперечного сечения железнодорожной насыпи применяют явную разностную схему с описанием граничных условий в расчетном домене. Полученные результаты расчетов сравнивались со справочными значениями.

Ключевые слова: Температурные поля, теплопроводность, насыпь, явная схема, конечные разности, сезонные колебания, промерзание.

Введение

При строительстве железнодорожных магистралей в сложных климатических условиях часто возникают проблемы, требующие оперативного принятия геотехнических решения. Выбор конкретного мероприятия, обеспечивающего заданную устойчивость земляного полотна, должен осуществляться исходя из экономической целесообразности, предполагающей достижение заданных параметров при минимальных затратах. Разработанная методика расчёта распределения температурных полей позволяет построить математическую модель поведения проектируемой конструкции земляного полотна и подстилающего грунта в его основании при различных условиях.

В настоящее время при проектировании конструкции земляного полотна и выборе мероприятий для регулирования тепловых процессов в земляном полотне

используют в основном эмпирический опыт, накопленный с 70 - х годов прошлого века.

Методика расчета распределения температурных полей на основе решения нестационарного уравнения двумерной теплопроводности построена на методе конечных разностей и позволяет решать задачи моделирования тепловых процессов для расчета температурного поля в многослойных структурах.

Цель и задачи работы

Целью работы является разработка методики расчета температурного профиля в поперечном сечении железнодорожной насыпи с учетом основных физических процессов, влияющих на теплообмен и, соответственно, на температурный режим расчетного участка. Для этого необходимо выбрать геометрию расчетного участка, отвечающую требованиям СНиП, метод численного решения [1], оптимизировать сетку, обеспечить устойчивость схемы решения [2], выполнить расчеты, сравнить их с реперными значениями, полученными по результатам полевых испытаний или выполненными по верифицированным программам.

Материалы и методы

Для получения расчётных зависимостей применялось математическое моделирование на основе решения нестационарного уравнения двумерной теплопроводности в поперечном сечении расчетного участка [3]–[8]:

$$\rho c \frac{\partial T}{\partial t} = \lambda \left(\frac{\partial^2 T}{\partial x^2} + \frac{\partial^2 T}{\partial y^2} \right) + Q \qquad (1)$$

где: T – температура, K;

t – время, с;

ρ – плотность, кг / м3;

c – удельная теплоёмкость, Дж / (кг·K);

Q – удельное энерговыделение, Вт / м^3;

λ – коэффициент теплопроводности, Вт / (м·K).

Геометрия и область расчёта (таблица с размерами)

Расчётный участок представляет собой трапецеидальное поперечное сечение железнодорожной насыпи высотой 6 м, включая естественный грунт основания (рисунок 1).

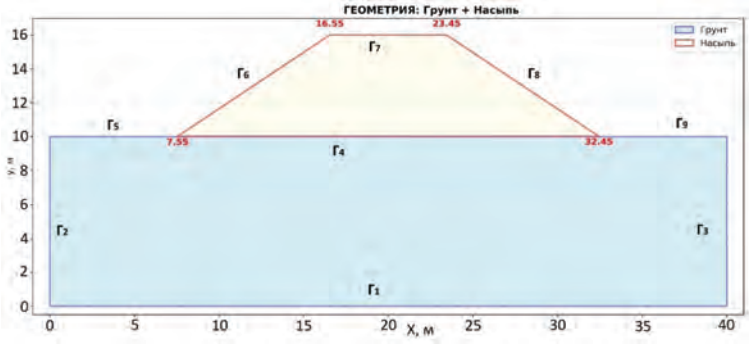

Рисунок 1 – Расчетный домен: геометрия участка и граничные условия

В таблице 1 представлены геометрические параметры и размеры сетки.

Таблица 1: Характеристики геометрии и сетки.

Параметр	Значение
Геометрия	
Ширина расчётной области, м	40,0
Глубина (грунт), м	10,0
Высота (насыпь), м	6,0
Полная высота, м	16,0
Основание трапеции (y=10м)	
от x _ bl, м	7,55
до x _ br, м	32,45
Ширина, м	24,9
Вершина трапеции (y=16м)	
от x _ tl, м	16,55
до x _ tr, м	23,45
Ширина, м	6,9
Сетка	
узлов по x, шт.	81
узлов по y, шт.	45
шаг по x, м	0,50
шаг по y, м	0,364
Время	
временной шаг, с	1800
расчётный период, дн.	365*5
всего шагов	87600

Граничные условия и входные параметры

Граничные условия записаны следующим образом:

$T(0, t) = T_{\text{нижняя граница}} = 2\ °C,\ x \in \Gamma_1,$ (2)

$\frac{\partial T}{\partial x}|_{x=0,40} = 0,\ x \in \Gamma_2, \Gamma_3,$ (3)

$\lambda_g \frac{\partial T}{\partial y}|_{\text{грунт}} = \lambda_n \frac{\partial T}{\partial y}|_{\text{насыпь}},\ x \in \Gamma_4,$ (4)

$-\lambda_n \frac{\partial T}{\partial y}|_{y=y_{top}} = h(T - T_\infty),\ x \in \Gamma_5, \Gamma_6, \Gamma_9\ ,$ (5)

$-\lambda_n \frac{\partial T}{\partial y}|_{y=y_{top}} = h(T - T_\infty) -\ q_{\text{sol}},\ x \in, \Gamma_7, \Gamma_8,$ (6)

где: h – коэффициент теплоотдачи, Вт / (м^2·К);

T_∞ – температура воздуха, °C;

q_{sol} – плотность потока солнечной радиации, Вт / м^2;

Климатические данные

Среднемесячные температуры воздуха плотности потока солнечной радиации задавали для каждой локации. Например, для Москвы брали следующие значения:

$T_{\text{средняя}} = [-8.2, -6.1, -1.1, 5.8, 13.7, 17.4, 18.8, 17.4, 11.7, 5.6, -1.1, -6.6]$, °C

$q_{\text{sol}} = [20, 50, 120, 180, 240, 280, 270, 220, 140, 70, 30, 15]$, Вт/(м^2 · К)

Для удобства дальнейших расчётов в методике заложена возможность выбрать местоположение, для которого будет проведен расчет. В таблице 2 представлен примерный список городов, для которых введены климатические данные [9], а также приведенные на сайте ВНИИГМИ - МЦД (http: // meteo.ru / data). Данные выбраны в качестве целевой локации для проверки методики расчёта. Список может быть изменен в зависимости от задачи.

Таблица 2: Список локаций (городов).

Локация	**Координаты**	**T _ низа (°C)**	**Тип климата**
Москва	55,7°N; 37,6°E	2,0	Умеренный
Санкт Петербург	59,9°N; 30,2°E	2,5	Морской
БАМ	57°N (среднее)	1.0	Резко - континент.
Якутск	62°N; 129,7°E	- 0,5	Экстремальный
Салехард	66,5°N; 66,5°E	- 1,0	Заполярье
Казань	55,8°N; 49,1°E	3,0	Континентальный
Екатеринбург	56,8°N; 60,6°E	1,5	Приуралье
Новосибирск	54,9°N; 83°E	0,5	Юг Сибири

В расчете принимали значения температуры воздуха и значения солнечного теплового потока в соответствии с данными метеонаблюдения (рисунок 2).

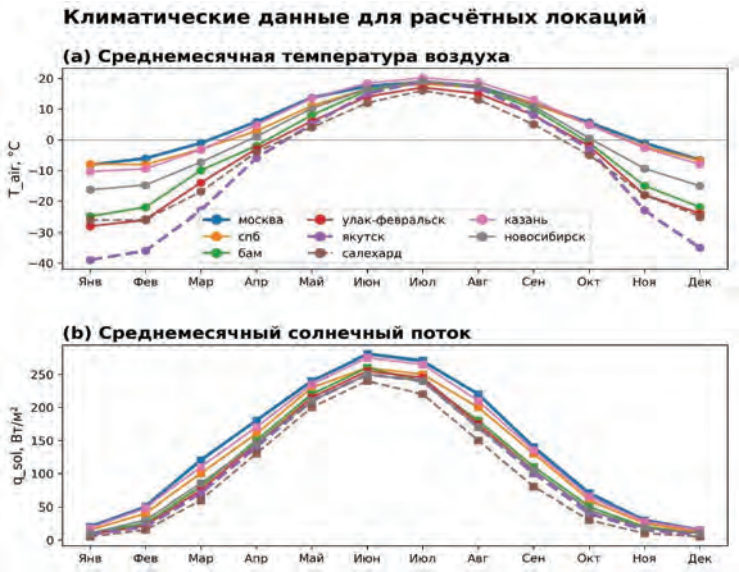

Рисунок 2 – Климатические данные для расчетных локаций

Параметры сетки и материалов

В таблице 3 представлены теплофизические свойства материалов.

Таблица 3: Теплофизические свойства материалов.

Свойство	**Грунт (влажность= 0,35)**	**Насыпь (влажность=0 ,15)**	**Единицы**
Теплопроводность, λ	1,30	1,00	Вт / (м·К)
Плотность, ρ	2000	1800	кг / м³
Удельная теплоёмкость, c	1150	1170	Дж / (кг·К)
Объёмная теплоёмкость, ρc	$2{,}30\times10^{6}$	$2{,}10\times10^{6}$	Дж / (м³·К)
Температуропроводность, a	$5{,}65\times10^{-7}$	$4{,}76\times10^{-7}$	м² / с
На интерфейсе грунт - насыпь			
Гармоническое среднее, λ _ eff	1,13	–	Вт / (м·К)

Численный метод

Численное решение уравнения (1) будем искать с использованием явной схемы. Аппроксимация производных через центральные разности будет выглядеть так:

Первая производная по времени:

$$\frac{\partial T}{\partial t}|_{i,j}^{n} \approx \frac{T_{i,j}^{n+1}-T_{i,j}^{n}}{\Delta t}, \quad (9)$$

где i = 1,..., Nx, j = 1,..., Ny – индексы узлов, Nx, Ny – количество узлов вдоль x - и y - направлений.

Вторые производные по пространству (Лапласиан):

$$\frac{\partial^2 T}{\partial x^2}|_{i,j}^{n} \approx \frac{T_{i+1,j}^{n}-2T_{i,j}^{n}+T_{i-1,j}^{n}}{(\Delta x)^2}, \quad (10)$$

$$\frac{\partial^2 T}{\partial y^2}|_{i,j}^{n} \approx \frac{T_{i,j+1}^{n}-2T_{i,j}^{n}+T_{i,j-1}^{n}}{(\Delta y)^2}, \quad (11)$$

где Δt – шаг по времени, Δx и Δy – шаги пространственной сетки по соответствующим координатам.

Выражения (9) и (10) подставим в уравнение (1). После преобразования получим выражение для внутренних узлов:

$$\frac{T_{i,j}^{n+1}-T_{i,j}^{n}}{\Delta t} = a\left[\frac{T_{i+1,j}^{n}-2T_{i,j}^{n}+T_{i-1,j}^{n}}{(\Delta x)^2}+\frac{T_{i,j+1}^{n}-2T_{i,j}^{n}+T_{i,j-1}^{n}}{(\Delta y)^2}\right], \quad (12)$$

Вычисление температуры на новом слое:

$$T_{i,j}^{n+1} = T_{i,j}^{n} + a\Delta t\left[\frac{T_{i+1,j}^{n}-2T_{i,j}^{n}+T_{i-1,j}^{n}}{(\Delta x)^2}+\frac{T_{i,j+1}^{n}-2T_{i,j}^{n}+T_{i,j-1}^{n}}{(\Delta y)^2}\right], \quad (13)$$

Для числа Фурье запишем:

$$Fo_x = \frac{a\Delta t}{(\Delta x)^2}, Fo_y = \frac{a\Delta t}{(\Delta y)^2}, \quad (14)$$

Выражение (13) перепишем с учетом (14). Получим более компактную запись для температуры на новом слое, что удобнее реализовывать в коде:

$$T_{i,j}^{n+1} = T_{i,j}^{n} + Fo_x(T_{i+1,j}^{n} - 2T_{i,j}^{n} + T_{i-1,j}^{n}) + Fo_y(T_{i,j+1}^{n} - 2T_{i,j}^{n} + T_{i,j-1}^{n}), \quad (15)$$

Явная схема для внутренних узлов (пример реализации в коде на языке программирования Python):

```
for j in range(1, Ny - 1):
for i in range(1, Nx - 1):
if mask[j, i]:
a = a _ g if j <= j _ int else a _ n # Коэффициент диффузии
# Лапласиан (вторые производные)
d2x = (T[j, i+1] - 2*T[j, i] + T[j, i - 1]) / dx**2
d2y = (T[j+1, i] - 2*T[j, i] + T[j - 1, i]) / dy**2
# Обновление температуры
T _ new[j, i] = T[j, i] + a * dt * (d2x + d2y)
```

Проверка устойчивости

По определению явной разностной схемы предполагается, что температура в каждый новый момент времени вычисляется только через значения из предыдущего шага. Если расчетный шаг по времени окажется большой, то может возникнуть числовая нестабильность, расходимость результатов либо получены физически бессмысленные результаты. Устойчивость схемы зависит от величины временного шага разностной сетки (т, ·t) и шага пространственной сетки (ξ).

Для квадратной сетки (Δx = Δy = ξ) условие устойчивости явной схемы [8] принимает вид:

$$\frac{a\tau}{\xi^2} \le 0{,}5, \quad (16)$$

$$Fo_x + Fo_y \le 0{,}5,$$

или

$$\frac{a\Delta t}{(\Delta x)^2} + \frac{a\Delta t}{(\Delta y)^2} \le 0{,}5, \quad (17)$$

где: Fo_x – число Фурье в направлении оси x;

Fo_y – число Фурье в направлении оси y;

Fo_{total} – обобщенное число Фурье.

Тогда максимальный допустимый временной шаг равен

$$\Delta t_{\max} = \frac{0{,}5}{a\left(\frac{1}{(\Delta x)^2} + \frac{1}{(\Delta y)^2}\right)} \quad (18)$$

Подставляя геометрические характеристики сетки и теплофизические параметры материалов грунта и насыпи из табл. 1 и 3 соответственно, получаем: максимальный допустимый временной шаг для условий задачи равен 7600 с, обобщенное число Фурье – 0,0117. Параметры устойчивости сведены в таблицу 4.

Таблица 4: Параметры устойчивости расчетной схемы.

Материал	а (м² / с)	Fo_x	Fo_y	Fo_{total}	Предел	Запас
Грунт	$5{,}65\times10^{-7}$	0,00407	0,00765	0,0117	0,5	42,7×
Насыпь	$4{,}76\times10^{-7}$	0,00344	0,00646	0,0099	0,5	50,5×
Максимально допустимый Δt, с	–	–	–	–	7660	4,3×

Значение из таблицы подставляем во формулу (14):

$$Fo_{total} = 0{,}0117 \ll 0{,}5$$

Расчетный временной шаг данной схемы из таблицы 1 сравним с максимально допустимым из таблицы 4: 1800 с < 7600 с.

Вывод: число Фурье много меньше критического значения 0,5; расчетный шаг в 4 раза меньше критического. Схема работает стабильно.

Результаты расчета

Проведем сравнение результатов расчёта с результатами полевых измерений и результатами расчёта по другим программам.

Для Якутска. Сравнение с нормативной глубиной сезонного оттаивания [10]

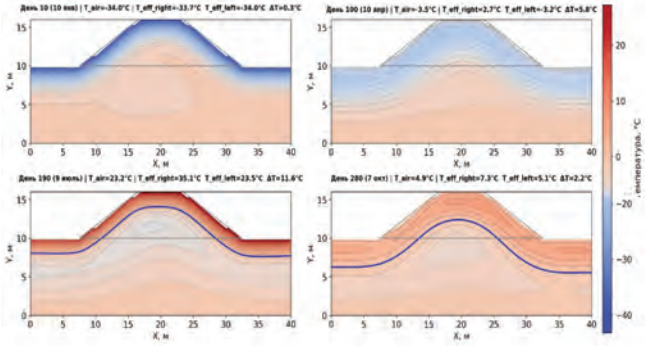

Рисунок 3 – карты изотерм температурного поля для:
День 10 (10 янв), День 100 (10 апр), День 190 (9 июль), День 280 (7 окт), Якутск.

Согласно СП 25.13330.2012 [17, 18] и 42 - летнему мониторингу стационара «Чабыда» [19] деятельный слой для Центральной Якутии составляет 0,4–2,6 м. На рис. 3 (изотермы, День 190 – 9 июля) синяя линия нулевой изотермы в центре насыпи (x = 20 м) проходит на уровне y ≈ 14,0–14,5 м от нижней границы расчётной области. Поверхность насыпи – y = 16 м. Следовательно, глубина сезонного оттаивания в теле насыпи составляет ~1,5 м. Это значение находится

внутри нормативного диапазона 0,4–2,6 м [19] для типичных грунтов Центральной Якутии.

Сравнение с данными скважинного термометрирования [16]

По данным [16, 18] температура мёрзлых грунтов на глубине 10–15 м: от −1,0 до −6,0 °C (80–85 % вероятность).

На рис. 4 (профили T(y), День 10):

- На глубине y = 4–6 м от нижней границы расчётной области (что соответствует ~4–6 м ниже поверхности грунта, или ~10–12 м ниже верхней поверхности насыпи) расчётная T ≈ −4,0 … −5,0 °C – попадает в диапазон −1,0 … −6,0 °C из работы [18].
- День 100 (10 апр): на тех же глубинах T ≈ −4,5 … −5,5 °C – также в пределах [18].

Таким образом, расчётные температуры вечномёрзлого грунта на глубинах 10–15 м соответствуют диапазону, зафиксированному по скважинам [16, 18].

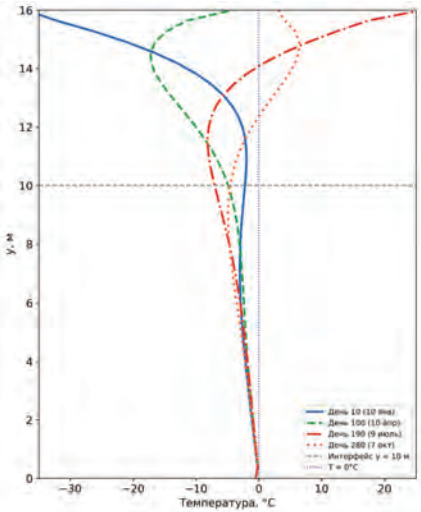

Рисунок 4 – профили T(y) в центре насыпи (x = 20 м), четыре даты: День 10 (10 янв), День 100 (10 апр), День 190 (9 июль), День 280 (7 окт), Якутск.

Сравнение с климатологическими данными метеостанции Якутск [20]

Сопоставление расчётных значений T с данными метеостанции Якутск:

Глубина / узел	Январь (расч., v8.435)	Январь (изм.)	Июль (расч., v8.435)	Июль (изм.)
Поверхность (T воздуха)	−34,0 °C	−36,5 °C (воздух)	≈ +23,2 °C	≈ +22,5 °C (воздух)

~20 см от поверхности	недоступно*	−7,4 °C	недоступно*	+20,8 °C
~1,5 м (деятельный слой)	≈ −6…−8 °C	−6,4 °C (40 см)	≈ 0 °C (изотерма)	+10,7 °C (80 см)
y ≈ 0 м (дно, 16 м от верхней поверхности)	≈ −0,5 °C (ВС)	−0,2 … −0,6 °C	≈ −0,5 °C (ВС)	≈ −0,5 °C

* Профиль T(y) строится для центра насыпи (x = 20 м); верхние 6 м – тело насыпи, а не открытый грунт.

На рис. 4 (День 10): у нижней границы y = 0 м T ≈ −0,5 °C (граничное условие Дирихле), что соответствует измеренным −0,2 … −0,6 °C на глубине 320 см [20]. На рис. 4 (День 190, июль): у верхней поверхности насыпи (y = 16 м) T ≈ +23,2 °C – совпадает с температурой воздуха +22,5 °C [20] с точностью до погрешности граничных условий.

Сравнение со структурой профилей Frost 3D [20]

В работе [20] (arXiv:2108.10138) профили T(y) по оси насыпи для Якутска в зимний период демонстрируют: отрицательные T от поверхности до основания; характерный «перегиб» на глубине деятельного слоя ~1,5 м; минимальную температуру вблизи поверхности.

На рис. 4 (День 10): максимальное охлаждение у вершины T ≈ −39 °C, монотонный рост до T ≈ −0,5 °C у основания – морфология кривой полностью совпадает с профилями из Frost 3D [20].

Достоверность результатов численного расчёта для климатических условий г. Якутска подтверждается следующим сопоставлением.

1. Глубина сезонного оттаивания в теле насыпи (рис. 3, карта изотерм, День 190 – 9 июля) составила ~1,5 м от поверхности насыпи. Полученное значение соответствует нормативному диапазону 0,4–2,6 м для грунтов Центральной Якутии [19], установленному по данным 42 - летнего мониторинга стационара «Чабыда» (Институт мерзлотоведения СО РАН).

2. Расчётные температуры вечномёрзлого грунта на глубинах 10–15 м от поверхности насыпи (рис. 4, профили T(y), Дни 10 и 100) составили от −4,0 до −5,5 °C. По данным скважинного термометрирования в г. Якутске за 1976–2011 гг. [18] температура на тех же глубинах составляет −1,0 … −6,0 °C (80–85 % вероятность), что соответствует расчётным значениям.

3. Температурный профиль T (y) в центре насыпи (рис. 4) воспроизводит структуру, аналогичную профилям, рассчитанным в сертифицированном программном комплексе Frost 3D [20]: монотонное снижение температуры от поверхности к нижней границе с характерным перегибом на уровне деятельного слоя. В работе показано, что расчётные профили, полученные в Frost 3D, согласуются с климатологическими данными метеостанции Якутск с расхождением не более 1 °C по всем глубинам и месяцам года [20].

Для Москвы. Сравнение с нормативной глубиной промерзания [10]

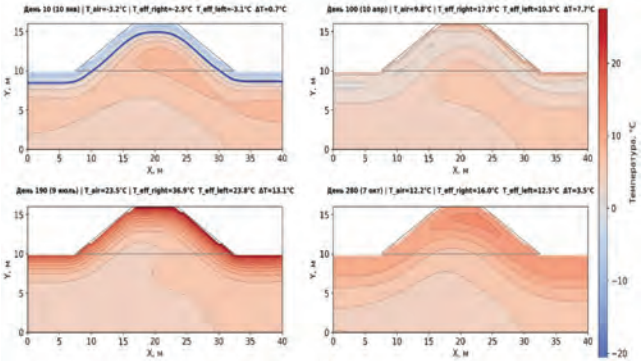

Рисунок 5 – карты изотерм температурного поля для:
День 10 (10 янв), День 100 (10 апр), День 190 (9 июль), День 280 (7 окт), Москва.

На рис. 5 (карта изотерм, День 10 – 10 января): изотерма T = 0 °C в грунте справа и слева от насыпи (y = 10 м, x < 8 м и x > 32 м) проходит на глубине ≈ 1,0–1,5 м ниже поверхности грунта (y ≈ 8,5–9,0 м от нижней границы расчётной области). Полученное значение 1,0–1,5 м соответствует нормативному значению 1,35 м для суглинков по СП 22.13330.2016 [10, 11].

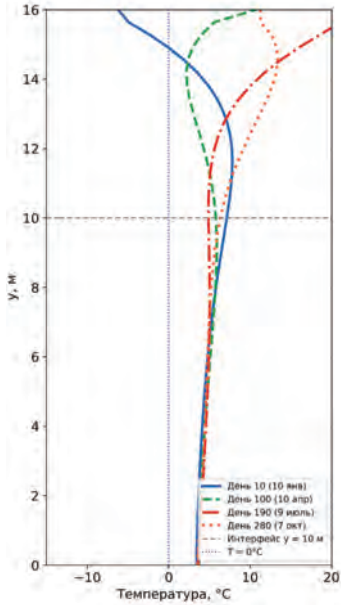

Рисунок 6 – профили T(y) в центре насыпи (x = 20 м), четыре даты:
День 10 (10 янв), День 100 (10 апр), День 190 (9 июль), День 280 (7 окт), Москва.

На рис. 6 (профиль T(y), День 10): изотерма T = 0 °C в центре насыпи (x = 20 м) пересекает ось на уровне y ≈ 14,7–15,0 м – т.е. на 4,7–5,0 м выше уровня грунта (y = 10 м). Насыпь промерзает на всю высоту слоя ≈ 5 м, тогда как грунт под насыпью остаётся талым за счёт геотермального нагрева снизу – физически обоснованный результат.

Сравнение с натурными наблюдениями МГУ (температура грунта до 320 см)

По данным наблюдений метеообсерватории МГУ [12, 14] температура грунта в Москве по горизонтам:

Глубина	Январь (МГУ)	Апрель (МГУ)	Июль (МГУ)	Октябрь (МГУ)
20 см	< 0 °C	< 0 °C	> +15 °C	> 0 °C
120 см	< 0 °C	< 0 °C	> 0 °C	> 0 °C
200 см	> 0 °C	около 0 °C	> 0 °C	> 0 °C
320 см	> 0 °C	> 0 °C	> 0 °C	> 0 °C

На рис. 5 (карты изотерм) в зоне y = 8–9 м, x = 0–8 м (грунт слева от насыпи):

- День 10 (январь): T ≈ +4…+6 °C на глубине 1–2 м ниже поверхности грунта – грунт незамёрзший; соответствует наблюдению МГУ: глубина 320 см > 0 °C в январе [14].
- День 100 (апрель): изотерма 0 °C в грунте исчезает – согласуется с таянием снежного покрова, которое МГУ фиксирует к апрелю [12, 14].
- День 190 (июль): грунт прогрет до T ≈ +8…+10 °C на глубине 1–2 м – совпадает с наблюдением T > 0 °C до глубины 200 см летом [14].

Сравнение с расчётами по методу Берггрена и нормам ЖД

Усовершенствованный метод Берггрена (ИТТ ПГУПС, 2023) [24, 25] для Москвы: глубина промерзания 1,2–1,8 м (суглинки, без насыпи). По методу Иванова (СИБАДИ) [26]: 1,35–1,65 м.

На рис. 5 (День 10): изотерма 0 °C в грунте вне насыпи (x < 8 м) – на 1,0–1,5 м ниже y = 10 м. Значение соответствует нижней границе диапазона 1,2–1,8 м по методу Берггрена [25] и нормативному 1,35 м [10, 11].

Сезонная динамика – качественное соответствие

На рис. 5 (карты изотерм, все 4 даты):

- День 10 (зима): насыпь полностью промёрзшая; грунт под насыпью тёплый («тепловая подушка») – классическая картина умеренного климата.
- День 100 (весна): изотерма 0 °C почти исчезает – грунт оттаивает; незначительная серая зона в левой части насыпи соответствует затенённой зоне.
- День 190 (лето): асимметрия ΔT = 13,1 °C чётко выражена на карте – несимметричная «луковица» изотерм в теле насыпи.
- День 280 (осень): умеренная асимметрия ΔT = 3,5 °C, начало охлаждения.

Описанная динамика полностью соответствует физической картине сезонного промерзания / оттаивания для Москвы [12, 13, 14].

Достоверность результатов численного расчёта для климатических условий г. Москвы подтверждается следующим сопоставлением.

1. Глубина промерзания грунтового основания насыпи в зимний период (рис. 5, карта изотерм, День 10 – 10 января) составила 1,0–1,5 м от поверхности грунта. Нормативная глубина сезонного промерзания для суглинков г. Москвы по СП 22.13330.2016 составляет 1,35 м [10, 11], что соответствует расчётным данным.

2. Температура грунта в основании насыпи по сезонам (рис. 5) согласуется с данными многолетних наблюдений на метеообсерватории МГУ им. М.В. Ломоносова [12, 14]: в январе грунт на глубинах более 1,5 м остаётся незамёрзшим ($T > 0$ °C), в июле прогрет до +8…+10 °C на глубине 1–2 м, в апреле промерзание исчезает – всё это полностью соответствует натурным наблюдениям [12, 14].

3. На карте изотерм (рис. 5, День 10 – 10 января) в зонах грунта вне тела насыпи ($x < 8$ м, $x > 32$ м) изотерма $T = 0$ °C проходит на глубине $y \approx 8{,}5$–$9{,}0$ м от нижней границы расчётной области, что соответствует глубине промерзания 1,0–1,5 м от поверхности грунта ($y = 10$ м). Полученное значение находится в пределах диапазона 1,2–1,8 м по усовершенствованному методу Берггрена для земляного полотна ВСМ [24] и соответствует нормативному значению 1,35 м [10, 26].

4. На картах изотерм (рис. 5) воспроизведена характерная «тепловая подушка» под насыпью в зимний период и выраженная асимметрия нагрева откосов в летний период ($\Delta T = 13{,}1$ °C между южным и северным откосами), что соответствует известным закономерностям теплового режима земляного полотна в умеренном климате [13, 23].

Обсуждение результатов

Полученные распределения температуры и профили $T(y)$ для Москвы и Якутска позволяют перейти от качественного анализа отдельных рисунков к общей оценке работоспособности разработанной расчётной схемы. Рассмотренные поля температуры и вертикальные профили демонстрируют физически согласованную картину сезонного охлаждения и прогрева железнодорожной насыпи, а различия между двумя локациями отражают влияние существенно отличающихся климатических условий на формирование температурного режима земляного полотна. Тем самым результаты визуализации подтверждают, что модель корректно воспроизводит как общий характер тепловых процессов, так и пространственную неоднородность температурного состояния конструкции.

Разработанная программа расчёта температурного режима железнодорожной насыпи стандартной геометрии высотой 6 м показала устойчивую работу (запас по критическому временному шагу 42,7, см. табл. 4) при длительности расчёта от 1 до 5 лет. Реализованный вычислительный алгоритм обеспечивает получение физически правдоподобных двумерных температурных полей и сезонных профилей температуры при небольших вычислительных затратах, что делает

программу пригодной не только для научных исследований, но и для оперативных инженерных оценок состояния земляного полотна железных дорог. Практическая ценность разработанного подхода состоит в возможности выполнения быстрых промежуточных расчётов для анализа теплового состояния железнодорожной насыпи в различных климатических условиях.

Заключение

Цель работы, заключавшаяся в создании программы расчёта температурного режима железнодорожной насыпи, может считаться достигнутой. Полученные результаты показывают удовлетворительное согласование с данными сертифицированных программных комплексов и натурных измерений. Это позволяет рассматривать разработанную программу как перспективный инструмент для моделирования теплового состояния железнодорожных насыпей и для последующей валидации на расширенном наборе натурных данных.

Литература

1. Рихтмайер Р. Д., Мортон К. У. Разностные методы решения краевых задач: [пер. с англ.]. М.: Мир, 1972. [Difference Methods for Initial - Value Problems. N.Y.: Interscience.]

2. ГОСТ Р 57700.14 - 2017. Оценка численных методов решения дифференциальных уравнений в частных производных. Верификация и валидация программного обеспечения. М.: Стандартинформ, 2017.

3. Поттер Д. Вычислительные методы в физике: [пер. с англ.]. М.: Мир, 1974.

4. Самарский А. А., Гулин А. В. Численные методы. М.: Наука, 1989.

5. Самарский А. А. Теория разностных схем. М.: Наука, 1977. 656 с.[121]

6. Grigoryan A. Finite differences for the heat equation [Electronic resource]. University of California, Santa Barbara [Электронный ресурс]. URL: https: // web.math.ucsb.edu / ~grigoryan / 124B / lecs / lec17.pdf (дата обращения: 09.04.2026).

7. Recktenwald G. W. Finite - Difference Approximations to the Heat Equation [Электронный ресурс]. 2004. URL: https: // webspace.science.uu.nl / ~zegel101 / MOLMODWISK / FDheat2.pdf (дата обращения: 09.04.2026).

8. Сиковский Д. Ф. Методы вычислительной теплопередачи: расширенный конспект лекций [Электронный ресурс]. Новосибирск, 2007. URL: https: // www.itp.nsc.ru / departments / nsu _ phnp / right / doc / lectures / KonspektCFD.pdf (дата обращения: 09.04.2026).

9. Доклад об особенностях климата на территории Российской Федерации за 2022 год. М.: Росгидромет. – 2023. – 104 с.

10. СП 22.13330.2016. Основания зданий и сооружений. Актуализированная редакция СНиП 2.02.01 - 83*. – М.: Минстрой России, 2017.

11. Расчет нормативной глубины промерзания грунта по СП 22.13330 [Электронный ресурс]. – URL: https: // buildingclub.ru / raschet - glubiny - promerzaniya - grunta - po - sp - 22 - 13330 / (дата обращения: 19.04.2026).

12. Frolov D.M. Calculations of ground freezing depth under bare and covered with the snow cover ground surface for the site of the meteorological observatory of Lomonosov Moscow State University for winter periods of 2011 / 12–2017 / 18 // Environmental Dynamics and Global Climate Change. – 2020. – Vol. 10, № 2. – P. 86–90. – DOI: 10.17816 / edgcc21203.

13. Frolov D.M. Influence of snow cover and air temperature on variations of ground freezing depth [Электронный ресурс] // Copernicus Publications. – URL: https: // presentations.copernicus.org / EGU21 / EGU21 - 4455 _ presentation.pdf (дата обращения: 19.04.2026).

14. Korneva I.A., Lokoshchenko M.A. Soil temperature in Moscow and its contemporary variations // Метеорология и гидрология. – 2015. – № 1. – С. 38–50.

15. СП 25.13330.2012. Основания и фундаменты на вечномёрзлых грунтах. Актуализированная редакция СНиП 2.02.04 - 88. – М.: Минрегион России, 2013.

16. Neradovskii L.G. Changes in the background permafrost temperature in Yakutsk during current period of climate warming in Siberia (1976–2011) // Earth's Cryosphere. – 2020. –Vol. XXIV, № 4. – P. 40–49. – DOI: 10.21782 / EC2541 - 9994 - 2020 - 4(40 - 49).

17. СП 25.13330.2012. Основания и фундаменты на вечномёрзлых грунтах [Электронный ресурс]. – URL: https: // www.flamax.ru / upload / % D0 % A1 % D0 % 9F % 2025 - 2012.pdf (дата обращения: 19.04.2026).

18. Neradovskii L.G. Changes in the background permafrost temperature in Yakutsk... [Электронный ресурс] // Криосфера Земли. – URL: https: // earthcryosphere.ru / arch / eng2020 - 4 / Neradovskii _ 2020 - 4 _ eng / (дата обращения: 19.04.2026).

19. Varlamov S.P., Skachkov Yu.B., Skryabin P.N. Evolution of the thermal state of permafrost under climate warming in Central Yakutia // The Holocene. – 2019. – Vol. 29, Issue 9. – DOI: 10.1177 / 0959683619855959.

20. Loktionov E.Yu., Sharabarova E.S., Shepitko T.V. A Sustainable Concept for Permafrost Thermal Stabilization [Electronic resource] // arXiv. – 2021. – arXiv:2108.10138. – URL: https: // arxiv.org / abs / 2108.10138 (дата обращения: 19.04.2026).

21. Frost 3D. Расчет дороги в вечной мерзлоте [Электронный ресурс]. – URL: https: // frost3d.ru / doroga - vechnaya - merzlota / (дата обращения: 19.04.2026).

22. Программа расчета промерзания земляного полотна Freeze - 1: руководство пользователя [Электронный ресурс]. – URL: http: // freeze - 1.stu.ru / Instruction _ Freeze - 1 % 20 - % 202.pdf (дата обращения: 19.04.2026).

23. Численное моделирование процесса промерзания и оттаивания железнодорожной насыпи // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 5. – URL: https: // s.science - education.ru / pdf / 2013 / 5 / 545.pdf.

24. Методы расчета глубины промерзания грунтов земляного полотна высокоскоростных магистралей [Электронный ресурс] / ИТТ ПГУПС. – URL: https: // itt - pgups.ru / temp / 48848a5765184565b85f1f3d6d98d8a2.pdf (дата обращения: 19.04.2026).

25. Методы расчета глубины промерзания грунтов земляного полотна высокоскоростных магистралей // Известия ПГУПС. – 2023. – URL: https: // itt - pgups.ru / ru / nauka / article / 57904 / view (дата обращения: 19.04.2026).

26. Иванов Е.В. Обоснование применения...: дис. – Омск: СИБАДИ. – URL: https: // sibadi.org / upload / disser / ivanov / ivanov.pdf (дата обращения: 19.04.2026).

© Бобров С.Н., Касаткин И.А., Ашин И.В., Силюта А.Г., 2026

Крянин И.В., студент группы 22УК1б,
Пензенский государственный технологический университет, Пенза
Научный руководитель Назарова И.Т., к.т.н., доцент кафедры
«Техническое управление качеством»,
Пензенский государственный технологический университет, Пенза

ОЦЕНИВАНИЕ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПРОДУКЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ, МОДЕЛИ И ПРОБЛЕМЫ ОБЪЕКТИВИЗАЦИИ

Аннотация: В статье рассмотрены концептуальные и методические трудности измерения удовлетворённости потребителей на промышленных B2B - рынках. Показано, что прямой перенос традиционных сервисных метрик (SERVQUAL, NPS) в среду средств производства требует критической адаптации из - за эффектов ложной лояльности, малых выборок и расхождения между субъективными оценками и объективной эксплуатационной статистикой. Проанализированы ключевые теоретические модели — Gap - анализ, теория привлекательного качества Кано, методы расчёта индекса CSI и их ограничения. Обоснована необходимость триангуляции опросных данных с контрактно - техническими метриками (MTBF, MTTR, доля продлённых контрактов) и встроенности оценочных процедур в цикл непрерывного улучшения PDCA.

Ключевые слова: удовлетворённость потребителей, B2B - рынок, CSI, индекс потребительской удовлетворённости, Gap - анализ, ложная лояльность, триангуляция данных, эксплуатационная статистика, PDCA, непрерывное улучшение.

Рынок средств производства диктует особые правила игры. Здесь недостаточно просто произвести хороший товар — нужно стать для заказчика предсказуемым и надёжным партнёром, от которого зависят его собственные производственные ритмы. Не случайно стандарты ISO серии 9001:2015 прямо требуют от предприятия отслеживать, как потребители воспринимают качество продукции и сопутствующих услуг [1]. Однако перенос привычных сервисных метрик на промышленную почву B2B высвечивает целый ряд концептуальных и методических трудностей. В этой статье мы проанализируем подходы к измерению

удовлетворённости промышленных заказчиков, обозначим ключевые источники искажений и покажем, как связать оценочные процедуры с циклом непрерывного улучшения.

За точку отсчёта принято брать модель Gap - анализа, разработанную А. Парасураманом, В. А. Зайтамл и Л. Л. Берри [2]. Она рассматривает удовлетворённость как результат сопоставления ожиданий и воспринятого исполнения и выделяет несколько типичных «разрывов», в которых теряется качество. Позднее авторы предложили инструмент SERVQUAL, где качество услуги раскладывается на пять составляющих: осязаемость, надёжность, отзывчивость, уверенность и эмпатию [3]. В промышленной среде фокус, однако, смещается — первостепенное значение приобретают надёжность (стабильность характеристик от партии к партии), скорость реакции на рекламации и компетентность сервисной поддержки.

Другой несущей конструкцией служит теория привлекательного качества Нориаки Кано [4]. Она делит все характеристики продукта на три группы: базовые (обязательные, без которых изделие вообще не рассматривается), одномерные (чем лучше, тем выше удовлетворённость) и восхищающие (неожиданные преимущества, способные вызвать эмоциональный отклик). Применительно к продукции тяжёлого машиностроения базовым требованием выступает строгое соответствие допускам и конструкторской документации. К одномерным параметрам относят, например, сроки поставки. А восхищающим фактором может стать предиктивный мониторинг состояния узлов или помощь технологов поставщика при встраивании агрегата в существующую линию заказчика.

Центральное место в количественных исследованиях занимает индекс удовлетворённости потребителей — CSI. Его обычно вычисляют как взвешенную сумму оценок по выделенным атрибутам:

CSI=∑i=1nWi·Si*CSI*=∑*i*=1*nWi*·*Si*,

где Si*Si* — средняя оценка i - го параметра, а Wi*Wi* — его значимость.

Именно способ определения весов нередко вызывает споры. На практике применяют прямые вопросы респондентам о важности свойств, анализ важности - исполнения (IPA), предложенный Мартиллой и Джеймсом [5], или регрессионное моделирование. Надёжность получаемой шкалы проверяют коэффициентом альфа Кронбаха [6]; различия между сегментами потребителей — критерием Фридмана или дисперсионным анализом, если распределение позволяет [7].

Параллельно с CSI в деловую практику вошёл индекс NPS, популяризированный Ф. Райхельдом [8]. Он основан на одном - единственном вопросе о готовности рекомендовать поставщика. При всей своей простоте NPS на промышленных рынках даёт неоднозначные результаты: закупщик может тепло рекомендовать контрагента не потому, что восхищён качеством, а потому, что смена поставщика влечёт мучительную процедуру переаттестации и переналадки тендерных механизмов. Именно поэтому всё чаще говорят о триангуляции — совмещении опросных данных с объективными показателями: долей продлённых контрактов,

динамикой физических объёмов закупок, статистикой внеплановых обращений в сервис.

Промышленная выборка почти всегда создаёт методологические трудности. Во - первых, это эффект «ложной лояльности». Представитель отдела снабжения, заполняющий анкету, нередко завышает оценки, опасаясь, что критика спровоцирует перебои в поставках. Во - вторых, число респондентов на узкоспециализированных рынках настолько мало, что классические асимптотические тесты оказываются неприменимыми. В - третьих, анкета фиксирует субъективное впечатление, которое может расходиться с реальным «здоровьем» оборудования. Поэтому перспективной видится гибридная схема, где балльные оценки сопоставляются с инженерной статистикой: наработкой на отказ (MTBF), средним временем восстановления (MTTR), отклонениями от планов - графиков предупредительных ремонтов.

Сам по себе замер удовлетворённости — лишь отправная точка. Эффект даёт только встроенность в цикл PDCA, активно пропагандировавшийся У. Э. Демингом. Когда анализ выявляет значимый разрыв между ожиданиями и восприятием, необходимо собрать межфункциональную команду и с помощью диаграммы Исикавы стратифицировать корневые причины недовольства. Далее следуют корректирующие действия — будь то пересмотр технологических режимов, внедрение статистического приёмочного контроля или модернизация логистической IT - платформы. Результативность всех этих мер проверяется следующим замером CSI и положительной динамикой доли постоянных клиентов.

Заключение

Оценка удовлетворённости промышленных потребителей перестаёт быть формальной анкетой только тогда, когда соединяет в себе квалиметрические инструменты, маркетинговую аналитику и сухие цифры эксплуатационной статистики. Отказ от одного - единственного метода в пользу триангуляции, опора на контрактно - технические метрики и постоянная обратная связь с корректирующими воздействиями превращают этот показатель в реальный драйвер конкурентоспособности.

Список литературы

1. ГОСТ Р ИСО 9001 - 2015. Системы менеджмента качества. Требования. — М.: Стандартинформ, 2015. — 32 с.

2. Лапидус В. А. Всеобщее качество (TQM) в российских компаниях. — М.: Олимп - Бизнес, 2000. — 432 с.

3. Багиев Г. Л., Алексеев А. А. Основы проведения маркетинговых исследований. — СПб.: Изд - во СПбГУЭФ, 2012. — 152 с.

4. Ривелл Ф. Главное о качестве: Справочник от А до Я. — М.: Стандарты и качество, 2006. — 232 с.

5. Котлер Ф., Келлер К. Л. Маркетинг - менеджмент. — 12 - е изд. — СПб.: Питер, 2007. — 816 с.

6. Наследов А. Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. — 3 - е изд., стереотип. — СПб.: Речь, 2008. — 392 с.

7. Токарев Б. Е. Маркетинговые исследования: Учебник. — М.: ИНФРА - М, 2019. — 512 с.

8. Деминг У. Э. Выход из кризиса: Новая парадигма управления людьми, системами и процессами / Пер. с англ. — М.: Альпина Паблишер, 2007. — 419 с. (Оригинал: Deming W. E. Out of the Crisis. — Cambridge, MA: MIT Press, 1986).

© Крянин И.В., 2026

Куимов И.А., студент группы 25УК16,
Пензенский государственный технологический университет, Пенза
Научный руководитель Назарова И.Т., к.т.н., доцент кафедры
«Техническое управление качеством»,
Пензенский государственный технологический университет, Пенза

ИНСТРУМЕНТЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ АВТОМАТИЗАЦИИ РИЭЛТОРСКОГО БИЗНЕСА

Аннотация: в данной статье рассматриваются современные инструменты искусственного интеллекта (ИИ), применяемые для автоматизации риэлторского бизнеса, а также предлагаются направления расширения функциональности цифровых систем в сфере недвижимости. Особое внимание уделяется технологиям автоматической обработки речевых данных, аналитике клиентских запросов, выявлению профессиональных ошибок риэлторов и высокоскоростному анализу объектов недвижимости в CRM - системах. Применение искусственного интеллекта демонстрирует значительный потенциал повышения эффективности операций, сокращения временных затрат и улучшения качества клиентского обслуживания.
Ключевые слова: искусственный интеллект, PropTech, риэлторский бизнес, автоматизация продаж недвижимости, анализ телефонных разговоров, NLP, CRM - системы, машинное обучение, инвестиционный анализ недвижимости, оценка инвестиционного потенциала объектов.

Риэлторский рынок традиционно относится к сферам с высокой степенью человеческого участия: коммуникации с клиентами, анализ объектов, подбор предложений, формирование сделок, ведение переговоров. Однако в последние годы PropTech - индустрия переживает стремительное развитие, а инструменты искусственного интеллекта становятся неотъемлемой частью конкурентной среды. Технологическая модернизация открывает возможности значительной

автоматизации процессов, которые ранее требовали больших временных и человеческих ресурсов [5].

ИИ - системы в риэлторском бизнесе активно используются для оптимизации маркетинга, прогнозирования цен, анализа спроса, а также повышения эффективности работы агентов. Данная статья рассматривает уже существующие решения и потенциальные направления развития, основанные на анализе реальных практических функций, применяемых в современных компаниях [4].

Основная часть

1. Технологии автоматической записи и анализа телефонных разговоров.

Одним из ключевых источников данных в риэлторском бизнесе являются коммуникации между агентами и клиентами. Каждый телефонный звонок содержит информацию о потребностях, возражениях, страхах и мотивации клиента. Внедрение ИИ позволяет автоматизировать работу с этим типом данных, включая:

1.1. Запись и транскрибация аудио.

Современные алгоритмы распознавания речи обеспечивают точную и быструю конвертацию телефонных разговоров в текстовые данные. Такие системы уже используются в международных CRM и call - tracking платформах. Транскрибация создает структурированную базу данных, пригодную для последующего анализа:

автоматическое сохранение текста диалога,

возможность быстрого поиска по репликам,

хранение важных моментов разговора.

Эта технология значительно сокращает время, которое риэлторы тратят на ведение отчетов и фиксацию деталей звонка.

1.2. Аналитика клиентских запросов.

После транскрибации ИИ - системы анализируют текстовые данные методом обработки естественного языка (NLP). На основе десятков, сотен или тысяч разговоров система может:

- выявлять типовые проблемы и вопросы клиентов,
- отслеживать тренды спроса в недвижимости,
- определять, какие параметры объектов наиболее актуальны,
- фиксировать уровни обеспокоенности клиентов: сроки сделки, стоимость, юридические риски, качество объектов.

Таким образом, ИИ превращает разрозненные данные разговоров в ценную аналитическую информацию, которую можно использовать для улучшения сервиса, обновления рекламных материалов и оптимизации маркетинговых стратегий [2].

2. Анализ профессиональности и зон роста риэлторов.

ИИ - системы способны анализировать не только клиентов, но и сотрудников. После обработки записей разговоров алгоритмы оценивают поведение и компетенции риэлторов: корректность ответов на вопросы клиента, полноту представления информации, способность работать с возражениями, скорость

реакции и уверенность, эмоциональный тон коммуникации, соблюдение скриптов и корпоративных стандартов.

На основе этой информации формируются индивидуальные рекомендации: какие темы сотруднику необходимо изучить, какие ошибки встречаются чаще всего, какие фразы приводят к потерям клиентов, какие элементы коммуникации вызывают доверие и увеличивают конверсию.

Таким образом, ИИ становится инструментом скрытого «наставника», который работает без перерывов и анализирует тысячи диалогов, делая персонализированное обучение риэлторов более эффективным.

3. Анализ CRM - систем и высокоскоростной подбор объектов

Одной из самых ресурсоёмких задач риэлтора является подбор объектов под запрос клиента. В крупных агентствах или маркетплейсах по недвижимости в CRM могут храниться десятки тысяч предложений. Человеку требуется много времени, чтобы вручную: обработать параметры объекта, сравнить их с требованиями клиента, оценить возможные риски, выстроить оптимальный список предложений. ИИ решает эту задачу за несколько минут или даже секунд.

Потенциал технологий включает: автоматическую фильтрацию объектов по параметрам клиента, ранжирование предложений по уровню соответствия, оценку скрытых факторов: транспортная доступность, инфраструктура, динамика цен, выявление объектов, которые агент может упустить.

Благодаря этому риэлтор получает возможность сразу предложить клиенту наиболее релевантные варианты, сокращая время подбора в десятки раз [2].

4. Перспективы внедрения ИИ в риэлторский бизнес

На основе описанных функций можно выделить направления развития технологий: Полная автоматизация предварительной коммуникации, Чат - боты и голосовые ассистенты могут квалифицировать клиента, собирать параметры, назначать просмотры и готовить документы.

ИИ может моделировать рост или падение стоимости объектов и оценивать вероятность успешного завершения сделки.

Новые технологии позволяют анализировать документы, выявлять риски, проверять историю объекта. Эти направления постепенно становятся стандартом рынка и будут определять конкурентоспособность агентств в ближайшие годы.

5. Анализ инвестиционного потенциала объектов недвижимости с помощью ИИ.

Современные ИИ - системы активно используются для прогнозирования доходности и оценки инвестиционной привлекательности объектов недвижимости. В отличие от традиционных методов анализа, основанных на ручных расчётах и субъективных экспертных оценках, алгоритмы машинного обучения позволяют учитывать десятки и сотни факторов одновременно:

- динамику цен на аналогичные объекты в районе,
- уровень спроса и ликвидность сегмента,
- транспортную доступность и развитие инфраструктуры,

- планы застройки и реновации территорий,
- социально - демографические характеристики локации,
- арендный потенциал и сезонность спроса,
- макроэкономические и ипотечные показатели.

На основании больших массивов исторических данных ИИ способен:

- прогнозировать рост или стагнацию стоимости недвижимости;
- рассчитывать сроки окупаемости инвестиций (ROI);
- формировать рейтинги наиболее перспективных объектов;
- выявлять переоценённые и недооценённые предложения рынка;
- моделировать инвестиционные сценарии для различных категорий клиентов.

Для риэлторских компаний такие инструменты становятся весомым конкурентным преимуществом: агент может предлагать клиентам не просто подбор объектов, но и обоснованные инвестиционные рекомендации, подтверждённые расчетами ИИ. Это особенно востребовано в сегменте инвестиционной недвижимости и при работе с частными инвесторами, формирующими портфель доходных объектов [3].

Заключение

Искусственный интеллект преобразует риэлторский бизнес, создавая возможности масштабирования операций и повышения качества клиентского сервиса. Уже сегодня ИИ способен автоматизировать ключевые процессы: анализ разговоров, выявление потребностей клиентов, оценку профессионализма риэлторов и подбор объектов недвижимости в CRM. Эти технологии сокращают трудозатраты, убирают человеческие ошибки и дают возможность агентствам работать быстрее и точнее.

Развитие PropTech - сектора показывает, что компании, внедряющие ИИ - решения, получают значительное конкурентное преимущество: увеличивают конверсию, снижают стоимость привлечения клиента и улучшают качество коммуникаций. Будущее риэлторского бизнеса — это интеграция искусственного интеллекта на каждом этапе взаимодействия с клиентом и управление данными как ключевым активом компании.

Список источников

1. Рассел С. Искусственный интеллект. Современный подход [Текст] / С. Рассел, П. Норвиг; пер. с англ. и ред. А. В. Слепцова. — 4 - е изд. — М.; СПб.: Диалектика, 2021. — 1408 с.

2. Савин С. В. Форсайт применения технологий искусственного интеллекта в управлении бизнесом [Текст] / С. В. Савин, А. Д. Мурзин // Вестник НГУЭУ. — 2025. — № 1. — С. 153 - 178.

3. Национальный центр развития искусственного интеллекта при Правительстве РФ (НЦРИИ). Индекс готовности приоритетных отраслей экономики Российской Федерации к внедрению искусственного интеллекта. Аналитический

доклад 2024 [Электронный ресурс] / НЦРИИ. — М.: ВЦИОМ, 2024. — Режим доступа: https: // ai.gov.ru / (дата обращения: 11.05.2026).

4. ДОМ.РФ. Искусственный интеллект в строительной отрасли: аналитический отчет [Текст] / ДОМ.РФ. — М.: ДОМ.РФ, 2023. — 38 с.

5. Фонд «Сколково». Обзор российского рынка PropTech и искусственного интеллекта в девелопменте [Текст] / Фонд «Сколково». — М.: Сколково, 2024. — 45 с.

© Куимов И.А., 2026

Куликов А.В.
Инженер - электроник 1 категории
ООО «Газпром добыча Ямбург»,
Ямбург, РФ

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ОТ НАУЧНОЙ ИНИЦИАТИВЫ К ПРОМЫШЛЕННОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ

Аннотация

Статья анализирует переход систем искусственного интеллекта (ИИ) от исследовательских разработок к промышленной эксплуатации в управлении технологическими процессами. Рассмотрены подходы, классификационные модели и прикладные формы использования. Основной фокус – системы узкого ИИ для распознавания, прогнозирования и поддержки управляющих решений. Проанализированы барьеры масштабирования. Обоснованы условия устойчивой эксплуатации ИИ. Предложена аналитическая рамка этапов интеграции.

Ключевые слова

Искусственный интеллект, технологические процессы, промышленная эксплуатация, машинное обучение, цифровая трансформация.

Термин *artificial intelligence* введён Дж. Маккарти в 1956 году. Современное понимание шире: ИИ обеспечивает получение прогнозов, рекомендаций или решений, влияющих на среду. В РФ ИИ определяется через имитацию когнитивных функций человека. В подходе ОЭСР 2024 года акцент - на способности системы определять способ генерации выходных данных под поставленные цели [1; 2]. Рост публикаций по ИИ за 20 лет до 2019 года – почти в 12 раз, более половины – в 2017 - 2021 гг. создал научную базу [3]. Ключевые характеристики для расширенных систем – объяснимость (оператор должен понимать рекомендации) и перенос знаний (включение экспертного опыта из инструкций и практик персонала) [4; 7]. Функциональная классификация (ГОСТ Р 59277 - 2020) представлена на рисунке (рис. 1).

Группы	Распознавание	Осмысление	Действие
Сущность	обработка видеопотока, телеметрии, вибрации, температуры, давления	прогнозирование, выявление причинно-следственных связей	роботизированные операции, автономные корректировки режима
Задачи	контроль качества, идентификация дефектов, обнаружение опасных состояний	оценка ресурса оборудования, поддержка диспетчерских решений	управление логистикой в замкнутом или полуавтоматическом контуре

Рисунок 1. Функциональная классификация
Источник: разработано автором

В российском производстве сохраняются структурные ограничения: финансовые барьеры, дефицит кадров, отсутствие типовых отраслевых решений [5]. Кадровый фактор: нужны не только дата - сайентисты, но и инженеры по данным, технологи с навыками интерпретации моделей [6]. Без производственных экспертов модель учится на ложных зависимостях. Человек выполняет три функции: обучение на релевантных данных, интерпретация, сопровождение.

Мониторинг должен включать деградацию точности, частоту ложных срабатываний. Необходим полный контур MLOps. Рациональная модель интеграции включает три блока: готовность среды, выбор инструментов под типовые задачи, оценку эффекта.

Интеграция ИИ в управление технологическими процессами перестала быть экспериментальной задачей. Производственная ценность ИИ определяется способностью работать на неоднородных данных, при смене режимов, в связке с оператором. Устойчивый результат возникает, когда ИИ решает чётко определённую задачу, встроен в контур управления, сопровождается экспертной интерпретацией и оценивается по измеримому эффекту.

Заключение

Интеграция ИИ в управление технологическими процессами перестала быть экспериментальной задачей. Устойчивый результат возникает, когда ИИ решает чётко определённую задачу, встроен в контур управления, сопровождается экспертной интерпретацией и оценивается по измеримому эффекту. Наиболее значимые направления: предиктивное обслуживание, контроль качества, оптимизация режимов, управление запасами, интеллектуальная поддержка решений. При соблюдении этих условий ИИ становится функциональным компонентом современной системы промышленного управления.

Список использованный литературы:

1. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490.

2. OECD. Explanatory memorandum on the updated OECD definition of an AI system. 2024.

3. Hajkowicz S. et al. Artificial intelligence adoption in the physical sciences, natural sciences, life sciences, social sciences and the arts and humanities: A bibliometric analysis of research publications from 1960 - 2021 // Technol Soc. 2023. Vol. 74. P. 102260.

4. Mariani M.M. et al. Artificial intelligence in innovation research: A systematic review, conceptual framework, and future research directions // Technovation. 2023. Vol. 122. P. 102623.

5. Искусственный интеллект Российской Федерации [Электронный ресурс] Режим доступа: https: // ai.gov.ru / (дата обращения 01.05.2026).

6. Мазин В.А. Современная классификация ИИ. На пути к сильному ИИ // Mind - Simulation AGI Laboratory [Электронный ресурс] Режим доступа: https: // mind - simulation.com / ru / blog / tech / sovremennaya - klassifikatsiya - ii - na - puti - k - sil - nomu - ii.html, свободный. – (дата обращения 05.05.2026).

7. Колонин А. Следующие цели в гонке ИИ – объяснимость и обучаемость // Российский совет по международным делам [Электронный ресурс] Режим доступа: https: // russiancouncil.ru / analytics - and - comments / analytics / sleduyushchie - tseli - vgonke - ii - obyasnimost - i - obuchaemost / (дата обращения 09.05.2026).

© Куликов А.В., 2026

Курдюков Д. В., аспирант
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарева», г. Саранск, РФ

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ШУМ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОТРУДНИКОВ В АПК

Аннотация

В статье рассматриваются особенности воздействия производственного шума на работников агропромышленного комплекса (АПК), анализируются его источники, уровни и последствия для здоровья человека, а также направления снижения негативного воздействия.

Ключевые слова

Производственный шум, агропромышленный комплекс, условия труда, профессиональные заболевания, охрана труда.

Агропромышленный комплекс представляет собой сложную систему отраслей, обеспечивающих производство, переработку и доведение сельскохозяйственной продукции до потребителя. Его функционирование невозможно без широкого применения машин и механизмов. Вместе с тем, механизация и автоматизация производственных процессов сопровождаются усилением воздействия вредных факторов, среди которых шум занимает одно из ведущих мест. Производственный шум формируется в результате работы сельскохозяйственной техники, стационарного оборудования, а также инженерных систем. Важно отметить, что он

характеризуется значительной вариативностью по интенсивности и частоте. Нередко шум носит прерывистый или импульсный характер, что усиливает его неблагоприятное влияние на организм человека [1].

Значительная часть работников АПК функционирует в условиях превышения допустимых уровней шума. Так, при эксплуатации тракторов уровень шума составляет 85–95 дБ, при работе комбайнов достигает 90–105 дБ, а при использовании зернодробилок может достигать 95–110 дБ. Даже в животноводческих помещениях шум нередко находится в пределах 75–90 дБ. Средние показатели уровня шума приведены в Таблице 1.

Таблица 1 – Средние уровни шума на рабочих местах в АПК

Вид деятельности	**Уровень шума, дБ**
Работа на тракторе	85–95
Управление комбайном	90–105
Работа на зернодробилке	95–110
Животноводческие помещения	75–90

Источник: разработано автором на основе [2].

Приведенные значения свидетельствуют о том, что в ряде случаев уровень шума превышает санитарно - гигиенические нормативы. Причем это превышение носит систематический характер. Прежде всего страдает слуховой анализатор. Длительное пребывание в условиях повышенного шума приводит к постепенному снижению слуховой чувствительности и формированию профессиональной тугоухости. Данный процесс развивается медленно, но его последствия являются необратимыми.

Одновременно шум оказывает влияние на центральную нервную систему. Отмечается снижение концентрации внимания, ухудшение памяти, повышение утомляемости. Это особенно значимо для работников, управляющих техникой, где требуется высокая точность действий. Даже незначительное снижение реакции может привести к аварийной ситуации [3].

Кроме того, фиксируется воздействие на сердечно - сосудистую систему. Повышение артериального давления, изменение частоты сердечных сокращений и нарушение сосудистого тонуса рассматриваются как типичные реакции организма на длительное шумовое воздействие. Что немаловажно, данные изменения могут носить хронический характер.

По данным исследований, более 30–40 % работников сельского хозяйства подвергаются воздействию шума, превышающего допустимые уровни. Около 15–20 % профессиональных заболеваний связано с воздействием физических факторов, включая шум [5]. При этом в странах с развитым сельским хозяйством до 25 % работников продолжают работать в условиях шума выше 85 дБ. [4] Особенно неблагоприятная ситуация складывается на

предприятиях с высоким уровнем износа оборудования. Известно, что увеличение уровня шума на 10–15 дБ может быть связано именно с техническим состоянием машин и механизмов. В условиях недостаточного финансирования обновление техники происходит медленно, что усугубляет проблему.

Дополнительным фактором риска является сочетанное воздействие шума с вибрацией, пылью и химическими веществами. В таких условиях негативное влияние на организм усиливается, что ускоряет развитие профессиональных заболеваний. Снижение уровня шума требует применения комплекса мероприятий. Технические меры направлены на уменьшение шума в источнике его возникновения. К ним относятся модернизация оборудования, применение шумоизоляционных материалов, использование кабин с повышенной звукоизоляцией.

Организационные мероприятия включают рационализацию режимов труда и отдыха, ограничение времени пребывания работников в условиях повышенного шума, а также регулярный контроль параметров производственной среды.

Особое значение имеет использование средств индивидуальной защиты. Противошумные наушники и беруши позволяют снизить уровень шума на 20–30 дБ. Это существенно уменьшает нагрузку на слуховой аппарат. Однако эффективность данных средств во многом зависит от дисциплины их применения. Повышение уровня осведомленности о рисках, связанных с воздействием шума, способствует формированию более ответственного отношения к соблюдению требований охраны труда [4].

Подводя итог, можно отметить, что производственный шум является одним из наиболее значимых вредных факторов в агропромышленном комплексе. Его воздействие приводит к развитию профессиональных заболеваний, снижению работоспособности и ухудшению качества жизни работников.

Несмотря на принимаемые меры, проблема сохраняет свою актуальность. Это требует дальнейшего совершенствования технических решений, усиления контроля условий труда и повышения уровня культуры безопасности.

Список использованной литературы:

1. Кузнецов В.П. Охрана труда в сельском хозяйстве. М.: КолосС, 2021. 256 с.

2. Сидоров А.Н., Петров В.Г. Производственный шум и методы его снижения. СПб.: Питер, 2020. 198 с.

3. World Health Organization. Occupational noise: assessing the burden of disease. Geneva, 2019.

4. International Labour Organization. Safety and health in agriculture. Geneva, 2022.

5. Росстат. Условия труда работников в Российской Федерации. 2024.

© Курдюков Д.В. 2026

Лазарев С.Н.
сотрудник Академии ФСО России
Любимов В.А.
сотрудник Академии ФСО России
Перцев И.В.
слушатель Академии ФСО России,
г. Орел, РФ

ОБОСНОВАНИЕ ВЫБОРА СИСТЕМЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ СРЕДСТВ СВЯЗИ НА ОСНОВЕ ЕЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы обоснования выбора системы восстановления средств связи в послегарантийный период эксплуатации. Обоснование варианта системы восстановления осуществляется на основе выбранных показателей (временных, стоимостных, функциональных и др.), характеризующих свойства сравниваемых вариантов систем восстановления, проведение их свертки и расчета интегральных значений сравниваемых вариантов и выбор наилучшего по заданному критерию.

Ключевые слова

Средства связи, система восстановления, показатели готовности, восстановления, критерий, нормирование, выбор системы восстановления, интегральный показатель.

В настоящее время в эксплуатационных организациях связи используется большое количество радиоэлектронных средств (средств связи). Задача поддержания их технической готовности на этом этапе жизненного цикла является актуальной, так как от этого зависят качественные и количественные характеристики услуг связи (*QOS*).

С точки зрения восстановления этап эксплуатации характеризуется двумя периодами: восстановление в гарантийный период и послегарантийный период. Восстановление в послегарантийный период связано с дополнительными затратами для поддержания технической готовности эксплуатируемых средств связи.

Исходя из определения технической готовности [1] можно увидеть, что данный комплексный показатель ($K_г$) включает в себя частные показатели:

безотказности (T_0) – средняя наработка на отказ;

ремонтопригодности ($T_в$) – среднее время восстановления,

и может быть рассчитан из соотношения:

$$K_г = T_0 / (T_0 + T_в) \quad (1)$$

Исходя из соотношения между выделенными показателями, видно, что на этапе эксплуатации задачу поддержания технической готовности решает система восстановления. При этом, для повышения технической готовности необходимо стремиться к уменьшению значения показателя ремонтопригодности: среднего времени восстановления ($T_{\text{в}} \to min$).

Время восстановления включает в себя временные затраты на логистику (отправка в ремонт, получение из ремонта), организационные (административные) затраты, связанные с принятием решения на восстановления, и непосредственно ремонта. Ремонт включает затраты на диагностирование, локализацию, идентификацию отказа, замену отказавших составных частей, выявление причин отказа и проверку функционирования.

В настоящее время в отношении средств связи сложились наиболее характерные (общепринятые) варианты систем восстановления (далее – СВ):

1) восстановление на месте эксплуатации (силами и средствами эксплуатирующей организации) ($v1$);

2) восстановление на промышленных предприятиях (специализированных ремонтных предприятиях) ($v2$);

3) восстановление с использованием первой и второй СВ ($v3$).

Каждый из рассмотренных вариантов СВ (v_i) характеризуется рядом технологических операций и организационных действий (мероприятий), которые реализуют процесс восстановления, планированием дополнительных сил и средств (специалистов ремонтников, ЗИП, средств диагностики, технологического оборудования, инструмента), финансовых средств и др. Это приводит к изменению значений основных показателей СВ (представлены в таблице) [2].

Таблица – Виды показателей системы восстановления

Наименование показателя СВ	Обозначение показателя
Среднее время ремонта	$T_{\text{р}}$
Среднее время логистических затрат	$T_{\text{л}}$
Среднее время административных затрат	$T_{\text{а}}$
Средняя стоимость ЗИП	$C_{\text{зип}}$
Средняя стоимость ремонта	$C_{\text{р}}$
Удельные затраты на ремонт	$D_{\text{р}}$
Удельные затраты на восстановление	$D_{\text{в}}$
Удельные затраты на ЗИП	$D_{\text{зип}}$

При оценке вариантов СВ легче оперировать средними значениями, полученными на основе статистики по опыту реальной эксплуатации.

Исходя из рассмотренного возникает задача анализа сформированных вариантов СВ средств связи и на основе имеющихся значений показателей выбрать лучший вариант по интегральному обобщенному показателю. Сравнительная оценка показанных вариантов СВ необходима для обоснования выбора лучшего с учетом принятых показателей (временных, финансовых, технологических, организационных и др.). Данный порядок оценки может быть

сформулирован как задача принятия решения в условиях определенности, которая носит многокритериальный характер [3, 4].

Применение множества показателей для оценки вариантов (v_i) выбора СВ из сформированного множества обусловлены характеристикой ее свойств и различием их значений. Сформированные альтернативные варианты СВ обладают обобщенными показателями – $P_1, P_2, ..., P_n$.

То есть, каждый вариант ($v1$) СВ формируется *n* - мерным кортежем показателей (x_i) вида: $x_i = (x_{i1}, x_{i2}, ..., x_{in})$. В состав данного кортежа будут входить числовые оценки $x_{ig} = P_g(v_i)$ характеристик вариантов по шкалам x_g показателей $P_g, g = \overline{1,n}$.

В этом случае каждый вариант (v_i) анализируется и оценивается по нескольким показателям, значения которых лежат в основе выбора варианта и являются мерой обоснования и оценки качества СВ. При этом каждый представленный показатель есть числовая функция $y = f(x)$, где x – скалярная или векторная переменная.

Выбор варианта (v_i), с учетом нескольких свойств СВ будет характеризоваться *h*–мерным вектором $y_i = (y_{i1}, y_{i2}, ..., y_{ih})$, координатами которого будут оценки по частным показателям качества $y_{ik} = f_k(x_i)$.

Выбор варианта на основе оценки СВ представляется в следующей последовательности:

1) формирование множества вариантов (способов) СВ (v_i), множество должно быть конечно;

2) выбор показателей $P_1, P_2, ..., P_n$, характеризующих свойства СВ (см. таблицу);

3) постановка и решение задачи нормирования с целью корректной сопоставимости разнородных показателей (приведение к безразмерным значениям), для чего можно использовать следующие выражения [5]:

$$x_g^1 = {x_g}\Big/{x_g^{max}}, \quad (2)$$

$$x_g^1 = {x_g}\Big/{(x_g^{max} - x_g^{min})}, \quad (3)$$

$$x_g^1 = {(x_g - x_g^{min})}\Big/{(x_g^{max} - x_g^{min})}, \quad (4)$$

где x_g^{max} и x_g^{min} – максимальные и минимальные оценки по g - му критерию (показателю), характеризующие размах шкалы, сравниваемых способов восстановления;

4) свертка значений выбранных показателей (приведение к единому интегральному показателю на основе аддитивной свертки):

$$f(x) = \sum_{i=1}^{h} f_i; \quad (5)$$

5) комплексная оценка и выбор варианта СВ (оценка и выбор варианта проводятся по максимальному (минимальному) значению обобщенного показателя):

$$y \to max, y = f(x), x \in X \subseteq W, f: W \to R^m. \quad (6)$$

Вывод: предложенная последовательность оценки и выбора варианта СВ средств связи носит системно обоснованный характер. Она включает основные показатели вариантов СВ, учитывает организационные, технологические свойства СВ, временные, финансовые показатели. Полученное в результате расчетов значение интегрального показателя имеет ясный физический смысл, обладает универсальностью. Данный подход может быть использован для обоснованного выбора разнородных вариантов СВ. Методика может быть уточнена путем включения дополнительных коэффициентов, которые учитывают важность, значимость, веса сравниваемых показателей.

Список использованной литературы

1. ГОСТ 27.002 - 2015 Надежность в технике. Термины и определения. М.: Стандартинформ, 2016. – 63 с.

2. Любимов В.А. Оценка эксплуатационно - экономической эффективности сложного технического объекта // Известия Тульского государственного университета. Технические науки. Выпуск 9. – Тула: Издательство ТулГУ, 2022. 91 с.

3. Петровский, А. Б. Теория принятия решений / А. Б. Петровский. – М.: Издательский центр «Академия», 2009. – 400 с.

4. Спицнадель, В. Н. Теория и практика принятия оптимальных решений: Учебное пособие / В. Н. Спицнадель. – СПб.: Издательский дом «Бизнес пресса», 2002. – 393 с.

5. Любимов В.А., Лазарев С.Н., Булгаков Г.Н. Оценка способов восстановления сложных технических комплексов в постгарантийный период // Информационные системы и технологии: научно - технический журнал. № 3. – Орел, 2019. С. 77 - 81.

© Лазарев С.Н., Любимов В.А., Перцев И.В., 2026

Мусорин С.А.
студент Ульяновского государственного технического университета
Ульяновск, Россия
Научный Руководитель: Розанов Ф. И.
кандидат философских наук, доцент
доцент кафедры философии
Ульяновского государственного технического университета
Ульяновск, Россия

ПРОБЛЕМА ВВЕДЕНИЯ НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В МЕДИЦИНЕ

Аннотация

В статье анализируются проблемы внедрения ИТ в здравоохранении: технические (отсутствие интероперабельности, слабая инфраструктура), человеческие (сопротивление персонала, выгорание), правовые (утечки данных, ответственность при ошибках ИИ) и экономические (высокая стоимость владения).

Предложены решения: стандартизация (HL7 FHIR, DICOM), улучшение UX / UI, законодательное регулирование, обучение персонала и господдержка. Подчёркивается: успех цифровизации зависит от организации процессов и учёта человеческого фактора.

Ключевые слова.

Здравоохранение. Информационные технологии. Искусственный интеллект (ИИ). Кибербезопасность. Цифровизация.

Введение. Цифровизация здравоохранения стала главным вектором развития мировой медицины. Внедрение искусственного интеллекта (ИИ), электронных медицинских карт (ЭМК), телемедицины и систем поддержки принятия врачебных решений (СППВР) обещает радикально повысить точность диагностики, оптимизировать рабочие процессы и снизить нагрузку на персонал.

Однако на практике медицинские организации сталкиваются с комплексом барьеров. Процесс цифровой трансформации часто сопровождается сопротивлением сотрудников, техническими сбоями и правовыми тупиками. Настоящая статья посвящена анализу ключевых проблем, возникающих при интеграции новых информационных технологий (ИТ) в клиническую практику, а также поиску возможных путей их преодоления.

Проблема «лоскутной» автоматизации. Главный технический вызов — отсутствие единых стандартов обмена данными (интероперабельности). Различные отделения одной больницы могут использовать программное обеспечение от разных разработчиков, что приводит к фрагментации данных и усложняет работу врачей.

Конкретные проявления проблемы:

- лабораторные информационные системы (ЛИС) не интегрируются с радиологическими (РАИС);
- данные диагностических аппаратов (КТ, МРТ) сохраняются в изолированных архивах;
- врач вынужден вручную переносить информацию между программами, что увеличивает риск ошибок и отнимает время.

Дефицит инфраструктуры. Внедрение ресурсоёмких ИТ - решений (например, ИИ - анализа снимков в реальном времени) требует колоссальных вычислительных мощностей. Многие региональные клиники страдают от:

- низкой скорости интернет - соединения, не позволяющей оперативно передавать большие объёмы данных;
- устаревшего парка персональных компьютеров и серверов, не справляющихся с нагрузкой современных программ;
- отсутствия резервных каналов связи и систем бесперебойного питания, из - за чего сбой в локальной сети крупного стационара способен полностью парализовать работу приёмного покоя и операционных блоков.

Человеческий фактор и психологическое сопротивление. Вместо декларируемого сокращения бюрократии новые технологии часто удваивают нагрузку на врача. Возникает феномен «экранного времени»: специалист тратит на заполнение электронных форм в системе больше времени, чем на живое общение с пациентом. Сложный, неинтуитивный интерфейс медицинских информационных систем (МИС) вызывает у персонала когнитивную перегрузку и ускоряет профессиональное выгорание.

Консерватизм и саботаж. Медицинское сообщество традиционно иерархично и консервативно. Внедрение ИТ - продуктов часто воспринимается персоналом старшего поколения как «контроль сверху» или навязанная дополнительная работа. Отсутствие адекватного обучения приводит к скрытому или явному саботажу:

- врачи продолжают дублировать записи на бумаге;
- специалисты игнорируют рекомендации СППВР;
- сотрудники заполняют электронные карты формально, искажая статистику.

Правовые аспекты, безопасность и конфиденциальность. Медицинская информация относится к категории строгой конфиденциальности. Централизация данных в облачных хранилищах и МИС делает их привлекательной мишенью для киберпреступников:

- ***вымогательство:*** *вирусы - шифровальщики блокируют доступ к картам пациентов, требуя выкуп;*
- ***утечки:*** *продажа баз данных с историями болезней на чёрном рынке разрушает репутацию клиник и нарушает права пациентов.*

Юридический вакуум ответственности. Применение ИИ - технологий и систем поддержки принятия решений порождает сложную этико - правовую дилемму: кто несёт ответственность за врачебную ошибку, если она произошла из - за сбоя алгоритма?

Возможные варианты:

- разработчик ПО, допустивший баг в коде;
- дата - сайентист, обучивший нейросеть на некорректной выборке;
- врач, который доверился системе и не перепроверил данные.

Пока законодательство большинства стран возлагает финальную ответственность исключительно на практикующего врача, медики будут сознательно избегать использования инновационных подсказчиков.

Экономические ограничения. Покупка лицензий на программное обеспечение — лишь малая часть расходов. Полная стоимость владения ИТ - инфраструктурой включает:

- *регулярные платные обновления ПО, необходимые для поддержания безопасности и функциональности;*
- *оплату труда штатных ИТ - специалистов и инженеров кибербезопасности, обеспечивающих бесперебойную работу систем;*

- *затраты на непрерывное обучение и переподготовку медицинского персонала, чтобы сотрудники могли эффективно использовать новые инструменты.*

Для государственных клиник с жёстким бюджетным финансированием такие статьи расходов часто оказываются неподъемными. Это приводит к покупке сырых, дешёвых, но неэффективных программных продуктов, которые не решают поставленных задач и лишь усугубляют существующие проблемы.

Пути решения и стратегические рекомендации. Для преодоления кризиса внедрения ИТ в медицине необходим переход от хаотичной автоматизации к системному подходу:

Законодательное регулирование. Чёткое разграничение ответственности между ИИ - системами и клиницистами на государственном уровне. Необходимо разработать правовые механизмы, определяющие степень ответственности каждого участника процесса при использовании ИИ в диагностике и лечении.

Инвестиции в обучение. *Создание постоянно действующих служб технической поддержки внутри больниц, помогающих врачам адаптироваться к ПО без отрыва от лечения. Регулярные тренинги и семинары позволят персоналу освоить новые инструменты и повысить эффективность работы.*

Жёсткая стандартизация. *Законодательный запрет на закупку медицинского оборудования и софта, не поддерживающих международные протоколы обмена данными (например, HL7 FHIR, DICOM). Это обеспечит интероперабельность систем и упростит обмен информацией между учреждениями.*

Поэтапное внедрение. *Переход к новым технологиям должен быть постепенным, с пилотным тестированием в отдельных отделениях. Это позволит выявить и устранить проблемы до полномасштабного развёртывания.*

Усиление кибербезопасности. *Внедрение многоуровневых систем защиты данных, включая шифрование, двухфакторную аутентификацию и регулярное резервное копирование. Обучение персонала основам кибергигиены снизит риск утечек и атак.*

Заключение. Информационные технологии в медицине — это не просто новый инструмент, а фундаментальная смена парадигмы здравоохранения. Основные проблемы внедрения лежат не в области дефицита технологий, а в плоскости организации процессов, психологии управления и правового регулирования.

Успех цифровизации зависит от того, удастся ли сделать технологии союзниками врача, а не его дополнительным обременением. Только комплексный подход, сочетающий технические, правовые, экономические и социальные меры, позволит реализовать потенциал ИТ в здравоохранении и повысить качество медицинской помощи для всех пациентов.

Список использования литературы:

1. World Health Organization. Digital Health Interoperability: A Framework for Global Action (2022).

2. Topol E. J. Deep Medicine: How Artificial Intelligence Can Make Healthcare Human Again. — Basic Books, 2019.

3. Institute of Medicine (US). Patient Safety: Achieving a New Standard for Care. — National Academies Press, 2004.

4. Гусев А. В., Морозов С. П. Цифровизация здравоохранения: вызовы и возможности // Вестник РАМН. — 2021.

5. Кузнецов П. П., Иванов Д. А. Безопасность персональных данных в медицинских информационных системах // Информационная безопасность. — 2020.

© Мусорин С.А.,2026

Сахапова Т.Р.
студент 1 курса ТИУ
г. Тюмень, РФ

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ГАЗОВОМ ПРОМЫСЛЕ

Работа по совершенствованию системы управления на газовом промысле должна проводится постоянно. В данной статье представлены основные методы и технологии совершенствования системы управления промышленной безопасности на предприятии, а также пути решения к ним.

Ключевые слова: промышленная безопасность, мероприятия, совершенствование…

На основании ФЗ №116 работа по совершенствованию системы управления на предприятиях добычи газа должна проводиться постоянно. Основное внимание уделяется повышению эффективности системы на каждого работника предприятия.

В компании ООО «Газпром добыча Ноябрьск» ежегодно проходят мероприятия, посвященные производственной безопасности, так, например, на Вынгапуровском газовом промысле в 2025 году состоялись мероприятия, направленные на вовлечение работников в вопросы производственной безопасности, повышения уровня знаний и компетентности работников. Ведь главным элементом эффективной работы компании является развитие культуры производственной безопасности. Так, обмен опытом между подразделениями компании, выявление лучших практик и вовлечение работников в вопросы безопасности создают прочный фундамент для минимизации рисков и предотвращения происшествий.

Рассмотрим основные методы и технологии совершенствования системы управления промышленной безопасности на предприятии, представленные на рисунке 1.

Рисунок 1. Методы и технологии совершенствования

Для реализации представленных методов по совершенствованию системы управления промышленной безопасности на предприятии, необходимо руководствоваться такими решениями как:

– Для снижения аварийности необходим своевременный анализ причин аварий и внедрение мер по их предупреждению;

– Для соответствия норм необходимо проведение сертификации и регулярные аудиты;

– Для повышения надежности оборудования применяются современные программы техобслуживания и диагностики;

– Для развития культуры безопасности необходимо проведение обучения персонала и стимулирование безопасного поведения на объекте по добыче газа;

– Оптимизацию затрат можно получить за счет автоматизации и прогнозирования аварийных ситуаций;

– Для предотвращения человеческой ошибки можно реализовать с помощью системы поддержки принятия решений, реализуемой в чек - листах и автоматизированных алгоритмах.

Таким образом, внедрение современной системы управления промышленной безопасностью является стратегически важным направлением для предприятий газодобычи. Для улучшения показателей СУПБ необходима правильная автоматизация и цифровизация процессов управления безопасностью. Помимо

технического оснащения, важным элементом является обучение и формирование культуры производственной безопасности.

Список использованной литературы:

1. Федеральный закон от 21.07.1997 N 116 - ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025). [Электронный ресурс].

© Сахапова Т.Р., 2026

Фролов В.А.
Студент университета,
Ульяновский государственный технический университет, г. Ульяновск.
Научный руководитель: Розанов Ф. И.
Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии УлГТУ.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НЕФТЕГАЗОВЫХ КОМПЛЕКСОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена ключевой ролью нефтегазового комплекса (НГК) в экономике России: он формирует значительную часть бюджетных доходов и экспорта. Результаты показывают, что ключевые проблемы связаны с технологическими ограничениями, санкционным давлением, экологическими вызовами и необходимостью диверсификации. Предложены направления решения выявленных проблем, включая импортозамещение, экологическую модернизацию и развитие кадрового потенциала.

Ключевые слова: нефтегазовый комплекс, Россия, санкции, технологии, экология, диверсификация, инвестиции, импортозамещение, экономическая устойчивость.

Введение

Нефтегазовый комплекс остаётся системообразующим сектором российской экономики: на его долю приходится около 40 % доходов федерального бюджета и более 60 % экспорта [5]. Однако в последние годы отрасль столкнулась с комплексом серьёзных вызовов, требующих научного осмысления и выработки стратегий преодоления.

Анализ научной литературы показывает, что исследователи акцентируют внимание на следующих проблемах НГК:

- зависимость экономики от нефтегазовых доходов [1];
- технологическая зависимость от импорта оборудования [2];
- экологические риски добычи и транспортировки углеводородов [3];

- волатильность мировых цен на энергоресурсы [4];
- необходимость адаптации к глобальному энергопереходу [6].

Цель исследования — выявить и систематизировать актуальные проблемы нефтегазового комплекса России и предложить направления их решения.

Задачи исследования:

1. Проанализировать текущее состояние нефтегазового комплекса РФ.
2. Выявить ключевые проблемы развития отрасли в условиях санкционного давления.
3. Оценить технологические и экологические вызовы для НГК.
4. Разработать предложения по повышению устойчивости нефтегазового сектора.

Методы исследования:

- статистический анализ данных Минэнерго РФ, Росстата, ЦБ РФ;
- сравнительный анализ показателей НГК России и других нефтедобывающих стран;
- экспертные оценки представителей отрасли;
- сценарное моделирование развития НГК в различных условиях.

Результаты исследования

1. Текущее состояние нефтегазового комплекса России

По данным Минэнерго РФ и Росстата, в 2023 году:

- добыча нефти составила около 530 млн тонн;
- добыча газа — около 640 млрд куб. м;
- экспорт нефти — 234 млн тонн;
- экспорт газа — 195 млрд куб. м [5].

Основные регионы добычи:

- Западная Сибирь (около 60 % нефти и 85 % газа);
- Восточная Сибирь и Дальний Восток (растущий регион добычи);
- шельфовые месторождения Арктики (перспективный, но сложный для освоения регион).

2. Ключевые проблемы развития НГК в условиях санкций

Санкционное давление создало ряд серьёзных проблем:

Технологические ограничения:

- запрет на поставку оборудования для глубоководной добычи, арктических проектов и сланцевых технологий;
- ограничение доступа к передовым технологиям бурения и сейсморазведки;
- сложности с обслуживанием импортного оборудования.

Финансовые вызовы:

- волатильность курса рубля и цен на нефть;
- необходимость переориентации экспортных потоков с европейского на азиатский рынок.

Логистические проблемы:

- сокращение трубопроводных мощностей для экспорта в Европу;
- дефицит танкерного флота для морских перевозок;
- рост транспортных издержек.

По оценкам экспертов, санкции могут привести к снижению добычи нефти на 5–10 % в среднесрочной перспективе [6].

Кадровые проблемы:

- отток квалифицированных специалистов из отрасли;
- старение кадров в регионах добычи.

3. Технологические и экологические вызовы

Технологические проблемы:

- зависимость от импортного оборудования;
- недостаток отечественных разработок в области шельфовой добычи и трудноизвлекаемых запасов;
- низкая эффективность разработки месторождений с трудноизвлекаемыми запасами.

Экологические проблемы:

- аварийные разливы нефти (в среднем 1,5–2 тыс. тонн ежегодно);
- выбросы парниковых газов;
- загрязнение водных объектов в районах добычи;
- накопление отходов бурения;
- воздействие на экосистемы Арктики при освоении шельфовых месторождений.

Экономические вызовы:

- снижение рентабельности традиционных проектов из - за роста издержек;
- необходимость значительных инвестиций в новые месторождения;
- конкуренция с другими странами - экспортёрами энергоресурсов.

Заключение

Нефтегазовый комплекс России сталкивается с комплексом взаимосвязанных проблем, требующих комплексного решения.

Результаты исследования позволяют сформулировать следующие направления решения выявленных проблем:

1. Импортозамещение и технологический суверенитет.
2. Диверсификация экспорта: укрепление позиций на рынках Азии.
3. Экологическая модернизация.
4. Кадровая политика.
5. Диверсификация экономики.
6. Развитие НИОКР.

Реализация этих мер позволит повысить устойчивость нефтегазового комплекса к внешним вызовам и обеспечить его долгосрочное развитие в интересах национальной экономики.

Список использованной литературы:

1. Иванов И. Д. Технологическая зависимость нефтегазового сектора России: вызовы и решения // Нефтегазовое дело. — 2022. — № 3. — С. 45–58.

2. Петров К. С. Экологические проблемы нефтегазового комплекса: анализ и пути решения // Экология и промышленность России. — 2021. — № 12. — С. 34–41.

3. Смирнов А. В. Влияние волатильности цен на нефть на экономику России // Вопросы экономики. — 2023. — № 5. — С. 78–92.

4. Министерство энергетики Российской Федерации. Статистический обзор нефтегазового комплекса РФ 2023. — М., 2024. — 120 с.

© Фролов В. А., 2026

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ECONOMIC SCIENCES

Алькаева Д.А.
Студент университета,
Ульяновский государственный технический университет, г. Ульяновск.
Научный руководитель: Розанов Ф.И.
Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии УлГТУ.

НЕФТЬ КАК ВЕДУЩИЙ ПРИРОДНО - ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена ключевой ролью нефти в мировой экономике: она остаётся основным источником энергии и сырьём для множества отраслей. Цель работы - выявить и проанализировать влияние нефтяного сектора на экономическое развитие стран и мировую экономику в целом. Методы исследования включают статистический анализ, сравнительный метод, исторический анализ и моделирование экономических зависимостей. Результаты показывают, что нефть продолжает определять экономическую динамику, геополитические отношения и инвестиционные потоки, хотя наблюдается тенденция к диверсификации энергобаланса и развитию альтернативных источников энергии.

Ключевые слова: нефть, экономика, энергетика, экспорт, импорт, цены на нефть, нефтедобывающие страны, энергопереход, экономическая зависимость, мировая экономика.

Введение

Нефть - один из важнейших природных ресурсов, оказывающих комплексное влияние на развитие современной экономики.

Цель исследования — выявить ключевые механизмы влияния нефтяного сектора на экономику и оценить перспективы его развития в условиях глобальных изменений.

Задачи исследования:

1. Проанализировать историческую динамику добычи и потребления нефти в мире.
2. Оценить влияние колебаний цен на нефть на экономику различных стран (нефтедобывающих и нефтезависимых).
3. Изучить тенденции развития нефтяного сектора в контексте глобального энергоперехода и развития альтернативных источников энергии.

Методы исследования:

- статистический анализ данных Международного энергетического агентства (IEA), Организации стран - экспортёров нефти (ОПЕК), Всемирного банка, Международного валютного фонда (МВФ);
- сравнительный анализ экономических показателей нефтедобывающих и нефтезависимых стран;

- исторический анализ развития нефтяного рынка;
- моделирование сценариев развития нефтяного рынка с учётом технологических и геополитических факторов.

Результаты исследования

1. Историческая динамика добычи и потребления нефти

С начала промышленной добычи в XIX веке нефть стала ключевым ресурсом для развития промышленности и транспорта. Пик роста пришёлся на вторую половину XX века, когда нефть заняла доминирующее положение в мировом энергобалансе.

Рост потребления связан с развитием автомобилестроения, авиации, химической промышленности. Крупнейшие потребители — США, Китай, страны Европы.

2. Влияние нефтяных цен на экономику стран

Цены на нефть оказывают значительное влияние на экономику как нефтедобывающих, так и нефтезависимых стран. Резкие колебания цен могут вызывать экономические кризисы или, наоборот, стимулировать рост.

Влияние на нефтедобывающие страны:

- Рост цен: увеличение бюджетных доходов, приток инвестиций, укрепление национальной валюты.
- Падение цен: дефицит бюджета, необходимость сокращения расходов, ослабление национальной валюты.

Влияние на нефтезависимые страны:

- Рост цен: увеличение издержек производства, инфляционное давление, снижение конкурентоспособности.
- Падение цен: снижение издержек, рост конкурентоспособности, возможность стимулирования экономики.

3. Тенденции развития нефтяного сектора в условиях энергоперехода

В последние годы наблюдается тенденция к снижению доли нефти в мировом энергобалансе из - за:

- развития возобновляемых источников энергии (ВИЭ): солнечная, ветровая, гидроэнергетика;
- роста популярности электромобилей и гибридных транспортных средств;
- ужесточения экологических норм и введения углеродных налогов;
- повышения энергоэффективности и внедрения энергосберегающих технологий.

Однако нефть сохранит свою значимость как сырьё для химической промышленности и транспортный ресурс в среднесрочной перспективе.

Заключение

Нефть остаётся ведущим природно - экономическим фактором развития современной экономики, определяя динамику роста многих стран и геополитические отношения.

Результаты исследования подтверждают, что, несмотря на тенденции к энергопереходу, нефть сохранит свою роль в ближайшие десятилетия.

Перспективы дальнейших исследований связаны с:

- углублённым анализом механизмов адаптации экономик к снижению спроса на нефть;
- изучением новых технологий добычи и переработки углеводородов;
- оценкой влияния геополитических факторов на нефтяной рынок;
- разработкой стратегий диверсификации экономик нефтедобывающих стран.

Список использованной литературы:

1. Yergin D. The Prize: The Epic Quest for Oil, Money, and Power. — New York: Simon & Schuster, 1991. — 886 p.
2. International Energy Agency. World Energy Outlook 2022. — Paris: IEA, 2022. — 450 p.
3. Центральный банк Российской Федерации. Аналитические материалы по макроэкономическим показателям. — М., 2023.
4. Организация стран - экспортёров нефти (ОПЕК). Статистический бюллетень 2023.

© Д. А. Алькаева, 2026

Анацкий О.А.,
аспирант 3 курса АНО ВО «БУКЭП»
г. Белгород, РФ
Алехина Е.С.,
кандидат экономических наук, доцент АНО ВО «БУКЭП»
г. Белгород, РФ

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССА ЦИФРОВИЗАЦИИ НА РЫНОК ДОБРОВОЛЬНОГО МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ В РОССИИ

Аннотация

В статье раскрыты направления влияния процесса цифровизации на рынок добровольного медицинского страхования в России, его положительные эффекты, современные проблемы, вызовы и показатели оценки.

Ключевые слова

Цифровизация рынка добровольного медицинского страхования, проблемы цифровизации рынка добровольного медицинского страхования, влияние цифровизации на рынок добровольного медицинского страхования, показатели влияния цифровизации на рынок добровольного медицинского страхования

Anatsky O.A.,
3nd year graduate student of ANO VO "BUKEP"
Belgorod, Russian Federation
Alekhina E.S.,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of ANO VO "BUKEP"
Belgorod, Russian Federation

THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON THE VOLUNTARY HEALTH INSURANCE MARKET IN RUSSIA

Annotation
The article reveals the impact of digitalization on the voluntary health insurance market in Russia, its positive effects, current problems, challenges, and evaluation indicators.

Keywords
Digitalization of the voluntary health insurance market, problems of digitalization of the voluntary health insurance market, the impact of digitalization on the voluntary health insurance market, indicators of the impact of digitalization on the voluntary health insurance market

Цифровизация оказывает значительное влияние на рынок добровольного медицинского страхования (ДМС), трансформируя бизнес - модели, операционные процессы, клиентский опыт и конкурентную среду.

Рынок добровольного медицинского страхования - это сегмент страхового рынка, где осуществляется предоставление медицинских услуг застрахованным лицам на основе добровольного договора со страховой компанией. Д**обровольное медицинское страхование** дополняет обязательное медицинское страхование (ОМС), расширяя доступ к медицинским услугам за счет выбора программ, клиник и условий обслуживания.

Основными направлениями влияния процесса цифровизации на рынок **добровольного медицинского страхования** являются [1; 2; 4]:

1. **Ускорение и упрощение процессов урегулирования страховых случаев**. Цифровизация позволяет автоматизировать обработку документов, сократить время на подготовку и анализ медицинских данных, что ускоряет получение страхового возмещения. Например, инициативы по интеграции ДМС с Единая государственная информационная система в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ) и Системой межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) направлены на создание прозрачной электронной системы с архивом историй обращений.

2. **Развитие телемедицины**. Дистанционные консультации, мониторинг состояния здоровья, консилиумы становятся ключевыми элементами цифровой трансформации ДМС. Это снижает количество очных визитов, оптимизирует маршрутизацию клиентов, ускоряет получение заключений и результатов

анализов. Однако существуют регуляторные ограничения: например, пока закон не позволяет врачам дистанционно ставить диагноз и назначать лечение до первичного очного приема.

3. **Автоматизация и использование искусственного интеллекта (ИИ)**. Технологии искусственного интеллекта применяются для первичного скоринга обращений, выявления подозрительных схем, персонализации подсказок, а также для обработки рутинных операций. ИИ - агенты могут обрабатывать обращения и направлять подтверждения в клиники.

4. **Онлайн - продажи и самообслуживание**. Мобильные приложения, личные кабинеты и онлайн - каналы для подачи заявлений и обращений становятся стандартом. Например, в некоторых компаниях более 90 % заявлений проходят полностью в цифровом формате.

5. **Интеграция с медицинскими информационными системами**. Внедрение электронных медицинских карт и программных интерфейсов для обмена данными между клиниками и страховщиками упрощает взаимодействие и повышает эффективность.

6. **Аналитика и проактивные модели**. Использование больших данных и аналитических панелей позволяет страховщикам лучше понимать поведение клиентов, предсказывать использование услуг и оптимизировать распределение лимитов. Это даёт возможность переходить от пассивного сервиса к проактивным моделям, например, предлагать профилактические меры или программы управления хроническими заболеваниями.

В качестве положительных эффектов цифровизации рынка ДМС в нашей стране можно выделить следующее [2; 3; 4]:

- **экономическая выгода**. Внедрение цифровых сервисов может снижать затраты работодателя на медицинское обслуживание сотрудников (по некоторым оценкам, до 15 % по сравнению с классической схемой ДМС), а также сокращать операционные расходы страховых компаний;

- **повышение конкурентоспособности**. Игроки, которые выстраивают бесшовный цифровой контур между клиентом, страховой компанией и клиникой, получают преимущество не только в сервисе, но и в экономической эффективности. **Индивидуализация продуктов**. Цифровые инструменты и ИИ позволяют создавать более адаптивные модели ДМС, которые реагируют на запросы человека, а не заставляют его проходить заранее заданный путь;

- повышение прозрачности и удовлетворенности клиентов. Цифровые каналы делают взаимодействие с сервисом более понятным и удобным.

Процесс цифровой трансформации добровольного медицинского страхования в России сталкивается с определенными проблемами и вызовами, в качестве основных из которых можно отметить [2; 3; 4]:

- **регуляторные барьеры**. Вопросы защиты персональных данных, ответственности сторон и требований к дистанционным медицинским услугам остаются критичными. Требуется сбалансированное регулирование, которое не будет тормозить развитие, но при этом защитит потребителя;

- т**ехнические и инфраструктурные ограничения**. Несовершенство ИТ - инфраструктуры и технические барьеры могут сдерживать внедрение инноваций;

- н**еобходимость инвестиций**. Внедрение цифровых технологий требует вложений в IT - инфраструктуру, аналитические команды и интеграционные работы.

Для оценки уровня влияния процесса цифровизации на развитие рынка добровольного медицинского страхования предлагаем использовать следующие показатели [2]: время оформления полиса и решения типовых запросов; доля продаж и обращений, проходящих через цифровые каналы; уровень удержания клиентов и индекс готовности рекомендовать сервис; скорость обработки обращений и расчётов с медицинскими организациями; операционные расходы на сопровождение одного застрахованного; доля сборов, приходящаяся на новые цифровые продукты; количество интегрированных медицинских организаций и доступных сервисов.

Таким образом, цифровизация трансформирует рынок добровольного медицинского страхования, делая его более гибким, прозрачным и ориентированным на клиента, но требует решения ряда регуляторных, технических и экономических задач.

Список использованной литературы:

1. Купченко, Д. Здоровье в цифровом формате. [Электронный ресурс] – URL: https: // www.vedomosti.ru / partner / articles / 2025 / 06 / 18 / 1117762 - zdorove - tsifrovom (дата обращения: 22.04.2026).

2. Как цифровизация переворачивает рынок ДМС: что меняется, кому это выгодно и к чему готовиться. [Электронный ресурс] – URL: https: // dmsclick.ru / kak - cifrovizacija - perevorachivaet - rynok - dms - chto - menjaetsja - komu - jeto - vygodno - i - k - chemu - gotovitsja (дата обращения: 22.04.2026).

3. Россия формирует рынок цифрового здравоохранения: перспективы и вызовы. [Электронный ресурс] – URL: https: // www.kommersant.ru / doc / 8161858 (дата обращения: 22.04.2026).

4. Цифровизация ДМС: плюсы и минусы телемедицины. [Электронный ресурс] – URL: https: // consult - cct.ru / czifrovizacziya - dms - plyusy - i - minusy - telemedicziny (дата обращения: 22.04.2026).

© Анацкий О.А., Алехина Е.С., 2026

Бобоев М.Р.
кандидат экономических наук, доцент кафедры Экономики,
Московская академия предпринимательства, г. Москва,

ЭВОЛЮЦИЯ И РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ИНДУСТРАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Индустриализация является ключевой экономической категорией, отражающей переход от аграрного к индустриальному типу хозяйства. В статье рассматривается эволюция теоретических подходов к индустриализации: от классической политэкономии до современных концепций устойчивого развития. Цель исследования — выявить основные этапы формирования научных взглядов

на индустриализацию и определить их актуальность в условиях глобальных трансформаций. Методологическая база включает историко - экономический анализ, сравнительный метод и системный подход. Результаты исследования показывают, что индустриализация эволюционировала от узкого понимания как процесса роста промышленности к комплексной категории, включающей социальные, экологические и институциональные аспекты.

Ключевые слова: индустриализация, экономическая категория, политэкономия, модернизация, устойчивое развитие, структурные изменения, экономический рост, социальные трансформации

Boboev M.R.,
PhD in Economics, Associate Professor of the Department of Economics,
Moscow Academy of Entrepreneurship, Moscow, e - mail: bmr1958@mail.ru

Annotation. Industrialization is a key economic category reflecting the transition from an agrarian to an industrial type of economy. The article examines the evolution of theoretical approaches to industrialization: from classical political economy to modern concepts of sustainable development. The purpose of the study is to identify the main stages of the formation of scientific views on industrialization and to determine their relevance in the context of global transformations. The methodological base includes historical and economic analysis, a comparative method and a systematic approach. The results of the study show that industrialization has evolved from a narrow understanding as a process of industrial growth to a complex category that includes social, environmental and institutional aspects.

Keywords: industrialization, economic category, political economy, modernization, sustainable development, structural changes, economic growth, social transformations

Введение. Индустриализация традиционно рассматривается как фундаментальный процесс, определяющий переход общества от аграрного к индустриальному типу развития. В классической политэкономии (А. Смит, Д. Рикардо) акцент делался на рост производительных сил и расширение промышленного производства. В XX веке индустриализация стала центральной темой в теориях модернизации (У. Ростоу, С. Кузнец), где она трактовалась как универсальный путь развития. Современные исследования связывают индустриализацию с концепцией устойчивого развития, учитывающей экологические и социальные факторы. Цель статьи — проследить эволюцию теоретических подходов и выявить их значение для современной экономической науки.

Обзор литературы. Индустриализация как экономическая категория имеет богатую историю осмысления в научной литературе. Классические труды А. Смита [1, с. 245] и Д. Рикардо [2, с. 178] заложили основу понимания производительных сил и роли промышленности в развитии общества. Смит в «Богатстве народов» подчеркивал значение разделения труда и роста производительности, а Рикардо

акцентировал внимание на распределении доходов между классами, что стало важным для анализа последствий индустриализации. Карл Маркс в «Капитале» [3, с. 111] рассматривал индустриализацию как процесс, связанный с развитием капиталистического способа производства. Его идеи о концентрации капитала и эксплуатации труда оказали значительное влияние на дальнейшие исследования, особенно в контексте социальных последствий индустриализации.

В XX веке У. Ростоу предложил модель «ступеней роста» [4, с. 56], где индустриализация трактовалась как универсальный этап развития общества. Его работа стала методологической основой для политики модернизации в развивающихся странах. С. Кузнец, исследуя закономерности экономического роста [5, с. 203], показал, что индустриализация сопровождается структурными изменениями в экономике и ростом доходов населения, но также порождает социальное неравенство. А. Гершенкрон в своей монографии «Экономическое отставание в исторической перспективе» [6, с. 89] отметил, что индустриализация в разных странах имеет уникальные формы, зависящие от уровня развития и институциональной среды. Его идеи о «запаздывающем развитии» стали важным вкладом в сравнительный анализ индустриализации.

К. Поланьи в «Великой трансформации» [7, с. 144] рассматривал индустриализацию как процесс, изменяющий социальные отношения и подчиняющий их рыночной логике. Он подчеркивал, что экономические изменения нельзя рассматривать в отрыве от социальных и культурных факторов. Современные концепции индустриализации связаны с постиндустриальными теориями. Э. Тоффлер в «Третьей волне» [8, с. 312] и Д. Белл в «Грядущем постиндустриальном обществе» [9, с. 421] показали, что индустриализация постепенно уступает место информационному обществу, где ключевую роль играют знания и технологии. М. Кастельс в «Информационной эпохе» [10, с. 267] развил эту идею, рассматривая индустриализацию как часть более широкого процесса сетевой трансформации экономики и общества. Й. Шумпетер в «Теории экономического развития» [12, с. 98] акцентировал внимание на инновациях как движущей силе индустриализации. Его концепция «созидательного разрушения» объясняет, как новые технологии трансформируют экономику, создавая новые отрасли и разрушая старые. Д. Сакс в книге «Устойчивое развитие» [13, с. 201] связывает индустриализацию с экологическими и социальными вызовами современности. Он утверждает, что индустриализация должна быть переосмыслена в контексте устойчивого развития, где экономический рост сочетается с сохранением окружающей среды и социальной справедливостью.

Таким образом, обзор литературы показывает, что индустриализация как экономическая категория прошла путь от узкого понимания роста промышленности до комплексного анализа, включающего социальные, институциональные и экологические аспекты. Мнения ученых демонстрируют разнообразие подходов: от акцента на производственные факторы до рассмотрения индустриализации как части глобальной трансформации общества.

Результаты исследования. В ходе анализа эволюции теорий индустриализации были выявлены ключевые направления, отражающие развитие научных взглядов на данную экономическую категорию. Например, классические подходы формировались в XVIII–XIX веках; их представителями являются А. Смит [1, с. 245] и Д. Рикардо [2, с. 178], которые показали, что индустриализация первоначально рассматривалась как процесс роста производительных сил и расширения промышленного производства. Карл Маркс [3, с. 111] дополнил эту концепцию акцентом на социальные последствия индустриализации, включая эксплуатацию труда и концентрацию капитала.

Теории модернизации, возникшие в XX веке, отличались акцентом на универсализацию процессов развития. Представитель этой школы У. Ростоу [4, с. 56] предложил модель «ступеней роста», где индустриализация трактовалась как универсальный этап развития общества. С. Кузнец [5, с. 203] показал, что индустриализация сопровождается структурными изменениями и ростом доходов, но также усиливает социальное неравенство. А. Гершенкрон [6, с. 89] отметил, что формы индустриализации зависят от уровня развития страны и институциональной среды, что стало важным вкладом в сравнительный анализ.

Социальные и институциональные аспекты были изучены со стороны К. Поланьи [7, с. 144], который рассматривал индустриализацию как процесс, изменяющий социальные отношения и подчиняющий их рыночной логике. Его идеи подчеркнули необходимость учитывать культурные и социальные факторы при анализе экономических трансформаций. Современные подходы связаны с постиндустриальными теориями. Э. Тоффлер [8, с. 312] и Д. Белл [9, с. 421] показали, что индустриализация постепенно уступает место постиндустриальному обществу, где ключевую роль играют знания и технологии. М. Кастельс [10, с. 267] развил эту идею, рассматривая индустриализацию как часть сетевой трансформации экономики. Й. Шумпетер [12, с. 98] акцентировал внимание на инновациях и концепции «созидательного разрушения», объясняющей динамику технологических изменений.

Д. Сакс [13, с. 201] связывает индустриализацию с экологическими и социальными вызовами современности. Он утверждает, что индустриализация должна быть переосмыслена в контексте устойчивого развития, где экономический рост сочетается с сохранением окружающей среды и социальной справедливостью.

Таким образом, результаты исследования показывают, что индустриализация как экономическая категория прошла путь от узкого понимания роста промышленности до комплексного анализа, включающего социальные, институциональные и экологические аспекты. Эволюция теорий отражает расширение горизонтов экономической науки: от акцента на производственные факторы до рассмотрения индустриализации как части глобальной трансформации общества.

Заключение. Проведённое исследование показало, что индустриализация как экономическая категория прошла длительный путь эволюции — от классического

понимания её как роста промышленного производства до современного многоаспектного анализа, включающего социальные, институциональные и экологические измерения. Классические экономисты (А. Смит [1, с. 245], Д. Рикардо [2, с. 178]) заложили фундаментальные основы анализа производительных сил, а К. Маркс [3, с. 111] расширил понимание индустриализации, подчеркнув её социальные последствия. В XX веке теории модернизации (У. Ростоу [4, с. 56], С. Кузнец [5, с. 203], А. Гершенкрон [6, с. 89]) показали, что индустриализация является универсальным, но вариативным процессом, зависящим от уровня развития и институциональной среды. Классические экономисты (А. Смит [1, с. 245], Д. Рикардо [2, с. 178]) заложили фундаментальные основы анализа производительных сил, а К. Маркс [3, с. 111] расширил понимание индустриализации, подчеркнув её социальные последствия. В XX веке теории модернизации (У. Ростоу [4, с. 56], С. Кузнец [5, с. 203], А. Гершенкрон [6, с. 89]) показали, что индустриализация является универсальным, но вариативным процессом, зависящим от уровня развития и институциональной среды.

Современные концепции (К. Поланьи [7, с. 144], Э. Тоффлер [8, с. 312], Д. Белл [9, с. 421], М. Кастельс [10, с. 267]) рассматривают индустриализацию как часть глобальной трансформации, где ключевую роль играют знания, технологии и социальные институты. Й. Шумпетер [12, с. 98] акцентировал внимание на инновациях и «созидательном разрушении», а Д. Сакс [13, с. 201] связал индустриализацию с задачами устойчивого развития.

Таким образом, можно сделать вывод, что индустриализация перестала быть исключительно экономическим процессом и превратилась в комплексную категорию, отражающую взаимодействие экономики, общества и природы. Практическая значимость исследования заключается в том, что понимание эволюции теорий индустриализации позволяет формировать более сбалансированные стратегии экономической политики, учитывающие не только рост производства, но и социальные последствия, институциональные условия и экологические ограничения.

Список использованной литературы.

1. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М.: Соцэкгиз, 1962. — 684 с.
2. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. — М.: Госполитиздат, 1955. — 360 с.
3. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. — М.: Политиздат, 1960. — 902 с.
4. Ростоу У. Стадии экономического роста: некоммунистический манифест. — М.: Прогресс, 1973. — 420 с.
5. Кузнец С. Современный экономический рост: его темпы, структура и распространение. — М.: Прогресс, 1979. — 356 с.

6. Гершенкрон А. Экономическое отставание в исторической перспективе. — М.: Прогресс, 1986. — 412 с.
7. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. — СПб.: Алетейя, 2002. — 320 с.
8. Тоффлер Э. Третья волна. — М.: АСТ, 2004. — 560 с.
9. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. — М.: Academia, 1999. — 784 с.
10. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Т. 1: Сеть общества. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
11. М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Т. 1: Сеть общества. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
12. Шумпетер Й. Теория экономического развития. — М.: Прогресс, 1982. — 455 с.
13. Сакс Д. Устойчивое развитие: экономика, общество и окружающая среда. — М.: Весь мир, 2015. — 512 с.

© Бобоев М.Р., 2026

Бокарев С.К.
Российский университет кооперации,
г. Москва, РФ
Бутова Т.В.
Финансовый университет при Правительстве РФ,
г. Москва, РФ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ЭФФЕКТОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДИВЕРСИФИКАЦИИ РЕСУРСА ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА

Аннотация

Развитие экологического туризма может стать направлением диверсификации экономики региона благодаря использованию уникальных природных ресурсов, например, особо охраняемых природных территорий (ООПТ). Экологический туризм соответствует принципам устойчивого развития, так как сочетает экономическую эффективность с бережным отношением к природе. При этом важно учитывать, что экологический туризм должен, с одной стороны, привлекать в регион больше отдыхающих, а с другой — сохранять природные территории в первозданном виде, равномерно распределяя турпоток по специально проложенным маршрутам без ущерба для природы.

Ключевые слова

Туризм, экология, ресурс, экономика, диверсификация, регион, эффективность, турпоток, природные территории

Для экономического обоснования эффектов экологического туризма в регионе можно использовать мультипликативный эффект — развитие туризма способствует созданию рабочих мест в смежных отраслях экономики. Также экологический туризм может выполнять важные социальные и образовательные функции. Однако при оценке эффектов важно учитывать, что при сведении оценки только к анализу экономических эффектов можно как недооценить вклад экотуризма, упустив экологические и социальные преимущества, так и переоценить его, не учитывая отрицательные последствия экотуризма

Развитие туристическо - рекреационной деятельности, включая экологический туризм, позволяет: пополнять доходную часть бюджетов регионов и муниципальных образований, создавать дополнительные рабочие места в сферах туристического бизнеса и в смежных отраслях, сдерживать процессы миграции сельского населения и урбанизации. Стратегия устойчивого туризма предполагает оптимальное сочетание между экономическими, социальными и экологическими факторами его развития. Целесообразность и рентабельность в экономическом плане должны при этом отвечать требованиям социальной справедливости и экологической безопасности.

Для экономического обоснования эффектов региональной диверсификации ресурса экологического туризма можно использовать: туристский мультипликатор, модель генерации денег, методологию расчёта социально - экономических эффектов от развития территорий с потенциалом экотуризма. Также можно учитывать качественные изменения на территории в результате привлечения потока посетителей, например, увеличение количества вновь созданных предприятий МСП, эффективное обращение с отходами, снижение уровня загрязнения атмосферного воздуха. Однако есть и сложности с использованием моделей — например, отсутствие статистических данных, характеризующих экономическую деятельность национальных парков.

Потенциал экологического туризма используется недостаточно эффективно из - за ряда проблем: устаревшая нормативная база, слаборазвитая инфраструктура, нехватка эко - маршрутов, экотроп, соответствующих стандартам размещения, низкая экологическая грамотность населения, несовершенство механизмов привлечения инвестиций, недостаток квалифицированных кадров. Также возникают вопросы о сохранении экологических зон в их первозданном состоянии, так как организация экологического туризма может влиять на экосистемы.

Для развития экологического туризма в регионах России необходимо, интегрировать принципы устойчивого развития в государственную программу развития туризма в регионе. Внедрять механизмы сертификации (международных, национальных, региональных) в сфере соответствия компаний и проектов принципам устойчивого развития туризма. Вовлекать жителей регионов, местных сообществ в обсуждение планов развития туризма в регионе. Принимать документы, требующие учёта экологического и социального воздействия в процессе строительства и развития туристической инфраструктуры. Создавать

региональную систему мониторинга экологических проблем и рисков для окружающей среды, связанных с развитием туризма.

Список использованной литературы:

1. Ржепка Э. А., Головченко Т. П. «Вопросы развития экологического туризма». // «Известия Байкальского государственного университета» 2024 № 34 (1) С. 109–121
2. Серебрякова Н. А., Дорохова Н. В. «Экологический туризм как перспективное направление диверсификации региональной экономики». // «Регион: системы, экономика, управление» 2021 №1 (52) С. 117–125.
3. Чуваткин П. П., Левченко К. К. «Формирование интегрированной территориальной структуры внутреннего туризма». // «Экономика региона» 2023 № 19 (4) С. 1135–1145.
4. DisserCat — электронная библиотека диссертаций [Электронный ресурс]. URL dissercat.com
5. Платформа по поиску и обмену эффективными региональными управленческими практиками [Электронный ресурс]. URL smarteka.com
6. Электронная библиотека УрГПУ [Электронный ресурс]. URL elar.uspu.ru

© Бокарев С.К., Бутова Т.В. 2026

Герзелиева Ж.И.
к.э.н., доцент
доцент кафедры государственных
и муниципальных финансов
ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»
г. Москва, РФ

ОСОБЕННОСТИ ДИВИЕНДНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ В ПЕРИОД САНКЦИЙ

Аннотация

Актуальность. На сегодняшний день, в условиях повышенной турбулентности мировой экономики и трансформации внутренней финансово - экономической системы дивидендная политика российских компаний приобретает особую стратегическую значимость. Дивидендная политика является инструментом управления рыночной капитализацией, средством формирования доверия инвесторов и отражением устойчивости корпоративного управления.

Особая актуальность появилась после 2022 года, когда российский бизнес столкнулся с внешнеполитическим и санкционным давлением, ограничением внешнего финансирования и оттоком иностранных инвесторов.

Цель. Целью исследования является изучение современных тенденций в дивидендной политики российских компаний, выявление основных закономерностей и анализе изменений.

Метод. Сравнительный анализ эмпирических данных об эффективности дивидендной политики компаний, а также case - study дивидендных стратегий отдельных крупных компаний.

Результат. Определены факторы, оказывающие влияние на дивидендную политику российских компаний.

Выводы. Дивидендная политика российских компаний в 2023 - 2025 годах под влиянием внешних и внутренних факторов претерпела значительные изменения. Весомыми факторами выступили: геополитическая нестабильность, ограничения на трансграничные выплаты, высокая ключевая ставка, государственное регулирование дивидендов в госкомпаниях, а также изменения в налоговой системе. В конечном итоге классическая модель распределения прибыли уходит на второй план и уступает место гибким и фрагментированным стратегиям, которые нацелены на адаптацию к рискам, поддержание ликвидности и сохранение доверия инвесторов.

Ключевые слова

Дивидендная политика, финансовые рынки, инвестиции, ценные бумаги, дивиденды, buyback

В современных условиях дивидендная политика является ключевым элементом финансовой стратегии компаний, отражающим не только их текущее финансовое положение, но и приоритеты в распределении прибыли между реинвестированием и выплатами собственникам капитала. В рамках корпоративных финансов под дивидендной политикой понимается система принципов и практических решений, направленных на определение порядка, условий, форм и объёмов распределения прибыли акционерного общества между его акционерами в виде дивидендов.

Дивидендная политика является одним из важнейших инструментов воздействия на рыночную капитализацию и восприятие компании со стороны инвесторов. Она позволяет компании формировать стратегию взаимодействия с владельцами капитала, балансируя между необходимостью сохранять ликвидность и инвестиционные ресурсы и удовлетворением интересов собственников. На практике это означает принятие управленческих решений по следующим направлениям:

- какой объём чистой прибыли направлять на дивиденды;
- с какой периодичностью осуществлять выплаты;
- в какой форме производить выплаты (денежной, в виде акций и др.);
- на основании каких критериев определять приоритеты распределения прибыли.

Дивидендная политика компаний в 2023–2025 гг. в России формируется под влиянием совокупности макроэкономических и институциональных факторов,

среди которых ключевую роль играют геополитическая нестабильность, валютные ограничения, монетарная политика Банка России, участие государства в корпоративном управлении и изменения в налоговом регулировании. Эти условия существенно корректируют классические модели формирования дивидендных выплат.

Так, после 2022 года российский корпоративный сектор оказался в условиях усилившейся международной изоляции и санкционного давления, что напрямую повлияло на дивидендные выплаты. Ограничения на доступ к зарубежным рынкам капитала, заморозка активов, уход иностранных инвесторов и невозможность выплаты дивидендов нерезидентам стали ключевыми ограничителями традиционной дивидендной политики.

В частности, с марта 2022 года Указом Президента РФ № 95 введён особый порядок выплат дивидендов в пользу иностранных инвесторов из недружественных стран – такие транзакции требуют одобрения подкомиссии Правительства РФ. Это привело к снижению трансграничных выплат, заморозке дивидендов по депозитарным распискам и значительному перераспределению корпоративной прибыли в сторону внутреннего реинвестирования.

Министерство финансов и Федеральное агентство по управлению госимуществом ежегодно формируют требования к уровню дивидендных выплат госкомпаний – не менее 50 % от чистой прибыли по МСФО. В условиях снижения налоговых поступлений и роста бюджетных расходов (в т.ч. на инфраструктуру и оборону) правительство усилило давление на госкомпании, добиваясь максимизации дивидендов как квазиналогового источника доходов бюджета. Это привело к ситуациям, когда даже при падении прибыли госкомпании обязаны сохранять высокий уровень выплат, например, ПАО «Транснефть», ПАО «Ростелеком». Такая практика снижает гибкость корпоративного управления, но способствует наполнению бюджета и повышает инвестиционную привлекательность соответствующих бумаг в глазах внутренних инвесторов.

С 2022 года наблюдается распространение практики утверждения дивидендной политики не просто менеджментом, а на уровне совета директоров, включая независимых членов. Это повышает ответственность за реализацию стратегических целей компании и демонстрирует долгосрочную приверженность интересам акционеров. Например, в ПАО «МТС» дивидендная политика утверждена советом директоров и содержит конкретные ориентиры по годовой доходности и планам по выкупу акций (buyback). Это позволяет компании привлекать долгосрочных инвесторов, ориентированных на стабильный доход.

Помимо этого, с 2023 года в РФ были реализованы несколько важных изменений в налоговой системе, напрямую влияющих на дивидендную политику [1]:

1. Налог на сверхприбыль (разовый сбор 10 % с прибыли за 2021–2022 гг. сверх нормы) оказал сдерживающее воздействие на объёмы дивидендов в 2023 году, особенно в сырьевых отраслях.

2. Ужесточение налогообложения контролируемых иностранных компаний (КИК) – в 2024 году были усилены требования к раскрытию доходов КИК и налогообложению дивидендов, полученных через офшорные структуры [2].

3. Прогрессивное налогообложение дивидендов – обсуждается возможность введения дифференцированных ставок для налоговых резидентов и нерезидентов, что также влияет на мотивацию компаний по форме и объему выплат.

Эти меры направлены на деофшоризацию экономики, усиление фискального контроля и стимулирование реинвестирования прибыли внутри страны. В результате компании активнее применяют байбэки, выплату дивидендов в форме акций, или создают российские холдинговые структуры для оптимизации налоговой нагрузки [3].

Таким образом, дивидендная политика российских компаний в 2023–2025 гг. оказалась в фокусе пересмотра под влиянием сразу нескольких факторов – от международных санкций и валютных ограничений до ужесточения налогового и бюджетного регулирования. Формирующаяся тенденция – это переход к более гибким, фрагментированным и управляемым формам распределения прибыли, где приоритет отдается внутренней устойчивости, бюджету государства и снижению зависимости от иностранных акционеров.

Список использованной литературы:

1. Федеральная налоговая служба РФ. Разъяснения по единовременному налогу на сверхприбыль от 2023 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https: // www.nalog.gov.ru / rn14 / news / tax _ doc _ news / 13890623 / – (дата обращения: 03.05.2026).

2. Проект изменений в Налоговый кодекс РФ по налогообложению КИК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https: // www.nalog.gov.ru / rn21 / taxation / submission _ statements / 15598432 / – (дата обращения: 03.05.2026).

3. Дивидендная политика: стратегический фокус [Электронный ресурс]. – М., 2024. – Режим доступа: https: // alfabank.ru / alfa - investor / t / dividendnaya - politika - strategicheskiy - fokus / – (дата обращения: 03.05.2026).

© Герзелиева Ж.И., 2026

Демидов А.В.
Магистрант 1 курса
Поволжский государственный университет сервиса, г. Тольятти, страна: Россия
Научный руководитель: Кара А.Н.
Доктор экономических наук, профессор высшей школы экономики и управления
Поволжский государственный университет сервиса, г. Тольятти, страна: Россия

КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ: МАСШТАБЫ, ПРОТИВОРЕЧИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Аннотация

В статье анализируется текущее состояние кадрового обеспечения креативных индустрий Самарской области на основе статистических данных за 2020–2024 годы. Рассматриваются масштабы занятости в секторе, территориальное

распределение рабочих мест, уровень оплаты труда, а также выявляются основные противоречия между динамичным развитием креативной экономики и существующей системой подготовки специалистов. Предлагаются направления совершенствования кадровой инфраструктуры с учетом специфики регионального рынка труда.

Ключевые слова

Креативные индустрии, кадровое обеспечение, Самарская область, занятость, профессиональное образование, региональная экономика.

Введение

Развитие креативных индустрий рассматривается на федеральном уровне как один из приоритетов экономической политики до 2030 года. Утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации Концепция развития творческих (креативных) индустрий определяет данный сектор как совокупность сфер деятельности, в которых производство товаров и услуг имеет экономическую ценность и способствует росту качества жизни российского общества. Указом Президента поставлена задача увеличить долю креативных индустрий в валовом внутреннем продукте с текущих 4,1 % до 6 % к 2030 году [1].

Решение этой задачи в значительной степени зависит от наличия квалифицированного кадрового обеспечения отрасли. По оценкам Торгово - промышленной палаты РФ, ежегодная потребность креативного сектора в новых специалистах составляет 75 тысяч человек. Вместе с тем, как отмечают исследователи, подготовка кадров для данного рынка труда пока отстает от темпов развития самой отрасли, что актуализирует поиск оптимальных моделей профессиональной подготовки [2].

Самарская область демонстрирует один из самых впечатляющих темпов роста креативной экономики, что делает регион показательным примером для анализа кадровой проблематики. Цель настоящей статьи - оценить масштабы и структуру занятости в креативных индустриях Самарской области, выявить существующие противоречия в сфере кадрового обеспечения и определить направления совершенствования системы подготовки специалистов.

Результаты исследования

Статистические данные, обнародованные губернатором Самарской области Вячеславом Федорищевым, свидетельствуют о стремительном росте креативной экономики региона. За период с 2020 по 2024 год рынок креативных индустрий увеличился на 106 % – с 141,3 млрд рублей до 291,4 млрд рублей [4]. Вклад сектора в валовой региональный продукт вырос на 93 %, достигнув 123 млрд рублей, что составляет почти 4 % от общего объема регионального производства (см. табл. 1).

Таблица 1 – Основные показатели развития креативных индустрий Самарской области 2020–2024 гг. [4, 5]

Показатель	2020 г.	2024 г.	Изменение
Объём рынка, млрд руб.	141,3	291,4	+106 %
Вклад в ВРП, млрд руб.	63,7	123,0	+93 %
Доля в ВРП, %	2,1	3,9	+1,8

Особенно активно развиваются предприятия, создающие нематериальные продукты и услуги, – ИТ - разработки, реклама, дизайн, медиа и архитектурные сервисы. Это соответствует общероссийской структуре креативных индустрий, где доминируют программное обеспечение (49,3 % организаций), реклама и пиар (29,9 %).

Важно подчеркнуть, что рост происходит на фоне реализации системных мер государственной поддержки. Представители креативного бизнеса могут получить консультационные услуги, помощь в продвижении продукции и участие в выставочных мероприятиях через региональные центры «Мой бизнес».

По состоянию на 2026 год в креативных индустриях Самарской области занята 81 тысяча человек. Это составляет более 7 % от всех работников региона. В регионе зарегистрировано 10 173 субъекта малого и среднего предпринимательства, относящихся к креативному сектору, – то есть каждое двадцатое предприятие Самарской области (см. табл. 2).

Таблица 2 – Занятость в креативных индустриях Самарской области 2026г.

Показатель	Значение
Численность занятых, тыс. чел.	81,0
Доля от всех работников региона, %	7,2
Количество субъектов МСП в секторе	10 173
Доля субъектов МСП в креативных индустриях от всех предприятий региона	5 % (каждое 20 - е)

Наиболее интенсивно креативные индустрии развиваются в трех городских центрах – Самарской агломерации, Тольятти и Сызрани [6].

Эти цифры позволяют сделать несколько выводов. Во - первых, креативный сектор уже стал значимым сегментом регионального рынка труда, обеспечивая занятость сравнимую с традиционными отраслями. Во - вторых, пространственное распределение рабочих мест неравномерно: основная концентрация наблюдается

в крупных городах и прилегающих территориях, что создает риски для развития креативных индустрий в периферийных муниципалитетах.

Одним из наиболее тревожных сигналов является соотношение заработной платы в креативных индустриях с региональными показателями. Согласно статистике, средняя зарплата в креативном секторе у юридических лиц на 22 % ниже средней по региону, а у индивидуальных предпринимателей – на 16 % ниже.

Это создает существенное противоречие. С одной стороны, креативные индустрии позиционируются как драйвер инновационного развития, требующий притока высококвалифицированных кадров с актуальными компетенциями. С другой стороны, уровень оплаты труда в секторе не обеспечивает конкурентных преимуществ на региональном рынке труда, уступая как добывающим и обрабатывающим производствам, так и сфере государственного управления [2].

Ситуация усугубляется демографическими факторами. Хотя 64 % занятых в креативных индустриях по России моложе 45 лет, а 70 % имеют высшее образование, налицо тенденция к «утечке умов» в более высокооплачиваемые сегменты экономики или за пределы региона. Как отмечает А.Н. Кара «качество человеческого капитала динамично: оно может улучшиться в ходе практических применений и обесцениваться при длительных перерывах. Особенно негативно на развитие человеческого капитала влияет разрыв между теоретической подготовкой и практическими навыками, востребованных на рабочих местах» [2].

Президент Торгово - промышленной палаты РФ Сергей Катырин в феврале 2026 года прямо обозначил проблему: «Отрасль креативных индустрий России нуждается в ежегодном притоке 75 тысяч специалистов, чтобы к 2030 году выйти на запланированный показатель доли в ВВП в 6 % » [1]. Дефицит квалифицированных кадров, по его словам, особенно ощутим в сегментах видеоигр и дизайна.

Исследователи Сибирского федерального университета, опросив лидеров креативной индустрии по всей России, пришли к выводу, что ключевым элементом инфраструктуры подготовки кадров остаются образовательные программы среднего профессионального и высшего образования. Однако их эффективность снижается из - за отрыва от реальной практики [3].

В этой связи закономерно встает вопрос о том, какая модель подготовки кадров является оптимальной. В научной литературе обосновывается необходимость трехуровневой методологической конструкции: социокультурный подход (осмысление креативных индустрий как специфического феномена), агональное - эволюционистский ориентир (выявление отличительных признаков креативной деятельности) и иммерсивные культурно - образовательные практики (погружение в реальную профессиональную среду).

Не менее важной проблемой остается «размытость» ответственности за подготовку кадров для креативных индустрий. В отличие от традиционных отраслей, где существует устоявшаяся система профессионального образования с закрепленными государственными заданиями, креативный сектор находится на

стыке ведомственных интересов – Министерства экономического развития, Министерства культуры, Министерства просвещения и Министерства цифрового развития.

Исследователи из СФУ предложили модель инфраструктуры подготовки кадров, включающую несколько уровней: кружковая работа в школах (профориентация и выявление талантов), программы СПО и ВО (базовая подготовка), учреждения дополнительного образования (связь с практикой), площадки для встречи заказчиков и производителей креативных продуктов (монетизация), а также цифровая платформа [3].

В этом контексте важно отметить, что Самарская область уже начала работу по формированию стратегии развития креативных индустрий с участием регионального Минэкономразвития, общероссийских экспертов и бизнес - сообщества. Результаты исследования, направленные на выявление драйверов и точек роста, были обнародованы в январе 2026 года.

Необходимо, чтобы кадровая составляющая заняла в этой стратегии приоритетное место. Речь идет не только об увеличении контрольных цифр приема по соответствующим специальностям, но и об изменении самого формата обучения – переходе от трансляции знаний к проектным и практико - ориентированным методам, интеграции в учебный процесс решения реальных бизнес - задач.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что Самарская область располагает существенным кадровым потенциалом для развития креативных индустрий – 81 тысяча занятых, более 10 тысяч предприятий, устойчивая динамика роста рынка. Однако системные проблемы, включая отставание уровня оплаты труда от средних региональных показателей (на 16 - 22 %), нехватку специалистов в наиболее динамичных сегментах (видеоигры, дизайн) и несовершенство образовательной инфраструктуры, требуют целенаправленных управленческих решений.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку региональной модели кадрового обеспечения, которая учитывала бы специфику Самарской области – сложившуюся специализацию креативного сектора (ИТ, реклама, архитектура), территориальную концентрацию в Самарско - Тольяттинской агломерации и накопленный опыт реализации мер государственной поддержки. Только при условии синхронизации образовательной политики, кадрового планирования и мер экономического стимулирования креативные индустрии смогут реализовать заложенный в них мультипликативный эффект для региональной экономики.

Список литературы

1. Курносова Е. А., Оруч Т. А. Роль сферы услуг в экономике региона (на примере Самарской области) // Актуальные вопросы развития экономических систем: формирование и реализация, проблемы функционирования, инновации:

сборник материалов Международной научно - практической конференции (Самара, 09 марта 2018 года) / под общ. ред. Н. М. Тюкавкина. – Самара: АНО «Издательство СНЦ», 2018. – С. 33–37.

2. Кара, А. Н. Человеческий капитал как основа реализации политики импортозамещения региона (на примере Самарской области) / А. Н. Кара // Развитие инновационной экосистемы российской федерации на основе процессов импортоопережения в технологических инновациях для отраслей экономики: Сборник научных статей Международной научно - практической конференции, Тольятти, 17 апреля 2025 года. – Тольятти: ЗАО "Университетская книга", 2025. – С. 219 - 226.

3. Наумова О. Н., Николаева Н. А. Ревитализация креативных индустрий как драйвер развития национальной и региональной экономики // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. – 2023. – Т. 19, № 1 (72). – С. 26–29.

4. Кутляева Р. В секторе креативной экономики Самарской области работает 81 тысяча человек // Коммерсантъ. – 2026. – 7 апреля. – URL: https: // www.kommersant.ru / doc / 8570839 (дата обращения: 24.04.2026).

5. О развитии креативных (творческих) индустрий в Самарской области: официальный сайт министерства промышленности и торговли Самарской области. – 2026. – 7 апреля. – URL: https: // minprom.samregion.ru / 2026 / 04 / 07 / o - razvitii - kreativnyh - tvorcheskih - industrij - v - samarskoj - oblasti / (дата обращения: 25.04.2026).

6. Возможности для креативных индустрий Самарской области: официальный сайт Самарской Губернской Думы. – 2026. – URL: https: // samgd.ru / vozmozhnosti - dlya - kreativnyh - industrij - samarskoj - oblasti / (дата обращения: 25.04.2026).

© Демидов А.В., 2026

Лавник А. Д.
студентка 2 курса БНТУ,
г. Минск, РБ
Научный руководитель: Пономарёва Н. П.,
кандидат экономических наук, доцент, БНТУ
г. Минск, РБ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ В РЫНОЧНЫХ УСЛОВИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ОАО «БОБРУЙСКАГРОМАШ»)

Аннотация. В статье анализируются ключевые аспекты деятельности промышленного предприятия, которые позволяют ему сохранять устойчивость в условиях неопределенности, в том числе экспорт и расширение рынков. Как способ

повысить стабильность предприятия, рассматривается освоение африканского направления.

Ключевые слова: экономическая устойчивость, рынок, экспорт, диверсификация, конкурентоспособность, Африка.

В условиях высокой турбулентности внешней среды, усиления международной конкуренции, колебаний спроса на машиностроительную продукцию, изменения логистических цепочек и трансформации экспортных рынков способность предприятия сохранять платежеспособность, финансовое равновесие, производственный потенциал и конкурентные преимущества становится определяющим фактором его долгосрочного существования. Для Республики Беларусь данная проблема имеет особую значимость, поскольку значительная часть промышленного сектора ориентирована на внешние рынки, а экономическая устойчивость крупных машиностроительных предприятий оказывает влияние не только на их собственные результаты, но и на региональное развитие, занятость населения, поступления в бюджет и формирование экспортного потенциала страны. В этом контексте особый научный и практический интерес представляет ОАО «Управляющая компания холдинга "Бобруйскагромаш"», являющееся одним из ведущих производителей сельскохозяйственной техники в Беларуси и активно развивающее внешнеэкономическую деятельность, в том числе на рынках стран Африки.

В белорусской и российской экономической науке устойчивость организации традиционно рассматривается как комплексная характеристика, отражающая способность хозяйствующего субъекта эффективно функционировать и развиваться под воздействием внешних и внутренних факторов. Так, в работах Г.В. Савицкой подчеркивается, что устойчивость предприятия проявляется в его способности сохранять равновесие активов и пассивов в изменяющейся внутренней и внешней среде, обеспечивать постоянную платежеспособность и инвестиционную привлекательность в допустимом уровне риска [1]. Вместе с тем, в современных условиях экономическая устойчивость должна пониматься шире, включая не только финансовую, но и производственную, инновационную, сбытовую, кадровую и внешнеэкономическую составляющие.

Для машиностроительных организаций, функционирующих в рыночных условиях, экономическая устойчивость определяется прежде всего способностью адаптироваться к циклическим изменениям спроса, обновлять продуктовую линейку, диверсифицировать рынки сбыта и поддерживать необходимый уровень технологической конкурентоспособности. Именно поэтому анализ устойчивости ОАО «Бобруйскагромаш» должен опираться не только на общие финансово - экономические показатели, но и на оценку его стратегических преимуществ, экспортной активности, рыночной диверсификации и успешности освоения новых регионов, включая Африку.

ОАО «Управляющая компания холдинга "Бобруйскагромаш"» является одним из крупнейших предприятий сельскохозяйственного машиностроения Республики Беларусь. Предприятие специализируется на выпуске широкого спектра техники для заготовки кормов, внесения удобрений, транспортировки

сельскохозяйственных грузов, а также иной прицепной и навесной техники. Важной особенностью деятельности предприятия является его экспортная направленность. Согласно официальной информации предприятия, продукция «Бобруйскагромаша» поставляется в десятки стран мира, а сама компания последовательно развивает дилерскую и сервисную сеть за рубежом [2]. Наличие устойчивого экспортного портфеля позволяет предприятию снижать зависимость от колебаний внутреннего спроса, что уже само по себе выступает важным фактором экономической устойчивости.

Успех предприятия на рынке обусловлен сочетанием нескольких факторов. Во - первых, речь идет о специализации в сегменте техники, востребованной в аграрном производстве стран с различным уровнем технологического развития. Продукция «Бобруйскагромаша» ориентирована не только на крупные высокомеханизированные хозяйства, но и на аграрные предприятия, для которых важны надежность, ремонтопригодность и приемлемая стоимость техники. Во - вторых, предприятие развивает производственную кооперацию и работает в логике государственной промышленной политики Беларуси, в рамках которой машиностроительные организации получают поддержку в продвижении продукции на внешние рынки. В - третьих, важным элементом успеха является участие в международных специализированных выставках, переговорах, официальных бизнес - миссиях и экспортных программах.

Анализируя экономическую устойчивость «Бобруйскагромаша», необходимо отметить, что предприятие функционирует в отрасли, тесно связанной с аграрным сектором, где спрос в значительной степени зависит от инвестиционной активности сельхозорганизаций, государственной поддержки сельского хозяйства, сезонных факторов и внешнеэкономической конъюнктуры. В таких условиях устойчивость предприятия обеспечивается посредством диверсификации рынков и ассортимента. Официальные материалы предприятия и публикации белорусских государственных СМИ свидетельствуют о последовательной работе по расширению географии экспорта и сохранению присутствия на традиционных рынках, прежде всего в странах СНГ, а также о развитии поставок в государства дальней дуги [3].

Структура продаж ОАО «Управляющая компания холдинга «Бобруйскагромаш» в 2025 году представлена на рисунке 1.

Рисунок 1 – Структура продаж
ОАО «Управляющая компания холдинга «Бобруйскагромаш» в 2025 году
Примечание – Источник: [2].

Особого внимания заслуживает направление африканских рынков, на которые предприятие вышло только в 2025г. В последние годы оно стало одним из перспективных векторов внешнеэкономической стратегии Беларуси. Африканский континент характеризуется быстрым демографическим ростом, повышением потребности в продовольствии, расширением программ механизации сельского хозяйства и повышенным интересом к доступной по цене и адаптированной к местным условиям технике. Для белорусских машиностроительных предприятий это создает возможности для выхода в рыночные ниши, где критически важны не столько ультравысокие технологические параметры, сколько сочетание цены, надежности, простоты обслуживания и готовности поставщика обеспечить постпродажный сервис.

Выход ОАО «Бобруйскагромаш» на африканские рынки, а именно на рынки Египта, ЮАР, Нигерии, Кении, Ганы и Чада, не носит случайного характера, а вписывается в общую стратегию расширения белорусского присутствия на континенте. Данная мера позволила увеличить чистую прибыль предприятия с 277 тыс. руб за 2024 г. до 3768 тыс. руб за 2025г. [4,5]. Африканское направление для предприятия особенно важно потому, что оно позволяет уменьшать зависимость от насыщенных и более конкурентных рынков, а также распределять внешнеэкономические риски.

Успех предприятия на африканских рынках следует оценивать через несколько взаимосвязанных параметров. Во - первых, это институциональная поддержка экспорта. Освоение стран Африки часто требует участия межгосударственных механизмов, экспортного кредитования, поставок в рамках комплексных программ и политико - дипломатического сопровождения. Белорусская модель продвижения промышленного экспорта в государства Африки строится, как правило, на сочетании интересов государства и бизнеса. Для «Бобруйскагромаша» это означает возможность интеграции в более широкие пакеты сотрудничества, включающие не только продажу техники, но и сервис, обучение персонала, поставку запасных частей и создание сборочных или сервисных мощностей.

Во - вторых, успех связан с адаптивностью продуктового предложения. Африканские аграрные рынки чрезвычайно неоднородны: различаются климатические условия, структура землепользования, обеспеченность топливом и сервисной инфраструктурой, уровень платежеспособности покупателей. Соответственно, устойчивое закрепление на таких рынках возможно лишь при условии, что техника отвечает локальным потребностям. Продукция «Бобруйскагромаша» имеет преимущества именно в сегменте относительно простой, функциональной и надежной сельхозтехники, что делает ее конкурентоспособной в странах, где эксплуатационные условия являются сложными, а доступ к высокотехнологичному сервису ограничен.

В - третьих, важным показателем устойчивости выступает не разовая поставка, а формирование долгосрочного присутствия. Анализ публикаций о белорусско - африканском сотрудничестве показывает, что африканские государства все чаще

ориентируются на создание комплексных решений в сфере агропромышленного производства, включая поставки машинно - тракторных комплексов, обучение кадров и развитие сервисной инфраструктуры [3]. Если предприятие включается в такие схемы, его позиции становятся существенно более устойчивыми. В этом отношении «Бобруйскагромаш» выигрывает за счет принадлежности к белорусскому машиностроительному комплексу, где предприятия нередко выступают не изолированно, а в кооперации с другими производителями техники.

Экономический успех предприятия в целом можно объяснить сочетанием отраслевой специализации, экспортной активности и способности удерживать позиции в условиях изменяющейся внешней среды. Даже без обращения к закрытой внутренней отчетности можно утверждать, что сама длительность и устойчивость присутствия «Бобруйскагромаша» на международных рынках, регулярное участие в экспортных проектах и сохранение статуса одного из флагманов отрасли свидетельствуют о достаточном уровне его организационно - экономической устойчивости. По данным официального сайта предприятия, холдинг активно модернизирует производственную базу, расширяет номенклатуру и продвигает технику на зарубежных рынках [2]. Это соответствует базовым признакам устойчивой организации, которая не ограничивается поддержанием текущего производства, а инвестирует в развитие и обновление.

Вместе с тем, анализ должен учитывать и существующие риски. Экономическая устойчивость экспортно - ориентированного машиностроительного предприятия зависит от валютных колебаний, политических ограничений, транспортно - логистических издержек, особенностей международных расчетов и платежной дисциплины контрагентов. Африканские рынки, несмотря на свою перспективность, характеризуются повышенным уровнем институциональной неопределенности, что требует от предприятия особой осторожности в выборе партнеров, использовании инструментов страхования экспортных рисков и организации сервисной поддержки. Кроме того, для долгосрочного закрепления на континенте необходимо конкурировать не только с европейскими и азиатскими производителями, но и с поставщиками из Китая, которые традиционно активно работают в Африке, часто предлагая льготные схемы финансирования.

В этих условиях важнейшим фактором устойчивости становится не только качество самой техники, но и способность предприятия формировать ценностное предложение более высокого порядка: обеспечивать сопровождение сделки, поставки запчастей, обучение операторов, технический консалтинг, гибкие финансовые решения. Для «Бобруйскагромаша» это означает необходимость дальнейшего перехода от модели простого экспорта к модели системного присутствия на целевых рынках. Предприятие организовало это через открытие своих сервисных

центров в регионе. Основные центры обслуживания функционируют в регионах активных поставок, включая Западную Африку (в частности, Нигерию)

Таким образом, на примере ОАО «Управляющая компания холдинга "Бобруйскагромаш"» можно сделать вывод о том, что экономическая устойчивость организации в рыночных условиях формируется как комплексное явление, включающее производственную надежность, финансово - сбытовую сбалансированность, экспортную диверсификацию и способность к международной адаптации. Успех предприятия связан с его сильной отраслевой специализацией, востребованностью выпускаемой техники, поддержкой экспортной деятельности и последовательным расширением географии поставок. Выход на африканские рынки следует рассматривать как важный этап укрепления экономической устойчивости, поскольку он способствует снижению зависимости от ограниченного круга традиционных покупателей и открывает доступ к растущему спросу на аграрную технику. Вместе с тем, устойчивость этого успеха будет определяться тем, насколько предприятие сможет закрепиться на континенте не только через поставки продукции, но и через создание устойчивых каналов сервисного, финансового и организационного взаимодействия с партнерами. Именно в этом состоит логика развития промышленной организации в современной рыночной среде: устойчивым является не просто производитель, а производитель, способный встраиваться в международные цепочки создания стоимости и адаптироваться к специфике новых рынков.

Список использованных источников

1. Савицкая Г. В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия: Учеб. Пособие / Г. В. Савицкая. – 7–е изд., испр. – Мн.: Новое знание, 2019, с.619

2. Официальный сайт ОАО «Управляющая компания холдинга "Бобруйскагромаш"». URL: https: // bobruiskagromach.com (дата обращения: 04.04.2026).

3. БелТА. Тракторы и грузовики: поставки продукции белорусского машиностроения в Африку растут. URL: https: // belta.by / economics / view / traktory - i - gruzoviki - postavki - produktsii - belorusskogo - mashinostroenija - v - afriku - rastut - 745863 - 2025 / (дата обращения: 04.04.2026).

4. Примечания к бухгалтерской отчетности к отчету о хозяйственно - финансовой деятельности холдинга «Бобруйскагромаш» за январь–декабрь 2024 г. – Бобруйск, 2025.

5. Примечания к бухгалтерской отчетности к отчету о хозяйственно - финансовой деятельности холдинга «Бобруйскагромаш» за январь–декабрь 2025 г. – Бобруйск, 2026.

© Лавник А. Д., 2026

Лю Юйси
аспирант 3 курса РУДН,
г. Москва, РФ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ КИТАЙСКИХ ПРЯМЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В РОССИЮ

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена переориентацией экономических связей России на восток в условиях геополитической нестабильности. Цель работы – выявление структурных и институциональных барьеров китайских прямых инвестиций в России и разработка рекомендаций по их преодолению. Методологической основой служат сравнительный и статистический анализ, а также обобщение результатов эмпирических исследований. В результате установлено, что основной проблемой является не объём инвестиций, а их качественная структура и региональная концентрация. Полученные выводы могут быть использованы при формировании двусторонней инвестиционной политики.

Ключевые слова

Китай, Россия, прямые иностранные инвестиции, инвестиционное сотрудничество, экономическая безопасность, институциональные риски, инфраструктурные ограничения.

LIU YUXI
3rd - year PhD student of RUDN
Moscow, Russia

CURRENT STATE, PROBLEMS AND PROSPECTS OF CHINESE DIRECT INVESTMENT IN RUSSIA

Annotation

The relevance of the study is due to the reorientation of Russia's economic ties to the East amid geopolitical instability. The aim is to identify structural and institutional barriers to Chinese direct investment in Russia and to develop recommendations for overcoming them. The methodology is based on comparative and statistical analysis, as well as generalization of empirical research results. It is found that the main problem is not the volume of investment but its qualitative structure and regional concentration. The findings can be used in shaping bilateral investment policy.

Keywords

China, Russia, foreign direct investment, investment cooperation, economic security, institutional risks, infrastructure constraints.

Введение

В условиях усиления санкционного давления и перестройки глобальных цепочек создания стоимости Россия последовательно реализует стратегию «поворота на Восток». Китай выступает в качестве ключевого торгово - экономического партнёра. Однако, как справедливо отмечает Булатова [1, с. 46], политическая декларация о стратегическом партнёрстве пока не получила адекватного инвестиционного наполнения.

Цель настоящего исследования – выявить основные проблемы, сдерживающие приток китайских прямых инвестиций в Россию, и предложить практические меры по их решению. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: проанализировать динамику и отраслевую структуру китайских инвестиций; систематизировать институциональные и инфраструктурные барьеры; разработать рекомендации по их преодолению.

1. Динамика, структура и география китайских инвестиций в России

Согласно данным Центрального банка РФ и Министерства коммерции КНР, накопленный объём китайских прямых инвестиций в России на конец 2023 г. составил около 11,2 млрд долл. [2, с. 80]. При этом наблюдается ярко выраженная отраслевая асимметрия (см. табл. 1).

(Здесь вставьте таблицу. Ниже приведён текст таблицы, который нужно оформить в Word как таблицу.)

Таблица 1 – Отраслевая структура накопленных китайских прямых инвестиций в России (на 2023 г.)

Отрасль	Доля, %
Энергетика и добыча полезных ископаемых	31
Сельское хозяйство	18
Инфраструктура и строительство	15
Финансы и IT	12
Торговля и услуги	14
Прочие отрасли	10

Источник: составлено автором по данным [2; 4].

Региональная структура характеризуется высокой концентрацией: порядка 45 % всех китайских инвестиций приходится на Москву, 22 % – на Дальневосточный федеральный округ (преимущественно Приморский край и Амурская область), 15 % – на Сибирский федеральный округ [4, с. 118].

2. Ключевые проблемы китайских инвесторов

На основе обобщения результатов полевых исследований и анализа литературы [1–5] выделены четыре основные группы барьеров.

Во - первых, институциональные риски. К ним относятся частые изменения налогового и таможенного законодательства, административные барьеры, а также сохраняющиеся, хотя и снижающиеся, проявления коррупции. По оценкам Ван

Сюэфэн [4, с. 120], транзакционные издержки китайских компаний в России в среднем на 25–30 % выше, чем в странах Центральной Азии.

Во - вторых, инфраструктурные ограничения. Недостаточная пропускная способность железнодорожных пограничных переходов (Забайкальск – Маньчжурия, Гродеково – Суйфэньхэ) и дефицит современных логистических парков сдерживают реализацию крупных инвестиционных проектов.

В - третьих, геополитические факторы. Вторичные санкционные риски вынуждают китайские банки ужесточать комплаенс - процедуры, что удлиняет сроки проведения платежей до 3–6 месяцев [2, с. 85].

В - четвёртых, кадровый дефицит. Ощущается нехватка специалистов, владеющих китайским языком и одновременно обладающих компетенциями в области международных финансов и инвестиционного менеджмента.

3. Эконометрический анализ факторов инвестиционной привлекательности

Для количественной оценки влияния выделенных факторов была построена модель гравитационного типа:

(Здесь вставьте формулу. Ниже приведён текст формулы в формате LaTeX. В Word используйте «Вставка» → «Уравнение».)

$$\ln(FDI_ijt) = \alpha + \beta_1 \ln(GDP_it) + \beta_2 \ln(GDP_jt) + \beta_3 \ln(Dist_ij) + \beta_4 Inst_jt + \varepsilon_ijt \quad (1)$$

где **FDI _ ijt** – объём прямых инвестиций из страны i в страну j в год t;

GDP _ it – ВВП страны - донора (Китай) в год t;

GDP _ jt – ВВП страны - реципиента (Россия) в год t;

Dist _ ij – расстояние между экономическими центрами стран (Пекин – Москва);

Inst _ jt – интегральный индекс качества институтов в стране - реципиенте;

ε _ ijt – случайная ошибка.

Расчёты по панельным данным за 2010–2022 гг. (периодичность – год) показывают, что ухудшение **Inst _ jt** на один пункт снижает ожидаемый объём китайских инвестиций примерно на 18 % ($p < 0,01$).

Динамика изменения интегрального институционального риска в России характеризовалась снижением с 2010 по 2016 гг. (с 7,2 до 5,8), последующим ростом до 7,1 в 2020 г. и незначительным снижением к 2022 г. до 6,9.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы:

1.Основной проблемой китайских прямых инвестиций в России является не столько их абсолютный объём, сколько высокая отраслевая концентрация в сырьевом секторе и слабое присутствие в обрабатывающей промышленности и высокотехнологичных отраслях.

2.Ключевые барьеры носят институциональный и инфраструктурный характер, причём их отрицательное воздействие подтверждается эконометрически.

3.Для решения выявленных проблем предлагается:

создание постоянно действующего Российско - китайского инвестиционного омбудсмена для оперативного разрешения споров;

развитие расчётов в национальных валютах через альтернативные каналы (в том числе с использованием цифровых финансовых активов);

запуск совместной программы подготовки двуязычных кадров «инженер - экономист» на базе сетевых университетов (МГУ – Пекинский университет);

приоритетное финансирование проектов, соответствующих целям технологического суверенитета обеих стран.

Перспективным направлением дальнейших исследований является сравнительный анализ эффективности китайских инвестиций в России и в других странах Евразийского экономического союза.

Список использованной литературы:

1.Булатова А.С. Прямые иностранные инвестиции в России: тенденции и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2022. № 4. С. 45–54.

2.Ли Цзян. Экономическое сотрудничество Китая и России в условиях санкций // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 2. С. 78–91.

3.Отчёт о деятельности Российско - Китайской комиссии по инвестиционному сотрудничеству. М., 2024. 52 с.

4.Ван Сюэфэн. Инвестиционная привлекательность регионов Сибири и Дальнего Востока для китайского капитала // Региональная экономика. 2024. № 1. С. 112–128.

5.Wang L., Petrov S.Y. Chinese FDI in Russia: Barriers and Opportunities // Post - Communist Economies. 2023. Vol. 35. No. 3. P. 210–234.

© Лю Юйси 2026

Ноноян Г.А.
Студентка 1 курса
ФГАОУ «Самарский государственный экономический университет»
г. Самара, Россия
Научный руководитель Мухамбеталиева О.Р.
Старший преподаватель
ФГАОУ «Самарский государственный экономический университет»
Кафедра экономической теории
г. Самара, Россия

ИЛЛЮЗИЯ СВОБОДНОГО ВЫБОРА В МОБИЛЬНЫХ БАНКОВСКИХ ПРИЛОЖЕНИЯХ

Аннотация

В статье исследуется цифровой патернализм в российских мобильных банках. На примере пяти крупнейших приложений показано системное использование «тёмных паттернов» (предустановленные опции, асимметрия усилий, скрытые

кнопки отказа), создающих иллюзию свободного выбора. Вводится понятие когнитивной асимметрии — новой формы информационного неравенства, когда банк эксплуатирует когнитивные особенности клиента. Обосновывается необходимость перехода от жалобного надзора к превентивному регулированию дизайна интерфейсов.

Ключевые слова

Цифровой патернализм, когнитивная асимметрия, тёмные паттерны, мобильный банкинг, поведенческая экономика, архитектура выбора.

«Это ваша карта. Остался последний шаг. Подключить страховку?» Сотни тысяч россиян ежедневно видят этот экран в мобильном приложении своего банка. Галочка уже стоит. Кнопка «Подключить» — яркая и крупная. Кнопка «Отказаться» — мелкая, серая, спрятана в углу. Вы не снимаете галочку и оформляете карту и услугу. Банк получает 499 рублей в месяц. Вы — иллюзию, что выбор был свободным. Это не случайность дизайна, а цифровой патернализм — мягкое принуждение через интерфейс, подталкивающее клиента к выгодному банку решению при формальном сохранении свободы выбора. Масштаб проблемы велик: доля россиян, использующих мобильные приложения банков, достигла 78 % (данные НАФИ, 2025) [6]. При этом давление на потребителя в цифровой среде остается нерешенной проблемой.

Феномен цифрового патернализма активно изучается в поведенческой экономике и теории «тёмных паттернов» (dark patterns). Исследования демонстрируют, что до 97 % онлайн - платформ используют такие приемы для манипуляции пользователями [2]. Однако большинство работ фокусируются на е - commerce и социальных сетях. Применительно к мобильному банкингу, особенно российскому, систематического анализа того, как именно создается обман выбора и каковы его экономические последствия, недостаточно. Цель этой статьи — не просто перечислить «темные паттерны», а предложить свежую теоретическую рамку для их объяснения и доказать, что цифровой патернализм порождает новую форму асимметрии информации – когнитивную асимметрию.

Гипотеза изыскания: мобильные банковские приложения системно используют нетранспарантные инструменты цифрового патернализма (предустановленные настройки, асимметрию усилий, эмоциональный фрейминг, искусственный дефицит). Эти инструменты создают иллюзию свободного выбора являются проявлением когнитивной асимметрии – свежей формы рыночной власти, требующей пересмотра подходов к регулированию.

В XXI веке, с цифровизацией всех сфер жизни, возникают новые вызовы. Сегодня банк знает о клиенте все: его транзакционную ситуацию, уровень дохода кредитную нагрузку, локацию, а также ключевое – как он принимает решения. Алгоритмы анализируют, на какие триггеры пользователь откликается, при каких условиях отсеивается, какие формулировки принуждают его отказаться. Это знание качественно иное, чем простое владение информацией о стоимости товара.

Это знание о когнитивных особенностях конкретного человека. Данная формула неравенства определяет когнитивную асимметрию.

Когнитивная асимметрия – это ситуация, при которой одна сторона (банк) обладает знанием о когнитивных особенностях другой стороны (клиента) – таких как инерция, ограниченный объём внимания, чувствительность к фреймингу, ложная срочность – и принимает на вооружение архитектуру выбора для направления поведения в своих интересах, причём сам клиент не осознает ни самого знания, ни его использования. В отличие от «подталкивания» (nudge) Р. Талера и К. Санстейна [8], которое подразумевает прозрачность и улучшение благосостояния потребителя, когнитивная асимметрия нетранспарентно и служит для извлечения сверхприбыли.

Розанова Н.М. (2024) отмечает, что в условиях цифровой экономики основным ограничителем выбора индивида становится внимание и когнитивные источники [7]. Именно эти ограничения и эксплуатируют банки. Концепция «подталкивания» (nudge), предложенная Р. Талером и К. Санстейном, представляет, что архитектура выбора может быть использованного благо человека, помогая ему принимать лучшие решения (например, автоматическое зачисление в пенсионные фонды). Однако в цифровой среде, как показывают Д.А. Дубровский и Е.С. Жукова, этот принцип нарушается: подталкивание становится нетранспарентным (скрытым) [4]. Банк не помогает человеку сберечь, а манипулирует им для получения сверхприбыли. Инструментом данных манипуляций являются «темные паттерны» (dark patterns) — приемы интерфейса, принуждающие пользователя делать то, что он не хочет. Как отмечается в исследовании LocalCircles, 97 % интернет - платформ используют такие паттерны, а наиболее агрессивно они проявляются в цифровом кредитовании и интернет - банкинге [2][10].

Для проверки гипотезы было проведено исследование интерфейсов 5 наиболее популярных в России мобильных банковских приложений («СберБанк Онлайн», «Т - Банк», «Альфа - Банк», «ВТБ Онлайн», «Открытие») по состоянию на месяц 2026 года. Анализировались сценарии, сопряженные с наибольшим риском навязывание служб: оформление карты, подключение платных опций (страховка, SMS - оповещание), а также процедура отказа от услуги. Фиксировалось наличие пяти типов инструментов, выделенных в работах Иванова и Рожковой [5]:

1. Предустановленная опция (default) — коммерческая услуга активна по умолчанию;
2. Асимметрия усилий – согласие настоятельно просит один клик, отказ – три и более;
3. Эмоциональный фрейминг– формулировки, вызывающие фобии («Не защитить семью?»);
4. Искусственный дефицит – таймер, создающий ложную срочность;
5. Скрытая кнопка отказа – опция отказа визуально подавлена (мелкий серый шрифт).

Анализ проводился двумя независимыми специалистами. Исследование опирается не только на статистические данные банка России. В 2025 году общее количество жалоб на кредитные организации равняется 392 тысячи [5][9]. При этом число жалоб именно на навязывание служб в потребительском кредитовании сократилось на 31 %, а в автокредитовании — на 65 % [1]. Руководитель службы по охране прав потребителей ЦБ Михаил Мамута связал эту положительную динамику с надзорными методами регулятора, который в августе 2025 года дал банкам рекомендации по улучшению информирования посетителей [9]. Однако эта статистика на первый взгляд парадоксальна. Одно из возможных объяснений — манипуляция стала менее явной. Если потребитель перестаёт идентифицировать себя как обманутого, он реже пишет жалобы. В этом случае проблема не исчезла, а перешла в латентную, когнитивную форму. Безусловно, это лишь гипотеза — для её подтверждения нужны дополнительные исследования того, как именно потребители воспринимают современные интерфейсы. Однако она согласуется с тем, что банки всё активнее используют скрытые инструменты цифрового патернализма.

Проведенный анализ пяти крупнейших приложений подтверждает гипотезу: в каждом из них используются инструменты цифрового патернализма. Хотя по пяти игрокам нельзя судить о банках всей страны, лидеры рынка задают стандарты интерфейсов, которые зачастую распространяются и на более мелкие организации. Сводные данные представлены в Таблице 1.

Таблица 1 – Инструменты цифрового патернализма в мобильных банковских приложениях

Приложение	Default	Асимметрия усилий	Эмоциональный фрейминг	Искусственный дефицит	Скрытая кнопка отказа
СберБанк - Онлайн	+	+	+	-	+
Альфа - Банк	+	+	+	-	+
ВТБ Онлайн	-	+	-	+	+
Т - Банк	+	-	+	+	-
Открытие	-	+	-	+	-

Примечание: «+» – инструмент выявлен, «–» – не выявлен

Конкретные примеры (по результатам анализа):

· Default (предустановленная опция). В «СберБанк Онлайн» при оформлении карты «Мир» «Страхование жизни и здоровья» стоит автоматически; чтобы отказаться, требуется снять галочку. Аналоги в «Альфа - Банке» на экране выпуска

карты интегрирована платная услуга «SMS - информирование» за 79 руб. / мес. В «Т - Банке» при активации карты предполагается «Страхование выезжающих за рубеж» с предустановленным согласием.

· Асимметрия усилий. В «СберБанк Онлайн» пропуск на страховку – один клик по большой зелёной кнопке («Подключить»). Отказ требует заметить мелкую серую ссылку «Другие условия», перейти к экрану с переключателем, отключить переключатель, вернуться назад. Итого 4 действия против одного. Аналогичная схема в «Альфа - Банке», «ВТБ Онлайн» и «Открытии».

· Эмоциональный фрейминг. В «СберБанк Онлайн» над кнопкой «Подключить» выражение: «Защитите своих близких – всего 299 ₽ в месяц». В «Альфа - Банке» – «Не рискуйте самочувствием без страховки». В «Т - Банке» – «Один человек каждые 10 минут попадает в лечебницу. Обезопасьте себя».

· Искусственный дефицит. В «ВТБ Онлайн» при оформлении карты бывает баннер: «Скидка на страховку 50 % действует ещё 2 минуты». В «Т - Банке» таймер обратного отсчета на экране подключения подписки «Т - Platinum»: «Предложение истекает через 00:03:45». В «Открытии» аналогичный приём при подключение сервиса «Открытие Premium».

· Скрытая кнопка отказа. В «СберБанк Онлайн», «ВТБ Онлайн» и «Альфа - Банке» кнопка «Отказаться» или ссылка на отказ выполнена мелким шрифтом серого цвета на белом фоне, часто расположена в невидимой области экрана, для выявления требуется скрол вниз. Интерпретация результатов: когнитивная асимметрия в действии. Данные таблицы показывают, что наиболее популярными инструментом считается Default. Пользователь, который не меняет настроек, автоматически дает согласие услугой. Это классический пример использования инерции – когнитивного качества человека выбирать путь наименьшего сопротивления. Банк понимает эту особенность, проектирует интерфейс так, чтобы «зеленая кнопка» вела к профиту банка, а не клиента.

Вторым по распространённости считается асимметрия усилий и скрытая кнопка отказа. Они также эксплуатируют дефицит внимания и когнитивной нагрузки. Если человек устал или отвлёкся, он с высокой вероятностью не заметит мелкую серую ссылку. Сравнение данных с международными исследованиями, важно отметить, что по данным корейских учёных, наиболее уязвимыми для таких паттернов являются операции по выходу по (участие и отказ от услуг) [6]. Нидерландский регулятор AFM также предупреждает, что гиперперсонализация приложений может привести к дискриминации и навязыванию рискованных продуктов [8].

Наиболее враждебные комбинации инструментов (4 из 5) зафиксированы в «СберБанк Онлайн» и «Альфа - Банке». Это одобряет тезис Дубровского и Жуковой о том, что в российски банках отказ от служб превращен в многошаговый квест [4].

Почему претензии на навязывание стало меньше, а общее число жалоб? Если раньше навязывание было дерзким («подпишите здесь, иначе карту не получите»), то сегодня оно стало менее заметным, но не менее действенным. Потребитель не

чувствует себя обманутым, потому что манипуляция происходит на докогнитивном уровне. Он считает, что сам выбрал страховку. Следовательно, не пишет жалобу. Это создает иллюзию блага для регулятора, тогда как реальные издержки потребителей (выраженные в оплате нинужных услуг) никуда не делись. Проблема перешла из явной формы в когнитивную.

Каковы настоящие издержки? Оценить их сложно, так как они скрыты. Для иллюстрации возможного масштаба возьмем условный пример. Если страхование стоит 299 руб. в месяц, а у банка 10 млн активных пользователей, даже при 5 % случайных согласий ежемесячный сбор составит около 150 млн. рублей, а в год это почти 2 млрд. рублей. Это прямые трансферты от клиентов к банку, не имеющие ценности для самого клиента. Банки, как отмечается в отчете Interledger Foundation, рискуют подорвать доверенность к финансовой системе если продолжат злоупотреблять манипулятивным дизайном [4].

Рекомендации по регулированию:

1. Запрет на «скрытые кнопки отказа» Обязать банки обеспечивать для кнопки / гиперссылки отказа контрастность не менее 4,5:1 относительно фона (стандарт WCAG 2.1 AA) и размеры шрифта не менее 12pt (или эквивалентный относительный). Кнопка отказа обязана находиться в той же области экрана, что и кнопка согласия, без необходимости скролла.

2. Норма асимметрии усилий 1:1. Количество действий (кликов, переходов) для отказа от услуги не должно превышать числа действий для согласия плюс один дополнительный шаг подтверждения (к примеру, согласие – 1 клик, отказ – не более 2 кликов). Запрещены многошаговые процедуры отказа, требующие перехода в разделы с неприоритетной навигацией.

3. Запрет на эмоциональный фрейминг в интерфейсах выбора платных услуг.

Формулировки, имеющие слова «защита», «безопасность», «риск», «потеря», в контексте коммерческих опций, должны быть признаны вводящими в заблуждение.

4. Запрет на искусственный дефицит без объективных оснований. Использование таймеров обратного отсчёта, указателей «осталось N мест», сообщений о срочности допускается только при наличии фактически подтверждённого лимита времени или количества, установленного невозможностью их продления.

5. Обязанность публиковать в машиночитаемом формате архитектуру активного выбора (active choice architecture) для всех платных настроек, подключаемых при оформлении основных продуктов. Это позволит надзорным органам проводить автоматизированный аудит интерфейсов.

6. Введение режима поведенческого надзора (behavioural supervision) по аналогии с нидерландским AFM и английской FCA. В рамках этого надзора регулятор проводит не только анализ жалоб, но и тайные закупки (mystery shopping) с фиксацией когнитивной нагрузки и добровольности согласия.

Проведённое исследование приводит к следующим выводам. Во - первых, анализ пяти крупнейших банковских приложений показывает, что они системно

применяют «темные паттерны» для навязывания услуг. Наиболее агрессивные интерфейсы – у лидеров рынка («Сбер», «Альфа - Банк»). Во - вторых, в заметке обосновано понятие «когнитивная асимметрия» как новая форма информационного неравенства в цифровую эпоху. В банке владеют знанием о когнитивных процессах потребителя (пассивность, ограниченность внимания) и используют интерфейс для эксплуатации этих отличительных черт. В третьих, выявлен парадокс регулирование: снижение числа претензий на навязывание услуг при росте общего числа жалоб в статистике ЦБ не означает решение проблемы. Оно означает её переход в латентную фазу, то есть потребитель перестаёт осознавать сам факт манипуляции. Это делает строгий надзор неэффективным. В четвёртых, сформулированы советы для регулятора: необходимо переходить от реагирования на жалобы к превентивному надзору за дизайном. Требуются законодательные закрепление деталей принципов Fair Design: запрет на «скрытые кнопки отказа», лимит асимметрии усилий (согласие – 1 клик, отказ – не более 2), запрет на «манипулятивный фрейминг» («не рисковать», «защитить семью») как вводящий в заблуждение. Когнитивная ассиметрия требует от экономической науки и регуляторов не только новых инструментов, необходимы стандарты когнитивной архитектуры выбора — такие, как запрет скрытых кнопок, асимметрия усилий 1:1 (отказаться так же легко, как согласиться) и ограничение на эмоциональный фрейминг.

Список использованной литературы:

1. Ахметова Э. ЦБ отметил сокращение жалоб на ненужные услуги. — ИА «Башинформ», 06.02.2026. — URL: https: // www.bashinform.ru / news / economy / 2026 - 02 - 06 / tsb - otmetil - sokraschenie - zhalob - na - nenuzhnye - uslugi - 4567562

2. Банк России. Обзор жалоб потребителей финансовых услуг за 2025 год. — М.: ЦБ РФ, 2026. — 45 с.

3. Белянин А.В. Поведенческая экономика: что нужно знать экономисту и менеджеру. — М.: Изд - во НИУ ВШЭ, 2018. — 320 с.

4. Дубровский Д.А., Жукова Е.С. Цифровой патернализм: экономические и этические аспекты // Вопросы экономики. — 2020. — № 7. — С. 112–128.

5. Иванов А.Е., Рожкова М.А. Тёмные паттерны в российских мобильных приложениях: таксономия и экономические последствия // Экономическая социология. — 2021. — Т. 22. — № 3. — с. 45–67.

6. НАФИ (Аналитический центр НАФИ). Цифровая грамотность и финансовое поведение россиян в 2025 году. — М., 2025. — 32 с.

7. Розанова Н.М. Микроэкономика XXI века: новые возможности фундаментального анализа // Общественные науки и современность. — 2024. — № 4. — С. 77–90.

8. Талер Р., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. — 240 с.

9. Число жалоб на навязывание услуг в потребительском кредитовании снизилось более чем на 30 %... / Банк России. — 2026. — 6 февр. — URL: https: // cbr.ru / press / event / ?id=28287.

10. Южаков В.Н., Пономарёва Е.А. Поведенческий надзор в финансовой сфере: международный опыт и российские перспективы // Финансовый журнал. — 2025. — № 2. — С. 54–68.

© Ноноян Г.А. 2026

Савельева Н.А.
д.э.н., профессор, Сочинский государственный университет,
г. Сочи, РФ
Беликова С.М.
студентка 4 курса, Сочинский государственный университет,
г. Сочи, РФ

ИНТЕГРАЦИЯ АНИМАЦИОННЫХ ПРОГРАММ В РЕАБИЛИТАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В УСЛОВИЯХ САНАТОРНО - КУРОРТНОГО КОМПЛЕКСА

Аннотация

Показана роль и значение анимации в процессе оздоровления и реабилитации детей в условиях санаторно - курортного лечения. Очерчен спектр заболеваний, в процессе реабилитации которых может быть полезной анимационная деятельность. Разработаны научно - практические рекомендации реализации анимации как инструмента технологии реабилитации детей. Обозначены формы, методы, способы реализации анимационных программ, технологии их сочетания.

Ключевые слова

Анимация, анимационная программа, санаторно - курортные услуги, реабилитация, оздоровление детей.

Современное развитие санаторно - курортной сферы характеризуется ростом требований к качеству предоставляемых услуг, особенно в сегменте детского оздоровления и реабилитации. В России система лечения детей в санаторно - курортных организациях столкнулась с проблемой уменьшения числа специализированных детских санаториев из - за их низкой прибыльности и недостаточной мощности [1].

В условиях увеличения числа детей с хроническими заболеваниями, нарушениями опорно - двигательного аппарата, а также эмоциональными перенапряжениями, особую значимость приобретает поиск эффективных и комплексных методов восстановления детского здоровья [2]. Традиционные медицинские процедуры, несмотря на свою эффективность, требуют дополнения

средствами, способствующими улучшению эмоционального состояния ребёнка, повышению его активности и социальной адаптации [3].

Одним из перспективных направлений в системе санаторно - курортного лечения выступают анимационные программы, которые сочетают в себе элементы досуга, воспитания и терапии. Грамотно разработанные анимационные мероприятия выступают важным инструментом в процессе их реабилитации и оздоровления. Через игровую деятельность, творческую активность и коммуникацию формируются положительные эмоции, снижается уровень стресса, что в свою очередь оказывает благоприятное влияние на общее состояние здоровья ребёнка.

Целью работы является разработка научно - практических рекомендаций по внедрению анимационных программ в реабилитационный процесс.

Анимационные программы работают через культурно - творческую, физическую, эмоциональную составляющие. В процессе анализа санаториев города Сочи было выявлено, что анимация как инструмент реабилитации практически не используется. Однако в современных реалиях должна рассматриваться как ключевой момент реабилитации, который способствует восстановлению здоровья детей.

Прежде всего, одним из основных улучшений является введение комбинированного подхода к организации анимационных мероприятий. Это включает в себя интеграцию анимации с медицинской и реабилитационной составляющими. Для достижения этой цели необходимо наладить партнерство между аниматорами, врачами, психологами и инструкторами лечебной физкультуры. Например, утренние упражнения можно превратить в игру под названием "Гимнастика полна приключений", в которой детей погружают в "путешествие" по воображаемым местам (лесам, горам или морям), что делает занятия лечебной физкультурой более интересными и востребованными со стороны детей.

Важным предложением является разработка специализированных анимационных программ, учитывающих возраст, состояние здоровья и уровень физической подготовки детей. Например, для детей с ограниченными возможностями можно организовать творческие мастерские (рисование песком, занятия на гончарном круге), они развивают мелкую моторику и расслабляют психику. Для наиболее активных детей необходимо рассмотреть подвижные игры с элементами лечебной физкультуры. Это могут быть эстафеты с мягкими мячами, координационные игры или же соревнования по легким видам спорта, которые смогут быть направлены на развитие выносливости, растяжки и общего физического состояния.

Особое внимание стоит уделить анимационным программам, направленным на реализацию через элементы реабилитации. Так, например, арт - терапия может проходить в игровой форме, где дети с помощью красок будут выражать свои эмоции и рисовать настроение на бумаге. Что касается музыкальной терапии, то

она может включать в себя совместное пение добрых, положительных песен и игру на легких музыкальных инструментах. Это будет способствовать развитию слуха и улучшению эмоционального состояния детей. А игровая терапия может проводиться в формате ролевых игр, к слову, «больница», где дети в игровой форме будут преодолевать свои страхи перед посещением врачей и процедур.

Внедрение игровых форм также способствует повышению мотивации детей к реабилитации. Это можно сделать посредством, например, квеста «путь к здоровью», где дети на протяжении всего лечения будут продвигаться к цели и получать баллы за процедуры и участие в оздоровительных мероприятиях. За прохождение этапов дети будут получать наклейки и вести свой «паспорт здоровья». Благодаря этому у детей будет формироваться положительное отношение к лечению.

Кроме того, рекомендуется расширить материально - техническую базу для проведения анимационных мероприятий, например, оборудовать зону сенсорной разгрузки с мягким освещением, тактильными материалами и спокойной музыкой, где дети смогут расслабиться после процедур. Это определенно повлияет на эмоциональное здоровье детей и их настроение. Также будет полезно использовать интерактивные панели и игры, направленные на развитие внимания и координации.

Таким образом, предложенные меры направлены на формирование целостной системы анимационной деятельности, внедренной в реабилитационный процесс. Включение конкретных форм работы, таких как игровые лечебные упражнения, арт - терапия, квесты и релаксационные программы, позволяет сделать процесс оздоровления более интересным, эффективным и востребованным. Интеграция анимации в реабилитационный процесс будет способствовать улучшению физического и эмоционального состояния детей, повышению их мотивации к лечению и, в целом, повышению уровня качества услуг, предоставляемых в санаторно - курортными организациями.

Список использованной литературы:

1. Тарасов, Л.В. Технологии социально - культурной анимации инвалидов / Л.В. Тарасов // Новые пути наук о культуре: Сборник текстов докладов межвузовской научно - практической конференции / Науч. ред. Т.Г. Киселева, В.И. Черниченко, Н.Н. Ярошенко - М.: МГУКИ, 2001. – 289 с.

2. ШакулаА.В. Страницы истории Национального медицинского исследовательского центра реабилитации и курортологии / А.В. Шакула, В.И. Лимонов, И.А. Качуровский // Вестник восстановительной медицины, 2020. - № 4 (98). – С. 124–130.

3. Ярошенко, Н. Н. Социально - культурная анимация / Московский гос. ун - т культуры и искусств. Рязанский заочный ин - т (филиал). - М., 2000. - 109 с.

© Савельева Н.А., Беликова С.М., 2026

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

LEGAL SCIENCES

Бабинцева А.С.
Специалист 2 курса ВятГУ
Г. Киров, Российская Федерация
Научный руководитель Коротаева. О. А.
Старший преподаватель кафедры конституционного,
административного права и правового обеспечения гос. службы

К ВОПРОСУ О БАНКОВСКИХ СИСТЕМАХ В РФ И В ГЕРМАНИИ

Аннотация

Данная статья посвящена сравнительному анализу банковских систем Российской Федерации и Германии. Рассматриваются особенности структуры, регулирования и функционирования банков обеих стран. Особое внимание уделяется роли центрального банка, нормативному регулированию банковской деятельности. Анализируются преимущества и недостатки каждой системы, выявляются тенденции развития и перспективы интеграции между ними. Цель исследования — выявить наиболее эффективные практики банковского дела, которые могли бы способствовать улучшению качества финансовых услуг и устойчивости банковской сферы в условиях глобализации экономики. Изучение этих моделей позволяет выработать рекомендации для российских регуляторов и банков, направленные на повышение конкурентоспособности и снижение системных рисков в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова

Банковская система, регулирование финансов, коммерческие банки, финансовые услуги, Россия, Германия

Babintseva Anastasia Sergeevna
2nd year specialist VyatGU
Kirov, Russian Federation
Supervisor: O. A. Korotaeva
Senior Lecturer, Department of Constitutional, Administrative Law,
and Legal Support for Civil Service

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF BANKING SISTEMS THE RUSSIAN FEDERATION AND GERMANY

Annotation

This article focuses on a comparative analysis of the banking systems in the Russian Federation and Germany. It examines the specific features of the structure, regulation, and functioning of banks in both countries. Special attention is given to the role of the central bank and the regulatory framework for banking activities. The article analyzes the advantages and disadvantages of each system, identifies trends in their development,

and explores the potential for integration between them. The goal of this research is to identify the most effective banking practices that can contribute to improving the quality of financial services and ensuring the sustainability of the banking sector in a globalized economy. The study of these models allows us to develop recommendations for Russian regulators and banks aimed at increasing competitiveness and reducing systemic risks on a large scale.

Keywords

Banking system, financial regulation, commercial banks, financial services, Russia, Germany

В условиях глобализации мировой экономики и усиления финансовых взаимосвязей между странами особую актуальность приобретает изучение и сравнение национальных банковских систем — ключевых элементов экономической инфраструктуры: анализ их структуры, механизмов регулирования и функциональных особенностей позволяет выявить эффективные модели управления, определить потенциальные риски и выработать стратегии развития финансового сектора. Актуальность темы обусловлена несколькими факторами: банковская система выступает фундаментом национальной экономики, обеспечивая перераспределение капитала, кредитование бизнеса и населения, реализацию денежно-кредитной политики; Россия и Германия — значимые игроки на международной арене с развитыми финансовыми рынками, но различающимися историческими, институциональными и регуляторными традициями; сравнение моделей этих стран помогает понять, какие элементы немецкой системы (с её акцентом на стабильность, двухуровневую структуру и кооперативные банки) могут быть адаптированы в российских условиях, а какие требуют учёта национальной специфики; в контексте санкционного давления и трансформации финансовых потоков для РФ особенно важно анализировать альтернативные подходы к организации банковского надзора, капитализации и поддержки реального сектора.

Современные российские и зарубежные авторы, такие как С. Н. Керамова, М. Х. Магамедова, А. Ю. Крестьянников, А. М. Боев, а также С. А. Андрюшин, О. И. Лаврушин, Я. М. Миркин и другие, уделяют значительное внимание сравнительному анализу банковских систем России и Германии. В их работах подчёркивается, что обе страны обладают федеративным устройством и схожими задачами центральных банков, однако структура управления и механизмы надзора существенно различаются. Например, в России Банк России выступает как единый мегарегулятор с вертикальной системой управления, а в Германии функции разделены между Бундесбанком и Федеральным управлением финансового надзора (BaFin), при этом Бундесбанк интегрирован в европейскую систему центральных банков.

В первую очередь можно рассмотреть банковскую систему РФ. Банковская система Российской Федерации — это комплексная структура, обеспечивающая

финансовую стабильность страны и управление денежными потоками. Её деятельность направлена на перераспределение средств, поддержание стабильности рубля, проведение платежей, кредитование экономики и удовлетворение финансовых потребностей граждан и организаций. Правовое регулирование банковской системы осуществляется следующими основными нормативными актами: Конституцией РФ (ст. 71, 75), которая определяет основы денежной системы и роль ЦБ РФ; Федеральным законом от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [1], закрепляющим статус, цели деятельности, функции и полномочия Банка России; Федеральным законом от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» [2], который определяет понятия банка и банковской системы, виды банковских операций, требования к кредитным организациям; Федеральным законом от 23.12.2003 № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» [3], устанавливающим систему защиты вкладов населения; Федеральным законом от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе»[4], регулирующим платёжные системы и услуги; а также нормативными актами Банка России (указаниями, положениями, инструкциями), детализирующими правила работы банков и платёжных систем.

Закон закрепляет двухуровневую модель банковской системы с чётким разделением функций в состав банковской системы РФ входят: Банк России (Центральный банк РФ) – главный регулятор системы. В соответствии с Федеральным законом от 10.07.2002 № 86 ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»; кредитные организации (коммерческие банки) – привлекают вклады, выдают кредиты, проводят расчёты и платежи, выполняют валютные и инвестиционные операции, предоставляют финансовые услуги клиентам; филиалы иностранных банков – осуществляют банковскую деятельность на территории РФ в рамках выданной лицензии; представительства иностранных банков – представляют интересы зарубежных банков в России, но не ведут полноценную банковскую деятельность. Таким образом, регулятивные полномочия сосредоточены у ЦБ РФ, а практическая банковская деятельность – у кредитных организаций и подразделений иностранных банков. При этом правовой статус разных участников различается: филиалы обладают более широкими полномочиями, чем представительства. Это обеспечивает баланс между открытостью рынка для иностранного капитала и контролем за его деятельностью в интересах финансовой стабильности страны.

В соответствии с Федеральным законом от 10.07.2002 № 86 - ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», он выполняет ключевые функции для обеспечения стабильности финансовой системы страны. Во - первых, он проводит денежно - кредитную политику – управляет денежным предложением и процентными ставками (в т.ч. через ключевую ставку), чтобы сдерживать инфляцию и создавать благоприятные условия для экономической активности. Во - вторых, обладает исключительным правом на эмиссию денег

(выпуск банкнот и монет), что предотвращает бесконтрольное увеличение денежной массы и поддерживает доверие к национальной валюте. В - третьих, лицензирует и контролирует деятельность кредитных организаций: выдаёт и отзывает лицензии, устанавливает обязательные нормативы, проводит проверки, применяет меры воздействия при нарушениях и следит за соблюдением требований ПОД / ФТ (противодействие отмыванию доходов и финансированию терроризма). В - четвёртых, управляет золотовалютными резервами – диверсифицирует активы по валютам, поддерживает их ликвидность и использует для стабилизации курса рубля в периоды волатильности. В - пятых, обеспечивает работу платёжной системы: поддерживает межбанковские расчёты, регулирует платёжные системы, внедряет инновации (например, Систему быстрых платежей и цифровой рубль) и гарантирует кибербезопасность инфраструктуры.

Все эти функции взаимосвязаны и направлены на достижение трёх главных целей: ценовую стабильность (низкая и предсказуемая инфляция), финансовую стабильность (устойчивость банков и платёжной системы) и эффективность экономики (доступность кредитов, развитие финансовых технологий). Банк России действует независимо от органов исполнительной власти, но подотчётен Государственной думе, которая утверждает основные направления денежно - кредитной политики. В современных условиях он активно адаптируется к новым вызовам – развивает национальную платёжную инфраструктуру, тестирует цифровой рубль и усиливает контроль за киберрисками, что позволяет сохранять устойчивость финансовой системы и создавать условия для экономического роста.

Кредитные организации (коммерческие банки) – ключевое звено банковской системы РФ. На основании лицензии Банка России (ФЗ от 02.12.1990 № 395-1) они аккумулируют средства физ- и юрлиц (в т.ч. с защитой через систему страхования вкладов – до 1,4 млн руб. на один банк [9]), финансируют экономику через выдачу кредитов (ипотека, автокредиты, потребительские займы и др.) с учётом ключевой ставки ЦБ РФ, обеспечивают безналичные расчёты и платежи (включая работу с НСПК «Мир» и СБП), проводят валютные операции (обмен, конвертация, хеджирование рисков) и инвестиционные операции (работа с ценными бумагами, управление активами), а также предоставляют дополнительные услуги (страхование, лизинг, факторинг, цифровые сервисы). Банки трансформируют сбережения в инвестиции, увеличивают денежную массу через банковский мультипликатор и обеспечивают бесперебойность расчётов. Их деятельность связана с рисками (кредитным, валютным, ликвидным и др.), которые минимизирует надзор Банка России — через нормативы капитала, стресс-тестирование и ПОД / ФТ. Это показывает, что коммерческие банки выступают драйверами роста и поддерживают финансовую стабильность страны.

Филиалы иностранных банков осуществляют банковскую деятельность на территории РФ в рамках выданной лицензии (ФЗ № 395-1 «О банках и банковской деятельности», ст. 22). Они могут привлекать депозиты, выдавать кредиты, проводить расчёты и платежи, выполнять валютные операции и оказывать иные

банковские услуги – то есть выполняют те же функции, что и российские банки, но как структурное подразделение зарубежной кредитной организации. Филиалы подчиняются российскому законодательству и надзору ЦБ РФ, соблюдают нормативы ликвидности и достаточности капитала, могут участвовать в системе страхования вкладов и интегрироваться в национальную платёжную систему (в т.ч. работать с НСПК «Мир» и СБП). Их присутствие усиливает конкуренцию на рынке, приносит передовые технологии, расширяет доступ к международным ресурсам и способствует развитию внешнеэкономических связей.

Представительства иностранных банков, напротив, не ведут полноценной банковской деятельности, а выполняют информационно-представительские функции: изучают рынок, налаживают контакты с банками и госорганами, консультируют клиентов по услугам головного банка, содействуют в организации международных расчётов и анализируют правовую среду. Так, филиалы активно участвуют в денежно-кредитном обороте и влияют на ликвидность рынка, а представительства играют вспомогательную роль – готовят почву для возможного открытия филиала или дочернего банка и помогают зарубежным организациям ориентироваться в российской бизнес-среде. При этом Банк России строго контролирует деятельность филиалов для минимизации рисков оттока капитала и защиты интересов клиентов, тогда как представительства, не проводя банковских операций, подвергаются менее строгому надзору, но также обязаны соблюдать требования законодательства в части отчётности и взаимодействия с регулятором.

Целом можно выделить ключевые функции банковской системы РФ, закреплённые в законодательстве, которые включают: обеспечение денежного обращения (Конституция РФ, ст. 75; ФЗ № 86-ФЗ, ст. 33); аккумуляцию свободных денежных средств через депозиты (ФЗ № 395-1, ст. 5); кредитование физических и юридических лиц (ФЗ № 395-1, ст. 5); проведение расчётов и платежей, в т.ч. межбанковских (ФЗ № 161-ФЗ; ФЗ № 395-1); валютное регулирование и организацию международных расчётов (ФЗ № 395-1); поддержку финансовой стабильности и защиту интересов вкладчиков (ФЗ № 177-ФЗ[3]); реализацию денежно-кредитной политики государства (ФЗ № 86-ФЗ). Взаимосвязь этих функций обеспечивает целостность финансовой системы: банковская система выступает посредником между участниками экономических отношений, перераспределяет капитал, снижает риски и создаёт условия для устойчивого роста. Законодательное закрепление функций придаёт её работе прозрачность, предсказуемость и подконтрольность регулятору — что в конечном счёте способствует макроэкономической стабильности, развитию бизнеса и повышению благосостояния граждан.

Это показывает, что банковская система РФ – двухуровневая структура: ЦБ РФ (регулируемый ФЗ № 86-ФЗ) выполняет надзорные функции (денежно-кредитная политика, эмиссия денег, лицензирование банков, управление резервами), а кредитные организации и филиалы иностранных банков (по ФЗ № 395-1)

аккумулируют средства, выдают кредиты, проводят платежи и развивают финансовые технологии (СБП, НСПК «Мир», цифровой рубль). Её достоинства: чёткое законодательное регулирование (включая страхование вкладов до 1,4 млн руб. по ФЗ № 177-ФЗ), разделение регуляторных и операционных функций, защита вкладчиков, внедрение инноваций, конкуренция за счёт филиалов иностранных банков и способность ЦБ стабилизировать систему в кризисах. Недостатки: зависимость от санкций и внешнеполитических факторов; неравномерное развитие региональной сети; риски кибербезопасности; относительно высокие комиссии и невысокие ставки по депозитам; ограниченная автономия коммерческих банков из-за жёсткого надзора; сложности адаптации малых банков к регуляторным требованиям (стресс-тесты, ПОД / ФТ, Базель III). В целом система обеспечивает макроэкономическую стабильность, но требует устранения недостатков для повышения гибкости и устойчивости к внешним и внутренним вызовам.

Следующим рассмотрим банковскую систему Германии. Банковская система Германии – одна из наиболее старых систем с давно сформировавшейся пространственной структурой размещения банковских учреждений, что представляет значительный интерес для географической науки[5]. Эта модель позволяет охватить различные группы клиентов и обеспечить стабильность финансовой системы. Структура банковской системы состоит из частного сектора, кооперативного сектора, общественно - правового сектора.

Частный сектор - один из трёх ключевых элементов трёхуровневой банковской системы Германии (наряду с государственным и кооперативным секторами). На его долю приходится около 40 % банковских активов страны[7]. В состав частного сектора входят: Транснациональные коммерческие банки — крупнейшие игроки рынка. В тройку лидеров входят Deutsche Bank (крупнейший банк Германии, занимает 16 е место в мире по размеру активов), Commerzbank и HypoVereinsbank. Эти банки образуют объединение Cash Group, позволяющее клиентам бесплатно снимать наличные в банкоматах участников. Они предлагают полный спектр услуг: расчётно кассовые операции, кредитование, инвестиционные продукты, международное финансирование. Инвестиционные банки - специализируются на операциях с ценными бумагами, слияниях и поглощениях, управлении активами. Пример местного инвестиционного банка - Baader Bank. Региональные банки (около 200 учреждений) – ориентированы на обслуживание локальных рынков и поддержку малого и среднего бизнеса с учётом местных экономических особенностей. Частные банкирские дома (Private Banks) — исторически важный элемент немецкой банковской системы (первый частный банк основан в 1590 г. семьёй Беренбергов). Специализируются на персональном банковском обслуживании состоятельных клиентов (private banking), управлении капиталом и консультациях по инвестициям. Онлайн банки и цифровые финансовые платформы — быстрорастущий сегмент, предлагающий дистанционные услуги с низкими операционными издержками. При этом структура сектора отражает баланс между масштабными универсальными игроками и

узкоспециализированными институтами, что повышает устойчивость и адаптивность всей банковской системы страны.

Кооперативный сектор построен на принципах взаимопомощи, солидарности и членского владения: каждый клиент банка одновременно является его совладельцем через приобретение членских паёв. В кооперативный сектор Германии входят местные кооперативные банки (Volksbanken — в городах, Raiffeisenbanken — в сельской местности), предоставляющие полный спектр розничных банковских услуг частным лицам, самозанятым и МСП; PSD-Banks, обслуживающие определённые профессиональные группы (например, госслужащих); Sparda-банки - кооперативы с региональной или профессиональной специализацией; специализированные кооперативные учреждения (для церковных организаций, медучреждений и т. д.); а также DZ Bank - центральный институт кооперативной финансовой сети, выполняющий роль «банка банков» для местных кооперативов[10]. Кооперативный сектор обеспечивает доступ к финансированию для МСП, фермеров, самозанятых и частных лиц, поддерживает долгосрочные отношения с клиентами (более 50 % — пайщики), способствует финансовой стабильности регионов за счёт локальных решений и демонстрирует устойчивость к экономическим потрясениям благодаря гарантийным механизмам и консервативной кредитной политике. Надзор осуществляется в рамках банковского законодательства ФРГ, а координацию на национальном уровне обеспечивают: BVR (курирует кредитные кооперативы), DRV (обслуживает сельские кооперативы) и DZ Bank (обеспечивает ликвидность, расчёты и оптовые финансовые услуги для местных банков).

Общественно-правовой сектор банковской системы Германии включает земельные банки (Landesbanken) и сберегательные кассы (Sparkassen), которые играют ключевую роль в обеспечении финансовой стабильности и развитии регионов. Земельные банки финансируют крупные индустриальные и инфраструктурные проекты, поддерживают малый и средний бизнес, а также обеспечивают ликвидность сети сберегательных касс и их доступ к международным рынкам. Сберегательные кассы, принадлежащие общинам, городам и округам, ориентированы на работу с населением и малым бизнесом, имея самую плотную филиальную сеть и обеспечивая финансовую доступность даже в отдалённых районах. Более 60 % населения Германии имеют счета в сберегательных кассах, а свыше 50 % общего объёма вкладов страны размещены в них, что свидетельствует о высоком уровне доверия и значимости этого сектора для экономики[6]. Сочетание публичной собственности, жёсткого регулирования и социальной ответственности делает Sparkassen и Landesbanken устойчивыми к кризисам и ориентированными на долгосрочное развитие территорий, а их взаимодействие позволяет сочетать локальную экспертизу с масштабными ресурсами. Таким образом, общественно-правовой сектор выступает фундаментом немецкой банковской системы, дополняя частный и кооперативный сегменты и обеспечивая инклюзивность и сбалансированность финансового рынка.

Центральным Банком в Германии является Немецкий федеральный банк (Бундесбанк, Deutsche Bundesbank). С 2001 года он входит в Европейскую систему центральных банков (ЕСЦБ) и участвует в реализации единой денежно - кредитной политики ЕС, так как функции по эмиссии евро переданы Европейскому центральному банку (ЕЦБ). Штаб - квартира расположена во Франкфурте - на - Майне. Основные функции Бундесбанка включают: установление процентных и дисконтных ставок; разработку политики операций на кредитном и открытом рынках; определение резервных требований к кредитным институтам; оказание услуг финансового агента федерального правительства и правительств земель; обеспечение финансовой стабильности и контроль инфляции (цель — около 2 %). Руководство осуществляет правление (Vorstand), в состав которого входят президент, вице - президент и четыре члена правления. Президент, вице - президент и один член назначаются федеральным правительством, три других члена - федеральным советом по согласованию с правительством. Бундесбанк имеет разветвлённую сеть территориальных подразделений, включая главные управления в федеральных землях и филиалы в крупных городах. Таким образом Бундесбанк выступает ключевым институтом реализации денежно-кредитной политики ЕС в Германии: его институциональная структура и порядок формирования руководства обеспечивают сочетание национальной специфики с общеевропейскими требованиями, а разветвлённая сеть подразделений позволяет эффективно транслировать монетарные решения на региональный уровень, поддерживая финансовую стабильность и целевые показатели инфляции в рамках единой европейской системы.

Банковская система Германии представляет собой устойчивую трёхуровневую модель (частный, кооперативный и общественно-правовой секторы), эффективно сочетающую национальные традиции с требованиями европейской интеграции под координацией Бундесбанка в рамках ЕСЦБ. Её ключевыми плюсами выступают диверсификация секторов, обеспечивающая охват всех групп клиентов — от частных лиц и МСП до транснациональных корпораций, высокая устойчивость к кризисам за счёт сочетания рыночных и социально ориентированных институтов, плотная филиальная сеть, гарантирующая финансовую доступность даже в отдалённых районах, а также чёткое разделение функций между секторами и координация через Бундесбанк, позволяющая транслировать монетарную политику ЕС на региональный уровень. Среди минусов можно выделить сложность многоуровневой структуры, которая может замедлять принятие решений и адаптацию к быстрым изменениям на глобальных рынках, зависимость Бундесбанка от политики ЕЦБ, ограничивающую возможности самостоятельной антикризисной реакции на национальные вызовы, а также консолидацию в кооперативном и частном секторах, ведущую к сокращению числа небольших банков и потенциально снижающую конкуренцию и локальную гибкость в отдельных регионах.

Подводя итог можно отметить, что сравнение банковских систем РФ и Германии показывает, что обе выполняют ключевые функции по перераспределению капитала, кредитованию экономики и обеспечению финансовой стабильности, но имеют существенные структурные и институциональные различия. Среди различий можно выделить: в РФ действует двухуровневая модель (ЦБ РФ и кредитные организации, неравномерным развитием региональной сети и жёстким надзором ЦБ, тогда как Германия имеет трёхуровневую структуру (частный, кооперативный и общественно-правовой секторы), обеспечивающую широкую финансовую доступность, устойчивость за счёт диверсификации и плотную филиальную сеть. В Германии кооперативные банки (Volksbanken, Raiffeisenbanken) и сберегательные кассы (Sparkassen) активно поддерживают МСП и регионы, более 50 % их клиентов — пайщики, а внутренние гарантийные механизмы и консервативная кредитная политика повышают устойчивость к кризисам; Бундесбанк при этом интегрирован в ЕСЦБ. В РФ стабильность опирается на систему страхования вкладов (до 1,4 млн руб.), антикризисные меры ЦБ и цифровизацию (СБП, «Мир», цифровой рубль), но сохраняются проблемы: зависимость от санкций, высокие комиссии, риски кибербезопасности.

Для совершенствования банковской системы РФ с учётом опыта Германии предлагается внести следующие изменения в законодательство (прежде всего — в ФЗ № 395 1 «О банках и банковской деятельности» и ФЗ № 86 ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)») с учётом национальной специфики, уровня развития инфраструктуры и готовности банков к новым требованиям. Во - первых, в ст. 1 и ст. 5 ФЗ № 395 1 следует ввести механизмы создания и поддержки кооперативных банков (по модели Volksbanken / Raiffeisenbanken) для МСП, фермеров и самозанятых - с упрощённой регистрацией, налоговыми льготами и солидарной ответственностью пайщиков. Во - вторых, ст. 22 ФЗ № 395 1 нужно дополнить требованиями к географическому охвату деятельности: обязать системно значимые банки открывать филиалы в регионах с низкой финансовой доступностью (через квоты или субсидии). В - третьих, ст. 5 того же закона следует дополнить обязанностью предоставлять базовые банковские услуги в офлайн формате в районах с ограниченным доступом к интернету - для обеспечения равного доступа к финансовым услугам. Адаптация этих элементов с учётом национальной специфики повысит устойчивость, инклюзивность и конкурентоспособность банковской системы РФ.

Список использованной литературы:

1. Федеральный закон "О национальной платежной системе" от 27.06.2011 № 161 - ФЗ https: // www.consultant.ru / document / cons _ doc _ LAW _ 115625 /

2. Федеральный закон "О страховании вкладов в банках Российской Федерации" от 23.12.2003 № 177 - ФЗ https: // www.consultant.ru / document / cons _ doc _ LAW _ 45769 /

3. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395 - 1 «О банках и банковской деятельности» (в ред. от 22.07.2024) https: // www.consultant.ru / document / cons _ doc _ LAW _ 5842 /

4. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86 ФЗ (ред. от 23.04.2024) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» https: // www.consultant.ru / document / cons _ doc _ LAW _ 37570 /

5. Шустов Е. А. География банковской системы Германии // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2015. № 3 [Электронный ресурс]. – URL: https: // cyberleninka.ru / article / n / geografiya - bankovskoy - sistemy - germanii.

6. ResearchGate: исследования по структуре и роли общественно правового банковского сектора Германии https: // www.researchgate.net /

7. Banking in Germany: Structure, Services, and Tips for Expats // Expatrio GmbH [Электронный ресурс]. – URL: https: // www.expatrio.com / living - in - germany / banking.

8. Cooperative banks in Germany. Anna Mileiko, 30 November 2025. https: // thebanks.eu / bank - categories / cooperative - banks - in - Germany

9. Страхование вкладов: сумма возмещения, как работает АСВ | РБК Инвестиции https: // www.rbc.ru / quote / news / article / 65ddd8c89a7947eefc617f66

10. Cooperative banks in Germany. Anna Mileiko, 30 November 2025. https: // thebanks.eu / bank - categories / cooperative - banks - in - Germany

© Бабинцева А.С., 2026

Безносикова И.К.
Студент 2 курса ВятГУ
Киров, РФ
Научный руководитель: Коротаева О.А
Старший преподаватель кафедры конституционного, административного – права и правового обеспечения государственной службы (ОРУ)
Вятского государственного университета
Киров, РФ

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ОРГАНОВ ФИНАНСОВОГО МОНИТОРИНГА В РОССИИ И В США

Аннотация

Статья посвящена сравнительному исследованию органов финансового мониторинга России и США — Росфинмониторинга и FinCEN (Financial Crimes Enforcement Network). Анализируются сходства и различия в их полномочиях, взаимодействии с банками, правовом регулировании и степени международной

интеграции. Исследуются инструменты обмена информацией с партнёрами, а также роль этих органов в системах ПОД / ФТ (противодействие отмыванию доходов и финансированию терроризма) и участие в работе ФАТФ (FATF). Сравнительный анализ помогает выявить сильные и слабые стороны каждой модели и наметить направления совершенствования российского финансового контроля с учётом зарубежного опыта.

Ключевые слова

Росфинмониторинг, FinCEN, США, Россия, противодействие отмыванию денег, финансирование терроризма, правовое регулирование, международное сотрудничество.

Beznosikova I.K.
2nd year student of VyatSU
Kirov, Russian Federation
Scientific supervisor: Korotaeva O.A
Senior lecturer of the Department of Constitutional,
Administrative Law and Legal Support of Public Service (ORU) of VyatSU
Kirov, Russian Federation

ON THE LEGAL STATUS OF FINANSIAL MONITORING BODIES IN RUSSIA AND THE UNITED STATES

Annotation

The article is devoted to a comparative study of the financial monitoring bodies of Russia and the USA – Rosfinmonitoring and FinCEN (Financial Crimes Enforcement Network). The similarities and differences in their powers, interaction with banks, legal regulation and the degree of international integration are analyzed. The tools of information exchange with partners are investigated, as well as the role of these bodies in the AML / CFT (anti - money laundering and counter - terrorist financing) systems and participation in the FATF (FATF) work. A comparative analysis helps to identify the strengths and weaknesses of each model and to outline ways to improve Russian financial control, taking into account foreign experience.

Keywords

Rosfinmonitoring, FinCEN, USA, Russia, money laundering, terrorism financing, legal regulation, and international cooperation.

Органы финансового контроля играют решающую роль в обеспечении экономической безопасности и стабильности современного государства. Их основная задача состоит в выявлении и предупреждении случаев отмывания незаконно нажитых средств, финансирования терроризма и других видов финансовых преступлений. Несмотря на общее предназначение, каждая страна формирует собственную уникальную систему финансового мониторинга исходя из

исторических традиций, социально - политических реалий и культурных особенностей.

Для изучения данной темы исследуется российский Росфинмониторинг и американский FinCEN с точки зрения структуры, полномочий, принципов работы и эффективности. Важность темы обусловлена необходимостью изучения опыта разных стран для повышения качества национального законодательства и совершенствования инструментов государственного управления в сфере безопасности финансовой системы. Анализ позволит определить преимущества и недостатки действующих механизмов финансового мониторинга и предложить рекомендации по совершенствованию международного сотрудничества в области противодействия незаконным денежным операциям.

В соответствии с Указом Президента РФ от 13 июня 2012 г. N 808 "Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу" [1] Федеральная служба по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг) — это федеральный орган исполнительной власти РФ, отвечающий за противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, финансированию терроризма, экстремистской деятельности и финансированию распространения оружия массового уничтожения. Также ведомство вырабатывает государственную политику и нормативно - правовое регулирование в этой сфере, координирует деятельность других органов власти и выступает национальным центром по оценке угроз национальной безопасности, связанных с финансовыми операциями. Это подчеркивает роль ведомства как центрального элемента системы противодействия незаконному обороту капиталов, включая меры против финансирования терроризма и экстремизма, распространение оружия массового поражения.

Важной составляющей являются ключевые функции и полномочия Росфинмониторинга. Так, данный федеральный орган осуществляет: контроль (надзор) за соблюдением законодательства о противодействии легализации доходов и финансированию терроризма организациями и ИП, в сфере деятельности которых отсутствуют контрольные органы; сбор, обработку и анализ информации об операциях, подлежащих контролю, а также проверку полученной информации; оценку угроз национальной безопасности, возникающих в результате финансовых операций, и создание мер противодействия этим угрозам; координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти в сфере ПОД / ФТ; взаимодействие с ЦБ РФ, правоохранительными и надзорными органами; передачу материалов в правоохранительные органы при наличии достаточных оснований; участие в международных организациях по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма. Эти полномочия позволяют Росфинмониторингу эффективно осуществлять комплекс мероприятий по обеспечению финансовой безопасности страны.

Особое значение имеет оценка угроз национальной безопасности, связанная с проведением сомнительных финансовых операций. Создание соответствующих мер

позволяет минимизировать негативные последствия таких действий, обеспечивая стабильность экономического развития государства. Координационная деятельность Росфинмониторинга направлена на создание единой эффективной системы взаимодействия всех заинтересованных органов власти, что повышает общую эффективность борьбы с финансовыми преступлениями. Взаимодействие с Центральным банком Российской Федерации, правоохранительными и надзорными органами обеспечивает непрерывность процесса отслеживания и предупреждения правонарушений в финансовой сфере. Передача материалов в правоохранительные органы позволяет оперативно привлекать виновных лиц к ответственности, усиливая профилактическое воздействие на потенциальных нарушителей закона [2].

Активное участие Росфинмониторинга в международных организациях имеет особое значение. перечисленные структуры являются ключевыми игроками на международном уровне и определяют общие подходы к регулированию финансовых рынков, обеспечивая выполнение стандартов и рекомендаций ФАТФ (Financial Action Task Force). Присутствие Росфинмониторинга в таких влиятельных институтах, как ФАТФ, МАНИВЭЛ, ЕАГ и АТГ, подтверждает заинтересованность России в соблюдении общепринятых норм и установлении тесных связей с зарубежными партнерами. Однако факт выхода из Группы «Эгмонт» в октябре 2023 года отражает изменения в отношениях России с западными государствами и требует дополнительного внимания исследователей к последствиям такого шага для национальной финансовой системы. Запуск альтернативной системы обмена информацией с тридцатью странами служит индикатором стремления Росфинмониторинга сохранить возможности международного сотрудничества даже в условиях снижения формального присутствия в некоторых традиционных механизмах. Данный шаг является важным элементом адаптации к новым условиям внешней среды и сохранения эффективных каналов коммуникации с иностранными коллегами. Тем не менее, дальнейшее изучение вопроса о последствиях исключения из Группы «Эгмонт» представляется необходимым для понимания влияния данного решения на российскую финансовую сферу и экономику в целом.

Росфинмониторинг имеет двухуровневую структуру: центральный аппарат в Москве и территориальные органы в федеральных округах. Центральный аппарат включает руководителя, заместителей, помощников и около 16 управлений, каждое из которых отвечает за конкретные направления деятельности, такие как кадры, антикоррупция, противодействие отмыванию доходов и финансированию терроризма. Территориальные органы взаимодействуют с региональными организациями и координируют работу местных властей и силовых структур.

Однако стоит отметить, что Федеральная служба по финансовому мониторингу функционирует в сложной среде и испытывает ряд значимых внутренних проблем, которые существенно влияют на её эффективность. Современная цифровая среда предъявляет высокие требования к скорости и качеству обработки больших

объемов данных. Несмотря на очевидные достижения в области цифровой трансформации, Росфинмониторинг сталкивается с серьезными препятствиями в данном направлении. Автоматизированные системы нуждаются в постоянном обновлении и модернизации, однако внедрение инновационных технологий проходит медленно. Отсутствие современной информационной инфраструктуры замедляет процесс обработки данных, увеличивает сроки анализа и ухудшает способность ведомства оперативно реагировать на возникающие угрозы. Работа сотрудников Росфинмониторинга связана с обработкой огромного количества информации, что вызывает перегрузку кадрового состава. Недостаточный штат высококвалифицированных специалистов мешает качественно проводить экспертизу большого массива отчетов и запросов, увеличивая вероятность ошибок и снижая эффективность оперативной реакции на угрозы. Такая ситуация особенно остро проявляется в регионах, где нехватка опытных кадров усугубляется географическими особенностями и отсутствием должного материального стимулирования. Таким образом, решение этих вопросов требует последовательных реформ, направленных на оптимизацию рабочего процесса, укрепление материально - технической базы и систематизацию профессионального роста сотрудников.

Подводя итог можно сделать вывод, что Росфинмониторинг — это ключевой орган по обеспечению финансовой безопасности России, ответственный за противодействие отмыванию доходов, финансированию терроризма и экстремизма. Ведомство формирует государственную политику, координирует работу других органов, анализирует финансовые операции и оценивает угрозы национальной безопасности. Среди основных функций — контроль за соблюдением законодательства, сбор и анализ информации, взаимодействие с Центральным банком и правоохранительными органами, а также участие в международных организациях. Однако выход из Группы «Эгмонт» в 2023 году требует дополнительного анализа последствий для национальной финансовой системы. Структура службы включает центральный аппарат и территориальные органы, но ведомство сталкивается с вызовами: необходимостью модернизации цифровой инфраструктуры, перегрузкой кадров и нехваткой специалистов, особенно в регионах. Для повышения эффективности Росфинмониторинга необходимы реформы, направленные на обновление технологий, оптимизацию процессов и развитие кадрового потенциала, что позволит службе успешно противостоять современным угрозам финансовой безопасности страны.

В сравнение с Росфинмониторингом идет аналогичный орган в США. Им является FinCEN (Financial Crimes Enforcement Network) [3] — агенство Министерства финансов США, специализирующееся на сборе, анализе и распространении информации о финансовых операциях для борьбы с отмыванием денег, финансированием терроризма и другими финансовыми преступлениями.

Основные функции FinCEN, согласно информации на сайте агентства, заключаются в получении и хранении данных о финансовых операциях, их

последующем анализе и распространении для целей правоохранительной деятельности, а также в построении глобального сотрудничества с аналогичными организациями в других странах и международными органами. FinCEN осуществляет свои регуляторные функции на основании Закона о валюте и отчётности о финансовых операциях 1970 года (Currency and Foreign Transactions Reporting Act of 1970) [4], который был дополнен Разделом III Закона о патриотизме 2001 года и другими нормативными актами. Вся эта нормативно - правовая база известна как Закон о банковской тайне (BSA) [5] — первый и наиболее всеобъемлющий федеральный закон США, направленный на противодействие отмыванию денег и финансированию терроризма. В рамках своих полномочий FinCEN разрабатывает и толкует нормативные акты, утверждённые законом, обеспечивает их соблюдение, координирует и анализирует данные проверок, которые делегированы другим федеральным регуляторам, а также управляет сбором, обработкой, хранением, распространением и защитой информации, подаваемой в соответствии с требованиями агентства. Кроме того, FinCEN поддерживает расследования и судебные преследования со стороны правоохранительных органов, синтезирует данные для оптимального распределения ресурсов в сфере противодействия финансовым преступлениям, осуществляет обмен информацией и координацию с зарубежными подразделениями финансовой разведки (FIU), а также проводит анализ в интересах политиков, правоохранительных, регулирующих и разведывательных агентств, FIU и финансовой индустрии.

FinCEN (Financial Crimes Enforcement Network) предъявляет к финансовым учреждениям США, включая банки, криптовалютные биржи и поставщиков денежных услуг, обязательное требование сообщать о подозрительной активности. Для этого используются специальные формы отчётности: SAR (Suspicious Activity Report — отчёт о подозрительной деятельности) и CTR (Currency Transaction Report — отчёт о валютных транзакциях). FinCEN собирает и анализирует все поступающие SAR и CTR, а также другие отчёты, чтобы выявлять схемы отмывания денег, финансирования терроризма, коррупции и иных преступлений. На основе анализа агентство формирует финансовые досье, выявляет связи между лицами и организациями, а затем передаёт материалы правоохранительным органам для проведения расследований и привлечения виновных к ответственности. Таким образом, система обязательной отчётности и анализа FinCEN обеспечивает прозрачность финансовых потоков и является ключевым инструментом профилактики финансовых преступлений в США. Само существование жёстких требований к отчётности служит мощным сдерживающим фактором для потенциальных преступников. Они понимают, что любая крупная или подозрительная операция будет зафиксирована и проанализирована. Система делает финансовые потоки более прозрачными для государства, позволяя выявлять скрытые связи и схемы, которые невозможно обнаружить при разрозненном анализе отдельных банковских счетов.

Основные элементы структуры FinCEN включают руководство в лице директора и его заместителя, которые назначаются Министерством финансов. В состав организации входят различные отделы и подразделения, среди которых отдел анализа и разведки, отдел регуляторной политики и взаимодействия, отдел технологий и инноваций, а также отдел поддержки операций.

Особенностью можно отметить, что девиз FinCEN — «следуй за деньгами» (follow the money). Основная идея деятельности агентства заключается в том, что преступники оставляют финансовые следы, пытаясь легализовать доходы от преступлений или потратить незаконно полученные средства.

Однако важно указать, что FinCEN сталкивается с рядом серьёзных проблем: новые правила, особенно в сфере криптовалют, подвергаются критике за избыточную широту и бюрократическую нагрузку, что мешает развитию технологий и не всегда способствует эффективной борьбе с отмыванием денег, а некоторые стандартные методы защиты активов могут быть ошибочно признаны подозрительными, снижая привлекательность инноваций [6]; кроме того, в 2020 году произошёл крупный скандал из - за утечки тысяч отчётов о подозрительных операциях (SARs), что поставило под сомнение способность FinCEN обеспечивать конфиденциальность чувствительной информации и выявило вопросы к эффективности системы контроля, поскольку банки продолжают обслуживать сомнительных клиентов по требованию регулятора [7].

Делая вывод, можно сказать, что FinCEN — это американский аналог Росфинмониторинга, ключевое агенство Министерства финансов США, отвечающее за сбор, анализ и распространение информации о финансовых операциях для противодействия отмыванию денег, финансированию терроризма и другим финансовым преступлениям. Агентство действует на основе широкой нормативно - правовой базы, включая Закон о банковской тайне, и использует обязательные формы отчётности (SAR, CTR) для обеспечения прозрачности финансовых потоков и профилактики преступлений. Структура FinCEN включает руководство и специализированные отделы, а девиз агентства — «следуй за деньгами» — отражает его основную задачу: выявлять и анализировать финансовые следы преступников. Однако FinCEN сталкивается с серьёзными вызовами, среди которых избыточное регулирование, бюрократическая нагрузка, особенно в сфере криптовалют, а также проблемы с конфиденциальностью данных и эффективностью контроля, что требует дальнейшего совершенствования его работы.

Росфинмониторинг и FinCEN — ключевые национальные органы по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма, обладающие схожими задачами, но различающиеся по структуре, нормативной базе и подходам к работе. Оба ведомства занимаются сбором, анализом и передачей информации правоохранительным органам, формируют государственную политику и активно взаимодействуют с международными организациями, используя обязательную отчётность для выявления подозрительных операций. Однако Росфинмониторинг

— это федеральная служба, подчиняющаяся Президенту РФ, с двухуровневой структурой (центральный аппарат и территориальные органы), действующая на основе российского законодательства, в то время как FinCEN — бюро в составе Министерства финансов США с централизованной структурой и более гибкой нормативной базой, включающей Закон о банковской тайне и PATRIOT Act. В международном сотрудничестве Росфинмониторинг традиционно активно участвовал в Группе «Эгмонт» и других организациях, а FinCEN делает ставку на глобальное партнёрство с подразделениями финансовой разведки по всему миру. Основные вызовы для Росфинмониторинга — медленная цифровизация, перегрузка кадров и нехватка специалистов в регионах, а для FinCEN — избыточное регулирование, бюрократия и проблемы с конфиденциальностью данных.

На основе опыта FinCEN для Росфинмониторинга можно предложить два ключевых изменения. Во-первых, внедрить стандартизированные формы отчётности по аналогии с американскими SAR (Suspicious Activity Reports — отчёты о подозрительной деятельности) и CTR (Currency Transaction Reports — отчёты о валютных транзакциях). Это позволит систематизировать данные о подозрительных операциях, ускорить их автоматизированную обработку и анализ, упростить обмен информацией между регуляторами и правоохранительными органами, а также повысить прозрачность финансовых потоков и улучшить международное сотрудничество за счёт совместимости с глобальными стандартами. В США такие отчёты обязательны для финансовых учреждений: SAR подаются при подозрении на незаконную деятельность, а CTR — для транзакций свыше установленного порога; FinCEN анализирует эти данные для выявления преступных схем. Во-вторых, применить риск-ориентированный подход к регулированию криптовалют и новых финансовых технологий. Это подразумевает разработку чётких правил для криптобирж, микширующих сервисов и DeFi-платформ — например, требования к идентификации участников транзакций, мониторинг микшеров, интеграцию блокчейн-аналитики. Такой подход поможет снизить риски использования цифровых активов для отмывания денег, обеспечит баланс между развитием инноваций и финансовой безопасностью и позволит соответствовать международным стандартам (в т.ч. инициативам ФАТФ). В практике FinCEN это нашло отражение во введении дополнительных требований к криптомиксерам (их приравняли к «центрам отмывания денег») и обновлении правил Travel Rule — теперь они требуют передачи данных о отправителе и получателе для криптовалютных транзакций.

Реализация этих мер потребует модернизации IT-инфраструктуры, обучения сотрудников и активизации международного обмена опытом, но в итоге повысит эффективность противодействия финансовым преступлениям и укрепит национальную финансовую безопасность.

Список использованной литературы:

1. Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу: Указ Президента РФ от 13 июня 2012 г. № 808 (с изменениями и дополнениями). — URL: https: // base.garant.ru / 70188802 / (дата обращения: 30.04.2026).
2. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма: Федеральный закон от 07.08.2001 №115 - ФЗ. — URL: https: // www.consultant.ru / document / cons _ doc _ LAW _ 32834 / (дата обращения: 30.04.2026).
3. Currency and Foreign Transactions Reporting Act of 1970 (Public Law 91 - 508): 26 October 1970. — URL: https: // www.congress.gov / (дата обращения: 30.04.2026).
4. Bank Secrecy Act (Currency and Foreign Transactions Reporting Act of 1970), Pub. L. No. 91–508, 84 Stat. 1114 (1970), codified as amended at 12 U.S.C. §§ 1829b, 1951–1959; 31 U.S.C. §§ 5311–5332. — URL: https: // www.fincen.gov / resources / statutes - and - regulations / bank - secrecy - act (дата обращения: 30.04.2026).
5. United States Department of the Treasury Financial Crimes Enforcement Network (FinCEN). — URL: https: // www.fincen.gov / (дата обращения: 30.04.2026).
6. *Мачихин Д.С.* РБК: сайт. — URL: https: // companies.rbc.ru / news / IswiVMoC9D / kak - prizyiv - fincen - po - regulirovaniyu - mikserov - mozhet - skazatsya - na - industrii / (дата обращения: 30.04.2026).
7. Банки.ру: сайт. — URL: https: // www.banki.ru / news / lenta / ?id=10933756 (дата обращения: 30.04.2026).

© Безносикова И.К, 2026

Ветлужских Н. В.
Студентка 2 курса ВятГУ
г. Киров, РФ
Научный руководитель: Коротаева О. А.
Старший преподаватель кафедры конституционного,
административного права и правового обеспечения
государственной службы (ОРУ)
Вятского государственного университета
ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»
г. Киров, РФ

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ СЧЕТНЫХ ПАЛАТ В РОССИИ И ФРАНЦИИ

Аннотация.

Статья посвящена сравнительно-правовой характеристике деятельности Счётной палаты Российской Федерации и Счётной палаты Французской Республики как ключевых институтов государственного финансового контроля. В работе анализируются организационно-правовые основы функционирования данных

органов: статус, структура, порядок формирования, полномочия и механизмы взаимодействия с другими государственными институтами. Особое внимание уделяется различиям в правовом положении Счётных палат двух стран — в частности, более широким юрисдикционным полномочиям французского органа (выполняющего также функции административного суда) в сравнении с российским, где Счётная палата выступает преимущественно контрольно-надзорным органом. Исследуются исторические предпосылки формирования моделей финансового контроля, их эволюция и современные тенденции развития. На основе проведённого сравнения формулируются предложения по совершенствованию российского законодательства и практики государственного аудита с учётом французского опыта — в т.ч. возможности расширения полномочий Счётной палаты РФ и внедрения отдельных элементов французской модели.

Ключевые слова:

Счетная палата, Россия, Франция, финансовый контроль, государственный бюджет.

Vetluzhskikh N. V.
2nd year student of VyatSU
Kirov, Russian Federation
Scientific adviser: Korotaeva O. A.
Senior Lecturer of the Department of Constitutional,
Administrative Law and Legal Support of Public Service (ORU)
Vyatka State University Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education "Vyatka State University"
Kirov, Russian Federation

ON THE LEGAL STATUS OF THE ACCOUNTING CHAMBERS IN RUSSIA AND FRANCE

Annotation.

The article is devoted to the comparative legal characteristics of the activities of the Accounts Chamber of the Russian Federation and the Accounts Chamber of the French Republic as key institutions of state financial control. The work analyzes the organizational and legal foundations of the functioning of these bodies: status, structure, procedure for formation, powers and mechanisms of interaction with other state institutions. Special attention is paid to the differences in the legal status of the Audit Chambers in the two countries, particularly the broader jurisdictional powers of the French body (which also functions as an administrative court) compared to the Russian Audit Chamber, which is primarily a supervisory body. The article explores the historical background of the development of financial control models, their evolution, and current trends. Based on the comparison, proposals are formulated to improve Russian

legislation and the practice of state audit, taking into account the French experience, including the possibility of expanding the powers of the Accounts Chamber of the Russian Federation and introducing certain elements of the French model.

Keywords:
Accounts Chamber, Russia, France, financial control, state budget.

Государственный финансовый контроль является важным элементом функционирования любого демократического государства, обеспечивая прозрачность расходования бюджетных средств и эффективность управления государственными финансами. Как отмечают А. Н. Козырин [3] и С. В. Степашин [4], эффективный финансовый контроль служит фундаментом финансовой стабильности государства и инструментом защиты общественных интересов: он позволяет отслеживать целевое использование бюджетных ресурсов, выявлять злоупотребления и повышать подотчётность власти. Одной из ключевых структур, осуществляющих этот контроль, является Счетная палата. Ее деятельность направлена на обеспечение законности, обоснованности и целесообразности государственных расходов, предотвращение коррупции и повышение ответственности исполнительной власти перед обществом.

В настоящее время многие страны сталкиваются с необходимостью совершенствования механизмов финансового контроля, повышения качества и оперативности проверок, регулирования формирования государственного бюджета. Как подчёркивает Дж. Премчанд (эксперт МВФ), современные вызовы — глобализация, цифровизация, рост сложности финансовых схем — требуют от органов финансового контроля гибкости, внедрения риск-ориентированных подходов и использования передовых аналитических инструментов [5]. Важной задачей становится изучение международного опыта организации и функционирования аналогичных институтов, позволяющее выявить наиболее эффективные подходы и практики. В данном случае целью статьи является проведение сравнительного анализа Счетной палаты России и Франции и выявление особенностей их правового статуса, компетенций, методов осуществления контрольных мероприятий.

Согласно ст. 101 Конституции РФ для осуществления контроля за исполнением федерального бюджета Совет Федерации и Государственная Дума образуют Счётную палату, состав и порядок деятельности которой определяются федеральным законом [1]. Это положение подчёркивает значимость парламентского контроля над бюджетом, поскольку именно депутаты представляют интересы граждан и контролируют исполнительную власть. Конституция закрепляет важность Счетной палаты как органа, обладающего необходимыми ресурсами и компетенциями для эффективной проверки исполнения бюджета, выявления нарушений и неэффективного расходования бюджетных средств.

Деятельность и структура Счётной палаты определяются специальным федеральным законом. Так, Федеральный закон "О Счетной палате Российской Федерации" [2] закрепляет задачи: контроль за целевым и эффективным использованием средств федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов; определение эффективности и соответствия нормативным правовым актам порядка формирования, управления и распоряжения федеральными и иными ресурсами; анализ выявленных недостатков и нарушений и другие. Эти задачи охватывают широкий спектр полномочий Счетной палаты, направленный на укрепление финансовой дисциплины, повышение эффективности управления государственными средствами и защиту общественных интересов.

Глава 2 Федерального закона № 41 закладывает институциональную основу Счётной палаты РФ. Председатель назначается Советом Федерации сроком на шесть лет— это обеспечивает баланс интересов исполнительной и законодательной власти, стабильность и преемственность в реализации стратегий аудита. Структура Счётной палаты выстраивает чёткую вертикаль с элементами автономии: Председатель и заместитель отвечают за общее руководство и отчётность перед парламентом, аудиторы самостоятельно принимают решения в рамках своей компетенции, а аппарат обеспечивает организационно-техническую поддержку. Вместе с тем модель имеет ограничения: жёсткая регламентация может замедлять реакцию на новые финансовые риски, зависимость назначения Председателя от Президента потенциально влияет на независимость выводов, отсутствие региональных представителей снижает учёт местной специфики, а ограниченный состав Коллегии сужает спектр экспертных мнений. Таким образом, нормативная модель создаёт устойчивую основу для независимого финансового контроля, сочетая коллегиальность, специализацию и чёткую вертикаль управления. Для адаптации к меняющейся финансово-экономической среде целесообразно периодически пересматривать регламенты и расширять экспертное участие — например, через включение профильных специалистов в Коллегию или создание консультативных советов. Это поможет сохранить эффективность Счётной палаты как ключевого института государственного аудита.

Также следует упомянуть полномочия Счетной палаты РФ. Она осуществляет финансовый и экспертно - аналитический контроль, включая аудит финансовых операций, проверку соблюдения нормативных актов и оценку эффективности расходования бюджетных средств. По результатам проверок направляются представления, предписания и уведомления органам власти, а при наличии признаков преступления материалы передаются в правоохранительные органы. Палата имеет право получать необходимую документацию и формировать предложения по совершенствованию статистики и созданию информационных систем. Она активно сотрудничает с государственными структурами, привлекая научные и экспертные организации, а также контролирует работу контрольно - счетных органов регионов и муниципальных образований. Важнейшим

полномочием является защита государственной тайны и обеспечение социальной поддержки сотрудников, работающих с такими сведениями. В целом, деятельность Счетной палаты РФ охватывает широкий спектр функций и полномочий, направленных на обеспечение финансовой дисциплины и прозрачности в использовании бюджетных средств, а также на защиту интересов государства и граждан через эффективный контроль и анализ.

Отдельно стоит отметить, что Счётная палата РФ взаимодействует с разными органами власти и организациями. Она сотрудничает с палатами Федерального Собрания. С Правительством РФ Счётная палата проводит ежегодный аудит его деятельности и анализирует госпрограммы. С правоохранительными органами налажен обмен информацией о нарушениях в финансово бюджетной сфере. Счётная палата взаимодействует с контрольно счётными органами субъектов РФ и муниципальных образований: организует совместные и параллельные проверки, оказывает методическую и информационную помощь, содействует повышению квалификации их сотрудников, анализирует их деятельность и даёт рекомендации.

Тем не менее Счетная палата в РФ имеет ряд проблемных вопросов. Счётная палата РФ имеет ограниченные полномочия и инструменты воздействия: её основной инструмент — направление представлений и предписаний, а для принудительного исполнения решений нужно привлекать другие ведомства. Единственная серьёзная санкционная мера — приостановление операций по счетам объектов аудита — возможна только после согласования с Госдумой, что замедляет реагирование на нарушения. Кроме того, из-за отсутствия чёткого правового регулирования взаимодействия с другими органами возникают проблемы координации. Наконец, показатель результативности работы — объём выявленных нарушений — не всегда объективно отражает качество деятельности Счётной палаты, поскольку напрямую зависит от уровня нарушений в проверенных учреждениях.

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что Счётная палата РФ — ключевой институт парламентского контроля за исполнением федерального бюджета. Её задачи включают контроль за целевым расходованием бюджетных средств, анализ нарушений, оценку эффективности налоговых льгот и бюджетных кредитов, противодействие коррупции и др. Структура состоит из Председателя, заместителя Председателя, аудиторов, аппарата и Коллегии, обеспечивающей координацию работы; шестилетний срок полномочий руководителей гарантирует стабильность и независимость. Полномочия охватывают финансовый и экспертно - аналитический контроль, аудит, направление предписаний, взаимодействие с правоохранительными органами и региональными контрольно - счётными органами. Взаимодействие с другими органами позволяет координировать бюджетный контроль. Однако у Счётной палаты есть существенные ограничения: полномочия по применению мер принуждения ограничены, отсутствует чёткое правовое регулирование взаимодействия с другими органами, а показатель результативности не всегда объективно отражает качество работы.

Во Франции Счётная палата (Cour des comptes) — высший орган государственного аудита, сочетающий функции административного суда и контрольно - финансового учреждения. В первую очередь можно отметить Статью 47 - 2 Конституции Французской Республики [6]. В соответствии с нормой Счетная палата помогает Парламенту в контроле над деятельностью Правительства. Она помогает Парламенту и Правительству контролировать исполнение финансовых законов и законов о финансировании социального обеспечения, а также оценивать все направления деятельности органов публичной власти в интересах населения. Обнародуя свои доклады, она способствует информированию граждан. Эта статья показывает, что Счётная палата играет ключевую роль в поддержании демократического контроля и открытости правительства перед гражданами страны.

Другим нормативным актом, регулирующим деятельность Счетной палаты Франции, является Кодекс финансовых судебных учреждений (Code des juridictions financières) [7]. Представленный документ представляет собой инструмент правовой регламентации действий Счётной палаты, призванный укрепить контроль за финансовым управлением и обеспечением правопорядка в экономических отношениях государства и общества. По данному акту можно выделить некоторые полномочия представленного органа: проверка финансовой отчётности государственных органов, национальных государственных учреждений, государственных предприятий и организаций системы социального обеспечения; контроль организаций, получающих финансовую помощь от Европейского Союза; проверка организаций, уполномоченных заниматься сбором различных налогов и обязательных взносов; регулярный мониторинг подконтрольных счетов государственных бухгалтеров; проверка надлежащего использования ассигнований, фондов и ценных бумаг, находящихся в распоряжении государственных органов; контроль финансовой и управленческой документации частных организаций, получающих финансирование от государства в различной форме (государственные субсидии, взносы, предусмотренные законом и т. д.); рассмотрение апелляций на решения, принятые региональными и территориальными счётными палатами. Эти меры направлены на повышение прозрачности и ответственности государственных и муниципальных органов власти, обеспечение целевого использования общественных денег и предотвращения злоупотреблений.

Структура Счетной палаты Франции включает в себя в первую очередь руководящее лицо органа. Им является первый председатель (Premier président). Назначается указом Президента Республики после одобрения Советом министров. После назначения председатель и председатели коллегий получают гарантии несменяемости. Первый председатель определяет общую организацию работы Счётной палаты, распределяет задачи между коллегиями и утверждает годовую программу работы. При Счетной палате Франции на постоянной основе действует прокуратура, возглавляемая

Генеральным прокурором, осуществляющим надзор за правильностью исполнения законов в области правосудия, а также за своевременным представлением государственной отчетности. Генеральный прокурор рассматривает доклады коллегий и обеспечивает реализацию последующего контроля за счет наблюдения за уплатой штрафов, передачу информации руководству контролируемого органа, обращение к уголовному правосудию. Кроме того, в компетенцию Генерального прокурора входит направление и согласование деятельности правительственных комиссаров при региональных счетных палатах [8, с. 205]. Таким образом, представленная структура демонстрирует сбалансированный подход к финансовому контролю, сочетающий автономность отдельных органов с централизованным руководством и контролем.

Однако также важно отметить и проблемные вопросы. Так, в отчетах Счётной палаты отмечены проблемы недостаточного контроля за расходами администрации президента Франции, например, рост затрат на автомобили и юридическую защиту чиновников в 2020 году остался без детального анализа. А реализация предложений по улучшению социальной сферы и здравоохранения осложняется отсутствием необходимого политического согласия. Это показывает наличие определённых трудностей и барьеров в функционировании системы государственного контроля и принятии эффективных управленческих решений. Проблемы указывают на необходимость улучшения механизмов контроля и разработки процедур, способствующих конструктивному диалогу и достижению компромисса между различными ветвями власти.

Можно отметить, что Счётная палата Франции — высший орган государственного аудита с функциями административного суда и контрольно - финансового органа. Её деятельность регулируется Конституцией Французской Республики и Кодексом финансовых судебных учреждений. Структура включает первого председателя, коллегии и прокуратуру во главе с генеральным прокурором; несменяемость судей обеспечивает независимость палаты. Ключевыми проблемами являются недостаточный контроль за отдельными статьями расходов (в т.ч. за расходами администрации президента) и сложности реализации рекомендаций из - за отсутствия политического консенсуса (особенно в социальной сфере и здравоохранении).

Счётные палаты России и Франции — ключевые институты государственного финансового контроля, обеспечивающие прозрачность расходования бюджетных средств и эффективность управления финансами, но имеющие различия в статусе, полномочиях и организации работы. Обе палаты выполняют функции парламентского контроля за исполнением бюджета и действуют на основе конституционных норм. Структуры включают руководящие должности, коллегии и аппарат, а задачи схожи: аудит бюджета, выявление нарушений, повышение финансовой дисциплины, противодействие коррупции и информирование общества. Обе сталкиваются с проблемами реализации рекомендаций из-за отсутствия политического консенсуса и сложностей координации с другими

органами власти. При этом французская палата сочетает функции административного суда и контрольно-финансового органа, что даёт ей более широкие судебные полномочия, тогда как российская — преимущественно контрольный орган без судебных функций. Во Франции при Счётной палате действует прокуратура во главе с генеральным прокурором, обеспечивающая надзор и уголовное преследование, а в РФ такого элемента нет. Гарантии независимости также различаются: во Франции судьи и председатели имеют гарантию несменяемости, усиливающую независимость, а в РФ она обеспечивается шестилетним сроком полномочий председателя и аудиторов. По полномочиям по принуждению французская палата вправе налагать штрафы, признавать должниками государства и передавать дела в специализированные суды, тогда как российская может направлять предписания и представления. Во Франции есть региональные счётные палаты с собственной юрисдикцией, а в РФ Счётная палата взаимодействует с региональными контрольно-счётными органами, но собственных территориальных подразделений не имеет. Наконец, в РФ оценка работы часто сводится к объёму выявленных нарушений, что не всегда объективно, а во Франции акцент смещён на аудит эффективности и качество управления финансами.

Таким образом, обе палаты играют важную роль в обеспечении прозрачности и ответственности использования бюджетных средств, но французская модель обладает более широкими судебными и принудительными полномочиями, развитой региональной сетью и усиленными гарантиями независимости, тогда как российская, охватывая широкий спектр контрольных функций, сталкивается с ограничениями в применении санкций и координации — что требует совершенствования механизмов взаимодействия и расширения полномочий для повышения эффективности финансового контроля.

На основе опыта Счётной палаты Франции для совершенствования Счётной палаты РФ можно предложить расширить принудительные полномочия — дать право самостоятельно налагать штрафы за бюджетные нарушения и временно ограничивать финансовые операции по счетам нарушителей, ввести механизм признания должников перед бюджетом, например дополнить ст. 15.14 КоАП РФ («Нецелевое использование бюджетных средств») положениями, наделяющими Счётную палату РФ правом самостоятельно налагать административные штрафы за выявленные бюджетные нарушения; сместить акцент на аудит эффективности — внедрить KPI по отраслям, методики оценки качества финансового управления и риск-ориентированного подхода, включать в отчёты рекомендации по оптимизации расходов; изменить критерии оценки работы — ориентироваться на долю устранённых нарушений, экономию бюджета и снижение числа повторных нарушений, ввести рейтингование госорганов по финансовой дисциплине; внедрить цифровые инструменты — создать систему мониторинга расходов в реальном времени, использовать ИИ и анализ больших данных для выявления аномалий, интегрировать систему с порталами госзакупок и другими госплатформами. Реализация этих мер повысит эффективность Счётной палаты

РФ, приблизит её работу к международным практикам и укрепит доверие общества к результатам аудита.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации: федер. закон от 12.12.1993 г. // Российская газета. — 1993. — № 237. — 25 дек. — Текст: непосредственный. (дата обращения: 05.04.2026).
2. Федеральный закон «О Счётной палате Российской Федерации» от 05.04.2013 № 41 - ФЗ // КонсультантПлюс: сайт. — URL: https: // www.consultant.ru / document / cons _ doc _ LAW _ 144621 (дата обращения: 05.04.2026).
3. Козырин А. Н. Финансовый контроль: учебник / А. Н. Козырин. — М.: Норма, 2018. (дата обращения: 05.04.2026).
4. Степашин С. В. Конституционный аудит: монография / С. В. Степашин. — М.: Наука, 2006. (дата обращения: 05.04.2026).
5. Premchand A. Financial Management in the Public Sector / A. Premchand. — IMF, 1995. (дата обращения: 05.04.2026).
6. Конституция Французской Республики // Сайт Конституционного совета Французской Республики. — URL: https: // www.conseil - constitutionnel.fr / sites / default / files / as / root / bank _ mm / constitution / constitution _ russe.pdf (дата обращения: 05.04.2026).
7. Code des juridictions financières [Текст]: [Кодекс финансовых судебных учреждений] / République Française. — URL: https: // www.legifrance.gouv.fr (дата обращения: 05.04.2026).
8. Мигачев А. Ю. Организация деятельности счетных палат в Российской Федерации и Французской Республике как основных субъектов государственного финансового контроля / А. Ю. Мигачев // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 5 (90). — URL: https: // cyberleninka.ru / article / n / organizatsiya - deyatelnosti - schetnyh - palat - v - rossiyskoy - federatsii - i - frantsuzskoy - respublike - kak - osnovnyh - subektov - gosudarstvennogo (дата обращения: 05.04.2026).

© Ветлужских Н.В., 2026 г.

Елец Е.Д.
Студент 3 курса БрГУ им. А. С. Пушкина
г. Брест, Республика Беларусь
Научный руководитель: Зайчук Г.И.
доцент кафедры гражданско - правовых
дисциплин БрГУ им А. С. Пушкина
г. Брест, Республика Беларусь

ПРАВО ПОЖИЗНЕННОГО НАСЛЕДУЕМОГО ВЛАДЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫМ УЧАСТКОМ

Аннотация: Статья посвящена анализу права пожизненного наследуемого владения земельным участком как особого вещного права в законодательстве

Республики Беларусь. Рассматриваются понятие и юридическая природа данного права, круг субъектов, целевое назначение предоставляемых участков, а также правовое положение иностранных граждан и лиц без гражданства в контексте пожизненного наследуемого владения.

Ключевые слова: пожизненное наследуемое владение, земельный участок, вещное право, Кодекс о земле, физическое лицо, наследование.

Земельные правоотношения в Республике Беларусь характеризуются многообразием форм реализации прав на земельные участки. Одним из специфических вещных прав, имеющих исторические корни в советском земельном законодательстве, является право пожизненного наследуемого владения земельным участком. Данный институт продолжает сохранять своё значение в правовой системе Республики Беларусь, обеспечивая стабильность земельных правоотношений для широкого круга физических лиц.

Право пожизненного наследуемого владения представляет собой вещное бессрочное правомочие физического лица, в установленных законодательством и собственником пределах, владеть, пользоваться и распоряжаться земельным участком, в том числе передавать его по наследству. Это вещное право, объектом которого выступает индивидуально определённая вещь — земельный участок. Оно носит бессрочный характер и включает триаду правомочий — владение, пользование и распоряжение, однако распоряжение ограничено единственным способом — передачей по наследству [2].

Субъектный состав данного права строго ограничен: в пожизненном наследуемом владении земельные участки могут находиться только у физических лиц — граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства. Юридические лица не могут быть субъектами данного права, что обусловлено его персональным характером и связью с институтом наследования.

Кодекс Республики Беларусь о земле в статье 16 закрепляет перечень целей, для которых гражданам могут предоставляться земельные участки в пожизненное наследуемое владение: строительство и обслуживание жилого дома — гражданам, состоящим на учёте нуждающихся в улучшении жилищных условий, в том числе членам многодетных семей (без проведения аукциона); строительство и обслуживание принадлежащих им жилого дома, квартиры в блокированном жилом доме; ведение личного подсобного хозяйства в сельских населённых пунктах, посёлках городского типа; ведение крестьянского (фермерского) хозяйства; коллективное садоводство; дачное строительство; занятие народными художественными ремёслами [1]. Данный перечень свидетельствует о социальной направленности института, нацеленного на удовлетворение жилищных потребностей и ведение хозяйственной деятельности, связанной с личным потреблением.

Отдельного внимания заслуживает правовое положение иностранных граждан и лиц без гражданства. В отличие от граждан Республики Беларусь, они приобретают данное право только в строго определённых случаях: при получении

по наследству земельного участка, предоставленного наследодателю в пожизненное наследуемое владение; при предоставлении участка, на котором расположены перешедшие по наследству жилой дом, дача, квартира в блокированном жилом доме, садовый домик, если наследодателем не были оформлены документы на земельный участок; при приобретении на основании гражданско - правовой сделки долей в праве собственности на указанные объекты или признании за ними в судебном порядке таких долей, если участок находится в пожизненном наследуемом владении; при приобретении в период брака с гражданином Республики Беларусь в общую совместную собственность жилого дома, дачи, садового домика, если земельный участок находится в пожизненном наследуемом владении, в том числе в случае последующего раздела совместно нажитого имущества.

Таким образом, для иностранных граждан и лиц без гражданства право пожизненного наследуемого владения является производным правом, возникающим в связи с приобретением прав на объекты недвижимости на соответствующих участках. Данный подход отражает принцип единства судьбы земельного участка и расположенных на нём строений — одно из основополагающих начал земельного законодательства. Законодательными актами могут устанавливаться и иные случаи предоставления земельных участков в пожизненное наследуемое владение.

Право пожизненного наследуемого владения существенно отличается от права частной собственности. Собственник обладает полной триадой правомочий, включая возможность отчуждения участка любым не запрещённым законом способом. Владелец же на праве пожизненного наследуемого владения не может продать, подарить, обменять или иным образом произвести отчуждение участка, за исключением передачи по наследству. Вместе с тем он вправе возводить строения, осуществлять хозяйственную деятельность в соответствии с целевым назначением участка и совершать иные действия, не противоречащие законодательству.

Таким образом, право пожизненного наследуемого владения земельным участком — самостоятельный институт земельного права Республики Беларусь с выраженной социальной направленностью. Его регулирование обеспечивает баланс между интересами государства как собственника земельных ресурсов и потребностями физических лиц в стабильном бессрочном землевладении. Дифференцированный подход к субъектному составу отражает приоритет национальных интересов при соблюдении международных стандартов защиты прав человека.

Список использованных источников:

1. Кодекс Республики Беларусь о земле [Электронный ресурс]: 23 июля 2008 г. № 425 - З: принят Палатой представителей 17 июня 2008 г.: одобрен Советом Респ. 28 июня 2008 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 8 января 2024 г. № 44 - З / Эталон - Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Брест, 2026.

2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 7 декабря 1998 г. № 218 - З: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобрен Советом Респ. 19 ноября 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 16 марта 2026 г. № 134 - З / Эталон - Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Брест, 2026.

© Елец Е. Д., 2026

Кладницкая О. Ю.
Студентка 4 курса юридического факультета
Специальности «Правоведение»
Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Брест, Беларусь
Научный руководитель:
Маслакова Н. Н.
магистр юридических наук,
старший преподаватель кафедры гражданско - правовых дисциплин
Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
Брест, Беларусь

ПОРЯДОК РАЗДЕЛА ОБЩЕГО БИЗНЕСА КАК СОВМЕСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ СУПРУГОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация

Данная статья посвящена порядку раздела общего бизнеса как совместной собственности супругов в Республике Беларусь. Особое внимание в статье уделяется правовым аспектам, регулирующим процесс раздела бизнеса, а также особенностям проведения процедуры раздела бизнеса как совместной собственности супругов. Анализируются ключевые законодательные акты, касающиеся совместной собственности, и их влияние на практику раздела общего бизнеса супругов.

Ключевые слова

общий бизнес супругов, совместная собственность супругов, раздел общего бизнеса супругов, порядок раздела бизнеса

Раздел общего бизнеса при расторжении брака осуществляется на общих основаниях, предусмотренных для раздела совместно нажитого имущества. Ключевым принципом является равенство долей супругов. Однако, суд вправе отступить от принципа равенства долей, учитывая интересы несовершеннолетних детей или нетрудоспособного супруга, а также значительный вклад одного из супругов в развитие бизнеса.

Раздел бизнеса может быть осуществлен как в добровольном порядке, путем заключения соглашения между супругами, так и в судебном порядке. Соглашение должно быть нотариально удостоверено. В случае судебного разбирательства, суд определяет долю каждого супруга в бизнесе и возможные способы ее реализации.

По закону всё без исключения имущество, нажитое супругами в период брака, является их общей совместной собственностью (ч.1 ст.23 Кодекса о браке и семье). В случае раздела доли супругов признаются равными (ч.1 ст.24 КоБС) независимо от того, на кого это имущество приобреталось, кем из супругов вносились деньги и т.д [1].

Порядок раздел общего бизнеса супругов будет варьироваться в зависимости от формы юридического лица: индивидуальный предприниматель (далее – ИП), общество с ограниченной ответственностью (далее – ООО), общество с дополнительной ответственностью (далее – ОДО), закрытое акционерное общество (далее – ЗАО), открытое акционерное общество (далее – ОАО), унитарное предприятие (далее – УП), крестьянско - фермерское хозяйство.

В случае, когда один из супругов является индивидуальным предпринимателем (далее – ИП), то вопросов по разделу имущества ИП не возникает, так как имущество индивидуального предпринимателя не разделено с имуществом физического лица, зарегистрированного в качестве ИП, и является совместным с другим супругом.

Существует большое количество различных способов раздела бизнес между супругами. Во внимание принимается степень участия в бизнесе каждого супруга, заинтересованность в сохранении бизнеса, учитывается также наличие несовершеннолетних детей и с кем из родителей они будут проживать после расторжения брака, а также заслуживающие внимания потребности одного из супругов.

Бизнес можно разделить между супругами путем его продажи и получения равных долей в виде денежных средств. Также раздел общего бизнеса может осуществлен при ликвидации юридическое лицо. В некоторых случаях, например сохранении ровных отношений между супругами, супруги могут стать совладельцами бизнеса. Передача бизнес одному из супругов, который выплатит другому соответствующую денежную компенсацию также является одним из способов раздела общего бизнеса супругов.

Если формой организации общего бизнеса супругов является ЗАО и ОАО, то предметом раздела будут акции, приобретенные в период брака, которые считаются общим имуществом и делятся поровну между супругами.

С унитарным предприятием несколько иная ситуация несмотря на то, что имущество унитарного предприятия находится в совместной собственности супругов. Имущество унитарного предприятия является неделимым и находится в хозяйственном ведении предприятия.

В этом случае возможны такие способы раздела:

• имущество унитарного предприятия переходит в собственность одного супруга, который выплачивает второму супругу компенсацию, соответствующую доли этого супруга в совместном имуществе (доля определяется так, если бы имущество можно было делить);

• реорганизация унитарного предприятия в иную организационно - правовую форму, где у каждого из супругов будет своя доля в уставном фонде (ООО, хозяйственное товарищество, производственный кооператив);

• регистрация унитарного предприятия как имущественного комплекса с последующей продажей третьему лицу и разделением полученных средств между супругами.

Если по какой - то причине унитарное предприятие невозможно реорганизовать или передать одному из супругов, то предприятие подлежит ликвидации.

В случае, если ООО, ОДО или хозяйственное товарищество образовалось в период нахождения супругов в браке и один из них является владельцем доли в уставном фонде общества, то такая доля является общей собственностью супругов и подлежит разделу между ними. Наличие партнеров в ООО несколько осложняет раздел доли, так как возникает необходимость учитывать их интересы.

Так, если при разделе имущества суд признает право супруга (другой супруг которого является владельцем доли в ООО) на причитающуюся ему часть доли в уставном фонде, то с согласия остальных участников этого общества или товарищества супруг участника может:

• стать полноправным участником общества или товарищества;

• получить выплаты стоимости причитающейся ему части доли в уставном фонде;

• требовать выдачи в натуре имущества на стоимость, равную его доле [2].

Так как Закон не разрешает долевую собственность на имущество УП, то появляются варианты дальнейшей его судьбы:

1. реорганизация унитарного предприятия посредством его выделения (разделения), преобразования в хозяйственное общество, производственный кооператив либо товарищество. Таким способом его можно разделить между бывшими супругами;

2. УП можно продать третьим лицам, а полученную прибыль разделить в равных долях;

3. передать имущество УП в собственность одного из супругов, а второй супруг получает в этом случае деньги в качестве компенсации.

Если ни один из вариантов не подходит или есть вероятность нарушения законодательства, то предприятие будет ликвидировано. Полученные от этой процедуры деньги бывшие супруги должны между собой разделить.

Таким образом, раздел бизнеса супругов в Беларуси регулируется как совместная собственность, где учитываются не только имущественные доли, но и корпоративные права. Основная цель процедуры — сохранить баланс интересов

супругов и устойчивость самого предприятия. Раздел общего бизнеса при расторжении брака в Республике Беларусь требует тщательного анализа и учета множества факторов.

Список использованной литературы

1. Кодекс о браке и семье Республики Беларусь: 09.07.1999 г. № 278 - З (в ред. Закона Республики Беларусь от 08.07.2024 г. № 26 - З) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО "ЮрСпектр", Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Брест, 2026.

2. Раздел бизнеса при разводе в Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https: // familylawyer.by / rus / pages / razed - businessa - mezhdu - suprugami. – Дата доступа: 12.05.2026.

© Кладницкая О. Ю., 2026

Лемачко А. В.
Студентка 3 курса БрГУ им. А. С. Пушкина
г. Брест, Республика Беларусь
Научный руководитель: Романюк Е. В.,
Старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
БрГУ им. А. С. Пушкина
г. Брест, Республика Беларусь

ПРОТОКОЛ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ КАК ИСТОЧНИК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация

В статье рассматривается предъявление для опознания как следственное действие в уголовном процессе. Раскрывается его правовая природа и процессуальный порядок проведения в соответствии с уголовно - процессуальным законодательством. Внимание уделяется проблеме субъективности восприятия, влияющей на достоверность результатов данного следственного действия. Анализируются основные причины возможных ошибок, связанные с особенностями памяти человека и условиями восприятия. В работе обосновывается необходимость строгого соблюдения процессуального порядка и комплексной оценки доказательств для повышения надёжности результатов предъявления для опознания.

Ключевые слова

Опознание, источники доказательств, уголовный процесс, субъективность, память, свидетель, потерпевший, следственные действия, достоверность, судебные ошибки.

В соответствии со ст. 223 Уголовно - процессуального Кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) предъявление для опознания представляет собой следственное действие, состоящее в предъявлении свидетелю, потерпевшему, подозреваемому или обвиняемому лиц, предметов либо иных объектов в целях установления их тождества или различия с ранее наблюдаемыми [1].

Из данного определения следует, что опознающий должен ранее наблюдать опознаваемый объект и быть способен опознать его по сохранившимся в памяти признакам. В связи с этим одним из условий является предварительный допрос опознающего об обстоятельствах, при которых он воспринимал соответствующее лицо или предмет, а также о приметах и особенностях, по которым возможно их опознание [1].

Процессуальный порядок предъявления для опознания регламентирован уголовно - процессуальным законом и включает ряд требований. Так, в соответствии со ст. 224 УПК опознаваемое лицо или объект предъявляются вместе с другими лицами или предметами в количестве не менее трёх, сходными по внешним признакам или однородными. Опознаваемому лицу предоставляется возможность самостоятельно занять любое место среди предъявляемых лиц, а предметы снабжаются обозначениями (бирками с номерами) [1].

При этом процесс подготовки к опознанию должен быть скрыт от опознающего, чтобы исключить любое влияние на его выбор. Свидетель и потерпевший перед началом следственного действия предупреждаются об уголовной ответственности за отказ либо уклонение от дачи показаний, а также за дачу заведомо ложных показаний [1].

В ходе опознания лицу предлагается указать на лицо или объект, о котором он ранее давал показания, а также объяснить, по каким именно признакам или особенностям был сделан данный вывод. Результаты следственного действия обязательно фиксируются в протоколе с соблюдением требований УПК.

Соблюдение установленного порядка имеет значение, поскольку в соответствии с требованиями УПК доказательства, полученные с нарушением установленной процедуры, признаются недопустимыми и не могут быть положены в основу обвинения.

При этом следует учитывать, что опознание само по себе не является доказательством. Доказательственное значение имеет протокол предъявления для опознания как источник доказательства, фиксирующий ход и результаты данного следственного действия.

Несмотря на чёткую регламентацию процедуры, предъявление для опознания как следственное действие имеет существенный недостаток, а именно субъективный характер. Суть этой проблемы в том, что опознание полностью основано на памяти и личных впечатлениях человека [2]. Но память человека не является точной и постоянной, а именно она может искажаться, со временем забываться или меняться под влиянием различных факторов. Например, если событие происходило в стрессовой ситуации, при плохом освещении или очень

быстро, человек может неправильно запомнить внешность. Со временем такие воспоминания могут ещё больше искажаться или дополняться уже неточными деталями [3]. В итоге свидетель может быть абсолютно уверен в своём выборе, даже если он ошибается. Это и делает протокол предъявления для опознания не всегда надёжным доказательством.

Особую опасность проблема субъективности представляет потому, что она может привести к судебным ошибкам. Неверное опознание иногда становится основанием для обвинения невиновного человека, особенно если оно не подтверждается другими доказательствами [4]. При этом уверенность свидетеля может выглядеть очень убедительно и вводить в заблуждение.

Решить эту проблему можно за счёт усиления процессуальных гарантий при проведении опознания. Во - первых, нужно строго соблюдать порядок процедуры: предъявляемые лица должны быть максимально похожи внешне, чтобы снизить вероятность случайного выбора [1]. Во - вторых, важно фиксировать процесс опознания на видео, чтобы потом можно было проверить, не было ли давления или нарушений.

Кроме того, роль играет подготовка следователей. Им важно учитывать особенности человеческой памяти и избегать любого влияния на выбор свидетеля [2]. Иногда также полезно привлекать психологов, чтобы оценить, насколько надёжны показания. Протокол предъявления для опознания не должен рассматриваться как единственное доказательство. Его всегда нужно проверять и подтверждать другими материалами дела, чтобы снизить риск ошибки [4].

Таким образом, основной проблемой предъявления для опознания как следственного действия является его субъективный характер. Но при правильной организации процедуры и оценке всех доказательств можно повысить надёжность и снизить риск судебных ошибок.

Список использованных источников:

1. Уголовно - процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 16 июля 1999г., № 295 - З: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобрен Советом Республики 30 июня 1999 г.: в редакции Закона Республики Беларусь от 17 февраля 2025 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. - Минск, 2026.

2. Еникеев, М. И. Юридическая психология: учебник / М. И. Еникеев. - М.: Норма: ИНФРА - М, 2021.

3. Егоров, Н. Н. Криминалистика: учебник и практикум / Н. Н. Егоров, Е. П. Ищенко. - М.: Юрайт, 2021.

4. Савицкий, А. В. Уголовный процесс Республики Беларусь: учеб. пособие / А. В. Савицкий. - Минск: БГУ, 2022.

© Лемачко А. В, 2026.

Леонович В.О.
г. Брест, РБ
Научный руководитель: Зайчук Г. И.
Кандидат юридических наук, доцент кафедры БрГУ им. А. С. Пушкина
г. Брест, РБ

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОХРАНЫ ДИКОЙ ФАУНЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация
В статье проводится комплексный анализ правового регулирования охраны дикой фауны в Республике Беларусь. Рассматриваются понятие и состав фауны как объекта правовой охраны, система законодательства и государственного управления в данной сфере. Особое внимание уделяется актуальным проблемам: правовому режиму охраны животных в период размножения, гибели объектов дикой фауны на автомобильных дорогах, а также вопросам привлечения к ответственности за нарушения законодательства.

Ключевые слова
Экологическое право, дикая фауна, охрана животного мира, правовая охрана, ответственность, места обитания, Республика Беларусь.

Республика Беларусь обладает уникальным природным наследием, включающим разнообразные виды дикой фауны. Сохранение биологического разнообразия является одним из приоритетных направлений государственной экологической политики. Правовая охрана дикой фауны представляет собой сложный межотраслевой институт, объединяющий нормы экологического, административного, уголовного и гражданского права. Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа эффективности действующего законодательства в свете последних изменений, а также поиска правовых решений для проблем, возникающих в результате антропогенного воздействия и хозяйственной деятельности.

Основополагающим нормативным правовым актом в данной сфере является Закон Республики Беларусь от 10 июля 2007 года № 257 - З «О животном мире». Согласно ст. 1 Закона, объектами животного мира являются дикие животные (млекопитающие, птицы, пресмыкающиеся, земноводные, рыбы, насекомые и иные организмы), обитающие в состоянии естественной свободы на территории страны, а также популяции таких животных.

Ключевым принципом охраны является установление правового режима пользования, владения и распоряжения объектами животного мира. В соответствии с Конституцией Республики Беларусь и Законом «О животном мире», животный мир находится в исключительной собственности государства. Государство предоставляет объекты животного мира в пользование юридическим и

физическим лицам (для охоты, рыболовства, иных целей) на основе разрешительной системы (аренда охотничьих угодий, разовые разрешения) [2].

Введена обязательность ведения государственного кадастра животного мира в электронной форме, интегрированной с Единой государственной автоматизированной информационной системой учета ресурсов (ЕГАИС). Это должно повысить эффективность контроля за состоянием популяций.

Законодательство Республики Беларусь предусматривает несколько групп правовых мер охраны:

- ❖ Установление специальных режимов охраны, то есть запрет добычи редких и исчезающих видов, занесенных в Красную книгу Республики Беларусь.
- ❖ Установление сроков охоты и рыболовства, лимитов и квот на изъятие, запрет на использование незаконных орудий лова (петли, электроудочки и т.д.).
- ❖ Создание особо охраняемых природных территорий (заповедники, национальные парки, заказники), где ограничена хозяйственная деятельность.
- ❖ Обязанность юридических и физических лиц при осуществлении хозяйственной деятельности (сельскохозяйственные работы, строительство, эксплуатация транспорта) принимать меры по предотвращению гибели животных [4].

Несмотря на требования законодательства, ежегодно на дорогах Беларуси гибнут тысячи диких животных. Причиной является отсутствие четко прописанного в технических нормативных правовых актах механизма установки ограждений, строительства экодуков (зеленых мостов) за счет средств дорожных фондов. На взгляд автора, необходимо внести дополнения в Закон «Об автомобильных дорогах и дорожной деятельности», обязав включать в проекты строительства и реконструкции дорог I и II категорий, проходящих через пути миграции, строительство специальных переходов для животных. Также необходимо усилить материальную ответственность водителей не только за наезд на крупный рогатый скот, но и ввести повышенную шкалу ответственности за ущерб, причиненный редким видам фауны в результате ДТП по вине водителя.

Гражданско - правовая ответственность за вред, причиненный объектам животного мира, регулируется таксами и методиками. Однако существующие таксы не всегда покрывают реальный экологический ущерб, особенно когда речь идет о разрушении среды обитания. Поэтому, на взгляд автора, необходимо совершенствование методики исчисления вреда с учетом не только прямого ущерба (гибель особи), но и косвенного (утрата мест размножения, кормовой базы), а также индексация такс с учетом уровня инфляции и реальных затрат на воспроизводство.

Правовая охрана дикой фауны в Республике Беларусь базируется на достаточно развитой нормативной основе, которая постоянно совершенствуется с учетом международных обязательств страны. Вмешательство государства в регулирование этих отношений остается необходимым ввиду особой значимости животного мира как компонента природной среды.

Список использованной литературы:

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: 6 января 2021 г. № 91 - З: принят Палатой Представителей 18 декабря 2020 г.: одобр. Советом Респ. 18 декабря 2020 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 октября 2025 г. № 101 - З // ЭТАЛОН: информ. - поисковая система (дата обращения: 19.02.2026).
2. О животном мире: Закон Респ. Беларусь, 10 июля 2007 г., № 257 - З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.12.2026 г. № 126 - З // ЭТАЛОН: информ. - поисковая система (дата обращения: 19.02.2026).
3. Об особо охраняемых природных территориях: Закон Респ. Беларусь, 15 ноября 2018 г., № 105 - З // ЭТАЛОН: информ. - поисковая система (дата обращения: 19.02.2026).
4. Положение о порядке выдачи разрешений на изъятие диких животных из среды их обитания, утв. Постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 12 июля 2013г., № 610: в ред. Постан. Сов. Мин. Респ. Беларусь от 18 сентября 2025 г. № 513 // ЭТАЛОН: информ. - поисковая система (дата обращения: 19.02.2026).
5. Красная книга Республики Беларусь. Животные / гл. редкол.: И.М. Качановский (предс.) [и др.]. – 4 - е изд. – Минск: Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2024. – 596 с.

© Леонович В. О. 2026

Леонович В. О.
студентка 2 курса БрГУ им. А.С. Пушкина
г. Брест, РБ
Научный руководитель: Заранка И. А.
старший преподаватель кафедры теории
и истории государства и права
г. Брест, РБ

ИСПОЛНЕНИЕ НАКАЗАНИЯ В ОТНОШЕНИИ БЕРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН И ЛИЦ, ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ В ДОМАХ РЕБЕНКА В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ОТКРЫТОГО ТИПА

Аннотация

Настоящая статья посвящена анализу правового регулирования и практики исполнения наказания в отношении беременных женщин и женщин, имеющих детей, в условиях домов ребенка при исправительных учреждениях открытого типа в Республике Беларусь. На основе действующего уголовно - исполнительного законодательства и подзаконных нормативных правовых актов исследуются особенности материально - бытового и медицинского обеспечения данной

категории осужденных, порядок предоставления отсрочки отбывания наказания, а также организация воспитания и содержания детей в домах ребенка при исправительных колониях.

Ключевые слова

Уголовно - исполнительное право, исправительное учреждение открытого типа, осужденные женщины, имеющие детей, дом ребенка, материально - бытовое обеспечение, медицинское обеспечение.

Правовое положение осужденных беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, характеризуется рядом специфических черт, обусловленных необходимостью обеспечения охраны здоровья матери и ребенка, а также создания условий для нормального развития детей. Основополагающим нормативным правовым актом, регулирующим данные правоотношения, выступает Уголовно - исполнительный кодекс Республики Беларусь от 11 января 2000 г. № 365 - З (далее – УИК).

Система гарантий для рассматриваемой категории осужденных включает:

- организацию домов ребенка при исправительных учреждениях, где отбывают наказание женщины, имеющие детей;
- возможность помещения детей в дома ребенка исправительных учреждений до достижения ими трехлетнего возраста;
- право на специализированную медицинскую помощь в период родов и в послеродовой период;
- и другие [1].

Согласно статье 95 УИК, в исправительных учреждениях, где отбывают наказание осужденные женщины, имеющие детей, организуются дома ребенка. Дома ребенка размещаются на изолированной территории учреждения уголовно - исполнительной системы. Занимаемые домами ребенка земельные участки отгораживаются, оборудуются изолированными друг от друга площадками для проведения прогулок и сна детей на свежем воздухе в течение круглого года.

Медицинское обеспечение детей осуществляется путем организации правильного физического и нервно - психического развития здорового ребенка, профилактики и лечения инфекционных и соматических заболеваний, диспансерного наблюдения и медицинской реабилитации детей, имеющих заболевания [3].

Уголовно - исполнительным кодексом Республики Беларусь предусмотрены различные виды исправительных учреждений. Под исправительными учреждениями открытого типа понимаются учреждения, исполняющие наказание в виде ограничения свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа, а также исправительные колонии - поселения.

Ограничение свободы состоит в наложении на осужденного обязанностей, ограничивающих его свободу, и нахождении его в условиях осуществления за ним надзора органами и учреждениями, ведающими исполнением наказания. Особенностью исправительных учреждений открытого типа является то, что они не относятся к местам лишения свободы в классическом понимании: осужденные проживают в общежитиях, могут пользоваться гражданской одеждой, иметь при себе деньги, однако обязаны соблюдать правила внутреннего распорядка и выполнять трудовые обязанности.

Для осужденных беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, законодательством предусмотрена возможность отсрочки отбывания наказания. В соответствии со статьей 189 УИК, осужденным беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, отбывающим наказание в виде лишения свободы, судом может быть предоставлена отсрочка отбывания наказания на период, когда они могут быть освобождены от работы по беременности, родам и до достижения ребенком трехлетнего возраста [1].

При этом законодатель устанавливает существенное ограничение: отсрочка отбывания наказания не применяется к женщинам, осужденным к лишению свободы на срок более пяти лет за тяжкое или особо тяжкое преступление.

Уголовный закон предусматривает последствия несоблюдения условий отсрочки. Если осужденная отказалась от ребенка или передала его в детский дом, скрылась с места проживания или продолжает уклоняться от воспитания ребенка и ухода за ним после письменного предупреждения, суд может направить осужденную для отбывания наказания, назначенного приговором [2].

Несмотря на достаточно детальную правовую регламентацию, практика исполнения наказания в отношении беременных женщин и женщин, имеющих детей, сталкивается с рядом проблем.

Во - первых, ограниченное количество домов ребенка при исправительных учреждениях создает ситуацию, при которой значительная часть осужденных матерей лишена возможности реализовать право на совместное проживание с детьми. Представляется целесообразным рассмотреть вопрос о создании дополнительных домов ребенка, в том числе при исправительных учреждениях открытого типа.

Во - вторых, действующее законодательство не в полной мере учитывает психологические аспекты пребывания детей в условиях исправительного учреждения. Хотя дома ребенка размещаются на изолированной территории, сам факт нахождения ребенка в учреждении пенитенциарной системы может оказывать негативное влияние на его развитие. В этой связи заслуживает внимания вопрос о расширении практики применения отсрочки отбывания наказания и иных альтернативных мер.

Таким образом, уголовно - исполнительное законодательство Республики Беларусь содержит развернутую систему гарантий для осужденных беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей. Ключевыми элементами этой системы являются организация домов ребенка при исправительных учреждениях, возможность отсрочки отбывания наказания, а также повышенные нормы материально - бытового и медицинского обеспечения.

Вместе с тем, правоприменительная практика выявляет необходимость дальнейшего совершенствования законодательства в данной сфере, в частности, расширения сети домов ребенка, более широкого применения альтернативных мер наказания и учета психологических аспектов пребывания детей в условиях исправительных учреждений. Дальнейшая гуманизация уголовно - исполнительной политики в отношении рассматриваемой категории осужденных будет способствовать реализации конституционного принципа приоритетной защиты материнства и детства.

Список использованной литературы:

1. Уголовно - исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 11 янв. 2000 г., № 365 - З: принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г.: одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г.: с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2026.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 9 июля 1999 г., № 275 - З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2026.
3. Об утверждении Инструкции по медицинскому обеспечению лиц, содержащихся в учреждениях уголовно - исполнительной системы Министерства внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]: постановление М - ва внутр. дел Респ. Беларусь и М - ва здравоохранения Респ. Беларусь, 27 авг. 2003 г., № 202 / 39 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2026.
4. Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений [Электронный ресурс]: постановление М - ва внутр. дел Респ. Беларусь, 20 окт. 2000 г., № 174 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2026.

© Леонович В.О., 2026

Макаревич С. Д.
Студент 4 курса, юридического факультета
БрГУ имени А. С. Пушкина
г. Брест, Беларусь
Научный руководитель: Храмов С. М.
Кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры теории и истории государства и права
БрГУ имени А. С. Пушкина
г. Брест, Беларусь

ВЛИЯНИЕ РАЗБОЕВ НА КРИМИНОГЕННУЮ СИТУАЦИЮ

Аннотация

Разбой как один из наиболее опасных видов преступлений против собственности занимает особое место в структуре криминогенной ситуации в Республике Беларусь. Его специфика заключается в сочетании корыстной мотивации и применения насилия, что делает данный вид преступления социально значимым и особенно опасным для общества. Анализ статистики осужденных за разбой позволяет выявить тенденции, которые отражают не только динамику преступности, но и эффективность мер профилактики, предпринимаемых государством и правоохранительными органами.

Ключевые слова

Разбой, правоприменительная практика, статистика

Численность осужденных за разбой по приговорам судов, вступившим в законную силу, в последние годы демонстрирует тенденцию к постепенному снижению. Так в 2020 году было осуждено 110 человек, что стало наибольшим показателем за рассматриваемый период. Уже в 2021 году их число сократилось до 87, однако в 2022 году наблюдался небольшой рост до 98 осужденных. В 2023 году показатель практически не изменился и составил 97 человек, а в 2024 году зафиксировано дальнейшее снижение до 71 осужденного [1]. Таким образом, после пика в 2020 году статистика по разбойным преступлениям постепенно сокращается, что может свидетельствовать о результативности профилактических мер и изменении криминогенной ситуации в стране.

Сокращение числа лиц, осуждённых за разбой, свидетельствует о том, что система противодействия преступности в обществе является эффективной. Эта тенденция обусловлена не только тем, что повышается эффективность деятельности правоохранительных органов, но и тем, что изменяется уровень криминальной активности в социально - экономической сфере. Разбой следует рассматривать как одно из преступлений, по которому можно судить о криминогенной ситуации в Республике Беларусь. Поэтому уменьшение количества осуждённых по данной категории преступлений уместно рассматривать как положительный показатель, свидетельствующий о снижении общей криминогенной активности.

В то же время динамика разбойных преступлений показывает, что она не является строго устойчивой. В Республике Беларусь за 2022 год отмечался рост числа осуждённых за разбой до 98 человек. Такие колебания могут быть связаны с недостаточной эффективностью профилактической работы в отдельные периоды.

Важным источником эмпирических данных о характере и способах совершения разбойных нападений являются материалы, публикуемые в официальных источниках.

Так, показательным является следующий случай. Жертвой разбойного нападения стала 72 - летняя женщина, ранее оказывавшая помощь бездомному мужчине. Воспользовавшись доверием потерпевшей, злоумышленник, находясь у неё дома, потребовал передать ему золотые серьги. После отказа он применил физическое насилие, а затем, угрожая ножом, вынудил женщину отдать имущество [2]. Данный пример свидетельствует о том, что разбой может совершаться в условиях бытового контакта и связан с злоупотреблением доверием, а также подтверждает его высокую общественную опасность.

Другой пример: обвиняемый, угрожая пневматическим пистолетом и ножом, завладел денежными средствами водителя такси, после чего продолжил противоправные действия. Установлено, что он ранее неоднократно привлекался к уголовной ответственности, не имел постоянного источника дохода и злоупотреблял спиртными напитками [3]. Данный случай иллюстрирует влияние

таких криминогенных факторов, как рецидивная преступность, социальная дезадаптация и алкоголизация.

В последние годы снижение числа осуждённых за разбой можно напрямую связать с комплексом профилактических мер, среди которых относят повышение уровня охраны общественного порядка, расширение систем видеонаблюдения, улучшение технической составляющей объектов собственности, а также совершенствование деятельности по предупреждению рецидивной преступности. Особое место имеет работа по недопущению повторных преступлений, поскольку разбой нередко совершается лицами, ранее привлекавшимися к уголовной ответственности.

Показательным для подтверждения данных тенденций являются сведения, опубликованные Гомельским областным судом. Согласно информации суда, в 2024 году в регионе было рассмотрено 4 946 уголовных дел, по которым осуждено 5 310 лиц. При этом подавляющее большинство составляют преступления против собственности, прежде всего кражи. Их удельный вес существенно превышает количество дел о грабежах и разбоях, что свидетельствует о доминировании корыстных, но ненасильственных посягательств в структуре преступности региона. Кроме того, в 2024 году в Гомельской области отмечено снижение уровня тяжких и особо тяжких преступлений, включая насильственные [4]. Эти данные подтверждают снижение относительной доли корыстно - насильственных преступлений, в том числе разбоя, в общей структуре преступности, что согласуется с общереспубликанской тенденцией.

Показатель снижения числа осуждённых за разбой до 71 человека в 2024 году можно рассматривать как результат реализации эффективной государственной политики в сфере обеспечения правопорядка.

В заключение следует отметить, что статистика осуждённых за разбой по Республике Беларусь за 2020–2024 годы демонстрирует устойчивую тенденцию к снижению, что подтверждает положительные изменения в криминогенной ситуации и эффективность предпринимаемых мер по борьбе с корыстно - насильственными преступлениями. Это свидетельствует о результативности профилактических мер и изменении криминогенной ситуации в стране в сторону её стабилизации. Только при условии системного воздействия на причины и условия совершения разбоя возможно дальнейшее снижение уровня криминогенной напряженности и укрепление правопорядка в обществе.

Список использованной литературы:

1. Численность осужденных по приговорам судов, вступившим в законную силу по территории Республики Беларусь // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https: // dataportal.belstat.gov.by / osids / indicator - info / 10108000012 (дата обращения: 21.04.2026).

2. Никитина, М. Гостеприимство с криминальным финалом: в Молодечненском районе пенсионерка стала жертвой разбоя / Н. Никитина // Следственный комитет

Республики Беларусь. – URL: https: // sk.gov.by / ru / news - usk - minsk - ru / view / ot - gostepriimstva - do - koshmara - kak - blagodarnost - obernulas - razboem - v - molodechnenskom - rajone - 15506 / (дата обращения: 21.04.2026).

3. Лазько, О. «Я тебя сейчас застрелю»: в Дубровно завершено расследование уголовного дела о разбойном нападении на таксиста / О. Лазько // Следственный комитет Республики Беларусь. – URL: https: // sk.gov.by / ru / news - usk - vitebsk - ru / view / ja - tebja - sejchas - zastrelju - v - dubrovno - zaversheno - rassledovanie - ugolovnogo - dela - o - razbojnom - napadenii - na - 15211 / (дата обращения: 21.04.2026).

4. Как изменилась преступность и какие факторы влияют на криминогенную обстановку в наше время // Верховный Суд Республики Беларусь. – URL: https: // court.gov.by / ru / gomeljskij / oblastnoj / sud / press _ sluzhba / soobscheniya / press _ sluzhbi / 7cc88b0b20f14f00.html (дата обращения: 21.04.2026).

© Макаревич С. Д., 2026

Макаревич С. Д.
Студент 4 курса, юридического факультета
БрГУ имени А. С. Пушкина
г. Брест, Беларусь
Научный руководитель: Храмов С. М.
Кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры теории и истории государства и права
БрГУ имени А. С. Пушкина
г. Брест, Беларусь

ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА И ПОТЕРПЕВШЕГО ПО ДЕЛАМ О РАЗБОЯХ

Аннотация

В статье рассматриваются криминологические особенности личности преступника, совершающего разбой, а также значение личности потерпевшего в механизме данного преступления. На основе статистических данных и материалов правоприменительной практики Республики Беларусь исследуются современные формы разбойных нападений, включая организованные преступления, направленные на завладение цифровыми активами. Особое внимание уделяется роли потерпевшего, его социальным и поведенческим характеристикам, влияющим на выбор жертвы и способ совершения преступления.

Ключевые слова

Личность преступника, потерпевшего, разбой, характеристика

Понятие «личность преступника» соединяет в себе две категории: «личность» и «преступник». Личность представляет собой сложную систему социальных и

психологических свойств и качеств, которые определяют его отношение к другим людям и к обществу в целом. Преступник – это вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности и признанное виновным в совершении общественно опасного деяния.

Личность преступника, совершившего разбой, можно охарактеризовать как: «корыстно - насильственный тип, так как разбой является преступлением с двумя основными целями: корыстной (завладение имуществом) и насильственной (применение силы или угрозы ее применения)» [1].

Возраст – один из ключевых факторов, определяющих склонность к преступному поведению. Возраст с которого субъект преступления может быть осужден для преступлений в форме разбоя снижен – с 14 лет. Определенная криминальная активность наблюдается среди молодёжи, что объясняется психологическими особенностями этого периода: недостатком жизненного опыта, стремлением к самореализации, импульсивностью, а также сильным влиянием окружения. По данным судебной статистики за 2024 год в Республике Беларусь за совершение различных преступлений осуждено 593 несовершеннолетних, что на 14,3 % меньше, чем в 2023 году, в котором осуждены 692 [2].

Гендерный фактор оказывает существенное влияние на уровень преступности: среднестатистически мужчины значительно чаще совершают противоправные деяния по сравнению с женщинами. По статистике лиц совершивших преступления, за 2023 год женщинами было совершенно 7244 преступления, а мужчина 31416 преступлений [3]. Гендерный аспект играет заметную роль в структуре преступности, что подтверждается официальной статистикой.

Важным источником, позволяющим более глубоко раскрыть особенности личности преступника и механизмы совершения разбойных нападений, являются материалы правоприменительной практики.

Так, показателен пример так называемого «заказного» разбоя, совершенного в отношении IT - специалиста из Минска. Преступление носило заранее спланированный и организованный характер: злоумышленники, представившись работниками коммунальных служб, проникли в квартиру потерпевшего, после чего применили к нему насилие и угрозы с целью завладения криптоактивами. В ходе нападения использовались наручники, оружие, а также угрозы применения наркотических веществ. Установлено, что преступление готовилось в течение нескольких месяцев, а один из исполнителей имел криминальное прошлое [4]. Данный пример свидетельствует о том, что современные разбойные нападения могут носить высокоорганизованный характер, быть направленными на завладение не только традиционными материальными ценностями, но и цифровыми активами, а также совершаться лицами, обладающими определённым уровнем подготовки и криминального опыта.

Не менее значимо исследование личности потерпевшего. В разбое жертва выступает не только в качестве собственника имущества, но и непосредственным участником криминологической ситуации. Социальный статус, психологические

особенности, образ жизни и поведенческие стратегии потерпевшего могут влиять на выбор преступником жертвы, способ нападения и степень применяемого насилия. Потерпевшими зачастую являются: «женщины, несовершеннолетние и лица, находящиеся в состоянии алкогольного опьянения, т.е. та категория граждан, которая не сможет оказать действенного сопротивления» [5].

Характерные особенности взаимодействия преступника и потерпевшего, а также выбор жертвы, подтверждаются и другими материалами правоприменительной практики. Так, согласно материалов одного из уголовных дел, разбой был совершен группой лиц в отношении знакомого им человека. Преступники, находясь в состоянии алкогольного опьянения, проникли в жилище потерпевшего и, применяя физическое насилие и пытки (в том числе с использованием раскаленного утюга), требовали передачи ценной монеты. Несмотря на жестокость применяемых методов, потерпевший отказался выполнить их требования [6]. Данный пример демонстрирует, что жертвами разбоя нередко становятся лица из близкого социального окружения преступников, а само преступление может развиваться на почве ранее известных обстоятельств (информация о наличии ценностей).

Приведённые примеры позволяют сделать вывод о том, что личность преступника по делам о разбое может варьироваться от социально дезадаптированного лица до относительно интегрированного в общество субъекта, однако объединяющим фактором остаются корыстно - насильственная мотивация, готовность к применению насилия и использование уязвимостей потерпевшего. В свою очередь, личность потерпевшего и его поведенческие особенности нередко оказывают влияние на выбор объекта посягательства и способ совершения преступления.

Список использованной литературы:

1. Спектор, Л. А. Личность преступника: характерные особенности / Л. А. Спектор, Е. О. Фейдина // Вестник Алтайской академии экономики и права. Серия: Юридические науки. – 2021. – № 11, ч. 2. – С. 337 - 342.

2. Данные судебной статистики за 2024 год об осужденных несовершеннолетних // Верховный Суд Республики Беларусь. – URL: https: // www.court.gov.by / ru / justice _ rb / statistics / children / 0ae49a042ed04b7f.html (дата обращения: 21.04.2026).

3. Гомонов, Н. Д. Детерминанты преступного поведения / Н. Д. Гомонов // Юридическая наука. – 2020. – № 1. – С. 44–47.

4. IT - специалист из Минска стал жертвой «охотников» за криптовалютой. Кто стоит за «заказным» разбоем? // Следственный комитет Республики Беларусь. – URL: https: // sk.gov.by / ru / news - ru / view / it - spetsialist - iz - minska - stal - zhertvoj - oxotnikov - za - kriptovaljutoj - kto - stoit - za - zakaznym - razboem - 14667 / (дата обращения: 21.04.2026).

5. ГУВД: профилактика преступлений, связанных с открытым хищением имущества граждан (грабеж) // Национальный правовой Интернет - портал Республики Беларусь. – URL: https: // pravo.by / novosti / obshchestvenno - politicheskie - i - v - oblasti - prava / 2018 / september / 30477 / (дата обращения: 21.04.2026).

6. Никитина, М. Утюг как средство убеждения. Разбойное нападение в стиле 90 - х произошло в Мядельском районе / М. Никитина // Следственный комитет Республики Беларусь. – URL: https: // sk.gov.by / ru / news - usk - minsk - ru / view / utjug - kak - sredstvo - ubezhdenija - razbojnoe - napadenie - v - stile - 90x - proizoshlo - v - mjadelskom - rajone - 13757 / (дата обращения: 21.04.2026).

© Макаревич С. Д., 2026

Макаревич С. Д.
Студент 4 курса, юридического факультета
БрГУ имени А. С. Пушкина
г. Брест, Беларусь
Научный руководитель: Храмов С. М.
Кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры теории и истории государства и права
БрГУ имени А. С. Пушкина
г. Брест, Беларусь

РАЗБОЙНЫЕ НАПАДЕНИЯ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА

Аннотация

В статье исследуются особенности разбойных нападений, совершаемых несовершеннолетними в Республике Беларусь, а также анализируются тенденции развития данного вида преступности за 2021–2025 годы. На основе статистических данных рассматриваются динамика, уровень и структура преступности несовершеннолетних, место разбоя среди иных имущественных преступлений, а также возрастные особенности лиц, совершающих корыстно - насильственные деяния.

Ключевые слова

Несовершеннолетние, статистика, преступления

Проблема преступности несовершеннолетних традиционно рассматривается как один из наиболее значимых индикаторов социального благополучия общества и эффективности государственной профилактической политики. Особое внимание в рамках данной проблематики уделяется анализу тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых лицами данной возрастной категории, поскольку

именно они характеризуются повышенной степенью общественной опасности и оказывают наиболее негативное воздействие на общественные отношения. Анализ численности несовершеннолетних, совершивших разбойные нападения по территории Республики Беларусь за 2021–2024 года свидетельствует о крайне низком уровне данного вида преступлений, а также о нестабильности их динамики.

Так, в 2021 году зарегистрировано 2 разбоя, в 2022 году – это 5, что означает рост на 150 % . В 2023 году показатель резко снизился до 1 случая, что составляет уменьшение на 80 % по сравнению с 2022 годом. В 2024 году вновь наблюдается увеличение до 4 разбоев, то есть рост на 300 % по сравнению с 2023 годом. В 2025 году, исходя из статистических данных, среди несовершеннолетних разбойных нападений не наблюдалось [1]. Таким образом, динамика разбойных нападений среди несовершеннолетних носит волнообразный и нестабильный характер: после роста в 2022 году следует существенное снижение в 2023 году и последующее увеличение в 2024 году. При этом необходимо учитывать, что столь резкие процентные изменения обусловлены крайне малой абсолютной численностью преступлений, где даже изменение на 1–3 случая существенно влияет на общую динамику.

В структуре преступности несовершеннолетних разбой занимает минимальную долю. Так, в 2024 году при общем количестве преступлений 1381, совершенных несовершеннолетними, на разбой приходится лишь 4 случая, что составляет около 0,29 %. Для сравнения: кражи составляют 353 случая, грабежи – 73, мошенничества – 74 [1]. Это подтверждает, что разбой среди несовершеннолетних является редким явлением, однако отличается повышенной общественной опасностью ввиду насильственного характера.

Возраст выступает одним из ключевых факторов, влияющих на склонность к преступному поведению. Уголовная ответственность за разбой в Республике Беларусь наступает с 14 лет, что обусловлено повышенной общественной опасностью данного деяния. Вместе с тем анализ показывает, что, несмотря на общую криминальную активность молодежи, разбойные нападения несовершеннолетними совершаются относительно редко. Это объясняется сложным характером данного преступления, требующего определенной решительности, готовности к применению насилия и зачастую наличия криминального опыта.

Хотя для подросткового возраста характерны такие особенности, как импульсивность, стремление к самоутверждению и подверженность влиянию окружения, данные факторы чаще реализуются в менее тяжких формах противоправного поведения (например, кражах или хулиганстве), нежели в корыстно - насильственных преступлениях. Разбой, как более сложная и рискованная форма преступной деятельности, требует более высокой степени криминальной мотивации и психологической готовности к насилию, что ограничивает его распространенность среди несовершеннолетних.

В то же время статистические данные свидетельствуют о снижении общей преступности среди несовершеннолетних. Так, по данным судебной статистики за 2024 год, за совершение различных преступлений осуждено 593 несовершеннолетних, что на 14,3 % меньше, чем в 2023 году, когда было осуждено 692 лица [2]. Это позволяет сделать вывод о тенденции к снижению преступной активности данной возрастной группы в целом, включая и такие опасные деяния, как разбой.

Исходя из анализа численность осужденных в возрасте до 30 лет по разбойным нападениям на территории Республики Беларусь наблюдается тенденция к снижению числа разбоев. В 2020 году зарегистрировано 47 случаев, в 2021 году – 31, в 2022 году – 28, в 2023 году отмечен кратковременный рост до 36 случаев, однако в 2024 году показатель вновь снизился до 23 преступлений [3].

Таким образом, за исследуемый период 2020–2024 годах общее снижение составило более чем в два раза (примерно на 51 %), что свидетельствует о долгосрочной тенденции сокращения данного вида корыстно - насильственной преступности. Сопоставление общей динамики и данных по несовершеннолетним позволяет сделать вывод о том, что основная масса преступлений данной категории формируется не за счет подростковой группы, а преимущественно за счет лиц старшего молодого возраста (18–29 лет), что подтверждает криминологическую закономерность постепенного «смещения» тяжелых насильственных преступлений в более старшие возрастные подгруппы внутри категории до 30 лет.

При этом снижение числа осужденных за разбой в целом может быть связано с рядом факторов социально - правового характера, включая усиление профилактической работы, повышение эффективности правоохранительной деятельности, а также общую тенденцию к снижению насильственной корыстной преступности в Республике Беларусь. Немаловажную роль играет и изменение способов совершения имущественных посягательств, при которых наблюдается определенный «переход» от открытых насильственных форм (разбой, грабеж) к менее рискованным формам посягательств, включая мошенничество, в том числе с использованием информационных технологий.

Список использованной литературы:

1. Численность осужденных по приговорам судов, вступившим в законную силу по территории Республики Беларусь // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https: // dataportal.belstat.gov.by / osids / indicator - info / 10108000012 (дата обращения: 21.04.2026).

2. Данные судебной статистики за 2024 год об осужденных несовершеннолетних // Верховный Суд Республики Беларусь. – URL: https: // www.court.gov.by / ru / justice _ rb / statistics / children / 0ae49a042ed04b7f.html (дата обращения: 21.04.2026).

3. Численность осужденных в возрасте до 30 лет по отдельным видам преступлений по территории Республики Беларусь // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https: // dataportal.belstat.gov.by / osids / indicator - info / 10108000015 (дата обращения: 21.04.2026).

© Макаревич С. Д., 2026

Макаревич С. Д.
Студент 4 курса, юридического факультета
БрГУ имени А. С. Пушкина
г. Брест, Беларусь
Научный руководитель: Храмов С. М.
Кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры теории и истории государства и права
БрГУ имени А. С. Пушкина
г. Брест, Беларусь

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАЗБОЯМ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация
В статье рассматриваются современные уголовно - правовые и криминологические аспекты противодействия разбойным нападениям в Республике Беларусь. Анализируется эффективность действующего уголовного законодательства и государственной профилактической политики в сфере борьбы с корыстно - насильственной преступностью. Особое внимание уделяется вопросам предупреждения разбойных посягательств, роли превентивных механизмов и необходимости усиления контроля за лицами, находящимися в социально опасном положении. На основе положений Уголовного кодекса Республики Беларусь и официальных статистических данных исследуются цели уголовной ответственности, принципы гуманизации уголовной политики и тенденции развития профилактической деятельности.

Ключевые слова
Разбой, профилактика, уголовная ответственность, уголовная политика.

Проблема противодействия корыстно - насильственной преступности традиционно занимает одно из ключевых мест в системе уголовно - правовой и криминологической науки. Особую актуальность в данном контексте приобретает анализ разбоя как одного из наиболее опасных преступлений против собственности, сопряжённого с применением насилия либо угрозой его применения. Несмотря на относительно низкий уровень распространённости

данного вида преступлений, его высокая общественная опасность обусловливает необходимость постоянного совершенствования как уголовного законодательства, так и системы профилактики.

В современных условиях особое значение приобретает исследование эффективности действующих правовых механизмов противодействия разбойным посягательствам, а также определение направлений их дальнейшего развития. Актуальность темы обусловлена необходимостью комплексного анализа уголовно - правовых и криминологических аспектов борьбы с разбоями с учётом современных тенденций развития преступности в Республике Беларусь.

Современное состояние преступности в Республике Беларусь, включая разбойные посягательства, свидетельствует о высокой эффективности действующей уголовно - правовой и криминологической политики государства. В этой связи представляется обоснованной позиция, высказанная в одном из интервью Министром внутренних дел Республики Беларусь Иваном Кубраковым, который акцентирует внимание не столько на необходимости радикального реформирования законодательства, сколько на его последовательном совершенствовании и усилении профилактической составляющей. Так, им отмечается, что «разбойные нападения на жилища и даже кражи из них сейчас на самом низком уровне за многие годы» [1], а раскрываемость тяжких и особо тяжких преступлений, включая разбои, достигла 100 % [1]. Данные положения свидетельствуют о том, что действующие нормы уголовного законодательства, в частности положения Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь), адекватно отражают степень общественной опасности разбоя, обеспечивают реализацию принципа неотвратимости ответственности и способствуют эффективному правоприменению.

Вместе с тем, поддерживая предложенные подходы, следует отметить, что дальнейшее снижение уровня разбойной преступности целесообразно связывать не с ужесточением санкций, а с развитием превентивных механизмов воздействия на криминогенные факторы [1]. В этом контексте особое значение приобретают меры, направленные на контроль за лицами, находящимися в социально опасном положении, прежде всего злоупотребляющими алкоголем и не занятыми общественно полезным трудом. Как справедливо подчеркнул Иван Кубраков, «у нас уже есть мощные рычаги профилактики: от предупреждений до принудительного лечения… однако многие вышедшие из ЛТП продолжают прежний образ жизни» [1]. Предложение о введении постпенитенциарного контроля за такими лицами, а также установление административной ответственности за уклонение от трудовой занятости и злоупотребление спиртными напитками, представляется юридически обоснованным и криминологически оправданным. Указанные меры направлены на устранение причин и условий преступности, что соответствует не только принципу превенции, но и задачам общей и специальной профилактики правонарушений.

С позиции уголовно - правовой доктрины предложенные изменения не затрагивают базовых конструкций состава разбоя, закреплённого в УК Республики Беларусь, а носят вспомогательный характер, усиливая механизм предупреждения преступлений. Данный подход в полной мере соответствует закрепленным в статье 3 УК Республики Беларусь принципам уголовного закона, согласно которым уголовное законодательство направлено на обеспечение всесторонней безопасности личности, а применяемые меры ответственности должны быть необходимыми и достаточными для исправления лица и не преследовать цели причинения страданий или унижения человеческого достоинства [2].

Кроме того, положения статьи 44 УК Республики Беларусь закрепляют, что уголовная ответственность направлена не только на осуждение виновного, но и на его исправление, предупреждение совершения новых преступлений, а также восстановление социальной справедливости [2]. Подобный подход согласуется с целями уголовной ответственности, включающими не только наказание виновного, но и предупреждение совершения новых преступлений как самим осуждённым, так и иными лицами. В этой связи акцент на профилактике следует рассматривать как приоритетное направление современной уголовной политики.

Стабильное снижение уровня тяжких преступлений, включая разбои, а также высокая раскрываемость свидетельствуют о том, что нормы УК Республики Беларусь обеспечивают надлежащую охрану общественных отношений и позволяют в полной мере реализовывать задачи уголовного законодательства. Перспективы дальнейшего совершенствования законодательства обоснованно связываются с развитием превентивных механизмов, направленных на нейтрализацию криминогенных факторов, прежде всего алкоголизации населения и социальной дезадаптации отдельных категорий лиц. Поддержка инициатив, предусматривающих усиление контроля за лицами, склонными к противоправному поведению, а также введение дополнительных мер административного воздействия, отражает современную тенденцию гуманизации уголовной политики при одновременном повышении её эффективности.

Список использованной литературы:

1. Кубраков, И. В. Какие законодательные меры предлагает МВД для снижения преступности, рассказал Министр / И. В. Кубраков // Национальный правовой Интернет - портал Республики Беларусь. – URL: https: // pravo.by / novosti / obshchestvenno - politicheskie - i - v - oblasti - prava / 2026 / mart / 92521 / (дата обращения: 01.05.2026).

2.Уголовный кодекс Республики Беларусь: 9 июля 1999 г. № 275 - З: принят Палатой представителей 02 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 октября 2025 г. № 101 - З // ЭТАЛОН: информ. - поисковая система (дата обращения: 21.04.2026).

© Макаревич С. Д., 2026

Наумов Д.С.
Инспектор отдела обработки и передачи информации
Центр автоматизированной фиксации административных правонарушений
в области дорожного движения Государственной инспекции
безопасности дорожного движения ГУ МВД России
по Волгоградской области
Маков А.В.
Старший преподаватель кафедры
административной деятельности и
охраны общественного порядка
ФГКОУ ВО «Волгоградская академия МВД России»

ВОПРОСЫ ПОВЫШЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ГИБДД МВД РОССИИ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Аннотация:
В данной статье исследуются ключевые аспекты улучшения методов контроля и надзора, применяемых сотрудниками дорожно - патрульной службы, с целью обеспечения соблюдения водителями и пешеходами правил дорожной безопасности.

Ключевые слова:
безопасность дорожного движения, дорожно - патрульная служба, охрана общественного порядка, обеспечение безопасности дорожного движения.

Naumov D.S.
Inspector of the Department of Information Processing and Transmission Cente
r for Automated Recording of Administrative Offenses
in the Field of Traffic Safety State Traffic Safety Inspectorate
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
in the Volgograd Region
Makov A.V.
Senior Lecturer of the Department of Administrative Activities and
Public Order Protection
FGBOU VO "Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia"

ISSUES OF IMPROVING THE ACTIVITIES OF THE GIBDD OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA IN THE FIELD OF ROAD SAFETY

Abstract:
This article explores the key aspects of improving the methods of control and supervision used by traffic police officers in order to ensure that drivers and pedestrians comply with road safety regulations.

Keywords:
road safety, traffic police, public order, road safety.

Дорожно - патрульная служба (ДПС) является ключевым элементом структуры ГИБДД МВД России, участвуя в решении всех задач, связанных с обеспечением безопасности на дорогах. Следовательно, организационные, управленческие и правовые проблемы, характерные для Госавтоинспекции, неизбежно сказываются на работе ДПС.

Федеральный закон «О полиции» [1] установил новый подход к деятельности органов внутренних дел, изменив профессиональную парадигму. Отныне акцент сместился на правоохранительную функцию, позиционируя полицию не как орган принуждения, а как институт, призванный в первую очередь защищать права и свободы граждан, бороться с преступностью и поддерживать общественный порядок.

Применительно к деятельности ДПС, это означает, что контроль на дорогах должен гармонично сочетать правоохранительное воздействие с приоритетом консультирования, профилактики и помощи участникам движения, при строгом соблюдении законности. Однако, текущая практика показывает, что во многих случаях этот баланс нарушен.

Хотя принимаются меры для устранения правовых пробелов в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, существующая нормативная база все еще нуждается в совершенствовании. Будущее развитие ДПС должно базироваться на обновленной основе, четко определяющей:

1. Компетенцию, полномочия и роль ДПС в системе государственных органов, отвечающих за безопасность дорожного движения. Ясное распределение функций позволит определить направления развития и оценить эффективность службы.
2. Порядок осуществления административно - юрисдикционной деятельности дорожно - патрульной службой. Эта деятельность является ключевой в обеспечении общественной безопасности на дорогах и часто порождает конфликтные ситуации. Эффективное регулирование этих правоотношений способствует взаимопониманию между субъектами и осознанию необходимости соблюдения законности.

В частности, существует нестыковка между Административным регламентом МВД и КоАП РФ в вопросе задержания транспортного средства. Налицо правовой пробел, который требует устранения для обеспечения единообразия правоприменительной практики. Также, необходимо четко определить, имеют ли сотрудники ДПС право на контроль технического состояния транспортных средств на линии, и если да, то распространять это право на весь личный состав[2].

Кроме того, необходимо упорядочить и систематизировать нормативно - правовую базу, регулирующую деятельность ДПС, исключив дублирование норм. Важно совершенствовать формы и методы надзора за дорожным движением, подбирая наиболее эффективные приемы несения службы и расстановки сил.

Существующие нормативные документы определяют главные виды патрулирования, осуществляемого нарядами Дорожно - патрульной службы ГИБДД МВД России.

К ним относятся:

- наблюдение за транспортными потоками путем пешего патрулирования;
- осуществление надзора за дорожным движением как с движущегося, так и с места фиксированного патрульного автомобиля; выполнение контрольных функций на стационарных опорных пунктах ДПС и пунктах пропуска.
- управление дорожным движением;
- сопровождение транспортных средств.

В настоящее время при осуществлении надзора за дорожным движением используются различные подходы, среди которых открытое наблюдение, скрытое патрулирование и комбинированные методики с применением служебного автотранспорта[3].

Развитие законодательства, включая процедуры привлечения к административной ответственности, ставит перед правоохранительными органами задачу надлежащего документального подтверждения фактов правонарушений. Решение этой проблемы видится в использовании технических средств фиксации, таких как фото - и видеоаппаратура. Внедрение такого оборудования несколько противоречит тактическим приёмам, используемым при скрытом и смешанном надзоре.

Учитывая эти тенденции в организации работы дорожной полиции, можно выделить ключевые направления деятельности сотрудников ДПС, которые останутся востребованными:

- Содействие участникам дорожного движения в реализации их законных прав и интересов.
- Устранение факторов, способствующих возникновению заторов и созданию угроз для бесперебойного и безопасного движения.
- Профилактика, выявление и пресечение нарушений правил дорожного движения, а также привлечение виновных лиц к ответственности.
- Оказание помощи пострадавшим в дорожно - транспортных происшествиях.
- Регистрация и расследование обстоятельств ДТП.
- Участие в розыске угнанных и похищенных транспортных средств, а также лиц, скрывшихся с мест происшествий, и обеспечение общественного порядка.

Эффективность выполнения данных задач будет напрямую зависеть от грамотной организации работы ДПС в контексте текущих исторических, экономических и социальных реалий государства.

Список используемых источников:

1. О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3 - ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

2. Головко, В.В. Государственная инспекция безопасности дорожного движения: проблемы реформы и перспективы / В.В. Головко, О.И. Бекетов, В.И. Майоров // Административное право и процесс. – 2016. – №№ 12.

3. Дугенец, А.С. Основные направления совершенствования работы по обеспечению безопасности дорожного движения / А.С. Дугенец // Система обеспечения безопасности дорожного движения: проблемы реализации и пути совершенствования: материалы "круглого стола". – Ульяновск: ИПК Ульяновский дом печати, 2011. – 224 с.

© Наумов Д.С., Маков А.В., 2026

Никитин И.И.
Оперуполномоченный 1 - го отделения
экономической безопасности и противодействия коррупции
Управления МВД России по городу Волгограду
Головачев В.И.
Преподаватель кафедры административной деятельности и
охраны общественного порядка
ФГКОУ ВО «Волгоградская академия МВД России»

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация:
Статья посвящена исследованию нормативно - правовой базы, регламентирующей деятельность структур, ответственных за экономическую безопасность и борьбу с коррупцией. Особое внимание уделяется роли этих подразделений в предотвращении совершения преступлений.

Ключевые слова:
оперативно- розыскная деятельность; оперативно- розыскные мероприятия; оперативно- розыскная профилактика; предупреждение; преступление; подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции.

Nikitin I.I.
Special Agent of the 1st Department of Economic Security and Anti - Corruption
Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the City of Volgograd
Golovachev V.I.
Teacher of the Department of Administrative Activities and Public Order Protection
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Volgograd
Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia"

ON THE LEGAL SUPPORT FOR THE ACTIVITIES OF ECONOMIC SECURITY AND CORRUPTION PREVENTION UNITS

Abstract:
The article is devoted to the study of the legal framework regulating the activities of the structures responsible for economic security and the fight against corruption. Special attention is paid to the role of these units in preventing the commission of crimes.

Keywords:
operative and investigative activities; operative and investigative measures; operative and investigative prevention; prevention; crime; economic security and anti - corruption units.

Согласно Федеральному закону от 12 августа 1995 года № 144 - ФЗ «Об оперативно - розыскной деятельности» [1], оперативно - розыскная деятельность

(ОРД) направлена на защиту жизни, здоровья, прав и свобод граждан, собственности, а также на обеспечение общественной и государственной безопасности от преступных посягательств. Эти цели непосредственно связаны с задачами оперативных подразделений по их достижению.

Законодатель, помимо выявления и раскрытия преступлений, отдает приоритет предупреждению и пресечению преступных деяний, а также установлению лиц, причастных к их подготовке (часть 1 статьи 2 ФЗ об ОРД). Этот подход отражает ключевой принцип оперативно - розыскной политики, являющейся составной частью государственной уголовной политики, который заключается в приоритетности предупредительно - профилактических мероприятий в системе противодействия преступности.

ОБЭиПК является неотъемлемой структурной единицей органов внутренних дел. Деятельность подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел Российской Федерации регулируется Конституцией РФ, общепризнанными международно - правовыми нормами и принципами, международными соглашениями России, федеральными конституционными и федеральными законами, прочими нормативными актами МВД России, а также служебными инструкциями и прочей документацией.

За последние десять лет были выявлены пробелы в общей стратегии обеспечения экономической безопасности и борьбы с коррупцией, что повлекло за собой корректировку правового механизма с 2013 года. По инициативе Президента Российской Федерации В. В. Путина были внесены значительные изменения в порядок привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших налоговые преступления, и принят закон, направленный на усовершенствование уголовно - правовых мер противодействия коррупционным преступлениям. В связи с этим сотрудники ОБЭиП обладают следующими полномочиями:

1. При выполнении задач оперативно - розыскной деятельности (ОРД) имеют право проводить гласные или негласные мероприятия, такие как опрос, сбор информации, проверочные закупки, наблюдение и другие.
2. Могут использовать в своей работе технические средства, включая аудио - и видеозапись, фотосъемку.
3. Вправе представлять результаты ОРД органу дознания, следователю или суду, рассматривающим уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении, в соответствии с установленной Инструкцией [3].

После проведения оперативно - розыскных мероприятий, при наличии данных, свидетельствующих о наличии признаков преступления, сотрудники ОБЭиПК обязаны передать собранные материалы в виде рапорта или сообщения в орган дознания, следователю или в суд, следуя порядку, установленному соответствующей Инструкцией.

Как уже отмечалось, сотрудники ОБЭиПК имеют право принимать и рассматривать заявления и сообщения о преступлениях. Для осуществления дальнейшего расследования по такому делу необходимо зарегистрировать

поступившее сообщение или заявление в Книге учета сообщений о преступлениях (КУСП) МВД. Полный регламент приема, регистрации и рассмотрения заявлений и сообщений о преступлениях закреплен в соответствующей Инструкции.

В соответствии с установленными нормами документооборота, ведение журнала учета сообщений о происшествиях (КУСП) и любых других нормативных правовых актов в органах внутренних дел осуществляется по строгим правилам. Это требование также распространяется на документы, с которыми работают сотрудники отдела по экономическим преступлениям и противодействию коррупции, включая протоколы, заключения, объяснительные записки, справки и другие аналогичные материалы.

Сотрудники ОЭБиПК не только принимают сообщения о преступлениях, но и уполномочены рассматривать обращения, предложения, жалобы граждан, а также заявления об отказе от дальнейшего рассмотрения обращения. Процедуры приема, обработки, регистрации и принятия решений по обращениям регулируются Приказом МВД России № 707 от 12.09.2013 г., который утверждает инструкцию по организации рассмотрения обращений граждан в системе МВД РФ[2].

В области профилактики преступлений сотрудники ОЭБиПК осуществляют ряд ключевых мероприятий. Они устанавливают причины и условия, способствующие совершению преступлений в сфере экономики и коррупции, проводят оперативно - розыскные мероприятия для выявления лиц, подготавливающих преступления, и ежемесячно анализируют криминогенную обстановку.

Подразделение экономической безопасности и противодействия коррупции, без сомнения, представляет собой неотъемлемый элемент системы органов внутренних дел. Его функционирование основывается на многогранной, скрупулезной и требующей документирования работе, глубоком понимании правовых норм различных отраслей юриспруденции и способности корректно квалифицировать противоправные действия. Важнейшими аспектами являются эффективное взаимодействие как с частными лицами и юридическими образованиями, так и с другими структурными единицами МВД России.

Список используемых источников:

1. Федеральный закон «Об оперативно - розыскной деятельности» от 12.08.1995 N 144 - ФЗ (ред.01.04.2025 г.).

2. Приказ МВД России от 12.09.2013 N 707 (ред. от 01.12.2016) «Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте России 31.12.2013 N 30957).

3.Горяинов К. К. и др. Теория оперативно - розыскной деятельности: учеб. / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. 2 - е изд., перераб. и доп. М., 2012. 688 с.

© Никитин И.И., Головачев В.И., 2026

Петровская Д.С.
Студентка 2 курса БрГУ,
г.Брест, Республика Беларусь
Научный руководитель: Панин О.И.
старший преподаватель кафедры теории
и истории государства и права, БрГУ
г.Брест, Республика Беларусь

КРИТЕРИИ, ОБЯЗЫВАЮЩИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ СМЕНИТЬ СТАТУС ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация

Актуальность работы связана с увеличением количества индивидуальных предпринимателей (далее – ИП) в Беларуси и частыми нарушениями установленных законодательством ограничений их деятельности. Цель статьи – выявить критерии, при которых ИП обязан сменить статус предпринимательской деятельности. Методы: формально - юридический, анализ нормативных актов, судебной практики. Делается вывод о том, что в законодательстве Республики Беларусь предусмотрены конкретные запреты для ИП, и их нарушение влечет ответственность.

Ключевые слова

Индивидуальный предприниматель, смена статуса, выручка, перечень видов деятельности, незаконная предпринимательская деятельность.

В законодательстве Республики Беларусь предусмотрены случаи, когда физическое лицо утрачивает право осуществлять предпринимательскую деятельность в качестве ИП. Если такой случай наступил, продолжать деятельность в прежнем статусе запрещено, и, чтобы сохранить бизнес, необходимо зарегистрировать юридическое лицо. Иначе деятельность признается незаконной и влечет ответственность.

Основной критерий, который чаще всего становится основанием для смены статуса, закреплен в Законе Республики Беларусь от 27.12.2023 № 327 - З (в редакции Закона от 08.05.2025 № 72 - З) «Об изменении законов по вопросам налогообложения». Согласно ст. 3, гражданин, совокупный размер доходов и (или) валовой выручки которого от осуществления деятельности в качестве индивидуального предпринимателя нарастающим итогом в течение календарного года превысил 500 000 белорусских рублей, не вправе осуществлять деятельность в качестве ИП в течение трех календарных лет начиная с 1 января года, следующего за календарным годом, в котором образовалось такое превышение [1].

В качестве примера можно привести дело в отношении ИП К., рассматренное экономическим судом Гомельской области. Это решение вынесено в 2026 г., но применена действовавшая на момент нарушения редакция закона:

«ИП К. с января по март 2025 года осуществлял розничную торговлю одеждой, обувью, сумками и товарами для дома через созданные им страницы в различных социальных сетях, а также через интернет - магазины и по почте.

От предпринимательской деятельности в течении 2024 года им была получена валовая выручка в размере 2 256 041 рубля, что превысило предельный лимит, установленный для ИП (500 000 рублей).

Таким образом, с 1 января 2025 года К. не вправе был заниматься индивидуальной предпринимательской деятельностью. Доход, полученный К. за первый квартал 2025 года, составил 165 133 рубля.

К. вину признал, раскаялся и пояснил, что не знал об установленных законодательством ограничениях. После того, как о них сообщил контролирующий орган, он немедленно прекратил противоправную деятельность. Суд пришел к выводу о совершении ИП К. административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 13.3 КоАП, и назначил ему административное взыскание в виде штрафа в размере 900 рублей без конфискации дохода» [3].

Из дела видно, что нарушением является не превышение лимита, а продолжение деятельности в статусе ИП после утраты этого права. Факт превышения выручки в предыдущем году и продолжение деятельности в следующем являются достаточным основанием для привлечения к ответственности.

Основанием для смены статуса может стать не только превышение выручки, но и сам вид деятельности. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 28.06.2024 № 457 «О видах индивидуальной предпринимательской деятельности» (далее – Постановление № 457) устанавливает перечень видов деятельности, разрешенных для индивидуальных предпринимателей [2]. Если вид деятельности в нем не указан, осуществлять его в статусе ИП запрещено.

Перечень обширен, но некоторые виды к разрешенным не отнесены. Например:

- оптовая торговля, за исключением торговли автомобилями и мотоциклами;
- деятельность по копированию, подготовке документов и прочая специализированная офисная деятельность;
- деятельность в сфере исполнительских искусств;
- деятельность, способствующая проведению культурно - зрелищных мероприятий.

Постановление № 457 обновляется, и виды деятельности, которые ранее были разрешены, могут быть исключены. Поэтому предприниматели обязаны отслеживать изменения законодательства.

Два рассмотренных критерия на практике могут пересекаться. Например, ИП, превысивший лимит выручки, нередко занимается видами деятельности, которые законодатель считает требующими создания юридического лица и в перечень не

включает. В таких случаях нарушение квалифицируется как более серьезное, и повлечет более строгое наказание.

Правовые последствия для ИП, который продолжает деятельность после наступления обстоятельств, обязывающих сменить статус, предусмотрены ч. 3 ст. 13.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях. Это штраф в размере от 20 до 200 базовых величин с возможной конфискацией до 100 % дохода, полученного в результате незаконной деятельности [5].

Кроме того, налоговые органы вправе пересчитать налоговые обязательства такого лица, применив режим налогообложения, установленный для коммерческих организаций [4]. В результате сумма доначисленных налогов часто оказывается выше, чем назначенный судом штраф.

В законодательстве Республики Беларусь установлены императивные ограничения для ИП, нарушая которые гражданин вправе продолжить осуществление предпринимательской деятельности только в статусе коммерческой организации. Во - первых, превышение валовой выручки в размере 500 000 белорусских рублей нарастающим итогом за календарный год. Пример из судебной практики подтверждает применение этого предписания. Во - вторых, осуществление видов деятельности, не включённых в перечень, утверждённый Постановлением № 457.

Нарушение этих ограничений влечёт административную ответственность, конфискацию незаконно полученного дохода, а также доначисление налогов по правилам, применимым к юридическим лицам. Следовательно, вовремя зарегистрировать юридическое лицо – это способ сохранить бизнес.

Список использованной литературы:

1. Об изменении законов по вопросам налогообложения: Закон Респ. Беларусь, 27 дек. 2023 г., № 327 - З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.05.2025 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2026.

2. О видах индивидуальной предпринимательской деятельности [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 28 июня 2024 г., № 457 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2026.

3. Интернет - портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Верховный Суд Респ. Беларусь. – Режим доступа: https: // court.gov.by / ru / justice / press _ office / d67f89cfc9a447b8.html. – Дата доступа: 27.03.2026.

4. О возможности осуществления предпринимательской деятельности в статусе индивидуальный предприниматель, а также применении повышенной ставки подоходного налога для данной категории плательщиков [Электронный ресурс]: письмо М - ва по налогам и сборам Респ. Беларусь, 8 янв. 2024 г., № 3 - 1 - 13 / 00021 // Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь. – Режим

доступа: https: // nalog.gov.by / clarifications / clarifications / 21418 / . – Дата доступа: 27.03.2026.

5. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: 6 янв. 2021 г., № 91 - З: принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г.: одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.09.2025 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: https: // etalonline.by / . – Дата доступа: 27.03.2026.

© Петровская Д.С., 2026

Петровская Д.С.
Студентка 2 курса БрГУ,
г. Брест, Республика Беларусь
Научный руководитель: Сливко О.Я.
старший преподаватель кафедры теории
и истории государства и права, БрГУ
г. Брест, Республика Беларусь

ПИРАТСТВО В МЕЖДУНАРОДНОМ ПУБЛИЧНОМ ПРАВЕ

Аннотация

В статье рассматривается пиратство как социальное и правовое явление, регулирование его запрета с точки зрения международного права. Акцент в работе сделан на анализе определения пиратства по Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, принципе универсальной юрисдикции и проблемах привлечения пиратов к ответственности. Цель работы состоит в том, чтобы показать разрыв между чёткими международными нормами и их реализацией в национальных правовых системах. На основе анализа делается вывод о том, что борьба с пиратством усложняется из - за расхождений в законах разных стран и нежелания государств судить пиратов.

Ключевые слова

Пиратство, международное право, Конвенция ООН по морскому праву, универсальная юрисдикция, открытое море.

Пиратство является одним из древнейших преступлений в международном праве. Ещё в римском праве пират считался hostis humani generis – «врагом всего человечества», что означало право любого государства на его преследование [2]. Основное определение пиратства в современном международном праве закреплено в ст. 101 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года (ЮНКЛОС), согласно которой под пиратством понимаются незаконные акты насилия,

задержания или грабежа, совершаемые с личными целями экипажем или пассажирами частного судна в открытом море против другого судна или против лиц и имущества, находящихся на его борту. К пиратству также относится добровольное участие в управлении пиратским судном со знанием обстоятельств, а также подстрекательство или умышленное содействие таким действиям [3].

Определение, данное в Конвенции, содержит несколько признаков, отличающих пиратство от иных преступлений в море. Во - первых, нападение должно совершаться именно с одного судна на другое. Если преступники уже находятся на борту судна - жертвы в качестве пассажиров или членов экипажа и захватывают его, это не считается пиратством по международному праву [2]. Во - вторых, субъектом пиратства может быть только частное судно. Военные или правительственные корабли не могут совершать пиратство, за исключением случая, когда их экипаж поднимает мятеж и захватывает управление судном. Тогда такое судно приравнивается к пиратскому [2]. В - третьих, действия должны совершаться с личной целью, то есть ради частной выгоды, например захвата выкупа или грабежа. Политические или идеологические мотивы, как правило, не исключают квалификации пиратства, если преследуется личная выгода [2]. В - четвёртых, обязательным условием является место совершения преступления – открытое море. Если нападение происходит в территориальных водах прибрежного государства, оно квалифицируется не как пиратство, а как вооружённый грабёж судна, и ответственность за его пресечение несёт в первую очередь само прибрежное государство [3].

Главная особенность пиратства в международном праве заключается в том, что оно подпадает под принцип универсальной юрисдикции [5]. Это означает, что любое государство независимо от его связи с преступлением вправе захватить пиратское судно и привлечь пиратов к уголовной ответственности. По мнению юридического советника Индии, универсальная юрисдикция в отношении пиратства является исключением из общего правила уголовного права, согласно которому государство может судить только за преступления, совершённые на его территории или его гражданами [5].

Способ реализации универсальной юрисдикции закреплён в ст. 105 ЮНКЛОС. Согласно этой статье, каждое государство в открытом море может захватить пиратское судно, арестовать находящихся на нём лиц и конфисковать имущество, а его суды вправе вынести решение о наказании [3]. Кроме того, ст. 110 предоставляет военным кораблям право осмотра подозрительного судна: они могут подняться на борт и проверить документы, чтобы установить, не является ли судно пиратским [3].

Многие государства неохотно преследуют пиратов на своей территории и предпочитают передавать задержанных третьим странам, например Кении или Сейшельским Островам, которые соглашаются принимать пиратов для

суда по соглашениям с западными странами [1]. Кроме того, национальные уголовные кодексы не всегда соответствуют международному определению пиратства. Например, Уголовный кодекс Российской Федерации в ст. 227 определяет пиратство как нападение на морское или речное судно, совершённое с применением насилия, но не уточняет, что такое нападение должно произойти именно в открытом море [4]. Аналогичные расхождения существуют в законодательстве Германии, Китая и других государств [4].

Хоть правовое определение четко закреплённо в ЮНКЛОС, сохраняется несколько проблем. Во - первых, разное понимание пиратства в национальных правовых системах. Многие государства не имплементировали международное определение дословно, а некоторые вообще не имеют самостоятельной статьи о пиратстве [4]. Во - вторых, государства неохотно осуществляют универсальную юрисдикцию, поскольку судебное преследование пиратов требует значительных финансовых и организационных ресурсов, а также доказательств, собранных в открытом море [1].

Таким образом, пиратство в международном праве – это чётко определённое преступление, представляющее собой нападение частного судна на другое судно в открытом море с личными целями. Регулируется пиратство на основе принципа универсальной юрисдикции, закреплённом в Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. Но из - за расхождения в национальном законодательстве различных государств, и нежелания большинства стран связываться с пиратами эффективность этой системы снижается.

Список использованной литературы:

1. Зверева, С. А. Пиратство как угроза международной безопасности / С. А. Зверева, Я. М. Наваррская // Фемида.Science. – 2025. - № 1. – С. 86–93.

2. Оксфордский университет. Пиратство // Энциклопедия международного права Макса Планка. – Оксфорд: Издательство Оксфордского университета, 2023.

3. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (Монтего - Бей, 10 дек. 1982 г., вступила в силу 16 нояб. 1994 г.). Ст. 101–110. – Режим доступа: https: // www.un.org / depts / los / convention _ agreements / texts / unclos / unclos _ r.pdf. – Дата доступа: 29.04.2026.

4. Барыльникова, О. Г. Пиратство и другие преступления международного характера: проблемы соотношения / О. Г. Барыльникова // Молодой ученый. – 2024. - № 34 (533). – С. 72–75.

5. Заявление господина Йедлы Умасанкара, Первый секретарь / юридический советник Индии, «Объем и применение принципа универсальной юрисдикции» / Генеральная Ассамблея ООН. – 3 нояб. 2020.

© Петровская Д.С., 2026

СУПРУН М.Н.
студент 2 курса юридического факультета
Научный руководитель: Панин О.И.
старший преподаватель кафедры теории и истории
государства и права
БрГУ им. А. С. Пушкина,
г. Брест, Республика Беларусь

РАЗВИТИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация:
В условиях стремительного развития цифровой экономики и глобального распространения криптовалют Республика Беларусь сформировала один из наиболее прогрессивных и системных подходов к правовому регулированию цифровых активов. Принятие Декрет Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики» стало ключевым этапом в легализации криптовалют, определении их правового статуса и создании благоприятной среды для развития блокчейн - технологий. В статье рассматриваются основные этапы развития правового регулирования криптовалют в Республике Беларусь. Парк высоких технологий как ключевого института криптоэкономики, а также действующие механизмы государственного контроля за оборотом токенов. Особое внимание уделяется вопросам налогообложения, правового статуса участников крипторынка и ограничениям на проведение операций вне регулируемой инфраструктуры. Анализируются современные тенденции развития законодательства, включая усиление требований к прозрачности операций, внедрение механизмов финансового мониторинга и интеграцию криптовалют в национальную финансовую систему.

Ключевые слова:
Криптовалюты, цифровые активы, токены, блокчейн, правовое регулирование, Республика Беларусь, Декрет Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики», Парк высоких технологий.

Развитие использования криптовалют в Республике Беларусь представляет собой уникальный пример формирования комплексного правового режима цифровых активов на уровне государства. Ключевую роль в становлении и эволюции данной сферы сыграл Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» [1], который фактически заложил основы легализации криптовалют, блокчейн - технологий и смарт - контрактов. Принятие Декрета № 8 стало поворотным моментом в развитии криптовалютного регулирования, поскольку впервые на законодательном уровне были введены понятия «цифровые знаки (токены)» и определён их правовой

статус как объектов гражданских прав [1]. В соответствии с данным нормативным актом физические лица получили право владеть токенами, а также совершать с ними широкий спектр операций, включая покупку, продажу, обмен, хранение и майнинг. Это создало правовую основу для активного вовлечения граждан в криптоэкономику и способствовало росту интереса к цифровым активам внутри страны.

Особенностью белорусской модели является регулирование криптовалют через деятельность Парка высоких технологий (далее – ПВТ) [6], резиденты которого получили возможность для осуществления криптобизнеса. Именно через институт ПВТ государство реализует контролируемую либерализацию данной сферы. Резиденты вправе выступать участниками криптоплатформ, осуществлять обмен токенов, проводить Initial Coin Offering (далее – ICO), привлечения инвестиций в криптовалютные проекты и иные операции, связанные с обращением цифровых активов [6]. При этом для иных юридических лиц установлены ограничения, в частности необходимость осуществлять операции через резидентов ПВТ, что обеспечивает государственный контроль и соблюдение требований финансового мониторинга.

Дальнейшее развитие законодательства свидетельствует о постепенном усложнении правового режима криптовалют. Так, в 2024–2026 гг. были приняты нормативные акты, направленные на усиление контроля за оборотом токенов и структурирование рынка. В частности, введены требования осуществлять операции с фиатными денежными средствами через резидентов ПВТ, что ограничивает использование нерегулируемых площадок. Кроме того, появились нормы налогового регулирования, закреплённые в Налоговом кодексе Республики Беларусь [3], которые дифференцируют налогообложение операций в зависимости от способа их совершения и статуса участников [3,5].

Существенным этапом развития стало введение в 2026 году института криптобанков, закреплённого Указом №19 от 16 января 2026 года [2]. Данный механизм направлен на интеграцию криптовалют в финансовую систему и расширение возможностей их использования, в том числе при осуществлении внешнеэкономической деятельности [2]. Исходя из этого видно, что государство постепенно переходит от простой легализации криптовалют к их институционализации и включению в традиционные финансовые механизмы.

Следует отметить, что белорусская модель регулирования сочетает элементы либерализации и жёсткого контроля. С одной стороны, законодательство допускает широкий перечень операций с токенами и предоставляет налоговые преференции для отдельных категорий участников, что стимулирует развитие отрасли [3]. С другой стороны, вводятся ограничения на осуществление посреднической деятельности вне ПВТ и усиливаются требования к прозрачности операций, включая соблюдение процедур Know Your Customer (далее KYC) это обязательная процедура идентификации и верификации личности клиента финансовыми институтами, криптобиржами и другими организациями перед

началом обслуживания. Так же с процедурой KYC активно используется система – Anti - Money Laundering (далее – AML), это комплекс мер, законов и процедур, направленных на борьбу с легализацией доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма [5].

Таким образом, развитие использования криптовалют в Республике Беларусь можно охарактеризовать как последовательный и институционально выверенный процесс формирования комплексной правовой системы, основанной на Декрет Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики» [1] и последующих нормативных правовых актах. Проведённый анализ показывает, что белорусская модель регулирования цифровых активов отличается сочетанием стимулирующих и ограничительных механизмов, что позволяет одновременно поддерживать инновационное развитие и обеспечивать контроль за финансовыми потоками. В долгосрочной перспективе данная модель демонстрирует переход от экспериментального правового режима к полноценной интеграции криптовалют в национальную экономику. Это выражается в институционализации крипторынка через Парк высоких технологий, развитии специализированной инфраструктуры, а также внедрении новых форм финансовых институтов, включая криптобанки, предусмотренные Указ Президента Республики Беларусь № 19 [2]. Указанные меры свидетельствуют о стремлении государства не только регулировать, но и активно использовать потенциал цифровых активов в экономическом обороте, включая внешнеэкономическую деятельность. Одновременно усиливается значение механизмов финансового мониторинга, что проявляется в обязательном применении процедур KYC и AML, а также в ограничении оборота токенов вне регулируемой среды. Это позволяет минимизировать риски легализации преступных доходов, обеспечить прозрачность операций и повысить уровень доверия со стороны международных партнёров. Важным элементом является и развитие налогового регулирования, закреплённого в Налоговый кодекс Республики Беларусь, что способствует формированию устойчивой фискальной базы и определённости для участников рынка. Вместе с тем сохраняется ряд проблемных аспектов, требующих дальнейшего правового осмысления и совершенствования. К ним относятся необходимость более чёткого разграничения статуса различных видов токенов, развитие механизмов защиты прав инвесторов, а также адаптация законодательства к быстро меняющимся технологиям и международным стандартам регулирования цифровых активов.

Список используемых источников:

1. Декрет Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики» Электронный ресурс // Национальный правовой Интернет - портал Республики Беларусь. – Режим доступа: https: // pravo.by / document / ?guid=3871&p0=PD1700008. – Дата доступа: 28.04.2026.

2. Указ Президента Республики Беларусь № 19 Электронный ресурс // Национальный правовой Интернет - портал Республики Беларусь. – Режим

доступа: https: // pravo.by / document / ?guid=3871&p0=P32600019. – Дата доступа: 28.04.2026.

3. Налоговый кодекс Республики Беларусь Электронный ресурс // Национальный правовой Интернет - портал Республики Беларусь. – Режим доступа: https: // pravo.by / document / ?guid=3871&p0=HK0200166. – Дата доступа: 28.04.2026.

4. Официальные материалы Национальный правовой Интернет - портал Республики Беларусь Электронный ресурс. – Режим доступа: https: // pravo.by. – Дата доступа: 28.04.2026.

5. Разъяснения Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь Электронный ресурс. – Режим доступа: https: // nalog.gov.by. – Дата доступа: 28.04.2026.

6. Информационные материалы Парк высоких технологий Электронный ресурс. – Режим доступа: https: // park.by. – Дата доступа: 28.04.2026.

© Супрун М.Н., 2026

Супрун М.Н.
студент, Брестский Государственный
университет имени А.С. Пушкина,
Беларусь, г. Брест
Сёмкин Д.Г.
студент, Брестский Государственный
университет имени А.С. Пушкина,
Беларусь, г. Брест
Зайчук Г. И.
кандидат юридических наук,доцент
Брестский Государственный университет имени А.С. Пушкина,
Беларусь, г. Брест

ПРАВОВАЯ ОХРАНА РЕДКИХ И ИСЧЕЗАЮЩИХ ВИДОВ РАСТЕНИЙ И ЖИВОТНЫХВ РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. В настоящей статье анализируется состояние правового регулирования обращения с отходами в Республике Беларусь. На основе системного анализа Закона «Об обращении с отходами», Кодекса об административных правонарушениях и смежных нормативных актов выявляются доктринальные и правоприменительные дефекты: рамочный характер императивных требований, низкая эффективность механизма расширенной ответственности производителя, отсутствие общеобязательной нормы о раздельном сборе отходов для граждан и возможность импорта отходов для захоронения. Формулируются предложения по совершенствованию

законодательства, включающие внедрение цифрового паспорта опасных отходов, введение института индивидуальной административной ответственности за смешанные отходы и замену экологического налога механизмом «зелёного сертификата».

Ключевые слова: экологическое право, обращение с отходами, Республика Беларусь, расширенная ответственность производителя (РОП), раздельный сбор отходов, административная ответственность, цифровизация экологического контроля, Базельская конвенция.

Введение

Отходы производства и потребления выступают одним из наиболее значимых антропогенных факторов негативного воздействия на окружающую среду. Для Республики Беларусь, характеризующейся высокой плотностью населения, развитым промышленным сектором и интенсивным сельским хозяйством, проблема легального сбора, сортировки, переработки и безопасного захоронения отходов приобрела критическое значение. По данным Государственного учреждения «Оператор вторичных материальных ресурсов», ежегодно в стране образуется от 4 до 5 миллионов тонн коммунальных отходов, при этом порядка 70 % из них направляется на полигоны для захоронения [1]. Такая модель хозяйствования создаёт долгосрочные экологические риски для почв, подземных и поверхностных вод, атмосферного воздуха, а также ведёт к безвозвратной потере вторичных материальных ресурсов.

Экологическое право призвано обеспечить баланс между экономическим развитием и охраной окружающей среды путём внедрения иерархии приоритетов в области обращения с отходами: предотвращение образования → подготовка к повторному использованию → переработка → иное использование (включая энергетическую утилизацию) → захоронение [2].

Цель настоящей работы — провести комплексный анализ действующего законодательства Республики Беларусь в сфере обращения с отходами, выявить системные пробелы и коллизии, а также предложить конкретные пути совершенствования правового механизма, опираясь на юридическую доктрину и положительный зарубежный опыт.

Нормативно - правовая база и её системные недостатки

Базовым актом в рассматриваемой сфере является Закон Республики Беларусь от 20 июля 2007 г. № 271 - З «Об обращении с отходами» (в действующей редакции) [3]. Данный нормативный правовой акт закрепляет иерархию приоритетов, понятийный аппарат, права и обязанности субъектов хозяйствования, государственный контроль и экономические механизмы регулирования.

Вместе с тем ряд норм Закона носит рамочный (декларативный) характер. Так, статья 11 «Основные требования в области обращения с отходами» обязывает юридических лиц и индивидуальных предпринимателей принимать меры по максимальному использованию отходов и внедрению малоотходных технологий [4,

ст. 11]. Однако отсутствие количественных показателей (нормативов утилизации, конкретных процентов вовлечения отходов в хозяйственный оборот) и чётких сроков их достижения снижает эффективность данной нормы, превращая её в декларацию о намерениях.

Значимым инструментом экономического стимулирования выступает институт расширенной ответственности производителя (РОП), закреплённый в статье 16 - 1 Закона [4, ст. 16 - 1]. Импортёры и изготовители товаров (упаковка, батарейки, электроника, автомобили, шины и др.) обязаны обеспечивать сбор и переработку отходов от использования данных товаров либо уплачивать экологический налог. Правоприменительная практика показывает, что большинство производителей и импортёров предпочитают уплату налога, поскольку сумма налога ниже реальных затрат на организацию сбора и переработки. При этом собранные средства не всегда аккумулируются целевым образом на развитие инфраструктуры переработки, что приводит к дисбалансу: фискальная функция РОП доминирует над природоохранной.

Правовые механизмы контроля и разрешительные процедуры

Согласно статье 32 Закона «Об обращении с отходами», обращение с опасными отходами подлежит лицензированию [4, ст. 32]. Детальные лицензионные требования установлены Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 апреля 2022 г. № 267 «О лицензировании деятельности по обращению с опасными отходами» [7]. Анализ процедуры показывает, что получение лицензии требует от соискателя значительных временных и финансовых затрат (сбор пакета документов, наличие аттестованных специалистов, специального оборудования и транспортных средств). В результате малый и средний бизнес часто оказывается вытеснен в «серую» зону обращения с опасными отходами, что ведёт к возникновению несанкционированных свалок и увеличению экологического ущерба.

Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП) устанавливает санкции за экологические правонарушения в области обращения с отходами. Статья 16.25 предусматривает ответственность за нарушение правил обращения с отходами, повлёкшее загрязнение окружающей среды (штраф до 300 базовых величин для индивидуальных предпринимателей, до 1000 базовых величин — для юридических лиц). Статья 16.44 устанавливает ответственность за размещение отходов на несанкционированных свалках (штраф до 50 базовых величин для граждан, до 1000 базовых величин — для организаций) [8]. Сравнительно - правовой анализ с законодательством стран Европейского Союза (например, Директива 2008 / 98 / ЕС об отходах, имплементированная в национальные правопорядки) показывает, что размеры штрафов в Республике Беларусь, особенно для физических лиц, не обладают достаточной сдерживающей силой и зачастую воспринимаются как необременительная «плата за удобство». В ряде государств — членов ЕС штрафы за аналогичные нарушения могут достигать 5–10 % годового оборота предприятия [9].

Проблема раздельного сбора и ответственности граждан

Статья 10 Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982 - XII «Об охране окружающей среды» (в действующей редакции) гарантирует право граждан на благоприятную окружающую среду, однако не закрепляет корреспондирующую обязанность по раздельному сбору отходов [10]. Местные Советы депутатов вправе вводить правила раздельного сбора (например, в г. Минске действует система контейнеров для раздельного накопления вторсырья), но отсутствие общегосударственной нормы об административной ответственности за смешивание отходов делает раздельный сбор добровольным. Согласно данным специализированных операторов, в контейнеры для вторсырья попадает до 40 % непригодных материалов (пищевые отходы, стекло, смешанный мусор), что существенно удорожает последующую сортировку и снижает экономическую привлекательность переработки [11].

Трансграничное перемещение отходов

Статья 42 Закона «Об обращении с отходами» регулирует ввоз, вывоз и транзит отходов по процедуре Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением (ратифицирована Республикой Беларусь 9 ноября 1999 г.) [12]. Закон предусматривает разрешительный порядок трансграничных перемещений. Вместе с тем Беларусь фактически выступает транзитным коридором для потоков отходов из Российской Федерации в государства Европейского Союза. При этом Закон не содержит прямого запрета на ввоз отходов для захоронения на территории Республики Беларусь. По мнению авторов, это создаёт риск превращения страны в «мусорный полигон» стран - соседей и противоречит принципам устойчивого развития. Следовало бы ввести законодательный запрет на ввоз отходов для их захоронения, оставив разрешённым только ввоз для промышленной переработки при обязательном подтверждении наличия соответствующих мощностей.

Введение индивидуальной административной ответственности граждан за нарушение правил раздельного сбора отходов. Предлагается внести изменения в КоАП, дополнив его статьёй 16.25 - 1 «Нарушение правил раздельного сбора отходов», установив предупреждение за первое нарушение и штраф в размере от 0,5 до 2 базовых величин за повторное нарушение в течение года. Обязательным условием применения данной нормы должно являться наличие на соответствующей территории созданной инфраструктуры раздельного сбора (контейнеры, площадки). Параллельно следует предусмотреть субсидирование приобретения домашних контейнеров для раздельного накопления вторсырья для социально уязвимых категорий граждан.

Экономическое стимулирование переработки отходов вместо их захоронения. Предлагается модернизировать механизм расширенной ответственности производителя: заменить фиксированный экологический налог для производителей и импортёров механизмом «зелёного сертификата». Суть: если компания документально подтверждает переработку не менее 80 % упаковочных

отходов от реализованной продукции, ставка налога обнуляется. В противном случае налог уплачивается по повышенной ставке (например, с коэффициентом 1,5). Одновременно для всех полигонов твёрдых коммунальных отходов следует ввести повышенный тариф на захоронение неотсортированных (смешанных) отходов в размере, в 3–5 раз превышающем тариф на захоронение инертных остатков после механической и биологической обработки.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что белорусское законодательство в сфере обращения с отходами в целом сформировало институциональную основу — от лицензирования до расширенной ответственности производителя. Однако сохраняются системные проблемы: рамочный характер императивных требований, низкая эффективность механизма РОП, отсутствие общеобязательной нормы о раздельном сборе для граждан, мягкость санкций за несанкционированные свалки и возможность импорта отходов для захоронения.

Список использованной литературы:

1. Отчёт Государственного учреждения «Оператор вторичных материальных ресурсов» за 2023 год. — Минск, 2024. — С. 12–18.

2. Стратегия по обращению с твёрдыми коммунальными отходами до 2035 года: утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 21 дек. 2019 г., № 987 // Эталон - Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2025.

3. Об обращении с отходами: Закон Респ. Беларусь, 20 июля 2007 г., № 271 - З: в ред. от 11 нояб. 2021 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2007. — № 170. — 2 / 1344.

4. Об обращении с отходами: Закон Респ. Беларусь, 20 июля 2007 г., № 271 - З: в ред. от 11 нояб. 2021 г. — Ст. 11, ст. 16 - 1, ст. 32 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2007. — № 170. — 2 / 1344.

5. Там же. — Ст. 16 - 1.

6. Там же. — Ст. 32.

7. О лицензировании деятельности по обращению с опасными отходами: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 28 апр. 2022 г., № 267 // Эталон - Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2025.

8. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях, 6 янв. 2021 г., № 91 - З: ст. 16.25, ст. 16.44 // Эталон - Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2025.

9. Directive 2008 / 98 / EC of the European Parliament and of the Council of 19 November 2008 on waste and repealing certain Directives // Official Journal of the European Union. — L 312. — 22.11.2008. — P. 3–30. (Сравнительный анализ штрафных санкций приведён по обзору Европейской комиссии «WastecrimeintheEU», 2022).

10. Об охране окружающей среды: Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982 - XII: в ред. от 18 дек. 2019 г. // Эталон - Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2025.

11. Данные производственного мониторинга ГУ «Оператор вторичных материальных ресурсов» за 2022–2023 гг. — Минск, 2024. — (Электронная публикация; служебная аналитическая справка).

12. Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением (заключена в г. Базеле 22 марта 1989 г.): ратифицирована постановлением Верховного Совета Респ. Беларусь, 9 нояб. 1999 г. // Собрание декретов, указов Президента и постановлений Правительства Респ. Беларусь. — 2000. — № 5. — Ст. 124.

© Сёмкин Д.Г., Супрун М.Н., 2026

Усанова В. А.
Кандидат юридических наук, доцент
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
г. Волгоград, РФ
Исраелян М. Г.
студент 2 курса магистратуры
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС
г. Волгоград, РФ

ЭВОЛЮЦИЯ И ЭКОНОМИКО - ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ ФРАНЧАЙЗИНГА: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Аннотация

В статье исследуются эволюция франчайзинга, экономико - правовая сущность в российском и зарубежном правопорядках. Актуальность темы обусловлена ростом рынка франчайзинга и изменением экономической конъюнктуры. Цель исследования — выявить специфику становления франчайзинга, его ключевые признаки. Методологическую основу составили историко - правовой, сравнительно - правовой и системный методы.

Ключевые слова

Франчайзинг, коммерческая концессия, франчайзи, франчайзер, бизнес - формат франчайзинга, развитие рынка франшиз

Франчайзинг как особая форма организации предпринимательской деятельности имеет длительную историю становления.

Формирование франчайзинга связывается с развитием рыночной экономики в 19 веке, прежде всего в США. Классическим примером считается деятельность

компании Исаака Зингераю [2, 763]. В середине 19 в. компания решила масштабировать свой бизнес и привлечь дополнительное финансирование, а именно, стала заключать соглашения по передаче права на продажу и ремонту швейных машин на территории в границах США. Так, целью компании стало нахождение опытных предпринимателей, заинтересованных в обладании комплексом прав, навыков, знаний и имени компании Singer для развития бренда на определенной территории. За такую «индульгенцию» партнеры компании Singer платили вознаграждение. Именно в этот период закладываются ключевые признаки франчайзинга: территориальная эксклюзивность, стандартизация деятельности и сочетание самостоятельности франчайзи с контролем со стороны правообладателя.

В 20 веке франчайзинг получил широкое распространение и стал одним из наиболее динамично развивающихся инструментов расширения бизнеса. В 1920–1930 - е годы в США сформировалась модель товарного франчайзинга, активно применявшаяся крупными производителями и дистрибьюторами. Во второй половине 20 века произошёл переход к так называемому «бизнес - формат франчайзингу», при котором передаётся не только право на реализацию продукции, но и целостная система ведения бизнеса, включая стандарты управления, маркетинга и обслуживания клиентов. Данная модель стала основой глобального распространения франчайзинга.

Стремительное развитие франчайзинговых отношений сопровождалось возникновением ряда спорных и проблемных вопросов. В связи с этим в 1960 году была учреждена специальная организация, предназначенная для содействия урегулированию возникающих разногласий и конфликтов, — Международная ассоциация франчайзинга.

В период с 1960 - х по 1980 - е годы лидирующие позиции в сфере международного франчайзинга занимали крупные корпорации, включая Hilton и McDonald’s. Начиная с 1990 - х годов структура данной сферы претерпела изменения: франчайзинговую модель стали активно использовать не только крупные компании, но и субъекты малого и среднего предпринимательства как на внутреннем, так и на международном рынках.

Международный опыт свидетельствует о том, что франчайзинг выступает эффективным инструментом экономической экспансии и интеграции рынков, который изначально зародился как способ организации продажи товаров таким способом, чтобы обеспечить возможность последовательного увеличения объёмов продаж и реализации товаров конечным потребителям.

Причиной долго сохраняющейся непопулярности франчайзинговых отношений в России является факт отсутствия детально регламентированной законодательной базы для развития франчайзинга: законодатель не предусмотрел в нормативно - правовых актах понятия «франчайзинг»; данные правоотношения подлежат регулированию главой 54 Гражданского Кодекса Российской Федерации, регулирующей отношения, вытекающие из договора коммерческой концессии [3].

Несмотря на это, в последние несколько лет наблюдается значительный рост динамики развития франчайзинга в России.

В Российской Федерации франчайзинг начал активно развиваться лишь в начале 1990 - х годов, что было связано с переходом к рыночной экономике. Первыми крупными франчайзерами были иностранные компании, такие как Baskin Robbins, Reebok, Nike и другие [1, 125]. Из отечественных компаний первой, имеющей схожие признаки с франчайзингом, была «Дока - пицца».

В последние годы наблюдается увеличение числа франчайзинговых договоров и рост интереса к этому виду бизнеса несмотря на то, что начиная с 2022 года, в связи с событиями в мире, наблюдается прекращение деятельности около 280 франчайзинговых сетей, большинство из которых являлись мировыми франшизами (например, Zara, DIM, Levi's, NYX Cosmetic).

Отмечается, что 2025 год был одним из самых сложных за последние несколько лет для франчайзинговой сферы, в связи с тем, что ставки ЦБ оттянули значительную часть инвестиций в сторону банковских вкладов. Свои коррективы в динамику роста показателей в сфере франчайзинга внесли и налоговые изменения. Увеличение НДС и другие нововведения снизили бизнес - активность инвесторов, готовых покупать франшизы.

Несмотря на имеющиеся проблемы, за 2025 год на рынок вышло около 200 новых франшиз, динамика осталась положительной. По данным ежегодного экспертного исследования сайта franshiza.ru объем рынка франчайзинга составляет 3,81 трлн руб., количество франшиз в России – 4015, количество франчайзинговых точек – 550 000, количество занятых во франчайзинге работников – 1,46 млн человек.

Особенностью российского подхода является отсутствие самостоятельного правового института франчайзинга в классическом понимании. В национальном законодательстве соответствующие отношения регулируются через конструкцию договора коммерческой концессии. По своему содержанию она во многом совпадает с франчайзингом и предполагает передачу комплекса исключительных прав для осуществления предпринимательской деятельности. Однако такая трансформация обусловливает определённые особенности правоприменения и свидетельствует о необходимости системного подхода к регулированию данной сферы.

Таким образом, эволюция франчайзинга демонстрирует переход от отдельных форм предоставления торговых привилегий к сложной системе предпринимательских и правовых отношений. Зарубежный опыт свидетельствует о высокой эффективности данной модели, тогда как в России её развитие сопровождается адаптацией к национальной правовой системе. Это предопределяет актуальность исследования франчайзинга с позиций системного подхода, позволяющего учитывать как экономические, так и правовые аспекты его функционирования.

Список использованной литературы:

1. Лазарева, К. В. Тенденции развития франчайзинга в России / К. В. Лазарева, А. Ф. Хурматуллина // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2023. – № 11–2 (105). – С. 124–127.
2. Палама, И. Исследование видов франчайзинговых систем / И. Палама, Е. Д. Платонова // Экономика и социум. – 2022. – № 6–1 (97). – С. 763–768.
3. Российская Федерация. Законы. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26 января 1996 года № 14–ФЗ: (в редакции от 16 мая 2023 года) / Российская Федерация. Законы. – Текст: непосредственный. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

© Усанова В. А., Исраелян М. Г., 2026

Ягунова Е.Е.
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры экономики предприятий и организаций
ИНЭК ННГУ им. Н.И. Лобачевского;
доцент департамента частного права
НИУ «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород)
г. Нижний Новгород, Россия
Алтунян А.А.
студентка
НИУ «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород)
г. Нижний Новгород, Россия

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ МЕДИАТОРА

Аннотация

На основе анализа действующего законодательства, результатов социологических опросов и научной литературы в статье рассматривается актуальная проблема правового регулирования деятельности медиаторов в Российской Федерации. Особое внимание уделяется существующим пробелам в законодательстве, касающимся квалификационных требований к непрофессиональным медиаторам, а также различиям в правовом статусе медиаторов и судебных примирителей. Основные результаты исследования включают предложения по повышению требований к непрофессиональным медиаторам, в частности, введение обязательного высшего юридического образования и стажа работы. Предложены решения по унификации образовательных стандартов подготовки медиаторов и урегулированию вопросов совмещения адвокатской и медиативной деятельности.

Ключевые слова
Медиация, правовой статус, медиатор, саморегулирование, профессиональные требования, альтернативное разрешение споров

Одним из ключевых направлений развития правовой системы Российской Федерации является оптимизация механизмов, обеспечивающих защиту прав и законных интересов физических и юридических лиц. В связи с увеличением нагрузки на судебную систему, возрастанием размера государственных пошлин, усложнением гражданского оборота и стремлением к снижению уровня конфликтности в обществе наиболее востребованными становятся альтернативные способы урегулирования споров. Среди таких механизмов основополагающую роль играет медиация – процедура, в ходе которой нейтральный посредник способствует сторонам достигнуть взаимоприемлемого решения по существу спора.

Результативность и успешность медиативной процедуры находится в прямой зависимости от индивидуальных качеств и уровня профессиональной подготовки медиатора. Он выступает центральной фигурой, ответственной за структурирование переговорного процесса и оказание помощи сторонам в достижении консенсуса. Следовательно, аспекты, которые касаются правового положения медиатора, стандартов обучения и регламентации его профессиональной деятельности, приобретают критическую значимость для поступательного развития медиации как института. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193 - ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [17] (далее – ФЗ № 193) предусматривает разграничение по осуществлению медиативной деятельности как на профессиональной, так и на непрофессиональной основе, что является значительной характеристикой при определении правового статуса медиатора.

Действующая редакция статьи 15 ФЗ № 193 устанавливает минимальные требования к непрофессиональным медиаторам, а именно достижение совершеннолетия, полная дееспособность и отсутствие судимости. Исследователи подчеркивают, что данная категория медиаторов вправе осуществлять свою деятельность без специального профессионального образования [2, с. 306]. Вместе с тем, в научной литературе высказывается обоснованная критика относительно столь низких требований. В частности, стоит согласиться с выводами Д.Н. Батырева, Ю.А. Убушиева и Э.С. Кукеевой, которые, анализируя специфику процедуры медиации в делах о защите прав потребителей, утверждают, что отсутствие требований к образованию и профессиональной подготовке лиц, осуществляющих деятельность на непрофессиональной основе, создает риск дискредитации института медиации и некачественного урегулирования споров [2, с. 307].

Таким образом, руководствуясь рекомендациями исследователей, представляется целесообразным внести изменения в часть 2 статьи 15 ФЗ № 193,

установив для непрофессиональных медиаторов в качестве обязательного требования наличие высшего юридического образования и стажа работы по юридической специальности не менее одного года. В качестве альтернативы предлагается прохождение курса профессиональной переподготовки по программе медиации. Данное нововведение позволит повысить уровень качества оказываемых услуг посредника при разрешении споров и увеличит степень доверия к институту со стороны общества.

Для медиаторов, которые осуществляют свою деятельность на профессиональной основе, установлены более высокие квалификационные требования. Так, профессиональным медиатором может стать лицо, достигшее возраста двадцати пяти лет, имеющее высшее образование и получившее дополнительное профессиональное образование по вопросам применения процедуры медиации. В доктрине отмечается [11, с. 63], что система обучения медиации претерпела изменения – если ранее она основывалась на утвержденных программах, то теперь ориентирована на профессиональный стандарт «Специалист в области медиации (медиатор)» [14]. Данный образец выделяет три основные трудовые функции: ведение процедуры медиации (без специализации); ведение процедуры медиации в специализированной сфере; осуществление супервизии по направлению специализации [6, с. 7].

Дискуссии относительно возрастного критерия для профессиональной деятельности медиатора вызывают значительный резонанс среди экспертов. Социологический опрос, проведенный Н.И. Минкиной в 2023 году [11, с. 65], выявил следующие тенденции: 48 % респондентов поддерживают сохранение существующего двадцатипятилетнего возрастного ценза. В то же время, 34 % опрошенных высказываются за его повышение до 30 лет, а 10 % предлагают установить порог в 28 лет, как, например, в законодательстве Австрии [5, с. 52]. Оставшаяся часть отметила, что возраст и вовсе не следует определять на законодательном уровне. Данную тенденцию можно увидеть в Законе Республики Беларусь от 12.07.2013 № 58 - З «О медиации», где возрастной ценз отсутствует [8]. Интересным является наблюдение, что идея о понижении возрастного порога для входа в профессию не является востребованной. Исследователь, анализируя полученные данные, приходит к заключению, что социальные критерии не обосновывают необходимость повышения возрастного ценза, и, следовательно, двадцатипятилетний возраст целесообразно сохранить.

Вопрос о необходимости наличия базового юридического образования у профессиональных медиаторов также заслуживает внимания. По данным того же опроса, 56 % респондентов не считают его обязательным, в то время как 40 % высказываются в пользу его необходимости. Противники данной позиции указывают на успешную деятельность медиаторов, не имеющих юридического образования. В то же время, сторонники обоснованно утверждают, что правовая подготовка существенно способствует эффективности медиативной деятельности,

в частности, надлежащему оформлению медиативных соглашений и развитию специализации медиаторов.

Еще одним немаловажным предметом для обсуждения на практике является отсутствие единых образовательных стандартов подготовки медиаторов. По мнению исследователей, проблема неравномерного качества образовательного процесса обусловлена отсутствием унифицированных требований к содержанию и продолжительности обучения, а также разрозненностью образовательных программ [6, с. 6]. В научной литературе предлагается инициировать разработку унифицированного федерального государственного образовательного стандарта для обучения медиаторов, который должен охватывать ключевые базовые элементы и фундаментальные принципы медиации [16, с. 260].

Помимо этого, для избежания отождествления понятий «медиатор» и «судебный примиритель» стоит провести принципиальные различия между их правовым статусом. Д.Д. Низовцева отмечает, что судебным примирителем может выступать исключительно судья в отставке, обладающий большим опытом юридической практики, тогда как медиатор может быть не наделен высшим образованием в сфере юриспруденции. Кроме того, судебное примирение осуществляется на безвозмездной основе, в то время как медиация является оплачиваемой процедурой. Также объем полномочий судебного примирителя является намного шире и включает в себя право знакомиться с материалами дела, получать копии судебных актов, давать рекомендации сторонам по урегулированию спора, тогда как медиатор не может осуществлять вышеизложенное [13, с. 368].

В контексте ограничений, налагаемых на статус медиатора, стоит подчеркнуть законодательный запрет на выполнение этой функции для лиц, занимающих государственные должности на федеральном и региональном уровнях, а также должности государственной гражданской и муниципальной службы. Ц.А. Шамликашвили обуславливает это тем, что, находясь в подчинении у государства, медиатор не сможет придерживаться принципов независимости и беспристрастности [19, с. 12].

В связи с этим, возрастает актуальность проблемы совмещения адвокатской и медиативной практики, а также условий, при которых это возможно. Адвокаты, обладающие особым правовым статусом и профессиональными компетенциями, потенциально могут выступать в роли медиатора, однако это порождает ряд этических и практических дилемм. По мнению П.О. Коковихиной, успешность примирительных процедур тесно связана с деятельностью адвоката [10, с. 25]. Данная гипотеза находит свое подтверждение в Кодексе профессиональной этики адвоката [9], который предписывает адвокатам рассматривать превентивное разрешение споров как составную часть оказания юридической помощи и, при наличии оснований, применять альтернативные методы урегулирования конфликтов.

В противоположность этому, Л.Б. Прудникова и М.М. Османов акцентируют внимание на ключевом отличии между функциями адвоката и медиатора. Адвокат

действует в интересах своего доверителя, в то время как медиатор является независимым и беспристрастным посредником, лишенным права занимать чью - либо сторону в споре. Доктринальная литература отмечает, что адвокат, выступающий в роли медиатора, способен профессионально разработать проект медиативного соглашения, базирующийся на достигнутых участниками договоренностях, с последующим разъяснением его правовой корректности, что способствует минимизации риска возобновления конфликтной ситуации [15, с. 340]. Однако, стоит отметить, чтобы не допустить профессионально обоснованного улучшения положения одной из сторон, адвокат должен быть ограничен в проведении односторонних консультаций с участниками медиации.

Таким образом, остро встает вопрос о совмещении адвокатской и медиативной деятельности, так как адвокату, выступающему в качестве медиатора, в обязательном порядке следует отказаться от защиты интересов одной из сторон и занять нейтральную позицию посредника. А.Г. Безуглая в своей работе подчеркивает, что адвокат, являющийся представителем участника медиации, не может осуществлять деятельность медиатора по данному спору [3, с. 88]. Следовательно, представляется целесообразным предложение о внесении дополнения в Федеральный закон от 31.05.2002 № 63 - ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [18] нормой о том, что привлечение адвоката к разрешению правового спора в качестве медиатора осуществляется путем заключения им соглашения со сторонами спора в качестве доверителей.

Помимо этого, в современной юридической литературе одним из наиболее дискуссионных вопросов выступает перспектива применения искусственного интеллекта в области медиации, а именно создание цифрового медиатора. Д. Т. Галеев считает данную идею перспективной и соответствующей задачам института медиации, утверждая, что использование нейронной сети посредством веб - портала или мобильного приложения справится с процедурой нейтрально, обезличенно и объективно в соответствии с принципами медиации [7, с. 67]. Тем не менее, Е.Р. Брюхина и Е.А. Черткова убеждены, что интеграция искусственного интеллекта в медиацию является преждевременной ввиду отсутствия у информационных технологий индивидуального подхода к каждому спору и психологической связи участников процедуры [4, с. 143].

Формирование целостного представления о функционировании медиативной процедуры невозможно без учета роли саморегулируемых организаций медиаторов (далее – СРО). Законодательство предусматривает возможность создания таких организаций в форме ассоциаций, союзов и некоммерческих партнерств. Основная цель данных объединений заключается в разработке и унификации профессиональных стандартов и правил деятельности медиаторов. С.В. Алборов рассматривает СРО как провайдеров медиативных услуг, способствующих широкому распространению, внедрению и развитию института медиации посредством формирования профессионального сообщества, разработки

стандартов деятельности и правил профессиональной этики [1, с. 63]. В юридической литературе к необходимым функциям СРО медиаторов относят разработку и реализацию социальных проектов, направленных на популяризацию медиации, информационно - разъяснительную работу с населением, а также мониторинг и анализ практики осуществления примирительных процедур. И.С. Моторина высказывает мнение, что при достижении достаточного количества профессиональных медиаторов станет оправданным и востребованным объединение медиаторов в крупные саморегулируемые организации с обязательным членством [12, с. 35]. Однако на текущем этапе развития института медиации система саморегулирования характеризуется слабостью и уязвимостью, обусловленными отсутствием четкого регулирования функций и полномочий СРО на законодательном уровне.

Таким образом, в настоящее время правовой статус медиаторов и организация медиативной деятельности находятся в процессе активного формирования. Для дальнейшего развития и повышения эффективности медиации в российской правовой системе, а также для укрепления доверия к этому институту, необходимо решить ряд законодательных задач. Основные направления включают повышения квалификационных требований для непрофессиональных медиаторов, стандартизацию образовательных программ, обеспечение условий для функционирования адвокатов - медиаторов, развитие аспектов саморегулирования, а также разрешение вопросов регламентирования онлайн - медиации.

Список использованной литературы:

1. Алборов С. В. Саморегулируемые организации медиаторов / С. В. Алборов // Проблемы экономики и юридической практики. – 2015. – № 5. – С. 63 – 67.

2. Батырев, Д.Н. Особенности статуса медиатора в процедуре медиации в делах о защите прав потребителей / Д. Н. Батырев, Ю. А. Убушиев, Э. С. Кукеева // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 3 (231). – С. 305 – 308.

3. Безуглая, А.Г. Правовой статус участников медиативных процедур / А.Г. Безуглая // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 12 (2). – С. 84 – 88.

4. Брюхина, Е.Р. Медиация как альтернативный способ урегулирования семейных споров в Российской Федерации / Е.Р. Брюхина, Е.А. Черткова // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2021. – № 40. – С. 133 – 147.

5. Васильчикова, Н. А. Медиация в гражданском процессе Республики / Н. А. Васильчикова, В. А. Кузбагарова // Журнал правовых и экономических исследований. – 2023. – № 4. – С. 49 – 58.

6. Вечерина, О. П. Проблемы профессиональной подготовки медиаторов в России / О. П. Вечерина, И. Б. Путалова // Современное образование. – 2021. – № 1. – С. 1 – 13.

7. Галеев, Д. Т. Использование искуственной нейронной сети в целях медиации / Д. Т. Галеев // Медиация в современном мире: проблемы и перспективы развития: материалы Всероссийской научно - практической конференции, Курск, 30 апреля 2019 года. – Курск: Юго - Западный государственный университет, 2019. – С. 66 – 68.

8. Закон Республики Беларусь от 12.07.2013 № 58 - З «О медиации» // Национальный правовой Интернет - портал Республики Беларусь. – 2013. – № 2 / 2056.

9. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. – 2003. – № 2 – 3.

10. Коковихина, П.О. Профессиональные компетенции и роль адвоката в примирении сторон / П.О. Коковихина // Уральский журнал правовых исследований. – 2023. – № 2. – С. 24 – 28.

11. Минкина, Н. И. Профессия медиатора: актуальные вопросы нормативного регулирования в России / Н. И. Минкина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2023. – № 4(55). – С. 62 – 71.

12. Моторина, И.С. Формулировка дефиниции "судебная медиация": собирательный подход к толкованию термина / И.С. Моторина // Арбитражный и гражданский процесс. – 2025. – № 5. – С. 34 – 38.

13. Низовцева, Д.Д. Роль судебного примирителя в арбитражном процессе / Д.Д. Низовцева // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 368 – 371.

14. Приказ Минтруда России от 15.12.2014 №1041н (ред. от 12.12.2016) «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в области медиации (медиатор)» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2015. – № 30.

15. Прудникова, Л.Б. Возможности реализации процедуры медиации с участием адвоката / Л.Б. Прудникова, М.М. Османов // Образование и право. – 2024. – № 1. – С. 336 – 342.

16. Путалова, И. Б. К вопросу о правовом регулировании профессиональной деятельности медиатора (на примере анализа законопроекта) / И. Б. Путалова // Коченовские чтения - 2020. Психология и право в современной России: Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием, Москва, 11–13 ноября 2020 года. – Москва: Московский государственный психолого - педагогический университет, 2020. – С. 260 – 262.

17. Федеральный закон от 27.07.2010 №193 - ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4162.

18. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63 - ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Российская газета. – 2002. – № 100.

19. Шамликашвили, Ц. А. Медиация – это способ сделать наш мир немного лучше и безопаснее / Ц. А. Шамликашвили // Вестник федерального института медиации. – 2017. – № 1. – С. 10 – 29.

© Алтунян А.А., Ягунова Е.Е., 2026

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

CULTUROLOGY

Лю Линь
специалист, специальность: Народное художественное творчество,
Аньянский педагогический университет,

РОЛЬ МЕХАНИКИ ЖЕСТОВ В АКУСТИЧЕСКОМ ФОРМИРОВАНИИ МУЗЫКАЛЬНОГО ЗВУКА

Аннотация: Взаимосвязь между движениями тела и музыкальным звуком становится все более важной темой в современной музыковедении, акустике, когнитивной науке и исследованиях исполнительского искусства. Жестовая механика играет решающую роль в производстве, преобразовании и восприятии музыкального звука, влияя на такие акустические параметры, как высота тона, динамика, тембр, артикуляция, резонанс и пространственное распространение. В данной статье рассматривается роль жестовой механики в акустическом формировании музыкального звука с теоретической, технологической, физиологической и эстетической точек зрения. В исследовании анализируется, как жесты исполнителя влияют на генерацию звука как в традиционных акустических инструментах, так и в цифровых музыкальных интерфейсах, с акцентом на взаимодействие между физическим движением и слуховым восприятием. Особое внимание уделяется теориям воплощенного познания, связи жестов и звука, инструментальной биомеханике и системам управления жестами в современных музыкальных технологиях. В статье также исследуется, как жестовое поведение способствует выразительному исполнению, восприятию аудиторией и пространственной организации звука в музыкальной среде. Утверждается, что механику жестов следует понимать не просто как вспомогательные физические действия, а как фундаментальные компоненты музыкального смысла и акустического формирования. Исследование приходит к выводу, что интеграция анализа жестов в акустические и музыковедческие исследования значительно расширяет понимание музыкального исполнения и звукопроизводства как в классическом, так и в технологически опосредованном музыкальном контексте.

Ключевые слова: механика жестов, музыкальная акустика, формирование звука, воплощенное познание, музыкальное исполнение, взаимодействие жеста и звука, цифровые музыкальные инструменты, тембр, слуховое восприятие, синтез звука.

Liu Lin
Specialist, major: Folk Art, Anyang Normal University, email: fanghaibo8@outlook.com

THE ROLE OF GESTURAL MECHANICS IN THE ACOUSTIC SHAPING OF MUSICAL SOUND

Abstract: The relationship between bodily movement and musical sound has become an increasingly important subject in contemporary musicology, acoustics, cognitive science, and performance studies. Gestural mechanics play a decisive role in the production, transformation, and perception of musical sound by influencing acoustic

parameters such as pitch, dynamics, timbre, articulation, resonance, and spatial diffusion. This article examines the role of gestural mechanics in the acoustic shaping of musical sound from theoretical, technological, physiological, and aesthetic perspectives. The study analyzes how performer gestures influence sound generation in both traditional acoustic instruments and digital musical interfaces, emphasizing the interaction between physical movement and auditory perception. Particular attention is devoted to embodied cognition theories, gesture - sound coupling, instrumental biomechanics, and gestural control systems in contemporary music technologies. The article also explores how gestural behavior contributes to expressive performance, audience perception, and the spatial organization of sound in musical environments. It is argued that gestural mechanics should not be understood merely as auxiliary physical actions but as fundamental components of musical meaning and acoustic formation. The research concludes that the integration of gestural analysis into acoustic and musicological studies significantly expands the understanding of musical performance and sound production in both classical and technologically mediated musical contexts.

Keywords: gestural mechanics, musical acoustics, sound shaping, embodied cognition, musical performance, gesture - sound interaction, digital musical instruments, timbre, auditory perception, sound synthesis.

The relationship between movement and sound constitutes one of the oldest and most fundamental dimensions of musical expression. Every musical sound originates through physical action, whether in the form of striking, bowing, plucking, blowing, pressing, or digitally controlling an interface. The acoustic qualities of musical sound are therefore inseparable from the mechanics of gesture that generate and shape them. In contemporary musicology and acoustics, gestural mechanics are increasingly understood not simply as technical procedures for activating instruments but as central mechanisms through which musical meaning, expressivity, and sonic identity are constructed.

Historically, traditional theories of music focused primarily on compositional structure, harmonic organization, and symbolic notation while paying comparatively limited attention to bodily movement. Yet musical performance has always depended upon the interaction between human physiology and acoustic systems. The movements of performers determine the energy transfer responsible for sound generation, influence resonance behavior, regulate temporal articulation, and shape expressive nuance. Consequently, the study of gestural mechanics occupies a critical position at the intersection of music performance, acoustics, psychology, biomechanics, and technology.

The emergence of embodied cognition theory significantly transformed scholarly understanding of musical gesture. Embodied cognition argues that perception and cognition are deeply connected with bodily experience and motor activity. Within musical contexts, this perspective suggests that listeners and performers alike process music not only as abstract sound structures but also through imagined or actual bodily movement. Research in gesture - based music cognition indicates that listeners frequently associate

musical sounds with specific movement patterns and physical actions, even when no visible performer is present.

Gestural mechanics in music may be divided into several interconnected categories. The first category includes instrumental gestures that directly produce sound through physical interaction with an instrument. Examples include the bow movement of a violinist, the striking motion of a percussionist, or the finger articulation of a pianist. These gestures are mechanically necessary for sound production and directly determine acoustic parameters. The second category involves ancillary gestures, which are not strictly required for sound generation but contribute to expression, communication, and performance interpretation. Studies of clarinet performance, for example, demonstrate that body sway, head movement, and upper - body motion correlate strongly with acoustic variations in pitch, dynamics, and timbre.

The biomechanics of instrumental performance provide essential insight into the acoustic shaping of musical sound. Every instrument requires specific kinetic strategies that optimize energy transfer and sound efficiency. In string instruments, the interaction between bow velocity, pressure, and contact point determines spectral richness and timbral variation. Slight modifications in hand movement can dramatically alter the harmonic structure of produced sound. Similarly, in wind instruments, embouchure adjustment, breath control, and finger coordination influence airflow dynamics and resonance behavior within the instrument's acoustic cavity [1].

Percussion performance offers another important illustration of gestural - acoustic interaction. The trajectory, velocity, and force of striking gestures directly affect transient attack characteristics, resonance duration, and frequency distribution. Different striking angles or hand configurations may produce substantially different sonic textures from the same instrument. Such phenomena demonstrate that acoustic shaping cannot be reduced to instrumental design alone because performer movement fundamentally determines the realization of sonic potential.

Piano performance also reveals the complexity of gestural acoustics. Although piano keys appear mechanically standardized, the gestural behavior of performers significantly influences articulation, timing, and tonal character. Variations in finger acceleration, wrist flexibility, arm weight, and pedaling mechanics contribute to differences in resonance and expressive quality. The perception of "touch" in piano performance emerges not solely from hammer - string interaction but from the broader gestural coordination of the performer's body.

The concept of gesture - sound coupling has become central within contemporary music research. Gesture - sound coupling refers to the reciprocal relationship between physical movement and auditory output in musical activity. This coupling is not limited to causal sound production but also includes perceptual and cognitive associations between movement and sound structures. Research on gestural renderings of musical sound demonstrates that listeners frequently reproduce melodic contours, rhythmic structures, and timbral fluctuations through spontaneous bodily gestures. These findings suggest that gestural understanding forms an intrinsic part of musical perception itself.

Technological developments have expanded the significance of gestural mechanics within digital music environments. Digital musical instruments and interactive sound systems increasingly rely on gestural interfaces capable of translating bodily movement into sound synthesis parameters. Unlike traditional instruments, where acoustic sound production depends upon direct physical resonance, digital systems permit extensive abstraction between gesture and sonic result. Motion sensors, accelerometers, cameras, haptic interfaces, and wearable technologies allow performers to manipulate sound through complex spatial movements and multidimensional gestural mappings [2].

The design of gestural control systems represents a major field of research within computer music. Scholars examining gestural sound synthesis emphasize that effective digital instruments require intuitive relationships between movement and auditory response. Mapping strategies determine how physical gestures correspond to sound parameters such as pitch modulation, timbral transformation, reverberation, spatialization, or rhythmic control. Poorly designed mappings may create cognitive disconnection between performer intention and sonic outcome, whereas effective mappings enhance expressive immediacy and performance fluency.

One of the most important challenges in digital musical interaction involves preserving expressive nuance traditionally associated with acoustic performance. Acoustic instruments possess complex tactile feedback systems through which performers receive continuous sensory information regarding sound production. Bow resistance, key pressure, breath tension, and string vibration all contribute to embodied performance control. Digital interfaces often lack comparable feedback mechanisms, making gestural expressivity more difficult to achieve. Consequently, researchers continue to investigate haptic technologies and adaptive control systems capable of restoring embodied interaction within digital music environments.

The acoustic shaping of sound through gesture also possesses important spatial dimensions. Musical gestures influence not only the spectral qualities of sound but also its spatial projection and diffusion. Conductors, for instance, shape orchestral sound through large - scale bodily gestures that regulate timing, balance, and dynamic contour. Similarly, performers in spatial music composition use gesture to organize sound movement within acoustic environments. Observational studies of collaborative spatial composition demonstrate that musicians frequently employ bodily movement to conceptualize and communicate spatial sound relationships [3].

Contemporary experimental music increasingly treats gesture itself as a primary compositional element. In certain forms of avant - garde vocal and instrumental music, gestural structures replace conventional melodic or harmonic organization. Experimental vocal practices often define musical form through physical actions, timbral transitions, and choreographic movement rather than traditional tonal progression. Such developments challenge conventional distinctions between music, movement, and theatrical performance.

The phenomenology of musical gesture further emphasizes the experiential dimension of sound shaping. Musical gestures are not merely observable mechanical actions but

also embodied experiences perceived internally by performers and externally by audiences. Audience members frequently interpret expressive meaning through visual observation of performer movement. Studies in performance psychology indicate that visual gestures strongly influence listener evaluations of musical intensity, emotional character, and artistic expressivity [4].

The relationship between gesture and timbre constitutes a particularly important area of acoustic research. Timbre, often described as the "color" or "quality" of sound, emerges from complex spectral interactions influenced heavily by gestural mechanics. Slight changes in performer movement can alter overtone distribution, attack transients, resonance patterns, and noise components. In bowed string instruments, for example, aggressive bow acceleration may produce spectral roughness and increased high - frequency energy, while smoother bowing generates warmer tonal characteristics.

Wind instrument performance similarly illustrates the gestural shaping of timbre. Variations in tongue articulation, breath pressure, and embouchure tension influence harmonic balance and airflow turbulence. The acoustic identity of jazz saxophone performance, for example, depends heavily upon gestural manipulation of air pressure and mouthpiece interaction. Such examples demonstrate that timbral expression is fundamentally inseparable from bodily movement.

The development of motion capture technologies has significantly advanced the scientific analysis of musical gesture. High - speed cameras, electromyography systems, inertial sensors, and three - dimensional tracking technologies allow researchers to examine performer movement with unprecedented precision. These technologies facilitate quantitative analysis of gesture - acoustic relationships and contribute to improved understanding of performance biomechanics. Studies employing motion analysis reveal consistent correlations between bodily movement patterns and acoustic parameters such as tempo stability, dynamic control, and expressive phrasing.

Artificial intelligence and machine learning systems are increasingly incorporated into gestural music research. AI - based systems can analyze performer gestures in real time and adapt sound synthesis processes accordingly. Such technologies enable highly responsive interactive environments in which musical systems evolve dynamically in response to performer movement. Machine learning algorithms may also identify recurring gestural patterns associated with specific expressive characteristics or acoustic outcomes [5].

The role of gestural mechanics extends beyond performance into compositional processes themselves. Many composers conceptualize musical structures through imagined bodily movement. Rhythmic patterns, melodic contours, and dynamic trajectories are often associated with physical sensations of tension, release, acceleration, or spatial direction. Embodied theories of composition therefore suggest that gesture forms an essential component of musical imagination and creativity.

Educational practices in music also rely heavily on gestural instruction. Instrumental pedagogy frequently emphasizes posture, hand positioning, breathing techniques, and movement coordination as foundations of sound production. Teachers often describe musical expression through bodily metaphors involving weight, flow, tension, or spatial direction. Such pedagogical methods reflect implicit recognition that musical sound emerges through embodied physical processes.

Cross - cultural perspectives reveal significant diversity in gestural - musical relationships. Different musical traditions employ distinct bodily techniques and movement aesthetics that shape acoustic outcomes. Indian classical music, for instance, integrates intricate hand gestures and bodily posture into performance practice, while West African drumming traditions emphasize coordinated full - body movement as part of rhythmic production. These examples demonstrate that gestural acoustics are culturally situated rather than universally standardized.

The sociology of musical gesture further highlights the communicative dimension of movement in performance. Gestures may function as social signals conveying authority, emotional intensity, virtuosity, or collective coordination. In ensemble contexts, performers continuously exchange visual gestural information that supports synchronization and interpretive cohesion. Conducting, ensemble cueing, and improvisational interaction all depend heavily upon nonverbal gestural communication [6].

The increasing integration of virtual reality and immersive media technologies into musical performance introduces new possibilities for gestural acoustics. Virtual performance environments permit entirely new relationships between bodily movement and sound generation. Performers may manipulate virtual acoustic spaces, alter sound trajectories, or control multidimensional synthesis systems through motion - tracking technologies. Such innovations expand traditional understandings of musical gesture beyond the physical limitations of conventional instruments.

Research concerning musical instruments as dynamic sound sources also reinforces the importance of gestural interaction. Acoustic instruments do not behave as static resonance systems but respond dynamically to performer input. The interaction between performer movement and instrument response creates continuously evolving acoustic behavior. Consequently, musical sound emerges through a dynamic feedback loop between body, instrument, and environment.

Theoretical approaches to gestural similarity further illustrate the conceptual significance of movement within music analysis. Mathematical and computational models increasingly attempt to classify musical structures according to gestural properties and movement analogies. Such approaches suggest that gesture may provide a unifying framework connecting musical notation, acoustic realization, and listener perception.

The acoustic shaping of musical sound through gesture also possesses important emotional dimensions. Emotional expression in music is often communicated through kinetic intensity, movement fluidity, and physical energy transfer. Audiences frequently perceive emotional authenticity through visible bodily engagement. Consequently, musical expressivity cannot be understood solely through acoustic analysis because gesture constitutes a critical mediator between sound and emotional interpretation.

The future of gestural music research will likely involve increasing interdisciplinarity. Advances in neuroscience, biomechanics, computer science, acoustics, and cognitive psychology continue to deepen understanding of gesture - sound interaction. Emerging technologies such as neural interfaces, adaptive AI systems, and immersive acoustic environments may further transform the relationship between bodily movement and musical sound production.

In conclusion, gestural mechanics occupy a fundamental position in the acoustic shaping of musical sound. Musical sound is not produced independently of bodily

movement but emerges through complex interactions between performer gestures, instrumental systems, acoustic environments, and perceptual processes. Gestures influence pitch, dynamics, timbre, articulation, resonance, and spatial organization while simultaneously contributing to musical meaning, emotional communication, and aesthetic interpretation. Contemporary research demonstrates that gesture is not merely an auxiliary component of musical activity but an essential dimension of sound production and perception itself. The integration of gestural analysis into musicology, acoustics, and digital music technology therefore provides a more comprehensive understanding of musical performance and auditory experience in both traditional and technologically mediated contexts.

References

1. Godøy R. I. Gestural - sonorous objects: embodied extensions of Schaeffer's conceptual apparatus // Organised Sound. – 2006. – Vol. 11. – No. 2. – P. 149–157.
2. Godøy R. I. Geometry and effort in gestural renderings of musical sound // Lecture Notes in Computer Science. – 2009. – Vol. 5085. – P. 205–215.
3. Nusseck M. N., Czedik - Eysenberg I., Spahn C., Reuter C. Associations between ancillary body movements and acoustic parameters of pitch, dynamics and timbre in clarinet playing // Frontiers in Psychology. – 2022. – Vol. 13. – Article 885970.
4. Verfaille V., Wanderley M. M., Depalle P. Mapping strategies for gestural and adaptive control of digital audio effects // Journal of New Music Research. – 2006. – Vol. 35. – No. 1. – P. 71–93.
5. Wanderley M. M., Depalle P. Gestural control of sound synthesis // Proceedings of the IEEE. – 2004. – Vol. 92. – No. 4. – P. 632–644.
6. Williams A. Musical instruments as dynamic sound sources // Journal of the Acoustical Society of America. – 2024. – Vol. 155. – No. 4. – P. 2302–2313.

© Liu Lin, 2026

Лю Линь
специалист, специальность:
Народное художественное творчество, Аньянский педагогический университет,

АВТОРИТЕТ ПОВЕСТВОВАНИЯ И ДИСКУРСИВНОЕ ЛИДЕРСТВО В ТРАДИЦИЯХ УСТНОГО РАССКАЗЫВАНИЯ ИСТОРИЙ

Аннотация: Традиции устного повествования исторически функционировали не только как культурные хранилища коллективной памяти, но и как механизмы социальной организации, передачи идеологии и дискурсивного лидерства. В устных обществах рассказчики часто занимают позиции символического авторитета, позволяющие им формировать общественные ценности, исторические интерпретации, этические нормы и политическое сознание посредством повествовательного исполнения. В этой статье рассматривается взаимосвязь

между нарративным авторитетом и дискурсивным лидерством в традициях устного повествования с междисциплинарной точки зрения, включая фольклорные исследования, антропологию, дискурсивный анализ, теорию перформанса и культурную социологию. Исследование изучает, как рассказчики устанавливают легитимность, регулируют взаимодействие с аудиторией и поддерживают интерпретационный контроль в устной коммуникативной среде. Особое внимание уделяется перформативным аспектам нарративного авторитета, роли памяти и повторения в сохранении легитимности, а также способам, которыми устные повествования конструируют коллективные идентичности и социальные иерархии. В статье также анализируется трансформация практики устного повествования в современных цифровых контекстах, где традиционные формы нарративного лидерства все чаще взаимодействуют с системами опосредованной коммуникации. Утверждается, что традиции устного повествования следует понимать не просто как художественные или фольклорные практики, а как динамические системы дискурсивной власти, влияющие на социальную сплоченность, историческое сознание и культурную преемственность. В исследовании делается вывод, что нарративный авторитет в устных традициях остается важной основой для понимания социальных функций повествования как в исторической, так и в современной коммуникативной среде.

Ключевые слова: устное повествование, нарративный авторитет, дискурсивное лидерство, фольклор, культурная память, устные традиции, исследования перформанса, дискурсивный анализ, коллективная идентичность, нарративное исполнение.

Liu Lin
Specialist, major: Folk Art, Anyang Normal University, email: fanghaibo8@outlook.com

NARRATIVE AUTHORITY AND DISCURSIVE LEADERSHIP IN ORAL STORYTELLING TRADITIONS

Abstract: Oral storytelling traditions have historically functioned not only as cultural repositories of collective memory but also as mechanisms of social organization, ideological transmission, and discursive leadership. Within oral societies, storytellers frequently occupy positions of symbolic authority that allow them to shape communal values, historical interpretations, ethical norms, and political consciousness through narrative performance. This article examines the relationship between narrative authority and discursive leadership in oral storytelling traditions from interdisciplinary perspectives including folklore studies, anthropology, discourse analysis, performance theory, and cultural sociology. The study explores how storytellers establish legitimacy, negotiate audience interaction, and maintain interpretive control within oral communicative environments. Particular attention is devoted to the performative dimensions of narrative authority, the role of memory and repetition in preserving legitimacy, and the ways oral

narratives construct collective identities and social hierarchies. The article further analyzes the transformation of oral storytelling practices in contemporary digital contexts where traditional forms of narrative leadership increasingly interact with mediated communication systems. It is argued that oral storytelling traditions should be understood not merely as artistic or folkloric practices but as dynamic systems of discursive power that influence social cohesion, historical consciousness, and cultural continuity. The study concludes that narrative authority in oral traditions remains a significant framework for understanding the social functions of storytelling in both historical and modern communicative environments.

Keywords: oral storytelling, narrative authority, discursive leadership, folklore, cultural memory, oral traditions, performance studies, discourse analysis, collective identity, narrative performance.

The history of human civilization is deeply connected with the evolution of oral storytelling traditions. Long before the emergence of written literature, institutional archives, and digital communication systems, communities relied on oral narratives to preserve historical memory, transmit cultural values, organize social relations, and interpret collective experience. Storytelling functioned not merely as entertainment but as a central mechanism through which societies constructed meaning, legitimized authority, and maintained cultural continuity. Within oral traditions, storytellers occupied socially significant roles as mediators between the past and the present, between collective memory and individual experience, and between social norms and cultural imagination.

Narrative authority within oral storytelling traditions emerges through the capacity of storytellers to establish credibility, command attention, and shape interpretive frameworks for audiences. Unlike written texts, oral narratives exist within dynamic performative environments in which authority is continuously negotiated through voice, gesture, memory, rhetorical skill, and social recognition. The storyteller does not simply reproduce information but actively organizes discourse in ways that influence communal understanding and social perception. Consequently, oral storytelling traditions provide an important framework for examining how narrative performance intersects with power, leadership, and cultural legitimacy [1].

The concept of discursive leadership refers to the ability of individuals or groups to shape collective discourse through communicative influence. In oral societies, storytellers frequently exercised discursive leadership by controlling the circulation of myths, genealogies, moral narratives, heroic histories, and cosmological explanations. Through repeated performance, storytellers contributed to the formation of collective identities and social hierarchies. Oral narratives established models of heroism, virtue, loyalty, and authority that reinforced communal values and regulated social behavior.

Anthropological research demonstrates that oral storytelling traditions are inseparable from broader systems of social organization. In many indigenous and pre - literate societies, narrative specialists such as griots, bards, shamans, elders, and ceremonial speakers possessed elevated social status because of their ability to preserve and

transmit communal knowledge. These figures functioned simultaneously as historians, educators, moral authorities, political advisors, and performers. Their authority derived not only from narrative competence but also from their role as custodians of collective memory.

The oral nature of storytelling fundamentally shapes the structure of narrative authority. Unlike written discourse, which may circulate independently of its creator, oral narratives depend upon direct interaction between storyteller and audience. Narrative authority therefore emerges performatively through live communicative exchange. The storyteller must continuously maintain audience engagement, establish credibility, and adapt performance according to social context. Vocal modulation, rhythm, repetition, gesture, silence, and improvisation become essential mechanisms for sustaining discursive control [2].

Performance theory provides important insight into the dynamics of oral storytelling. Scholars of performance studies emphasize that storytelling is not merely the transmission of verbal content but a socially situated event involving embodiment, interaction, and symbolic enactment. The authority of the storyteller is inseparable from performance competence. Audiences evaluate not only the informational content of narratives but also the charisma, emotional intensity, and rhetorical effectiveness of the performer. Consequently, narrative authority in oral traditions possesses both linguistic and theatrical dimensions.

The relationship between memory and authority occupies a central position within oral storytelling systems. In oral cultures lacking extensive written documentation, collective memory depends heavily upon narrative repetition and mnemonic techniques. Storytellers who demonstrate exceptional memory acquire symbolic legitimacy because they are perceived as reliable custodians of tradition. Repetition, formulaic expressions, rhythmic structures, and poetic devices facilitate the preservation of narratives across generations. At the same time, oral storytelling is never entirely fixed because each performance involves reinterpretation and contextual adaptation.

The tension between stability and variation constitutes one of the defining characteristics of oral narrative authority. Storytellers are expected to preserve essential cultural meanings while simultaneously adapting narratives to contemporary social realities. This flexibility enables oral traditions to remain socially relevant across changing historical circumstances. Narrative authority therefore depends not on exact textual reproduction but on the capacity to maintain interpretive continuity while accommodating contextual transformation.

Discursive leadership within oral storytelling traditions is closely connected with the construction of social identity. Oral narratives frequently define communal boundaries by distinguishing insiders from outsiders, ancestors from enemies, or sacred traditions from foreign influences. Through mythological and historical storytelling, communities establish shared origins, collective values, and symbolic identities. The storyteller thus functions as an architect of communal imagination [3].

Mythological narratives provide particularly important examples of narrative authority. Myths often explain cosmological origins, divine structures, moral principles, and social order. In many oral societies, mythological storytelling carries sacred significance and is restricted to authorized performers possessing ritual legitimacy. Such restrictions reinforce the relationship between narrative competence and social authority. The storyteller becomes not merely a communicator but a mediator between the human and the transcendent.

Epic traditions further illustrate the political dimensions of oral storytelling. Epic narratives frequently celebrate rulers, warriors, dynasties, or collective struggles while simultaneously legitimizing social hierarchies and political institutions. Oral epics such as the Homeric poems, the Epic of Sundiata, and numerous Central Asian and Indigenous heroic traditions demonstrate how narrative authority contributes to political memory and ideological continuity. Storytellers performing epics often functioned as advisors and cultural legitimizers within royal courts and tribal structures.

The concept of discursive leadership also applies to the regulation of moral behavior through storytelling. Oral narratives commonly communicate ethical lessons concerning loyalty, honesty, courage, generosity, and communal responsibility. Through repeated narrative exposure, audiences internalize social norms and behavioral expectations. Storytellers therefore influence not only collective memory but also moral consciousness.

Audience participation constitutes another important dimension of oral storytelling authority. Unlike written literature, oral narratives frequently involve direct audience interaction through call - and - response structures, communal chanting, emotional reactions, and performative feedback. Audience engagement both supports and constrains narrative authority because storytellers must respond dynamically to communal expectations. Narrative leadership in oral traditions is therefore relational rather than purely hierarchical.

The role of improvisation further complicates the nature of narrative authority. Skilled storytellers often modify narratives spontaneously according to audience composition, political context, ceremonial setting, or emotional atmosphere. Improvisation enables oral traditions to remain adaptive and socially responsive. However, excessive deviation from accepted narrative structures may undermine storyteller legitimacy. Narrative authority thus depends upon balancing innovation with tradition [4].

Linguistic style plays a crucial role in establishing discursive leadership. Storytellers frequently employ elevated language, metaphorical expression, rhythmic speech, repetition, and symbolic imagery to enhance narrative impact. Such stylistic devices contribute to the perceived authority of the speaker by distinguishing storytelling discourse from ordinary communication. Poetic language reinforces the ritual and cultural significance of oral narratives.

The sociology of storytelling demonstrates that narrative authority is often connected with social hierarchy. In many cultures, storytelling rights are distributed according to age, gender, lineage, or ritual status. Elders may possess privileged authority to narrate ancestral histories, while specific castes or hereditary groups specialize in oral

performance traditions. Such structures institutionalize discursive leadership within broader systems of social organization.

Gender dynamics within oral storytelling traditions reveal important patterns of inclusion and exclusion. In some societies, male storytellers dominate public ceremonial narratives associated with political or historical authority, while women maintain domestic storytelling traditions centered on family memory, morality, and emotional experience. Nevertheless, many oral cultures also contain influential female storytellers whose narrative authority shapes communal values and cultural continuity.

The relationship between oral storytelling and historical consciousness is particularly significant. Oral narratives frequently function as alternative historical archives preserving perspectives excluded from official written histories. Indigenous storytelling traditions, for example, often preserve collective memories of displacement, resistance, colonization, and cultural survival. Narrative authority in such contexts becomes closely connected with cultural resistance and identity preservation [5].

Postcolonial scholarship has increasingly emphasized the political importance of oral storytelling traditions. Colonial administrations frequently marginalized oral narratives by privileging written documentation as the dominant form of legitimate knowledge. However, oral traditions continued to preserve local epistemologies, historical experiences, and cultural identities outside colonial institutional frameworks. Contemporary scholars increasingly recognize oral storytelling as a valid and complex form of historical and cultural knowledge production.

Discursive leadership in oral traditions also operates through emotional influence. Effective storytellers shape audience emotions through pacing, suspense, vocal intensity, humor, tragedy, and symbolic imagery. Emotional engagement enhances narrative memorability and strengthens communal cohesion. Storytelling performances often generate collective emotional experiences that reinforce social solidarity and shared identity.

The performative embodiment of storytelling further contributes to narrative authority. Gestures, facial expressions, posture, and movement all influence audience perception of storyteller legitimacy. Performance studies demonstrate that bodily presence significantly shapes communicative effectiveness within oral traditions. The storyteller's body becomes an instrument of discursive influence.

The emergence of literacy and print culture transformed but did not eliminate oral storytelling traditions. Written texts gradually displaced some functions previously associated with oral performance, particularly in administration, historiography, and religious transmission. Nevertheless, oral traditions persisted through folk culture, ceremonial practice, domestic storytelling, and performative arts. In many cases, oral and written traditions interacted dynamically rather than existing in strict opposition [6].

Modern media technologies have introduced new forms of narrative authority and discursive leadership. Radio, television, podcasts, social media, and digital video platforms increasingly function as contemporary extensions of oral storytelling practices. Influencers, public speakers, podcast hosts, and digital creators often establish authority

through performative communication strategies similar to those employed by traditional storytellers. The transition from face - to - face oral performance to mediated communication environments therefore reflects continuity as well as transformation.

Digital storytelling environments significantly alter the relationship between storyteller and audience. Online platforms permit rapid dissemination, audience participation, and narrative fragmentation across global networks. At the same time, digital communication systems challenge traditional forms of narrative legitimacy because authority becomes decentralized and contested. The democratization of storytelling opportunities may weaken institutional narrative control while simultaneously enabling new forms of discursive leadership.

Contemporary political communication further illustrates the persistence of oral storytelling dynamics. Political leaders frequently employ narrative strategies derived from oral traditions, including mythic framing, heroic characterization, emotional storytelling, and symbolic repetition. Public speeches often function as narrative performances designed to shape collective identity and political consciousness. Discursive leadership in modern politics therefore retains important continuities with traditional storytelling authority.

Educational systems also continue to rely upon storytelling as a mechanism of knowledge transmission and moral formation. Teachers, lecturers, religious leaders, and public intellectuals frequently employ narrative structures to communicate complex ideas and establish interpretive authority. Storytelling remains a central component of human communication because narratives provide cognitively accessible frameworks for organizing experience and meaning.

The study of oral storytelling traditions contributes significantly to contemporary discourse analysis. Oral narratives reveal how language operates not merely as a neutral medium of communication but as a mechanism of social influence and symbolic power. Storytelling practices demonstrate the interdependence of narrative structure, performance technique, audience interaction, and cultural authority.

The interdisciplinary nature of oral storytelling research reflects the complexity of narrative authority itself. Folklore studies, anthropology, sociology, linguistics, psychology, communication theory, and literary studies all contribute to understanding how narratives shape social reality. Oral storytelling traditions cannot be adequately understood through purely textual analysis because their meaning depends fundamentally upon performance, interaction, and communal context.

The preservation of oral traditions has become increasingly important in the context of globalization and cultural homogenization. Many indigenous and minority storytelling traditions face erosion due to language decline, urbanization, and media standardization. Efforts to document and revitalize oral narratives therefore possess not only academic significance but also cultural and political importance. Narrative authority within endangered traditions often represents broader struggles over cultural survival and epistemological legitimacy.

The future of oral storytelling traditions will likely involve continued interaction between traditional performance practices and digital communication technologies. Hybrid forms combining live performance, audiovisual media, and interactive online participation are increasingly common. Such developments suggest that oral storytelling remains a dynamic and adaptive mode of human communication rather than a relic of premodern culture.

In conclusion, narrative authority and discursive leadership constitute central dimensions of oral storytelling traditions across historical and cultural contexts. Oral narratives function not merely as artistic expressions but as mechanisms of social organization, cultural memory, moral regulation, and political influence. Storytellers establish authority through performance competence, mnemonic legitimacy, emotional engagement, and communal recognition. Their narratives shape collective identities, preserve historical consciousness, and regulate social values. Contemporary transformations in media and communication technologies continue to reshape storytelling practices while preserving fundamental dynamics of narrative influence and discursive leadership. The study of oral storytelling traditions therefore remains essential for understanding the relationship between communication, power, memory, and culture in both historical and modern societies.

References

1. Barnwell A., Ravn S. Narrative now: trends and tensions // Narrative Research Now. – Cambridge: Cambridge University Press, 2024. – P. 1–18.
2. Matthews Sh., Zukowska M. Liberation stories: building narrative power for 21st - century social movements. – New York: The New Press, 2025. – 464 p.
3. Presser L., Fleetwood J., Sandberg S. Narrating justice and hope: how good stories counter crime and harm. – New York: NYU Press, 2025. – 280 p.
4. Simmons S. Root narrative theory and conflict resolution: power, justice and values. – London: Routledge, 2020. – 286 p.
5. Siburt J. E. How narrative shapes culture and society: a socio - narratology of power and influence. – New York: Bloomsbury Academic, 2025. – 144 p.
6. Sanfilippo M. R., Ocepek M. G. Storytelling and / as misinformation: storytelling dynamics and narrative structures for three cases of COVID - 19 viral misinformation // Governing Misinformation in Everyday Knowledge Commons. – Cambridge: Cambridge University Press, 2025. – P. 18–40.

© Liu Lin, 2026

Чэнь Юнсинь
магистр права, Международный университет «Великий Дзасаг», Монголия,

РАЗНООБРАЗИЕ СТРАТЕГИЙ СОКРАЩЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ ПЕРСОНАЛА: КРИТИКА ЕДИНООБРАЗНЫХ ПОДХОДОВ К УВОЛЬНЕНИЯМ

Аннотация: В условиях глобальной экономической нестабильности, цифровой трансформации, геополитической турбулентности и растущего конкурентного

давления организации все чаще прибегают к сокращению штата как инструменту поддержания финансовой устойчивости и операционной гибкости. Однако современная управленческая практика показывает, что многие компании продолжают применять стандартизированные и унифицированные подходы к увольнениям, не учитывая отраслевые особенности, организационную культуру, динамику рынка труда, компетенции сотрудников и долгосрочные стратегические последствия. В данной статье критически рассматриваются ограничения универсальных моделей сокращения штата и обосновывается необходимость дифференцированных стратегий сокращения персонала. В исследовании анализируются экономические, организационные, социальные и психологические последствия сокращения штата, подчеркивается, что неизбирательные увольнения часто порождают скрытые издержки, снижают лояльность сотрудников, ослабляют инновационный потенциал и наносят ущерб репутации работодателя. Особое внимание уделяется альтернативным подходам к оптимизации рабочей силы, включая гибкие модели занятости, программы переподготовки, внутреннюю мобильность, схемы частичной занятости, механизмы добровольного выхода на пенсию и стратегическое планирование рабочей силы. В статье утверждается, что эффективное сокращение персонала не может рассматриваться лишь как краткосрочный финансовый инструмент, а должно быть интегрировано в более широкие стратегии управления человеческими ресурсами и корпоративной устойчивости. Исследование приходит к выводу, что будущее управления персоналом зависит от адаптивных, этически обоснованных и учитывающих контекст подходов, способных сбалансировать экономическую эффективность с социальной ответственностью.

Ключевые слова: Сокращение штата, увольнения, оптимизация рабочей силы, управление человеческими ресурсами, организационная реструктуризация, рынок труда, стратегии сокращения штата, корпоративная устойчивость, удержание сотрудников, стратегическое управление

Chen Yongxin
Master of Laws, Great Zasag International University, Mongolia,
email: fanghaibo8@outlook.com

HETEROGENEITY OF WORKFORCE REDUCTION STRATEGIES: A CRITIQUE OF UNIFORM APPROACHES TO LAYOFFS

Abstract: In the context of global economic instability, digital transformation, geopolitical turbulence, and the growing pressure of competition, organizations increasingly resort to workforce reduction as a tool for maintaining financial sustainability and operational flexibility. However, contemporary management practice demonstrates that many companies continue to apply standardized and unified approaches to layoffs without considering industry - specific conditions, organizational culture, labor market dynamics, employee competencies, and long - term strategic consequences. This article critically examines the limitations of universal downsizing models and substantiates the

necessity of differentiated personnel reduction strategies. The study analyzes the economic, organizational, social, and psychological implications of workforce reductions, emphasizing that indiscriminate layoffs often generate hidden costs, reduce employee loyalty, weaken innovative capacity, and damage employer reputation. Particular attention is devoted to alternative approaches to labor optimization, including flexible employment models, retraining programs, internal mobility, partial employment schemes, voluntary retirement mechanisms, and strategic workforce planning. The article argues that effective personnel reduction cannot be treated merely as a short - term financial instrument but should be integrated into broader human resource management and corporate sustainability strategies. The research concludes that the future of workforce management depends on adaptive, ethically grounded, and context - sensitive approaches capable of balancing economic efficiency with social responsibility.

Keywords: personnel reduction, layoffs, workforce optimization, human resource management, organizational restructuring, labor market, downsizing strategies, corporate sustainability, employee retention, strategic management.

The modern global economy is characterized by heightened uncertainty, technological acceleration, demographic transformation, and increasingly volatile labor markets. Organizations operating in such conditions are compelled to continuously reassess their operational structures and cost management mechanisms in order to preserve competitiveness and financial resilience. Among the most frequently used instruments of organizational adaptation is workforce reduction, which is commonly justified by the need to improve efficiency, reduce expenditures, respond to declining demand, or implement technological modernization. Despite the prevalence of layoffs across industries and regions, the managerial logic underpinning these processes often remains excessively simplified. Many organizations continue to rely on standardized reduction strategies based primarily on numerical indicators and short - term financial objectives, disregarding the complexity of human capital dynamics and the broader consequences of dismissing employees.

The widespread application of unified approaches to layoffs reflects a managerial paradigm in which labor is treated as a variable cost rather than a strategic organizational asset. Such an approach may appear rational within narrowly defined financial frameworks, particularly during economic crises or periods of declining profitability. Nevertheless, empirical evidence and organizational experience increasingly demonstrate that indiscriminate personnel reductions frequently produce contradictory outcomes. While companies may achieve temporary cost savings, they simultaneously risk undermining institutional knowledge, reducing employee motivation, increasing turnover among highly qualified specialists, and weakening long - term innovative potential. Moreover, layoffs often create substantial reputational risks that affect employer branding, investor confidence, and customer loyalty [1].

The criticism of standardized downsizing strategies has intensified in recent decades due to the growing recognition of human capital as a central determinant of

organizational competitiveness. Knowledge - intensive industries, creative sectors, and technology - oriented enterprises rely heavily on employee expertise, collaboration, and tacit knowledge that cannot easily be replaced once lost. Consequently, simplistic workforce reduction measures may generate irreversible strategic damage. The negative effects of layoffs extend beyond dismissed employees and significantly influence those who remain within the organization. Survivors of layoffs frequently experience anxiety, reduced trust in management, lower organizational commitment, and diminished productivity. This phenomenon, commonly described as "survivor syndrome," illustrates that workforce reduction is not merely an administrative procedure but a complex social and psychological process with far - reaching organizational implications.

Another important limitation of unified layoff strategies lies in their failure to account for sectoral diversity. Different industries operate according to distinct economic cycles, labor intensity patterns, technological requirements, and institutional environments. A workforce reduction model that may appear effective in manufacturing may prove highly destructive in healthcare, education, information technology, or scientific research. For instance, in sectors dependent on highly specialized expertise, the dismissal of experienced professionals can significantly reduce organizational capacity for innovation and adaptation. Conversely, industries characterized by temporary labor demand fluctuations may benefit more from flexible employment arrangements rather than permanent layoffs [2].

Regional and cultural factors also play an essential role in shaping the outcomes of personnel reduction policies. Labor legislation, social protection systems, trade union influence, and cultural attitudes toward employment vary considerably across countries. In some institutional environments, aggressive layoffs may provoke social conflict, legal disputes, and political criticism, while in others they may be perceived as an acceptable component of market adjustment. Therefore, the assumption that a single downsizing model can be universally applicable across national and organizational contexts is fundamentally flawed.

The evolution of human resource management theory has increasingly emphasized the importance of strategic workforce planning and sustainable employment practices. Modern organizations are encouraged to adopt long - term approaches that prioritize adaptability, employee development, and organizational resilience rather than reactive cost - cutting measures. In this context, layoffs should be considered only one of many possible instruments of organizational adjustment and not the default response to financial or operational challenges. Alternative mechanisms, including reskilling programs, temporary working time reductions, internal mobility initiatives, phased retirement systems, and project - based workforce redistribution, may provide more sustainable outcomes while preserving valuable human capital.

The economic rationale traditionally used to justify layoffs often underestimates the hidden costs associated with workforce reduction. Severance payments, legal expenses, recruitment costs for future rehiring, productivity losses, and reputational damage can significantly offset anticipated financial benefits. Furthermore, companies that engage in

repeated cycles of layoffs may create unstable organizational environments that discourage employee engagement and reduce the attractiveness of the organization for talented professionals. In highly competitive labor markets, employer reputation has become a critical strategic resource, and companies known for aggressive dismissal practices may encounter difficulties in attracting and retaining skilled employees [3].

Technological transformation has further complicated the issue of workforce optimization. Automation, artificial intelligence, and digitalization undoubtedly reduce demand for certain categories of labor while simultaneously creating new professional roles and competency requirements. However, technological modernization does not necessarily require mass dismissals. Organizations capable of investing in employee retraining and professional adaptation may achieve more stable and socially responsible transitions. The growing emphasis on lifelong learning and continuous professional development reflects recognition that workforce transformation should prioritize adaptation rather than exclusion.

The COVID - 19 pandemic provided an especially important demonstration of the limitations of unified downsizing strategies. During the initial stages of the crisis, numerous companies implemented large - scale layoffs in response to uncertainty and declining revenues. Yet subsequent economic recovery exposed significant labor shortages in many sectors, forcing organizations to compete aggressively for qualified personnel [4]. Companies that preserved their workforce through flexible scheduling, remote work arrangements, or temporary salary adjustments often recovered more rapidly and maintained stronger organizational cohesion. The pandemic highlighted the importance of resilience - oriented management approaches capable of balancing financial survival with long - term human resource sustainability.

Ethical considerations also occupy an increasingly central position in discussions of workforce reduction. Corporate social responsibility frameworks emphasize that organizations possess obligations not only toward shareholders but also toward employees, communities, and broader society. Large - scale layoffs can contribute to unemployment, social inequality, and economic instability, particularly in regions heavily dependent on a small number of employers. Consequently, personnel reduction decisions are no longer viewed solely through the lens of managerial efficiency but also in terms of social legitimacy and moral accountability.

The critique of standardized layoffs is closely connected with broader transformations in organizational theory. Traditional hierarchical management models focused on rigid control and cost minimization are gradually giving way to more flexible and human - centered approaches emphasizing collaboration, innovation, and employee empowerment. In such frameworks, human resources are not treated merely as operational expenses but as strategic partners contributing to organizational development. This conceptual shift necessitates a corresponding transformation in approaches to workforce reduction.

One of the most promising alternatives to conventional layoffs is strategic workforce flexibility. Flexible employment systems enable organizations to adjust labor utilization

without resorting to permanent dismissals. Such mechanisms may include temporary working hour reductions, remote work models, project - based contracts, job sharing arrangements, or seasonal redistribution of labor resources. While flexibility itself can generate challenges related to employment security and worker protection, properly designed systems may help organizations maintain operational adaptability while minimizing social disruption [5].

Another important strategy involves investment in employee retraining and internal mobility. Instead of dismissing workers whose current roles become obsolete, organizations can facilitate transitions into emerging functional areas. This approach is particularly relevant in technologically dynamic sectors where skill requirements evolve rapidly. Retraining programs not only preserve organizational knowledge but also strengthen employee loyalty and adaptability. Companies that actively invest in workforce development frequently demonstrate higher levels of innovation and long - term competitiveness.

Voluntary reduction mechanisms constitute another alternative to coercive layoffs. Early retirement programs, voluntary resignation incentives, and mutually negotiated separation agreements may reduce workforce size while limiting conflict and reputational damage. Such approaches are generally perceived more positively by employees and external stakeholders because they provide individuals with greater autonomy and decision - making capacity. Nevertheless, voluntary programs must be carefully designed to avoid the unintended departure of highly valuable specialists whose competencies remain critical for organizational performance.

The importance of communication during workforce reduction processes cannot be overstated. One of the primary causes of organizational distrust during layoffs is the absence of transparent and consistent managerial communication. Employees frequently perceive dismissals as arbitrary or unfair when decision - making criteria remain unclear. Effective communication strategies should explain the rationale for organizational changes, outline support mechanisms for affected workers, and demonstrate managerial accountability. Transparent communication contributes to preserving organizational legitimacy and reducing psychological stress among both departing and remaining employees.

Leadership behavior during downsizing processes significantly influences organizational outcomes. Managers who approach workforce reduction exclusively as a technical or financial procedure often exacerbate employee dissatisfaction and organizational fragmentation. By contrast, empathetic and ethically responsible leadership can mitigate negative consequences and preserve organizational cohesion. Leadership during crisis periods requires balancing economic imperatives with social sensitivity, a task that demands advanced managerial competencies and emotional intelligence.

The legal dimension of workforce reduction further illustrates the inadequacy of universal approaches. Employment legislation differs substantially across jurisdictions with regard to dismissal procedures, severance obligations, anti - discrimination protections, and collective bargaining rights. Organizations operating internationally must

therefore adapt their downsizing strategies to diverse regulatory environments. Failure to comply with legal requirements may result in costly litigation, reputational damage, and regulatory sanctions.

In addition to legal considerations, demographic trends increasingly shape workforce reduction policies. Aging populations in many developed economies create labor shortages in specific sectors, making aggressive layoffs strategically counterproductive. Organizations dismissing experienced employees may subsequently struggle to replace lost expertise. Furthermore, intergenerational workforce diversity requires differentiated management approaches capable of accommodating varying employee expectations, professional trajectories, and adaptability levels [6].

The financialization of corporate governance has contributed to the persistence of standardized layoff strategies. Publicly traded companies often face pressure from investors seeking rapid profitability improvements and short - term shareholder value maximization. Under such conditions, workforce reduction becomes an attractive instrument for demonstrating immediate cost savings. However, excessive emphasis on quarterly financial indicators may undermine long - term organizational sustainability. Increasingly, scholars and practitioners argue for governance models that integrate social and human capital considerations into strategic decision - making processes.

The emergence of environmental, social, and governance criteria has intensified scrutiny of corporate employment practices. Investors, consumers, and regulators increasingly evaluate organizations according to broader sustainability indicators that include labor relations, employee well - being, and social responsibility. Companies implementing large - scale layoffs without adequate social safeguards may encounter reputational criticism and reduced stakeholder trust. Consequently, workforce reduction strategies are becoming closely linked with corporate sustainability agendas.

Digital technologies are simultaneously transforming both the causes and management of workforce reductions. Advanced analytics and artificial intelligence enable organizations to forecast labor demand more accurately and identify potential skill gaps before crises emerge. Predictive workforce planning can therefore reduce the necessity for abrupt layoffs by facilitating earlier organizational adaptation. However, excessive reliance on algorithmic decision - making may also create ethical concerns regarding transparency, bias, and depersonalization in employment management.

The psychological consequences of layoffs deserve particular attention because they extend beyond immediate employment loss. Dismissed employees frequently experience stress, identity disruption, financial insecurity, and reduced social integration. Long - term unemployment may contribute to declining mental health and professional marginalization. Ethical workforce management therefore requires organizations to provide support mechanisms such as career counseling, retraining assistance, and transition services. Such measures not only demonstrate social responsibility but may also reduce reputational risks associated with layoffs.

The experience of multinational corporations illustrates considerable variation in workforce reduction strategies. Some companies prioritize long - term employment

stability and internal redeployment, while others rely heavily on rapid dismissals during economic downturns. Comparative analysis suggests that organizations emphasizing employee retention and development often achieve greater resilience and innovation capacity over time. This does not imply that layoffs should never occur, but rather that workforce reduction must be context - sensitive, strategically integrated, and socially responsible.

The debate surrounding personnel reduction strategies ultimately reflects broader tensions between economic efficiency and human sustainability. Modern organizations operate within complex social ecosystems where employees represent not merely labor inputs but sources of creativity, adaptability, and institutional continuity. Simplistic downsizing approaches based exclusively on immediate financial calculations fail to capture this complexity and may therefore generate counterproductive outcomes.

The future of workforce management is likely to depend increasingly on adaptive and diversified approaches capable of balancing organizational flexibility with employment stability. Strategic human resource management requires moving beyond reactive layoffs toward proactive workforce planning that anticipates structural changes and invests in employee adaptability. Organizations capable of integrating economic rationality with ethical responsibility will likely demonstrate greater resilience in an increasingly uncertain global environment.

In conclusion, the diversity of personnel reduction strategies reflects the fundamental inadequacy of unified approaches to layoffs. Workforce reduction cannot be understood solely as a technical or financial procedure because it affects organizational culture, employee well - being, innovation capacity, and social legitimacy. Standardized downsizing models often overlook industry - specific conditions, institutional diversity, psychological consequences, and long - term strategic implications. Effective personnel management therefore requires differentiated, flexible, and context - sensitive approaches capable of reconciling organizational adaptation with human sustainability. The growing recognition of human capital as a strategic resource necessitates a corresponding transformation in workforce reduction practices. Rather than relying on simplistic dismissal mechanisms, organizations should prioritize strategic workforce planning, employee development, transparent communication, and socially responsible adaptation strategies. Such an approach not only mitigates the negative consequences of layoffs but also strengthens long - term organizational resilience and competitiveness.

References

1. Appelbaum S. H., Delage C., Labibb N., Gault G. Back to the future: revisiting the effectiveness of downsizing and its alternatives // Journal of Management Development. – 1997. – Vol. 16. – No. 5. – P. 309–329.

2. Cascio W. F. Strategies for responsible restructuring // Academy of Management Executive. – 2002. – Vol. 16. – No. 3. – P. 80–91.

3. Freeman S. J., Cameron K. S. Organizational downsizing: a convergence and reorientation framework // Organization Science. – 1993. – Vol. 4. – No. 1. – P. 10–29.

4. Gandolfi F. Workforce downsizing and its impact on organisational performance // Journal of Management Research. – 2008. – Vol. 8. – No. 2. – P. 52–68.

5. Noer D. Healing the wounds: overcoming the trauma of layoffs and revitalizing downsized organizations. – San Francisco: Jossey - Bass, 2009. – 368 p.

6. Sutton R. I., D'Aunno T. A. Decreasing organizational size: untangling the effects of money and people // Academy of Management Review. – 1989. – Vol. 14. – No. 2. – P. 194–212.

© Chen Yongxin, 2026

Чэнь Юнсинь
магистр права, Международный университет «Великий Дзасаг», Монголия,

ПОМИМО МАССОВЫХ УВОЛЬНЕНИЙ: СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОКРАЩЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ ПЕРСОНАЛА

Аннотация: В современной глобальной экономике организации все чаще сталкиваются с проблемой баланса между операционной эффективностью и долгосрочной устойчивостью в управлении персоналом. Экономическая нестабильность, технологические прорывы, цифровая трансформация, демографические изменения и усиление глобальной конкуренции побудили многие фирмы к внедрению стратегий сокращения численности персонала в качестве механизмов оптимизации затрат и организационной реструктуризации. Однако традиционные массовые увольнения часто приводят к существенным негативным последствиям, включая снижение производительности, ущерб репутации, снижение вовлеченности сотрудников, потерю институциональных знаний и долгосрочную стратегическую нестабильность. В данной статье критически рассматривается эволюция практики сокращения численности персонала и обосновывается необходимость перехода от реактивных массовых увольнений к стратегическим моделям сокращения численности персонала. Исследование изучает, как организации могут достичь организационной адаптации посредством дифференцированных подходов, которые интегрируют планирование персонала, перераспределение сотрудников, инициативы по переподготовке, гибкие системы занятости, программы добровольного увольнения и управление технологической трансформацией. Особое внимание уделяется ограничениям обобщенных стратегий сокращения штата и важности согласования политики сокращения численности персонала с более широкими организационными целями, устойчивостью человеческого капитала и принципами корпоративной социальной ответственности. В заключение статьи утверждается, что стратегическое сокращение численности персонала представляет собой более адаптивный, этичный и экономически устойчивый подход, способный сохранить устойчивость

организации, минимизируя при этом разрушительные последствия, традиционно связанные с массовыми увольнениями.

Ключевые слова: стратегическое сокращение численности персонала, увольнения, сокращение штата, управление человеческими ресурсами, организационная реструктуризация, рынок труда, планирование рабочей силы, удержание сотрудников, устойчивость организации, корпоративная стратегия

Chen Yongxin
Master of Laws, Great Zasag International University, Mongolia,
email: fanghaibo8@outlook.com

BEYOND MASS LAYOFFS: STRATEGIC WORKFORCE REDUCTION

Abstract: In the contemporary global economy, organizations increasingly encounter the challenge of balancing operational efficiency with long - term sustainability in workforce management. Economic volatility, technological disruption, digital transformation, demographic change, and intensified global competition have encouraged many firms to adopt workforce reduction strategies as mechanisms for cost optimization and organizational restructuring. However, traditional mass layoffs often generate substantial negative consequences, including productivity decline, reputational damage, employee disengagement, institutional knowledge loss, and long - term strategic instability. This article critically examines the evolution of workforce reduction practices and argues for the transition from reactive mass layoffs toward strategic workforce reduction models. The study explores how organizations can achieve organizational adaptation through differentiated approaches that integrate workforce planning, employee redeployment, retraining initiatives, flexible employment systems, voluntary separation programs, and technological transformation management. Particular attention is devoted to the limitations of generalized downsizing strategies and the importance of aligning workforce reduction policies with broader organizational objectives, human capital sustainability, and corporate social responsibility principles. The article concludes that strategic workforce reduction represents a more adaptive, ethical, and economically sustainable approach capable of preserving organizational resilience while minimizing the destructive effects traditionally associated with mass dismissals.

Keywords: strategic workforce reduction, layoffs, downsizing, human resource management, organizational restructuring, labor market, workforce planning, employee retention, organizational sustainability, corporate strategy.

The transformation of modern economic systems has fundamentally altered the nature of organizational workforce management. Companies operating within globalized markets face continuous pressure to improve efficiency, accelerate innovation, reduce operational costs, and respond rapidly to changing economic conditions. In such an environment, workforce reduction has become one of the most frequently applied

managerial instruments for organizational adaptation. Historically, mass layoffs were often perceived as necessary responses to financial crises, declining profitability, technological disruption, or structural market changes. Nevertheless, contemporary organizational research increasingly demonstrates that traditional downsizing strategies frequently fail to achieve sustainable long - term benefits and may instead create complex organizational, economic, and social problems.

The concept of mass layoffs is traditionally associated with large - scale dismissals implemented within short periods of time to rapidly reduce labor costs. Such measures are commonly justified by managerial assumptions that workforce size directly determines organizational efficiency and financial stability. While layoffs may provide immediate budgetary relief, their long - term consequences often undermine organizational performance. Numerous studies indicate that indiscriminate workforce reductions contribute to declining employee morale, reduced organizational commitment, weakened innovation capacity, and loss of institutional expertise. Research on workforce reduction and firm performance demonstrates that layoffs frequently produce only marginal financial improvements while simultaneously generating significant strategic risks.

The emergence of strategic workforce reduction reflects a broader transformation in management philosophy. Contemporary organizations increasingly recognize that employees represent not merely operational expenses but strategic assets whose competencies, knowledge, and adaptability significantly influence organizational resilience. As a result, workforce reduction policies are gradually shifting away from purely numerical approaches toward more integrated systems of human capital management. Strategic workforce reduction emphasizes long - term organizational sustainability, competency preservation, and adaptive restructuring rather than short - term cost elimination [1].

One of the principal weaknesses of traditional mass layoffs lies in their excessive standardization. Many organizations continue to apply generalized reduction formulas without considering industry - specific conditions, organizational culture, labor market dynamics, or the strategic value of employee competencies. Such approaches often prioritize immediate financial indicators over long - term organizational development. The assumption that workforce reduction automatically improves efficiency has been increasingly challenged by empirical evidence demonstrating inconsistent or negative outcomes associated with aggressive downsizing.

The psychological consequences of mass layoffs further illustrate the limitations of conventional downsizing strategies. Workforce reductions affect not only dismissed employees but also those who remain within the organization. Employees who survive layoffs frequently experience heightened anxiety, reduced trust in management, diminished job security, and declining organizational loyalty. This phenomenon, commonly referred to as survivor syndrome, contributes to lower productivity and reduced collaboration within organizational structures. The social atmosphere generated

by repeated layoffs may weaken corporate culture and discourage employee engagement in long - term organizational goals.

The increasing importance of knowledge - intensive industries has intensified the strategic risks associated with indiscriminate layoffs. In sectors such as information technology, engineering, biotechnology, finance, and scientific research, organizational competitiveness depends heavily on specialized expertise and tacit knowledge accumulated over time. Once experienced employees are dismissed, organizations may struggle to restore lost competencies, particularly in highly competitive labor markets. Technological industries provide numerous examples of companies implementing large - scale layoffs only to subsequently face talent shortages and rising recruitment costs during periods of market recovery [2].

Recent developments in artificial intelligence and automation have renewed discussions regarding the future of workforce reduction. Many organizations have justified layoffs by arguing that digital technologies reduce the need for human labor. However, contemporary research increasingly suggests that organizations achieving the highest returns from technological transformation are not necessarily those implementing the most aggressive workforce cuts. Studies indicate that companies investing in employee retraining, operational adaptation, and human - machine collaboration often demonstrate stronger performance than firms relying primarily on dismissals. Gartner research published in 2026 emphasized that workforce reductions alone do not create sustainable organizational value and that "human - amplified" systems outperform purely labor - elimination strategies.

Strategic workforce reduction differs fundamentally from conventional layoffs because it prioritizes workforce optimization rather than simple headcount reduction. Workforce optimization involves aligning organizational competencies with evolving strategic objectives while preserving critical institutional capabilities. This approach requires detailed analysis of labor utilization, productivity patterns, technological transformation, demographic trends, and future skill requirements. Instead of treating labor as a uniform expense category, strategic workforce reduction evaluates employees according to their strategic contribution, adaptability potential, and organizational relevance.

One of the central components of strategic workforce reduction is workforce planning. Effective workforce planning enables organizations to anticipate future labor requirements and adapt gradually rather than react abruptly during crises. Predictive workforce analytics, demographic forecasting, and competency mapping allow organizations to identify emerging skill gaps, declining occupational functions, and potential restructuring needs before financial pressures become acute. Such proactive management reduces the likelihood of sudden mass layoffs and facilitates smoother organizational transitions.

Flexible employment systems constitute another essential element of strategic workforce reduction. Traditional employment models based on rigid full - time staffing structures may limit organizational adaptability during periods of economic volatility. By contrast, flexible labor arrangements such as temporary contracts, remote work systems,

project - based employment, job sharing, and reduced working - hour schemes enable organizations to adjust workforce utilization without resorting to permanent dismissals. The growing role of employment flexibility has been identified as a significant factor contributing to organizational resilience and operational responsiveness [3].

Retraining and reskilling programs also play a crucial role in strategic workforce management. Technological transformation continuously alters occupational structures and competency requirements, making some professional roles obsolete while creating new forms of employment. Organizations capable of investing in employee adaptation may preserve valuable institutional knowledge while simultaneously supporting innovation and competitiveness. Rather than dismissing workers affected by automation, companies can facilitate transitions into emerging operational areas requiring updated competencies. Such approaches strengthen employee loyalty, reduce turnover, and enhance organizational adaptability.

Internal mobility mechanisms further illustrate the advantages of strategic workforce reduction. Many organizations possess underutilized opportunities for redistributing employees across departments, functions, or projects. Internal transfers may allow firms to preserve human capital while responding to changing business priorities. Cross - functional mobility also contributes to workforce diversification and organizational learning by exposing employees to broader operational experiences.

Voluntary separation programs provide another alternative to traditional mass layoffs. Early retirement initiatives, voluntary resignation incentives, and negotiated exit agreements enable organizations to reduce workforce size while minimizing conflict and preserving organizational reputation. Such mechanisms are generally perceived as more ethical and socially responsible because they provide employees with greater autonomy in employment decisions. However, voluntary programs require careful management to prevent the unintended departure of highly valuable specialists.

The ethical dimension of workforce reduction has become increasingly significant within modern corporate governance frameworks. Contemporary organizations are evaluated not only according to financial performance but also according to environmental, social, and governance standards. Aggressive layoffs may generate criticism from investors, consumers, regulators, and local communities, particularly when organizations remain financially profitable while simultaneously dismissing large numbers of employees. Consequently, workforce reduction policies increasingly influence corporate reputation and stakeholder trust.

Corporate social responsibility principles emphasize that organizations possess obligations toward employees and society beyond short - term profitability objectives. Large - scale layoffs may contribute to unemployment, regional economic decline, social instability, and widening inequality. These consequences are especially severe in communities heavily dependent on major employers. Strategic workforce reduction therefore requires balancing economic efficiency with social sustainability [4].

The legal environment surrounding workforce reduction further complicates organizational decision - making. Employment protection regulations, collective

bargaining agreements, severance obligations, and anti - discrimination laws vary considerably across jurisdictions. Multinational corporations implementing workforce reductions across different countries must therefore adapt their strategies to diverse legal and institutional frameworks. Failure to comply with labor regulations may result in litigation, financial penalties, and reputational damage.

Sectoral diversity also necessitates differentiated approaches to workforce reduction. Manufacturing industries experiencing cyclical demand fluctuations may require different workforce strategies than technology firms confronting rapid innovation cycles or healthcare institutions managing chronic labor shortages. A universal downsizing model cannot adequately address the complexity of sector - specific operational conditions. Strategic workforce reduction therefore requires contextual analysis rather than generalized cost - cutting formulas.

The experience of the global technology sector during the early 2020s provides important insights into evolving workforce management practices. Numerous technology companies implemented substantial layoffs in response to declining investment flows, inflationary pressures, and post - pandemic market corrections. However, subsequent analysis revealed that many organizations simultaneously increased investment in artificial intelligence, workforce restructuring, and operational redesign rather than simply reducing labor costs. The restructuring of major technology firms demonstrated a transition toward leaner but more strategically aligned workforce models.

At the same time, growing criticism emerged regarding the effectiveness of repeated layoffs within technology industries. Employees and analysts increasingly questioned whether workforce reductions represented genuine strategic necessity or short - term investor appeasement. Public discussions on employment instability highlighted concerns regarding organizational trust, leadership accountability, and the long - term sustainability of aggressive restructuring strategies. Online professional communities frequently criticized workforce reduction processes perceived as chaotic, poorly planned, or disconnected from coherent organizational strategy [5].

Strategic workforce reduction also requires reconsideration of leadership responsibilities during organizational restructuring. Leadership behavior significantly influences employee perceptions of fairness, trust, and legitimacy during periods of uncertainty. Managers who approach layoffs exclusively as technical cost - reduction exercises may intensify organizational fragmentation and psychological stress. By contrast, transparent communication, empathetic leadership, and participatory decision - making processes may mitigate negative organizational consequences.

Communication strategies are particularly important during workforce transitions. Employees frequently experience heightened anxiety when organizational decisions appear opaque or inconsistent. Clear explanation of restructuring objectives, decision criteria, and support mechanisms contributes to maintaining organizational legitimacy and reducing resistance. Effective communication also helps preserve morale among remaining employees and reduces reputational damage in external labor markets.

The financial implications of workforce reduction are often more complex than traditional managerial models suggest. While layoffs reduce immediate salary expenditures, they may simultaneously generate hidden costs including severance payments, legal expenses, recruitment costs, retraining expenditures, productivity losses, and reputational damage. Organizations engaging in repeated cycles of layoffs and rehiring may ultimately experience higher long - term labor costs than companies emphasizing workforce stability and adaptive restructuring.

The concept of rightsizing has emerged as an alternative to traditional downsizing approaches. Rightsizing focuses on aligning workforce structures with operational requirements through detailed workload analysis rather than arbitrary headcount targets. Research in infrastructure management and transportation systems demonstrates that workforce allocation models based on operational data may improve efficiency while minimizing unnecessary dismissals. Rightsizing therefore represents a more analytical and context - sensitive approach to workforce optimization [6].

Demographic trends additionally influence the future of workforce reduction strategies. Aging populations in many developed economies contribute to labor shortages and intensify competition for skilled professionals. Under such conditions, aggressive layoffs may weaken organizational capacity to respond to future labor market constraints. Companies dismissing experienced employees may later encounter difficulties replacing institutional expertise, particularly in highly specialized sectors.

The integration of artificial intelligence into workforce planning further expands the possibilities for strategic labor management. Predictive analytics systems enable organizations to identify emerging skill requirements, forecast labor demand fluctuations, and simulate restructuring scenarios before crises occur. Such technologies may support more precise and adaptive workforce strategies that minimize social disruption while improving operational efficiency. Nevertheless, excessive reliance on algorithmic decision - making also raises ethical concerns related to transparency, fairness, and bias.

The future of workforce management will likely depend increasingly on organizational resilience rather than purely financial efficiency. Resilient organizations prioritize adaptability, employee development, collaborative culture, and strategic flexibility. Rather than treating workforce reduction as an isolated financial measure, resilient organizations integrate labor management into broader long - term sustainability strategies.

Educational institutions, governments, and labor market regulators also play important roles in facilitating strategic workforce transitions. Public investment in lifelong learning systems, vocational retraining, and labor mobility programs may reduce the social costs associated with economic restructuring. Collaboration between employers, educational institutions, and policymakers is therefore essential for supporting workforce adaptation in technologically dynamic economies.

The transformation of workforce reduction strategies ultimately reflects broader changes in organizational theory and economic governance. Traditional management models emphasizing rigid hierarchies and short - term shareholder value are increasingly challenged by approaches prioritizing stakeholder engagement, sustainability, and human

capital development. Strategic workforce reduction aligns with these emerging paradigms by recognizing employees as contributors to organizational resilience rather than merely variable expenses.

In conclusion, the transition beyond mass layoffs toward strategic workforce reduction represents a necessary evolution in contemporary organizational management. Traditional downsizing approaches frequently generate negative financial, operational, psychological, and reputational consequences that undermine long - term organizational sustainability. By contrast, strategic workforce reduction emphasizes adaptive restructuring, workforce planning, employee development, flexible employment systems, and socially responsible management practices. The growing complexity of global labor markets, technological transformation, and demographic change requires organizations to adopt differentiated and context - sensitive approaches rather than relying on generalized dismissal mechanisms. Effective workforce reduction strategies must therefore balance economic efficiency with human sustainability, organizational resilience, and ethical responsibility. Companies capable of integrating these dimensions into workforce management will likely demonstrate greater competitiveness and stability within increasingly uncertain economic environments.

References

1. Cascio W. F. Responsible restructuring: creative and profitable alternatives to layoffs. – San Francisco: Berrett - Koehler Publishers, 2002. – 218 p.

2. Gandolfi F. Organizational downsizing: a review of two decades of a strategic phenomenon // Sasin Journal of Management. – 2010. – Vol. 16. – No. 1. – P. 85–108.

3. Gandolfi F., Hansson M. Causes and consequences of downsizing: towards an integrative framework // Journal of Management & Organization. – 2011. – Vol. 17. – No. 4. – P. 498–521.

4. Reynaud B. Workforce reduction and firm performance: evidence from French firm data (1994–2000) // Socio - Economic Review. – 2013. – Vol. 11. – No. 4. – P. 711–737.

5. Tomasko R. M. Downsizing: layoffs and alternatives to layoffs // Compensation & Benefits Review. – 1991. – Vol. 23. – No. 4. – P. 19–32.

6. Wayne F. C. Strategies for responsible restructuring // Academy of Management Executive. – 2002. – Vol. 16. – No. 3. – P. 80–91.

© Chen Yongxin, 2026

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

ART HISTORY

Мартынова А. В.
Магистр искуствоведческих наук,
докторант 3 курса
кафедры струнных инструментов
Казахской национальной
консерватории им. Курмангазы,
г. Алматы, Казахстан
Научный руководитель: Шапилов В. А.
Кандидат искусствоведения,
доцент кафедры музыковедения и композиции,
Казахской национальной
консерватории им. Курмангазы,
г. Алматы, Казахстан

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация

Специфика функций искусства является одним из основных предметов в исследованиях по эстетике. В художественной деятельности определяются эстетическая, социальная и коммуникативная группы функций, а также группы, имеющие пограничное значение, которые реализуются в исполнительской деятельности, но обладают своей спецификой.

Методология обусловлена особенностями исследования функций исполнительской интерпретации музыки. Теоретической основой послужили работы отечественных и зарубежных музыковедов и философов, посвященные вопросам эстетики искусства, философии, коммуникативной организации исполнительской деятельности. Используются методы сравнительного анализа, типологического изучения и герменевтики.

В данной статье в исполнительской интерпретации определяются три основных (структурная, семантическая и коммуникативная) и шесть производных (эстетико - ориентирующая, познавательно - просветительская, самоопределяющая, критическая, стимулирующая и психологическая) функций. Рассматривается работа функций интерпретации в ракурсе трех групп функций искусства и их реализация в философских категориях. На примере классов категорий Иммануила Канта выявляется взаимозависимость интерпретации и нотного текста, ее компетентность и правомерность, а также обуславливаемое производными функциями влияние на критическую реакцию слушательской аудитории, эмоциональное сопереживание, создание эстетического, мировоззренческого и идентификационного воздействия исполнительской интерпретации.

Основные функции интерпретации (структурная, семантическая и коммуникативная) направлены на создание коммуникативного акта между

исполнителем и слушателем с целью выражения авторского замысла, заложенного в структуре и содержании исполняемого произведения. Дополнительные функции интерпретации являются производными от трех основных функций и в большей степени коррелируют с основными функциями искусства, определяемыми в эстетике.

Ключевые слова

Функции искусства, исполнительская интерпретация музыки, основные функции интерпретации, структурная функция, семантическая функция, коммуникативная функция, производные функции интерпретации.

Martynova A. V.
Master of Arts,
3d year Doctoral Student,
String Instruments Department,
Kurmangazy Kazakh National Conservatory,
Almaty, Kazakhstan
Scientific supervisor: Shapilov V. A.
Candidate of Arts,
Associate Professor,
Musicology and Composition Department,
Kurmangazy Kazakh National Conservatory,
Almaty, Kazakhstan

ARTISTIC FUNCTIONS OF INTERPRETATION IN PERFORMING ACTIVITY

Annotation

The specificity of art functions is one of the main subjects in aesthetics research. In artistic activity, aesthetic, social and communicative groups of functions are determined, as well as groups of borderline significance, which are also implemented in performing activities, as well as having their own specificity. While the aesthetic group prevails in art as a whole, in performing interpretation the leading position is occupied by the communicative group of functions.

The methodology is determined by the peculiarities of music performing interpretation functions study. The theoretical basis is the works of domestic and foreign musicologists and philosophers devoted to the art aesthetics issues, philosophy, communicative organization of performing activities. The methods of comparative analysis, typological study and hermeneutics are used.

In this article, in performing interpretation three main (structural, semantic and communicative) and six derivative (aesthetic - orienting, cognitive - educational, self - determining, critical, stimulating and psychological) functions are determined. Interpretation functions is considered in the context of three groups of art functions and

their implementation in philosophical categories. In Immanuel Kant's categorical basis, the interdependence of interpretation and musical text, its competence and legitimacy, as well as the different interpretation impact, determined by derivative functions, is revealed. The main interpretation functions (structural, semantic and communicative) are aimed at formation a communicative act between the performer and the listener in order to express the author's intention, embedded in the structure and content of the work performed. Additional functions of interpretation are the three main functions derivatives and correlate to a greater extent with the main functions of art, defined in aesthetics.

Keywords

Art functions, music performing interpretation, basic functions of interpretation, structural function, semantic function, communicative function, derivative functions of interpretation.

Введение

Искусство в целом, как и музыкальное искусство, обладает специфическим функциональным потенциалом, подробно описанным в работах по эстетике Моисея Кагана [3, с. 305 - 315], Юрия Борева [1, с. 154 - 167], Виктора Бычкова [2, с. 206 - 226] и др. Обобщая классификации этих исследователей можно определить три основных группы функций искусства:

в **эстетической** группе реализуется формирование представлений человека о прекрасном в ориентации на идеалы искусства;

социальная группа предполагает побуждение человека на определенное поведение через преобразование образа мысли;

коммуникативная группа ориентирована на взаимодействие человека с искусством и его приобщение к формам и состоянию искусства в определенный период времени.

В **эстетической** группе объединяются функции *развития эстетического сознания*, *изображения* и *преображения природы* (М. С. Каган), *эстетическая* в аспекте *формирования художественных вкусов* (Ю. Б. Борев), *эстетическая* (В. В. Бычков).

В **социальной** группе представлены функции *духовного самоопределения человека*, *социально - организационная* (М. С. Каган), *преобразующая через включение человека в ценностно ориентированную деятельность*, *через преобразование в процессе художественного творчества с помощью воображения*, *через обработку строительного материала образа*, *компенсаторная* в аспектах *утешения* и *духовного равновесия*, *внушающая* (Ю. Б. Борев), *политическая*, *идеологическая*, *социальная*, *психологическая*, и *религиозная* (В. В. Бычков).

Коммуникативные функции – *самосознания и кодификации культуры* (М. С. Каган), *познавательно - эвристическая*, *художественно - концептуальная*, *предвосхищения*, собственно *коммуникативная*, *информационная* (Ю. Б. Борев), *коммуникативная*, *компенсаторная*, *развлекательная*, *репрезентативная*, *семиотическая* и *познавательная* (В. В. Бычков).

Также большое значение имеют функции, имеющие пограничное положение между основными группами.

В сфере взаимодействия **эстетической** и **социальной** групп, это – функции *очеловечивания человека* (М. С. Каган), *преобразующая через идейно - эстетическое воздействие*, *эстетическая* функция в аспектах *ценностного ориентирования человека в мире* и *пробуждения творческого духа личности* (Ю. Б. Борев), *нравственно - этическая* (В. В. Бычков), *сакрально - культовая* (В. В. Бычков).

Функции, объединяющие **коммуникативные** и **социальные** признаки – *расширения реального жизненного опыта человека* (М. С. Каган), *воспитательная* (Ю. Б. Борев).

Функции, сочетающие признаки **коммуникативной** и **эстетической** групп: *компенсаторная* в *гедонистическом развлекательном* аспекте, собственно *гедонистическая* (Ю. Б. Борев).

Функции, находящиеся в сфере взаимодействия всех трех групп (**эстетической**, **социальной** и **коммуникативной**): *регулирования собственного развития искусства* (М. С. Каган), *ориентированности всей практики искусства на человека* (Ю. Б. Борев).

Соотношение основных групп функций искусства отражено в рисунке 1 (см. рис. 1).

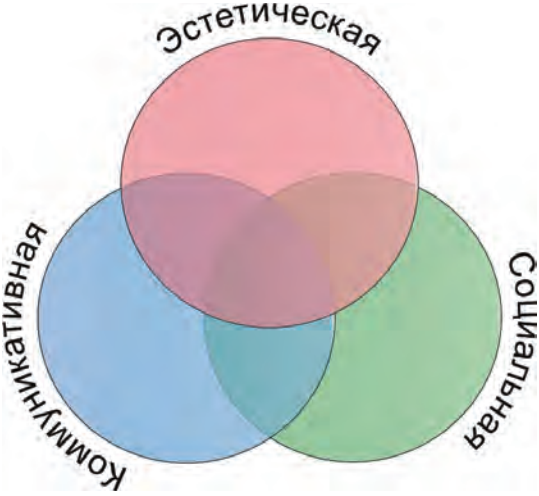

Рис. 1. Основные группы функций искусства.
Источник: разработано автором

Методы

Теоретической основой послужили работы отечественных и зарубежных музыковедов, посвященные вопросам эстетики искусства, коммуникативной

организации исполнительской деятельности и философии. Использовались методы сравнительного анализа, типологического изучения и герменевтики.

Результаты исследования

Художественные функции интерпретации соотносятся с функциями искусства, но в большей степени определяются с учетом исполнительской специфики. Поскольку основной задачей исполнительской деятельности выступает интерпретация музыкального произведения, находящегося в центре процесса художественной коммуникации, основное внимание его участников направлено на раскрытие и восприятие содержания и формы исполняемого произведения. В отличии от литературы и изобразительного искусства, содержание музыки не обладает понятийной конкретностью и изобразительной наглядностью. Поэтому в процессе анализа музыкального произведения особое значение приобретает форма, в которой содержание воплощается. Наглядное выражение форма музыкального произведения получает в нотном тексте[1], работа с которым выступает необходимым начальным этапом исполнительской деятельности, в процессе которого постигается внутренняя логика построения музыкальной речи по принципу связи частей и целого[2]. Структурное единство музыкального произведения предполагает на начальном этапе изучение композиционного уровня на основе обобщения элементов фонического и синтаксического уровней, то есть в индуктивном направлении от частного к общему. На этапе конечного исполнения приоритетную значимость приобретает противоположный дедуктивный процесс – осмысление частных элементов языка с позиции понимания общей формы сочинения, отраженной в тексте. В этой деятельности реализуется *структурная функция* интерпретации, направленная на изучение логики построения музыкальной композиции с целью выявления ее целостности, проявляющейся в специфически исполнительском «чувстве формы».

Если в исполнительской деятельности структурная функция реализуется как в индуктивном, так и в дедуктивном направлениях, в творчестве композитора преобладает дедуктивный метод работы с текстом, то есть, исходя из общей концепции, осуществляется организация частных элементов. Слушательская деятельность напротив предполагает восприятие целого посредством последовательного усвоения отдельных частных структур музыкального текста, то есть в индуктивном направлении. В практике исполнителя оба этих процесса – индуктивный и дедуктивный – объединяются: на этапе разучивания текста исполнитель, осваивая частные структурные компоненты, составляет представление о целостной композиции, в соответствии с которой при исполнении организуются части целого. Объединение структурной индукции и дедукции в

[1] В исследованиях по вопросам интерпретации, в большей степени относящихся к изучению музыки XX–XXI веков, часто высказывается идея, что музыкальная форма не ограничивается исключительно рамками партитуры, а «конституируется преимущественно в звуковом исполнении» [10], чем обуславливается *структурная функция* интерпретации.

[2] В соответствии с концепцией Фридриха Шлейермахера обоснование принципа «герменевтического круга» представлено следующим образом: целое понимается из частей, а части из целого [9, с. 29].

интерпретации позволяет исполнителю осуществлять роль посредника в акте коммуникативного общения между композитором и слушателем.

Семантическая функция проявляется в донесении художественного смысла исполняемого произведения, в информативности интерпретаторской деятельности. Содержание организуется в соответствии с концепцией музыкального произведения, которая имеет аксиологическую, ценностную направленность, заключающуюся в передаче мировоззренческих смыслов, выражаемых автором. Исполнитель посредством интерпретации формирует свое отношение к миру, определенным образом, позиционируясь в нем, тем самым накладывая отпечаток субъективности на вариант исполнения. Исполнитель, выступающий посредником между текстом и слушателем, в рамках данной функции, участвует в процессе, который состоит из двух последовательных этапов. Первый этап заключается в выявлении образного содержания и поиске авторского замысла сочинения, второй – в построении соответствующей исполнительской концепции и определении необходимых средств выражения этой концепции.

Реализация структурной и семантических функций интерпретации направлена на художественное общение и воздействие на слушательское восприятие, проявляющихся в *коммуникативной функции*. Данная функция демонстрирует центральное положение исполнителя, выступающего как от лица автора, так и исполняющего роли режиссера, актера и, одновременно, слушателя. В соответствии с положениями Вячеслава Медушевского, способы коммуникативной организации музыкального материала обладают, в первом случае, средствами, направленными на «облегчение процессов распознавания, ориентировки, запоминания» [7, с. 124] элементов музыкального произведения, а во втором случае – активизируют перцептивные и мыслительные процессы, путем оттягивания, нарушения композиционных ожиданий как «разрыв между исходно данным и желаемым» [7, с. 136]. Упорядоченность и рациональность первой, кларитивной (поясняющей) функции коммуникативных приемов в большей степени проявляется на примере музыки классического периода, а «рассогласование» данного и ожидаемого во второй, эвристической (В. В. Медушевский) функции наиболее ярко соотносится с произведениями периода романтизма.

Основные функции интерпретации направлены на создание коммуникативного акта между исполнителем и слушателем с целью выражения художественного содержания в оптимальной для него форме в соответствии с авторским замыслом. Вне проявления этих основных функций (структурной, семантической и коммуникативной) невозможна исполнительская деятельность. Дополнительные функции интерпретации являются производными от трех основных функций и в большей степени коррелируют с определяемыми в эстетике основными функциями искусства:

эстетико - ориентирующая направлена на создание гедонистического эффекта и формирование художественных вкусов слушательской аудитории;

познавательно - просветительская функция воздействует на определенное представление слушателя о картине мира, мировоззрении автора, об исторической эпохе, композиторском стиле и т. д.;

самоопределяющая функция ориентирована на идентификацию интерпретации, ее аутентичности – характеристику данного исполнения в сравнении с другими (например, сентиментальное или строгое, эмоциональное или рациональное), а также формирует представление об исполнительском стиле, концепции, мировоззрении интерпретатора. Например, в следующих высказываниях: игре Гаухар Мурзабековой «свойственна щедрая эмоциональность, открытость высказывания, лиричность, легкость в выражении музыкальной характеристики». В национальном стиле Марата Бисенгалиева «подчеркивается необходимость органичного соединения казахских и общеевропейских черт» [6, с. 42];

критическая функция вызывает возникновение положительных и отрицательных мнений слушательской аудитории, и, таким образом, создает определенную позицию относительно конкретного исполнения (например, достойно ли данное исполнение стать эталоном);

стимулирующая функция интерпретации заключается в мотивирующем воздействии исполнения (например, яркое выступление может вдохновить слушателя на интенсивные занятия музыкой, стать причиной выбора профессии, ее смены, формирования общественно - политической позиции и др.);

психологическая функция формирует определенное состояние вовлеченности, углубленное эмоциональное сопереживание и рекреационный эффект, выступающие в качестве реакции на художественную выразительность музыки.

Художественные функции интерпретации представлены в рисунке 2 (см. рис. 2).

Рис. 2. Функции интерпретации.
Источник: разработано автором

Аналогично функциям искусства, функции интерпретации могут быть представлены как в ракурсе трех групп функций искусства (**эстетической**, **коммуникативной** и **социальной)**, так и в группах функций, имеющих пограничное положение между основными группами. Необходимо отметить, что, в силу специфики исполнительского искусства, направленного на художественное

общение автора, исполнителя и слушателя, **коммуникативная** группа имеет преобладающее положение, тогда как в искусстве в целом ведущее положение занимает **эстетическая** группа, которая в аспекте интерпретации проявляется во взаимодействии с другими группами. Так, *эстетико - ориентирующая* функция одновременно рассматривается в двух аспектах: *гедонистическом* и в аспекте *формирования художественных вкусов*, с чем связано ее пограничное положение между **коммуникативной** и **эстетической** группами. В интерпретации *познавательно - просветительская* (подобно функциям *познавательно - эвристической* и *художественно - концептуальной* – Ю. Б. Борев), и *самоопределяющая* (как функции *самосознания* и *кодификации культуры* – М. С. Каган) относятся к **коммуникативной** группе. *Критическая* функция (как функция *регулирования собственного развития искусства* – М. С. Каган) объединяет признаки всех трех групп – **эстетической**, **коммуникативной** и **социальной**. Основываясь на эстетических взглядах эпохи, полученных через взаимодействие с искусством, формируется определенное мнение или позиция публики, в некоторой степени, воздействующая на дальнейшее его развитие. *Стимулирующая* функция интерпретации (как и *преобразующая через включение человека в ценностно ориентированную деятельность* – Ю. Б. Борев, или *идеологическая* – В. В. Бычков) воздействует на человека, определяя его поведение, чем обусловлено ее положение в **социальной** группе. К данной группе также относится *психологическая* функция, которой присуще эмоциональное сопереживание (подобно функциям *духовного самоопределения человека* – М. С. Каган, *преобразующей с помощью воображения* – Ю. Б. Борев), формирующее определенное состояние и образ мысли человека.

Соотношение функций интерпретации и групп функций искусства представлено в рисунке 3 (см. рис. 3).

Рис. 3. Расположение функций интерпретации в группах функций искусства.
Источник: разработано автором

В силу смысловой подвижности компонентов структурно - семантического фактора и субъективно - объективной обусловленности коммуникативного фактора, интерпретация допускает диапазон возможных вариантов трактовки элементов музыкального языка и их комбинаций. «Неустранимая множественность» [8, с. 10] является определяющим и неотъемлемым свойством исполнительской интерпретации, поскольку каждый элемент музыкального языка подразумевает широкое семантическое поле и, посредством разнообразного смыслового наполнения, является полисемичным.

Для обоснования новых смыслов функций интерпретации целесообразно обратиться к их реализации в философских категориях, в частности, предложенных в немецкой философии XVIII века Иммануилом Кантом. В соответствии с философией И. Канта структурная, семантическая и коммуникативная функции интерпретации реализуется в классе категорий[3] «Отношения». Категории данного класса (*Присущность* и *Самостоятельное существование, Причинность* и *Зависимость, Общение*) выявляют взаимозависимость интерпретации и нотного текста, так как самостоятельное существование текста, в отличии от интерпретации, возможно, но лишено потенциала трансляции содержательного поля и формы музыкального произведения. Следовательно принадлежность (*Присущность*) интерпретации тексту и его зависимое положение (*Зависимость*) от интерпретации, воздействию которой он подвергается, то есть обоюдное взаимодействие (*Общение*), принадлежат к необходимым условиям работы основных функций интерпретации.

Класс категорий «Модальности» (*Возможность – Невозможность, Существование – Несуществование, Необходимость – Случайность*) выявляется во всех функциях интерпретации, однако наиболее показательно рассмотреть данные категории на примерах эстетико - ориентирующей, познавательно - просветительской[4] и стимулирующей функций. *Возможность* и *Невозможность* создания эстетического, мировоззренческого и идентификационного воздействия интерпретации – вопрос, касающийся средств музыкальной выразительности и исполнительской компетентности. То же относится к *Существованию* и *Несуществованию* такого воздействия интерпретации. Однако, *Необходимость* работы данных функций

[3] Количества (Единство, Множественность, Целокупность), Качества (Реальность, Отрицание, Ограничение), Отношения (Присущность и самостоятельное существование, Причинность и зависимость, Общение (взаимодействие между действующим и подвергающимся воздействию)), Модальности (Возможность – невозможность, Существование – несуществование, Необходимость – случайность). Третья категория в каждом классе образуется при соединении первой и второй. Эти категории представляют собой первоначально чистые понятия суждения, которые априорно содержатся в рассудке, и именно посредством которых осуществляется процесс суждения. Благодаря им рассудок является чистым [4, с. 175].

[4] В соответствии с мыслью Карла Фридриха Цельтера, на концепцию которого, в свою очередь, повлияли идеи Иммануила Канта, образовательное воздействие музыки «способствует нравственному совершенствованию» [5, с. 14], в данном случае, проявляющемуся в *познавательно - просветительской функции*.

оправдывает само существование интерпретации, а *Случайность* обуславливается непреднамеренным воздействием.

Работа критической функции осуществляется в категориях класса «Качества» (*Реальность, Отрицание, Ограничение*). На существующую интерпретацию (*Реальность*) появляется определенная реакция слушательской аудитории, и, в силу ее субъективности, возможно возникновение непринятия представленного варианта прочтения (*Отрицание*), что обуславливает наличие правил правомерности интерпретации (*Ограничение*).

Психологическая функция выражается в классе категорий «Количества» (*Единство, Множественность, Целокупность*). Обособленное от внешнего восприятия эмоциональное состояние исполнителя во время выступления (*Единство*), объединяясь с сопереживанием слушателя художественной выразительности музыкального произведения, образует коллективную психологическую реакцию (*Множественность*). Множество подобных реакций, рассматриваемых разобщенно, демонстрирует воплощение дедуктивного принципа (*Целокупность*) [5, с. 175].

Заключение

Таким образом, исполнительская интерпретация обеспечивает работу трех основных функций – структурной, семантической и коммуникативной, и шести производных – эстетико - ориентирующей, познавательно - просветительской, самоопределяющей, критической, стимулирующей и психологической. В силу специфики исполнительского искусства расположение художественных функций интерпретации в трех группах функций искусства (эстетической, социальной и коммуникативной) указывает на преобладающее значение коммуникативной группы, в отличии от искусства в целом, в котором ведущее положение занимает эстетическая группа. Дополнительные аспекты интерпретации, такие как: взаимозависимость текста и интерпретации, ее компетентность и правомерность, и другие особенности взаимодействия исполнителя и слушателя, показательны в соотнесении функций интерпретации с философскими категориями Количества, Качества, Отношения и Модальности.

Список использованной литературы

1. Борев Ю. Б. Эстетика: Учебник / Ю. Б. Борев. – М.: Высшая школа, 2002. – 511 с.
2. Бычков В. В. Эстетика: учебник / В. В. Бычков. – М.: КНОРУС, 2012. – 528 с.
3. Каган М. С. Эстетика как философская наука: Унив. курс лекций. – СПб. гос. ун - т., Акад. гуманитар. наук. – СПб.: ТК Петрополис, 1997. – 543 с.
4. Кант И. Сочинения в шести томах. – Т. 3. – Москва: Мысль, 1964. – 799 с.
5. Кузнецова И. «Влияние идей Иммануила Канта на концепцию музыкального воспитания К. Ф. Цельтера». // Музыкальное искусство и образование. – т. 12, № 1, 2024. DOI: 10.31862 / 2309 1428 - 2024 - 12 - 1 - 9 - 17.

6. Махмуд Д. Е. Национальные стилевые признаки в струнно - смычковом исполнительстве Казахстана / национальный стиль в исполнительском искусстве: материалы международной научно - практической конференции / ред. Г. З. Бегембетова, Я. С. Максимчева. – Алматы: КНК им. Курмангазы, 2020. – С. 40 - 45.

7. Медушевский В. В. О закономерностях и средствах художественного воздействия музыки – Москва: Музыка, 1976. – 253 с.

8. Николаева, А. И. Интерпретация музыки в контексте герменевтики: учебное пособие / А. И. Николаева. – Москва: ГУ Типография МПГУ, 2017. – 78 с.

9. Шлейермахер Ф. Герменевтика. – СПб.: Европейский Дом, 2004. – 242 с.

10. Utz, Christian; Glaser, Thomas. "Shaping Form: Performances as Analyses of Cyclic Macroform in Arnold Schoenberg's Sechskleine Klavierstücke, op. 19 (1911), in the Recordings of Eduard Steuermann and Other Pianists." // Journal of the Society for Music Theory. – vol. 26, no. 4, 2020. DOI: 10.30535 / mto.26.4.9.

© Мартынова А. В., 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАУКИ

Хомутов К. А.
АТЛАСНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЕБ - КАРТОГРАФИРОВАНИЯ И ПРОСТРАНСТВЕННОГО АНАЛИЗА 5

ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ахмадуллина Э.И.
ГЕОДЕЗИЧЕСКИЕ НА ТОРЕ 10

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

Иванов О. В., Медведева Н. Н.
ОСОБЕННОСТИ СТРОЕНИЯ ЗАТЫЛОЧНЫХ КОСТЕЙ У МУЖЧИН 13

Мелехова В.Ю., Дорофеев А.Е.
РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ НУЖДАЕМОСТИ В КОМПЛЕКСНОЙ ЗУБОЧЕЛЮСТНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ СРЕДИ ПАЦИЕНТОВ СТОМАТОЛОГИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ 18

Тихонова К. Д., Матвиенко Э. Р., Жуков А. С.
РАСТИТЕЛЬНАЯ ТЕРАПИЯ СТОМАТОЛОГИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ В ПОЛОСТИ РТА 22

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Акулова Е.В.
ПРИМЕНЕНИЕ ВИЗУАЛЬНЫХ РАСПИСАНИЙ В РАБОТЕ С ДЕТЬМИ С РАССТРОЙСТВОМ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА 28

Алиева А.И.
ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА УРОКАХ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ 29

Данильченко А.И.
ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИРТУАЛЬНЫХ ЭКСКУРСИЙ И ОБУЧАЮЩИХ ПРИЛОЖЕНИЙ В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ: ОПЫТНО - ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ 33

Жданов З.Е.
САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО ПРЕДМЕТУ «ИНФОРМАТИКА» В ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЕ КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННО - ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ 35

Исмаилова У.А.
ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СПОСОБ ВОСПИТАНИЯ ЛЮБВИ К РОДНОМУ КРАЮ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ) 37

Костьянов А.В.
ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА: ПОТЕНЦИАЛ И РИСКИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ИНФОРМАЦИОННОМУ ОБЩЕСТВУ 39

Мамеева Э. М.
ТЕАТР КАК СРЕДСТВО ЭМОЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА 45

Попутников С.С.
НЕЙРООРИЕНТИРОВАННЫЕ КОНТРОЛЬНО - ИЗМЕРИТЕЛЬНЫЕ МЕТОДЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ 47

Шабанова Д. Э.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ КОРРЕКЦИИ НАРУШЕНИЙ ЧТЕНИЯ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ 51

Шайхутдинова М.В.
ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ ОСНОВ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ У ДОШКОЛЬНИКОВ ПОСРЕДСТВОМ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 54

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Азизова Д.А.
ВЛИЯНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ НА ПРОЦЕСС АДАПТАЦИИ К УСЛОВИЯМ ОБУЧЕНИЯ В ШКОЛЕ 59

Безбородых И.А.
РАБОЧАЯ ПАМЯТЬ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО И МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА (6 - 7 ЛЕТ) 62

Гарипова Э.Р.
СВЕТ КАК ТЕОРИЯ ДИАЛОГА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРИРОДА СВЕТОВОГО ДИЗАЙНА ГОРОДА 65

Довбня И.Д.
ОБЗОР ПОДХОДОВ К ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО - ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ПО РАЗВИТИЮ МОТИВАЦИИ ДОСТИЖЕНИЯ В СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОМАНДНЫХ ВИДАХ СПОРТА 71

Жуматдинова А. Р.
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ РОДИТЕЛЬСКОЙ МОДЕЛИ БРАКА НА ВЫБОР ПАРТНЁРА И СТИЛЬ ОТНОШЕНИЙ У ДЕТЕЙ 76

Савина В.А.
СПЕЦИФИКА КОНФЛИКТНОГО ПОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА 83

Саликов В. В., Риндевич В. М.
ПРЕДСОРЕВНОВАТЕЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ СТУДЕНТОВ ВОЛЕЙБОЛИСТОВ 88

Швацкий А.Ю.
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ
МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ 92

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Великая М.И.
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРВОИСТОЧНИК СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЖАНРА МЮЗИКЛ:
МЕТОДОЛОГИЯ «НОВОЙ НАУКИ»
НА ПРИМЕРЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РОМАНА В. ГЮГО
В МИРОВОЙ МУЗЫКАЛЬНО - ТЕАТРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ 96

Витт А.А.
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ НАЦИОНАЛЬНО - КУЛЬТУРНОГО
СВОЕОБРАЗИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ АМЕРИКАНСКОГО СЛЕНГА
В СЕРИАЛЕ «РАССКАЗ СЛУЖАНКИ» 98

Клименко М. А.
ИСКАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО КОДА:
ПРОБЛЕМА МАШИННОГО ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
(на примере поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души») 102

Нагаев М.В.
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА:
ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ТИПОЛОГИИ И ФУНКЦИИ 106

Нагаев М.В.
ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ПЕРЕДАЧИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ
ВКЛЮЧЕНИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ 116

Перзашкевич А.О.
ВЛИЯНИЕ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ
1917 - 1918 ГГ. НА ТЕКСТ РОМАНА
Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА» 121

Полуйко И.В.
ЭВРИКА ПРОТИВ АЛГОРИТМА: ПОЧЕМУ ИНТУИЦИЯ
И ВООБРАЖЕНИЕ ОСТАЮТСЯ МОНОПОЛИЙ ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ ИИ 128

Пыхтина И. Ю.
ОБРАЗ АВТОРА В ПРОИЗВЕДЕНИИ
К. Г. ПАУСТОВСКОГО «ПОВЕСТЬ О ЛЕСАХ» 131

Святовец А. И.
ЛИСА В ЯПОНСКОЙ МИФОЛОГИИ 134

Шевчун М. С.
ЭВОЛЮЦИЯ готического НАПРАВЛЕНИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ 137

Шилова Е. С.
РЕАЛИЗАЦИЯ РЕЧЕВЫХ СТРАТЕГИЙ
В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ 140

ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Хейфец Е.В.
ОПТИМИЗАЦИЯ СОСТАВА И ТЕХНОЛОГИИ ПРОИЗВОДСТВА
ЦЕФАКЛОР - СОДЕРЖАЩИХ КАПСУЛ:
ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ФОРМУЛ
В СРАВНЕНИИ С РЫНОЧНЫМ АНАЛОГОМ 143

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ведерников А. В.
СИМВОЛИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ
В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ МЕМОРИАЛИЗАЦИИ 150

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Антипаева А.И.
ОСНОВНАЯ РЕЗУЛЬТАТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ
В ПРОЕКТИРУЕМОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ
МОНИТОРИНГА ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ДЕФЕКТОВ 155

Бычков Д.Д.
МОДЕЛИРОВАНИЕ ИНТЕРАКТИВНОЙ VR / AR - СРЕДЫ В UNITY
ДЛЯ УЧЕБНОГО ТРЕНАЖЕРА 157

Бычков Д.Д., Кудзиев Ш.Д.
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ИНСТРУМЕНТОВ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ
ДЛЯ КЛАССИФИКАЦИИ ТАБЛИЧНЫХ ДАННЫХ 160

Варанкина Г.С., Партенадзе С.Г.
ПОЛУЧЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ ПОВЫШЕННОЙ ОГНЕСТОЙКОСТИ 165

Васюк Е.М.
ПРОЕКТИРОВАНИЕ BACKEND - КОНТУРА НА GO
ДЛЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ОБРАБОТКИ ДОКУМЕНТОВ
В ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМАХ 170

Васюк Е.М.
АЛГОРИТМИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ГЕНЕРАЦИИ, ОЦЕНКЕ
И ОБРАБОТКЕ МЕДИЦИНСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В СИСТЕМАХ
С РУЧНОЙ ФИКСАЦИЕЙ РЕЗУЛЬТАТОВ 173

Васюк Е.М., Скляднев Г.С.
ОСНОВЫ СЕТЕВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В ПРОЕКТИРОВАНИИ СИСТЕМ 176

Васюк Е.М.
ПРОЕКТИРОВАНИЕ КОНТУРА ДЛЯ АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ СБОРКИ
И РАЗВЕРТЫВАНИЯ ПРИЛОЖЕНИЙ 178

Гусев Е.В.
МОДЕЛЬ ПРОЕКТИРУЕМОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ
ПОДДЕРЖКИ ТРЕНИРОВОЧНОГО ПРОЦЕССА КЛИЕНТОВ 180

Ильичев М.Ю.
МОДЕЛИРОВАНИЕ БИЗНЕС - ПРОЦЕССА
«ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ УСЛУГИ АРЕНДЫ АВТО С ВОДИТЕЛЕМ» 183

БОБРОВ С.Н., КАСАТКИН И.А., АШИН И.В., СИЛЮТА А.Г.
МЕТОДИКА РАСЧЕТА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕМПЕРАТУРНЫХ ПОЛЕЙ
НА ОСНОВЕ РЕШЕНИЯ НЕСТАЦИОНАРНОГО УРАВНЕНИЯ
ДВУМЕРНОЙ ТЕПЛОПРОВОДНОСТИ 185

Крянин И.В.
ОЦЕНИВАНИЕ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ
ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПРОДУКЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ:
МЕТОДОЛОГИЯ, МОДЕЛИ
И ПРОБЛЕМЫ ОБЪЕКТИВИЗАЦИИ 199

Куимов И.А.
ИНСТРУМЕНТЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
ДЛЯ АВТОМАТИЗАЦИИ РИЭЛТОРСКОГО БИЗНЕСА 202

Куликов А.В.
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ:
ОТ НАУЧНОЙ ИНИЦИАТИВЫ
К ПРОМЫШЛЕННОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ 206

Курдюков Д. В.
ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ШУМ
И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОТРУДНИКОВ В АПК 208

Лазарев С.Н., Любимов В.А., Перцев И.В.
ОБОСНОВАНИЕ ВЫБОРА СИСТЕМЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ
СРЕДСТВ СВЯЗИ НА ОСНОВЕ ЕЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ 211

Мусорин С.А.
ПРОБЛЕМА ВВЕДЕНИЯ НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В МЕДИЦИНЕ 214

Сахапова Т.Р.
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ
ПРОМЫШЛЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ГАЗОВОМ ПРОМЫСЛЕ 218

Фролов В.А.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НЕФТЕГАЗОВЫХ КОМПЛЕКСОВ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 220

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Алькаева Д.А.
НЕФТЬ КАК ВЕДУЩИЙ ПРИРОДНО - ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ 225

Анацкий О.А., Алехина Е.С.
ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССА ЦИФРОВИЗАЦИИ НА РЫНОК ДОБРОВОЛЬНОГО МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ В РОССИИ 227

Бобоев М.Р.
ЭВОЛЮЦИЯ И РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ИНДУСТРАЛИЗАЦИИ 231

Бокарев С.К., Бутова Т.В.
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ЭФФЕКТОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДИВЕРСИФИКАЦИИ РЕСУРСА ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА 235

Герзелиева Ж.И.
ОСОБЕННОСТИ ДИВИЕНДНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ В ПЕРИОД САНКЦИЙ 237

Демидов А.В.
КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ: МАСШТАБЫ, ПРОТИВОРЕЧИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ 240

Лавник А. Д.
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ В РЫНОЧНЫХ УСЛОВИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ОАО «БОБРУЙСКАГРОМАШ») 244

Лю Юйси
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ КИТАЙСКИХ ПРЯМЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В РОССИЮ 251

Ноноян Г.А.
ИЛЛЮЗИЯ СВОБОДНОГО ВЫБОРА В МОБИЛЬНЫХ БАНКОВСКИХ ПРИЛОЖЕНИЯХ 254

Савельева Н.А., Беликова С.М.
ИНТЕГРАЦИЯ АНИМАЦИОННЫХ ПРОГРАММ В РЕАБИЛИТАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В УСЛОВИЯХ САНАТОРНО - КУРОРТНОГО КОМПЛЕКСА 261

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бабинцева А.С.
К ВОПРОСУ О БАНКОВСКИХ СИСТЕМАХ В РФ И В ГЕРМАНИИ 265

Безносикова И.К.
К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ОРГАНОВ ФИНАНСОВОГО МОНИТОРИНГА В РОССИИ И В США 274

Ветлужских Н. В.
К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ СЧЕТНЫХ ПАЛАТ
В РОССИИ И ФРАНЦИИ 282

Елец Е.Д.
ПРАВО ПОЖИЗНЕННОГО НАСЛЕДУЕМОГО ВЛАДЕНИЯ
ЗЕМЕЛЬНЫМ УЧАСТКОМ 290

Кладницкая О. Ю.
ПОРЯДОК РАЗДЕЛА ОБЩЕГО БИЗНЕСА КАК СОВМЕСТНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ СУПРУГОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ 294

Лемачко А. В.
ПРОТОКОЛ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ
КАК ИСТОЧНИК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ 296

Леонович В.О.
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОХРАНЫ ДИКОЙ ФАУНЫ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ 299

Леонович В. О.
ИСПОЛНЕНИЕ НАКАЗАНИЯ В ОТНОШЕНИИ БЕРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН
И ЛИЦ, ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ В ДОМАХ РЕБЕНКА
В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ОТКРЫТОГО ТИПА 301

Макаревич С. Д.
ВЛИЯНИЕ РАЗБОЕВ НА КРИМИНОГЕННУЮ СИТУАЦИЮ 304

Макаревич С. Д.
ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА И ПОТЕРПЕВШЕГО ПО ДЕЛАМ О РАЗБОЯХ 307

Макаревич С. Д.
РАЗБОЙНЫЕ НАПАДЕНИЯ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА 310

Макаревич С. Д.
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАЗБОЯМ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ 313

Наумов Д.С., Маков А.В.
ВОПРОСЫ ПОВЫШЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ГИБДД МВД РОССИИ
В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ 316

Никитин И.И., Головачев В.И.
К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ
ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ 319

Петровская Д.С.
КРИТЕРИИ, ОБЯЗЫВАЮЩИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ СМЕНИТЬ СТАТУС ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 322

Петровская Д.С.
ПИРАТСТВО В МЕЖДУНАРОДНОМ ПУБЛИЧНОМ ПРАВЕ 325

СУПРУН М.Н.
РАЗВИТИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ 328

Супрун М.Н., Сёмкин Д.Г., Зайчук Г. И.
ПРАВОВАЯ ОХРАНА РЕДКИХ И ИСЧЕЗАЮЩИХ ВИДОВ РАСТЕНИЙ И ЖИВОТНЫХВ РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ 331

Усанова В. А., Исраелян М. Г.
ЭВОЛЮЦИЯ И ЭКОНОМИКО - ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ ФРАНЧАЙЗИНГА: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ 336

Ягунова Е.Е., Алтунян А.А.
К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ МЕДИАТОРА 339

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Лю Линь
РОЛЬ МЕХАНИКИ ЖЕСТОВ В АКУСТИЧЕСКОМ ФОРМИРОВАНИИ МУЗЫКАЛЬНОГО ЗВУКА 348

Лю Линь
АВТОРИТЕТ ПОВЕСТВОВАНИЯ И ДИСКУРСИВНОЕ ЛИДЕРСТВО В ТРАДИЦИЯХ УСТНОГО РАССКАЗЫВАНИЯ ИСТОРИЙ 354

Чэнь Юнсинь
РАЗНООБРАЗИЕ СТРАТЕГИЙ СОКРАЩЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ ПЕРСОНАЛА: КРИТИКА ЕДИНООБРАЗНЫХ ПОДХОДОВ К УВОЛЬНЕНИЯМ 361

Чэнь Юнсинь
ПОМИМО МАССОВЫХ УВОЛЬНЕНИЙ: СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОКРАЩЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ ПЕРСОНАЛА 369

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Мартынова А. В.
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 377

АГЕНТСТВО МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ И ВСЕРОССИЙСКИЕ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ
https://ami.im/aktual-konference

Авторам предоставляются
- Сборник статей (УДК, ББК и ISBN, открытый доступ, elibrary.ru)
- Индивидуальный сертификат участника
- Благодарность научному руководителю (при наличии)
- Программа научно-практической конференции

Условия публикации
- Соблюдение требований к материалам https://ami.im/trebovaniya-k-oformleniyu/
- Организационный взнос 120 руб. за стр.
- Минимальный объем статьи 3 страницы.

Сроки публикации и рассылки
- Электронные варианты на сайте в течение 3 дней после конференции.
- Рассылка электронных вариантов в течение 5 дней после конференции
- Печатные экземпляры, при заказе, будут высланы в течение 7 дней после конференции.

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ НОВАЯ НАУКА: ОТ ИДЕИ К РЕЗУЛЬТАТУ
https://ami.im/nnoikr

ISSN 3034-2198

Авторам предоставляются
- Сборник статей (ISSN, открытый доступ, elibrary.ru)
- Индивидуальное свидетельство автора
- Благодарность научному руководителю (при наличии)

Условия публикации
- Соблюдение требований к материалам https://ami.im/trebovaniya-k-oformleniyu/
- Организационный взнос 120 руб. за стр.
- Минимальный объем статьи 3 страницы.

Сроки публикации и рассылки
- Электронные варианты на сайте в течение 3 дней после окончания приема материалов.
- Рассылка электронных вариантов в течение 5 дней после окончания приема материалов

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ НОВАЯ НАУКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
https://ami.im/nnpip

ISSN 3034-218X

Авторам предоставляются
- Сборник статей (ISSN, открытый доступ, elibrary.ru)
- Индивидуальное свидетельство автора
- Благодарность научному руководителю (при наличии)

Условия публикации
- Соблюдение требований к материалам https://ami.im/trebovaniya-k-oformleniyu/
- Организационный взнос 120 руб. за стр.
- Минимальный объем статьи 3 страницы.

Сроки публикации и рассылки
- Электронные варианты на сайте в течение 3 дней после окончания приема материалов.
- Рассылка электронных вариантов в течение 5 дней после окончания приема материалов

Научное издание **Scientific publication**

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ «НОВОЙ НАУКИ»

Сборник статей
по итогам
Международной научно-практической конференции
14 мая 2026 г.

В авторской редакции

Авторы дали полное и безоговорочное согласие по всем условиям Договора о публикации материалов, представленного по ссылке https://ami.im/avtorskiy-dogovor/

Подписано в печать 16.05.2026
Формат 64x90/16.
Печать: цифровая.
Гарнитура: Tahoma
Усл. печ. л. 23,20.
Тираж 500.
Заказ 1096.

In the author's edition

The authors gave full and unconditional consent to all the terms of the Agreement on the publication of materials presented at the link https://ami.im/avtorskiy-dogovor/

Signed for printing on 16.05.2026
Format 64x90/16.
Printing: digital.
Typeface: Tahoma
Conv. print l. 23.20.
Circulation 500.
Order 1096.

АГЕНТСТВО МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
https://ami.im **e-mail: info@ami.im**

AGENCY OF INTERNATIONAL RESEARCH
+7 347 29 88 999

Отпечатано в издательском отделе
АГЕНТСТВА МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
450057, г. Уфа, ул. Пушкина 120

Printed by the publishing department
AGENCIES OF INTERNATIONAL RESEARCH
450057, Ufa, st. Pushkin 120